

2024. Том 18. № 4

ISSN 2218-1067

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2024. Том 18. № 4

Журнал «Вестник Пермского университета. Политология» является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семенов – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, ассистент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор К. А. Сулимов

© Редакционная коллегия, 2024

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

<i>Замятин К. Ю.</i> Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (II) Проблемы практики языковой политики и ревитализации при разработке программы сохранения языков	6
<i>Погорельский Д. М.</i> Секьюритизация межнациональных отношений в России (по материалам официального дискурса).....	20
<i>Горохов А. В.</i> Факторы кооптации оппозиции в региональных парламентах России (на примере электоральных кампаний 2019–2023 гг.)	30
<i>Гацковская В. А.</i> Трансформация образа Германии в политике памяти Чешской республики в 1989–2023 гг.	40
<i>Вершинина Д. Б., Бурмистрова Е. С.</i> Гендерный дисплей локальной политики: образы женщин-мэров в массмедиа (на примере мэров Парижа и Дублина).....	51
<i>Устинкин С. В., Самсонов А. И.</i> Культура доверия и смысловая трансформация массовых представлений о свободе и безопасности (на примере Нижегородской области).....	64
<i>Ильинова Н. А., Киреева И. В., Куква Е. С., Ляшова С. А., Жаде З. А.</i> Доверие к власти в условиях эпидемиологических угроз: индикаторы и механизмы укрепления (на примере пандемии COVID-19).....	81
<i>Борисенко М. С.</i> Один хорошо, а три лучше? Проблемы проведения реформ в системах многоуровневого управления. Случай военной реформы в Германии (2000–2003).....	92
<i>Кочухова Е. С., Вахрушева Е. А.</i> Семья как ценность в витринах государственной культурной политики России.....	102
<i>Сулимов К. А., Турцева К. П.</i> Законодательные экологические инициативы регионов России в федеральном парламенте: политико-стратегическая эффективность или проблемно- ориентированный подход?	111
<i>Михеев А. К.</i> Конкуренция или консенсус? Экологическое законодательство в условиях отсутствия зеленой партии: случай Государственной Думы Российской Федерации 4–7-го созывов.....	128
<i>Лекторова Ю. Ю., Семенова Д. М., Прудников А. Ю., Герасимова Ю. А.</i> ESG-повестка в системе управления территорией: политика промышленных предприятий и общественный запрос.....	140

Международные отношения

<i>Кавешников Н. Ю., Доманов А. О., Лупальцова А. И.</i> Влияние реформ основополагающих договоров на скорость законодательного процесса в Европейском союзе.....	153
--	-----

История и теория политики

<i>Рябов О. В., Рябова Т. Б.</i> «Спрячь бабушкин паспорт!»: дискурс возраста как ресурс конструирования образа врага.....	167
---	-----

Обзоры и рецензии

<i>Думарова Е. Ю.</i> Разнообразие как политическая проблема. Рецензия на книгу В. Малахова «Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность». М.: Новое литературное обозрение, 2023.....	178
К сведению авторов	182

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Assistant, Department of Political Science, Perm State University

CONTENT

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Zamyatin K.</i> Why can't we preserve linguistic diversity? (II) Problems of language policy implementation and revitalization in drafting a language preservation program.....	6
<i>Pogorelsky D.</i> Securitization of interethnic relations in Russia (based on materials from official discourse)..	20
<i>Gorokhov A.</i> Factors of cooptation of the opposition in the regional parliaments of Russia (evidence of electoral campaigns in 2019–2023).....	30
<i>Gatskovskaya V.</i> Transformation of the image of Germany in the Czech Republic's politics of memory in 1989–2023	40
<i>Vershinina D., Burmistrova E.</i> Gender display of local politics: images of female mayors in the mass media (examples of the mayors of Paris and Dublin).....	51
<i>Ustinkin S., Samsonov A.</i> The culture of trust and the semantic transformation of mass ideas about freedom and security (the case of Nizhny Novgorod region).....	64
<i>Ilyinova N., Kireeva I., Kukva E., Lyausheva S., Zhade Z.</i> Trust in government in the face of epidemiological threats: indicators and strengthening measures (using the COVID-19 pandemic case).....	80
<i>Borisenko M.</i> One is good, but three are better? Challenges of reforms implementation in multi-level governance systems. The case of military reform in Germany 2000–2003.....	92
<i>Kochukhova E., Vakhrusheva E.</i> Family as a value in the showcases of Russia's cultural policy	102
<i>Sulimov K., Turtseva Ch.</i> Legislative environmental initiatives of Russian regions in the federal parliament: political-strategic effectiveness or issue-related approach?.....	111
<i>Mikheev A.</i> Competition or consensus? Environmental legislation in the absence of a "green" party: the case of the State Duma of the Russian Federation of the 4th-7th convocations.....	128
<i>Lektorova J., Semenova D., Prudnikov A., Gerasimova J.</i> ESG agenda in the territory management system: industrial policy and public demand.....	140

International relationships

<i>Kaveshnikov N., Domanov A., Lupaltsova A.</i> How fundamental treaty reforms affect the speed of the legislative process in the European Union.....	153
--	-----

History and theory of politics

<i>Riabov O., Riabova T.</i> "Hide your grandmother's passport!": age discourse as a resource for constructing the image of the enemy.....	167
--	-----

Reviews

<i>Tsumarova E.</i> Diversity as a political problem. Review of the book by v. Malakhov politics of difference. Cultural pluralism and identity. M.: new literary observer, 2023.....	178
---	-----

Information for the authors	186
--	-----

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-6-19

ПОЧЕМУ У НАС НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ СОХРАНЯТЬ ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ? (II) ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И РЕВИТАЛИЗАЦИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ

К. Ю. Замятин

Замятин Константин Юрьевич, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
Институт языкознания РАН, Москва, Россия.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Аннотация

Проблемы сохранения языков России изучаются в рамках научных исследований и решения ищутся на практике в общественно-политической жизни, но ни в той, ни в другой сфере мы пока не наблюдаем какого-либо заметного прогресса. В статье проанализированы попытки применения наработок прикладной науки в практической работе, в частности при разработке проекта Программы сохранения и возрождения языков России, чтобы понять возникающие при этом трудности и их причины. Вследствие неразвитости в России направления исследования языковой политики, сегодня научно-прикладной работой занимаются в основном лингвисты в рамках языковой ревитализации, которая оказывается неспособной предложить адекватные решения в стране с государственноцентричной политической культурой. На практике усилия по ревитализации и документации подменяют работу по сохранению языков. Таким образом, не только прикладная наука пока не выработала качественной экспертизы в общественно-политической сфере использования языков, но и языковая политика и языковая ревитализация в качестве практической деятельности оказываются неэффективными. Результаты и выводы этого исследования поднимают проблемы социологии науки и могут представлять интерес для научно-экспертного сообщества.

Ключевые слова: сохранение языков; языковое многообразие; языковая ревитализация; языковой активизм; языковая политика; прикладная наука; научные исследования; практическая деятельность.

Введение

В последние годы властные структуры активизировались в сфере языковой политики, и появилось «окно возможностей» для включения языковых проблем в политическую повестку. На первом заседании вновь созданного Совета при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ 5 ноября 2024 г. были анонсированы переработка Закона «О языках народов РФ» 1991 г. и разработка Основ государственной языковой политики. О новом содержании этих документов пока можно только предполагать, но уже сейчас актуально проанализировать существующие наработки по вопросам регулирования языковой сферы.

В рамках внедрения механизма стратегического планирования включенные проблемы в последнее десятилетие принято решать с помощью программно-целевого подхода в управлении. Среди прочего по итогам последнего заседания предыдущего Совета при Президенте РФ по русскому языку 5 ноября 2019 г. правительству было дано поручение «обеспечивать, начиная с 2020 г. финансовую, нормативно-правовую и организационную поддержку» Институту языкознания РАН для «разработки и реализации программы “Институт языкознания РАН по сохранению и возрождению языков коренных народов России”». Такую же поддержку правительству было поручено обеспечивать Институту русского языка им. В. В. Виноградова РАН с целью создания Национального словарного фонда¹.

© Замятин К. Ю., 2024

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, которое прошло 5 ноября 2019 года [Электронный ресурс], 1 март 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918> (дата обращения: 12.03.2024).

В этом контексте снова актуально исследовать проблемы сохранения языкового многообразия в России. На вопрос «Как и зачем сохранять языки народов России?» автор с коллегами постарался ответить в научно-популярной монографии (Замятин и др., 2012). Вопрос «Почему не получается сохранять?» до сих пор открыт. Автор в своих исследованиях с разных сторон изучал проблемы сохранения языков и пришел к выводу, что препятствия существуют как на уровне практики, так и на уровне науки, как на теоретическом, так и на прикладном уровне. В частности, автор указывал на отсутствие на теоретическом уровне адекватной междисциплинарной основы исследований языка, власти и общества (Замятин, 2023) и вызванное им несоответствие научно-прикладных исследований практике (Замятин, 2024). Насколько сегодня в России научный арсенал адекватен на уровне практической деятельности в качестве ресурса знаний и навыков для обеспечения достижения цели сохранения языков?

В данной статье автор представляет результаты анализа дискурсов и наблюдений за практиками, в первую очередь включенного наблюдения за прикладной и практической деятельностью исследователей и/или активистов по наработке соответствующей экспертизы, чтобы понять состояние научной экспертизы в области сохранения языков и ее значение для практической деятельности. В 2021–2023 гг. автор принимал участие в работе по подготовке текста проекта Программы Института языкознания РАН по сохранению и возрождению языков России². Поскольку это текущая работа, автор в качестве иллюстрации своих рассуждений и выводов приведет только пару сюжетов, чтобы продемонстрировать системные проблемы, а про свои этнографические наблюдения напишет в отдельной статье.

Данные для исследования были собраны качественными методами в ходе прикладной и практической работы над проектом Программы Института языкознания РАН и в смежных проектах. До своего прихода в Институт языкознания РАН автор долго работал в западной академии, в том числе среди лингвистов и социолингвистов из разных стран, а до этого несколько лет практиковал в качестве юриста регионального министерства национальной политики. В России автор не только взаимодействовал с лингвистами по текущим рабочим задачам, но и участвовал в экспедициях, был на конференциях и других профессиональных мероприятиях. Это одновременно и взгляд со стороны на российские академические и политические реалии, и включенное наблюдение.

Такой интересный во многих смыслах опыт позволяет автору для триангуляции анализировать разные источники данных, в том числе в случае ограниченности данных сослаться к своей экспертной оценке для того, чтобы, изучая в сравнительной перспективе ситуацию с научными исследованиями, выявить похожие, то есть системные проблемы, препятствия и трудности, соотнести их с деятельностью практиков и показать, какие вызовы нерешенность теоретических проблем, в том числе нарушение дисциплинарных границ и отсутствие междисциплинарности, создает для прикладной науки и практической деятельности. В свою очередь, результаты исследования научных практик могут стать основой для преодоления границ академических дисциплин и синтеза исследований в междисциплинарных проектах.

В сборе и анализе данных, а также при интерпретации результатов анализа научной и практической деятельности по языковой политике и ревитализации возможен наукометрический подход, чтобы показать, например, сколько исследователей занимаются разными видами деятельности и почему. Эксперты, участвующие в языковой политике, или исследователи, занимающиеся активизмом, руководствуются сложными мотивами, включающими идеологические убеждения и научные интересы, преследуемые в заданной институциональной среде. Также результаты деятельности зависят от таких факторов, как наличие или отсутствие необходимых для работы знаний и навыков, возможное стремление их приобрести, соотношение интересов дела и личных научных интересов и других этических вопросов. В количественном исследовании сложно не редуцировать мотивацию людей, поэтому его автор оставит на будущее, а в данной статье ограничится только наиболее общим замечанием для расстановки акцентов, что для сохранения языков имеет значение не столько деятельность десятков ученых и сотен активистов, сколько ежедневная работа тысяч учителей и других практиков, а главное – функционирование институций.

По своей структуре статья содержит два подраздела. В первом подразделе автор представляет контекст научно-прикладной и практической работы по разработке программы относительно определения ее формата и содержания. Во втором подразделе анализируются дискурсы и практики в науч-

² В текущей версии проект «Федеральной Программы по сохранению и развитию языков России» от 9 сентября 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/federal'naja_programma_soxraneniya_jazykov_2024.pdf (дата обращения: 12.11.2024 г.); работа над проектом продолжается.

но-прикладной и практической деятельности по сохранению языков по трем направлениям деятельности: документации, ревитализации и сохранения языков. Тут важно исследовать не только дискурсы исследователей и/или активистов о том, что они делают, но и практики, то есть их действия с целью целенаправленного изменения мира и себя, чтобы понять, что они на самом деле делают. Автор демонстрирует, как недостаточная экспертиза отражается на практике ревитализации в научно-практической деятельности исследователей как усилия «снизу».

Прикладная наука и практическая деятельность по разработке Программы

«Государственная» или «научная» программа?

Языковое планирование – это деятельность по реализации языковой политики. Согласно классической работе по языковой политике и планированию Р. Купера, из видов языкового планирования к практической работе лингвистов может относиться только планирование корпуса, то есть такие виды деятельности, как создание новых терминов, алфавитов или правил, а также составление списка языков, чем можно заниматься и под эгидой «лингвистической документации». Планированием статуса языков, в том числе их функций и доменов их использования в обществе, и их использования в сфере образования для распространения языковых знаний и навыков занимаются практики политики и образования, то есть политики, чиновники, директора школ, учителя и т. п. (Cooper, 1989).

В приведенной выше формулировке поручений президента РФ относительно поддержки разработки Программы Института языкознания РАН неясно, идет ли речь только о планировании корпуса или обо всех типах языкового планирования в отношении других языков народов России. Вместе с тем относительно поддержки Института русского языка РАН ясно, что речь идет о планировании корпуса русского языка. В тексте поручений нет однозначного указания на формат Программы Института языкознания РАН, но, если принимать во внимание аналогию с заданием Институту русского языка РАН, то это скорее «научная программа» по поводу планирования корпуса, при этом ориентированная на исследования языковой ревитализации.

Подобным образом формат Программы трактуется во взаимодействии разрабатывающего ее текст Института языкознания РАН и курирующего эту деятельность от правительства Министерства высшего образования и науки. Министерство ожидает в качестве результата работы только «методические рекомендации», то есть не признает себя «заказчиком» такого проекта Программы. Иными словами, в правительстве не появилось «интересанта» – министерства или ведомства, которое могло бы выступить в качестве «заказчика» Программы. Вместе с тем в стране с государственноцентричной политической культурой решать проблему «сохранения языков» можно только в рамках «государственной программы», реализуемой министерством или ведомством и разрабатываемой на основе исследований языковой политики.

Каким виделся формат Программы самим инициаторам? Выделение инициаторами «сохранения и возрождения языков России» в качестве отдельных аспектов в названии Программы отличает ее от традиционной, официально принятой для названия программ формулы «сохранения и развития языков». Программа разрабатывалась на основе Концепции Программы³, в которой эксплицитно не указывается смысл выделения двух аспектов «сохранения и возрождения языков России» в названии, но он, по сути, совпадает с перспективами двух исследовательских программ – программы исследования языковой политики и программы исследования языковой ревитализации, которые часто реализуются разными научными сообществами (Замятин, 2024).

До сих пор в России не разрабатывалось таких программ по «сохранению и возрождению», и подобное совмещение политики «сверху» и усилий «снизу» могло бы стать сильной стороной проекта Программы. Однако на практике в этом заключается и ее основная слабость. Такая постановка дуализма целей не имеет основы в действующем законодательстве. Если «сохранение языкового многообразия» – это официальная и потенциально реализуемая цель государственной национальной и языковой политики, то цели «возрождения языков» (используемого как синоним языковой ревитализации) в рамках текущей политики не ставится. В работе по согласованию текста Концепции государственной языковой политики РФ⁴ автор пытался продвинуть широкое определение языкового много-

³ Концепция Программы по сохранению и возрождению языков России одобрена советником Президента РФ В. И. Толстым 13 августа 2020 г. Не публиковалась.

⁴ Концепция государственной языковой политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 № 1481. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> (дата обращения 20.06.2024).

образия, которое включило бы индивидуальное, коллективное и официальное двуязычие и многоязычие, но не удалось добиться включения даже такого положения в документ, который определяет многообразие функционирующих языков, диалектов и говоров народов РФ. Вопрос «возрождения языков» в повестке не стоит. Такую цель трудно обосновать прагматически и еще труднее операционализировать и реализовать. Ввиду этого в условиях ограниченности ресурсов, присущих любой политике, маловероятно, что цель ревитализации языков станет в обозримом будущем частью государственной политики. Маловероятно, что государство сегодня будет выделять средства, необходимые для возрождения «мертвых» и «умирающих» языков.

Не только цели, но и предлагаемые подходы Программы не соответствуют цели «сохранения языков». Идея в том, что предлагаемые подходы должны соответствовать типам языковых ситуаций «средних языков» или «малых языков» и в последнем случае зависеть от того, можно ли их считать согласно критериям «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО находящимися «под угрозой исчезновения», «исчезающими» или «на грани исчезновения». «Изменение социальных практик, повышение престижа языка, в первую очередь в бытовом общении», предлагается как подход для решения проблем «средних языков» и «малых языков», метод языковых гнезд для «исчезающих» «малых языков», а лингвистическая документация для «малых языков» «на грани исчезновения» (Кибрик, 2020).

Такая формулировка подходов предполагает в первую очередь именно языковую ревитализацию, а планирования статуса и в сфере образования тут в качестве задачи не ставится. На основе таких подходов к языковому планированию можно стремиться к цели «возрождения языков», но не «сохранения языков». Последнее может систематически осуществляться только через деятельность государственных органов и публичных институций. При этом фокус на планировании престижа также потенциально мог бы являться сильной стороной Программы.

Поскольку в России из социолингвистики до сих не выделилось направления исследований языковой политики, да и становление самой социолингвистики как науки сталкивается с трудностями (о месте социолингвистики среди других наук в российском контексте см. Алпатов, 2020; Евсеева, 2021), языковым планированием в прикладном аспекте продолжают заниматься даже не социолингвисты, которых мало, а лингвисты (Замятин, 2023, 2024). Последние успешно занимаются составлением списка языков в Институте языкознания РАН (Коряков и др., 2022), но не остальными типами планирования, которыми должны заниматься профилирующиеся в них практики и эксперты.

Итак, задача, поставленная перед Институтом русского языка РАН как научным учреждением, распространяется только на планирование корпуса русского языка. При этом документы стратегического планирования в отношении русского языка, в том числе государственные программы РФ, разрабатываются властными структурами⁵. Например, федеральные целевые программы «Русский язык» и государственная программа РФ «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» разрабатывались в Министерстве просвещения или МИДе. В таком контексте по аналогии, независимо от своего названия, Программа Института языкознания РАН, в случае ее принятия, будет иметь статус «научной программы», которая может обеспечивать планирование корпуса других языков, но не может охватить планирование статуса и планирование в сфере образования. В качестве темы научных исследований Программа могла бы быть направлена на исследование и этих типов языкового планирования. Однако проект Программы не содержит такой темы.

Научная экспертиза и содержание Программы

По нашей экспертной оценке, в России в настоящее время нет качественной научной экспертизы в исследованиях языковой политики, чтобы писать «государственную программу». При этом, исходя из названия Программы, можно допустить, что в ее рамках могло бы разрабатываться планирование престижа, но в России на сегодня не хватает также научной экспертизы языковой ревитализации, чтобы писать адекватную задаче «научную программу». Это при том, что недавно произошла некоторая институционализация исследований языковой ревитализации в форме научных подразделений и основных направлений их работы. С 2019 г. в Институте языкознания РАН существует Лаборатория исследования и сохранения малых языков, главной задачей которой является «документирование, исследование и сохранение малых и исчезающих языков России и мира».

⁵ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 12 марта 2024).

В 2021 году было создано новое подразделение Института языкознания РАН – Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России (далее – Научный центр), в котором до недавнего времени работал и автор. Практическая задача Научного центра состоит в разработке упомянутого проекта Программы. Когда стало ясно, что готовится не «государственная программа» («федеральная программа»), то есть программа для реализации государственной политики, а «научная программа», то есть исследовательская программа, причем ориентированная на языковую ревитализацию, автор вышел из этой работы, так как, по той же экспертной оценке, даже в маловероятном случае утверждения такой программы, вследствие отсутствия междисциплинарной перспективы макроуровня у нее нет шансов сколько-нибудь заметно повлиять на сохранение языков в России.

Кристаллизация такого формата стала результатом как внешних, в том числе общеполитических причин, так и внутренних, академических причин, чему, с учетом зависимости науки от общества и государства, есть объяснения в рамках социологии науки (Григорьев, 2018). Проблемам социологии науки автор посвятит отдельную статью, а тут коротко представим только обобщенные результаты наблюдений за практиками в российской академии. По нашей оценке, работа над Программой стала скорее поводом для того, чтобы продвинуть в российской науке исследовательскую программу языковой ревитализации. Ввиду этого в научном смысле интересен не столько сам текст проекта Программы, составленный по нашему предложению на основе анализа лучших практик республиканских программ сохранения и развития языков, сколько концептуализация проблематики сохранения языков.

В дальнейшем проект Программы писали, тематику и подходы определяли в основном лингвисты, которые подходят к вопросу сохранения языков в основном с ракурса ревитализации, то есть как работы «снизу», при том, что сам подход к решению проблемы через разработку Программы является примером подхода «сверху». Поскольку становление направления исследований ревитализации в России происходит как заимствование из международной научной повестки, соответственно, и сама тематика была взята оттуда. При этом в названии Программы нет направления «документация», а в названии структурного подразделения Института языкознания РАН она выделяется. Как видно уже из названия Научного центра, целями и соответствующими подходами стали сохранение «средних языков», ревитализация «исчезающих» «малых языков» и документация «малых языков» «на грани исчезновения». Теоретически возможна трактовка, при которой это три последовательных этапа комплексного подхода: сперва языки документируются «в целях ревитализации», потом возрождаются и далее сохраняются.

Такая классификация трех видов, или направлений деятельности по тематике подразумевает, что языковая документация и ревитализация не являются собственно сохранением языков. Далее является, что задача документирования решается с целью ревитализации. Иными словами, документация в ее прикладном аспекте не является ревитализацией, хотя и могла бы при определенных условиях считаться предварительной работой, если подразумевать под этим сбор данных. Действительно, языковая ревитализация тесно связана с документацией, но, по свидетельству наиболее авторитетных в этой области ученых, ревитализация редко бывает основной целью документации; скорее, такой целью является само лингвистическое исследование (Austin & Grenoble, 2007). В следующем подразделе рассмотрим в соответствующем порядке состояние экспертизы в каждом из трех направлений деятельности.

Три практические задачи

Документация

Что касается лингвистической документации, то в целом лингвисты знают, как ей профессионально заниматься, однако, по нашей оценке, не в части заявленной подготовки к ревитализации⁶. Релевантной для ревитализации частью документации могло бы являться социолингвистическое исследование. Однако те части лингвистических исследований, которые заявляются как «социолингвистический обзор», не соответствуют критериям социолингвистического анализа, поскольку не основаны на методах социолингвистического исследования, о которых подробно написано в литературе, в том числе на русском языке (см. Беликов и Крысин, 2001; Вахтин и Головкин, 2004). Методологически обоснованные социолингвистические исследования социальных и гуманитарных феноменов, которые

⁶ Итоговые документы Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/departments/languages_of_russia (дата обращения: 12.03.2024).

лингвисты называют «экстралингвистическими факторами», должны проводить только профессиональные социолингвисты, этносоциологи и лингвистические антропологи, у которых есть критерии по выборке, стандартизированные анкеты и другой инструментарий. Впрочем, это уже будут не социолингвистические, а социологические интервью для описания социолингвистической ситуации в социолингвистическом исследовании либо для социологического описания языковой ситуации в рамках социологического исследования.

По нашим наблюдениям, отметим только, что прежде всего целям исследований не соответствуют анкеты. В них обычно нет вопросов, раскрывающих отношение к языкам, например, на каком месте язык стоит в структуре идентичности людей. Информации, собранной на основе дескриптивных вопросов, достаточно только для лингвистического описания, но нельзя считать это социолингвистическим описанием. Распространена ошибка, когда в качестве утверждений только цитируются слова исследуемых, которые зачастую только воспроизводят услышанные где-то языковые идеологии. Это значит, что у исследователей отсутствует рефлексия и видение базового различия между дискурсами и практиками, а используемый инструментарий не позволяет исследовать практики, без чего нельзя адекватно оценивать социолингвистическую ситуацию. Такое положение, на наш взгляд, является следствием отставания российской полевой лингвистики, свидетельством чему те ошибки, которые делают лингвисты в поле. Об этом подробнее в отдельной статье, а тут в качестве иллюстративного анекдотического свидетельства приведу только один типичный эпизод.

Приезжает лингвистическая экспедиция в небольшой поселок на краю земли. Для местного сообщества приезд чужих – это главная новость. Местные спрашивают: «Вы кто, откуда?». «Мы – лингвисты из Москвы». Вопросы местных заканчиваются, потому что для них это далеко и непонятно, но их наблюдения продолжают. Участники экспедиции идут в магазин и покупают воду, два литра за 330 руб. (на тот момент около 5 евро). Это местным понятно, потому что у них есть для такого поведения фрейм: на край земли ехать очень дорого, и доезжающие чужаки – это обычно «богатые экстремальные туристы», ищущие экзотические места. Естественно, такой фрейм не облегчает работу экспедиции, которая, впрочем, рассматривает излишней для документации и поэтому даже не ставит цели нахождения с «информантами» «общего фактора» (в терминологии классика антропологии Э. Эванса-Причарда, см. Evans-Pritchard, 1940). На этом фоне, наш разговор с пьяным интерлокатором из местных, идеальным источником, которого мы не спаивали, начинается с его слов: «а, Вы с этими [...]; смотрите, чтобы и Вас не съели медведи».

Сюжет показателен во многих отношениях. Западные ученые в своих исследованиях пришли к выводу, что ключевая проблема тут в том, что описательная (полевая) лингвистика дистанцируется от говорящих, а в худшем случае устанавливает с ними отношения эксплуатации, когда рассматривает их как объекты и средства для достижения целей. Например, имеет место практика, которая в западной науке называется «парашютными» или «вертолетными исследованиями». Зарубежные (или столичные) исследователи проводят полевые исследования в странах третьего мира (или в регионах), а завершают исследования дома без какого-либо дальнейшего взаимодействия с местными коллегами и сообществами. Часто на время такого рода исследований для оказания логистической поддержки привлекаются местные исследователи, которые, однако, не получают должного признания за их участие в исследованиях, а их опыт игнорируется (о проблемах деколонизации лингвистики, в том числе при ревитализации, см. Hudley et al., 2024).

На сегодня в качестве важного этического принципа в исследованиях исчезающих языков общепризнанно стремление «отдавать что-то взамен» сообществам и содействовать расширению прав и возможностей их участников (Hinton et al., 2018). В языковой ревитализации такое взаимодействие предполагает балансировку властных отношений между исследователями и исследуемыми в попытке согласовать приоритеты для обращения языкового сдвига вспять (Fishman, 1991). Для нахождения баланса партнерские отношения между исследователями и сообществами должны основываться и поддерживаться на понятиях взаимной выгоды, этического взаимодействия, уважения, взаимности и доверия. Когда этого нет, приводятся свидетельства, что сообщества чувствуют, что их знания используются чужаками для продвижения карьеры, и предостерегают другие сообщества от взаимодействия с лингвистами. Четкое рассмотрение набора навыков, которые конкретный лингвист привносит в сообщество, и того, что сообщество может получить от таких отношений, имеет решающее значение для предотвращения конфликтных ситуаций (Pine & Turin, 2017). Иными словами, в западной науке достигнуто понимание, что роль лингвистов в языковой документации и проектах возрождения сегодня стала еще более сложной, спорной и политической.

На основе личного опыта участия в лингвистических экспедициях и работы в научном сообществе можем засвидетельствовать, что отмеченные проблемы остро стоят в работе российских

лингвистов. Характерно, что работа по документации и ревитализации сконцентрирована в Москве и Санкт-Петербурге, и отчасти в Новосибирске и Томске. Имеет место эксплуатация исследуемых и другие нарушения этических норм. Представляется, главная причина тут в недостаточности навыков полевой работы и этнографических компетенций лингвистов на практике. Конечно, нужно оговориться, что, не имея наукометрических данных, мы говорим тут только об общем уровне в сообществе лингвистов, поскольку мы также заметили, что в наиболее продвинутых центрах компетенций, например в Высшей школе экономики, исследователи, особенно антропологические лингвисты, задаются актуальными методологическими и этическими вопросами. Но это именно дисциплинарная проблема российской полевой лингвистики, потому что российские антропологи, чью работу мы также наблюдаем, помимо прочего, в антропологических экспедициях, давно вышли на мировой уровень.

Ревитализация

В то время как основные усилия научного сообщества российских лингвистов направлены на документацию языков, возрождение языков, или ревитализацию, в настоящее время ведется, по нашей оценке, не исследовательская, а активистская работа. Это скорее любительская, чем научная работа, которая, как продемонстрировано в примерах выше, до сих пор недостаточно принимает во внимание международный научный опыт в части сбора данных и, как будет показано ниже, неправильно апроприрует этот опыт в части анализа данных и их интерпретации.

Чтобы понять описанные практики и мотивацию, как сами лингвисты воспринимают то, что они делают, интересно изучать их устные дискурсы по поводу ревитализации. По нашим наблюдениям, для большинства лингвистов ревитализация языков – «это только работа» за зарплату, повод для полевых исследований. Им интереснее заниматься документированием языков, поскольку оно позволяет ездить в экспедиции в экзотические места и собирать личный материал для собственных лингвистических исследований. Это не противоречит наличию у лингвистов этической установки и мотивации к сохранению языков, поскольку наличие языков является предпосылкой их работы. Но мало тех, кто готов учиться и приобретать навыки и знания, необходимые для работы по ревитализации, поскольку это означает приобретение новой специальности. Есть мотивация и инструменты работать с языками, но не с людьми: местные остаются далекими и непонятными.

В части содержания прикладной работы по ревитализации, конкретные задачи Научного центра по ревитализации и сохранению языков не были основаны на собственных собранных полевых данных, а, по сути, свелись к систематизации доступных данных и созданию базы лучших зарубежных и российских практик «по ревитализации языков» и их адаптации для применения в России⁷. Из них для ревитализации в России «средних» и «малых» языков в качестве основных предлагается использовать соответственно известные и опробованные в мире методы «языкового гнезда» и «мастер – ученик» (подробнее о методах см. Замятин и др., 2012).

В части адаптации применения этих методов работа пока не сделана, потому что нет понимания, как работает политическая система. В текущий период предлагаемые методы не могут быть применены в России. Например, уже в докладе Российской Федерации 2010 года о выполнении положений Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств⁸ говорится об «отказе от использования в сфере развития образования на национальных языках так называемой методики “языкового гнезда”, используемой в Финляндии», потому что она якобы является «проявлением сегрегации детей по этническому принципу». Также на протяжении уже многих лет автору на разных форумах приходится слышать про одну и ту же проблему, что в России нельзя преподавать языки без профессионального педагогического образования, а это является препятствием для использования, например, метода «мастер – ученик» в целях межпоколенческой передачи исчезающих языков (см., например, Законодательное обеспечение..., 2020).

Таким образом, Научный центр не стал пока центром научных компетенций по ревитализации, и работа осуществляется только на уровне языкового активизма исследователей, который приобрел любительские формы (если использовать термин Мухарямова и Януш, 2022). Сейчас в части

⁷ Основные направления работы Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России, [Электронный ресурс], *Институт языкознания Российской академии наук*. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/departments/languages_of_russia (дата обращения: 12.03.2024).

⁸ Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга [Электронный ресурс]. 9 апр 2010 г. URL: <https://tm.coe.int/168008b7a6> (дата обращения: 12.03.2024).

языковой ревитализации лингвисты руководствуются не научным, а «повседневным знанием» (см. Berger & Luckmann, 1966). Современное знание социально распределено, и у каждой области знания имеется свое особое семантическое поле, которое отличает соответствующую специальность или профессию и техники ее воспроизводства. Лингвисты не являются экспертами или даже специалистами по ревитализации, поэтому при текущем раскладе не стоит ожидать прорывных исследований.

Документация подменяет ревитализацию из корпоративного интереса трудоустройства молодых сотрудников, хотя выделенные на сохранение языков ресурсы очень ограничены. Понятно, что таким образом академия пытается приспособиться к сегодняшним реалиям с их недостатком финансирования. Молодых специалистов по ревитализации можно было бы подготовить, но налицо провал в среднем звене – нет старших исследователей, многие из которых уехали. Ввиду этого нет передачи актуальных навыков и знаний младшим исследователям и аспирантам. При этом определенный потенциал есть, но сейчас не происходит синергии усилий. Впрочем, антропология образования и антропология науки – это отдельные сюжеты, которые в данном исследовании мы только обозначили.

Сохранение языков «снизу» и «сверху»

В рамках работы над Программой формально была заявлена задача проведения исследований по сохранению языков, которое, согласно Концепции Программы, должна достигаться через «изменение социальных практик, повышение престижа языка, в первую очередь в бытовом общении». Действительно, на сегодня планирование престижа, или «популяризация» языков – это самое актуальное направление исследований, в том числе и в мировой науке. Однако одним из основных принципов языковой политики большинства стран, в том числе и России, является невмешательство государства в свободу использования языков в частной сфере. Это значит, что доступны только инструменты поощрения, а не обязательного использования языков. Таким образом, если попытаться популяризировать языки, как предлагается, общегосударственными информационными кампаниями, то без научного обоснования в программной теории связи вводных и результатов политики в виде системы индикаторов эффективности, как с рекламой, можно потратить много ресурсов на неочевидные результаты. А чтобы таргетированно заниматься «популяризацией» языков в рамках возможной «государственной программы», нужны не только соответствующие организационные, регуляционные и финансовые, но и тщательно подобранные информационные инструменты политики (Gazzola, 2023).

В рамках «научной программы» можно попытаться разработать методические рекомендации, но для этого нужна соответствующая экспертиза. Престиж – это категория в первую очередь социальных, экономических и управленческих наук. Поднятие престижа – это вопрос планирования статуса, то есть задача для междисциплинарных исследований макроуровня и «государственной программы». Научно-прикладное обеспечение тут возможно только с перспективы исследования языковой политики. Ограничение сферы работы по сохранению языков «бытовым общением» и усилиями «снизу» по определению не может быть решением задачи сохранения языков. Существенным механизмом могло бы стать осознанное информационное воздействие на уровне дискурсивной политики. Гуманитарное знание могло бы сыграть ключевую роль в понимании дискурса и его роли в воспроизводстве властных отношений: дискурс структурирует существующий социальный порядок и поддерживающий его интерактивный порядок, и его очень сложно поменять.

У лингвистов такое понимание дискурса могло бы быть, но пока необходимых прозрений тоже нет. В качестве иллюстрации приведем второй сюжет про отсутствие этнографических компетенций, которое сводит на нет мероприятия по популяризации языка. Автор бывал на десятках подобных мероприятий в разных регионах. Приезжают «лингвисты из Москвы» и организуют типичное мероприятие про то, как важно сохранять и развивать языки. Местные активисты демонстрируют воодушевление. Это все происходит, естественно, на общем языке большинства, но понимания между ними нет. Любой антрополог скажет, что эффект таких мероприятий минимален. Если посмотреть на ситуацию глазами местных активистов, то с советских времен люди привыкли к такому формату собрания, знают свои социальные роли в этой игре, которую можно в данном случае назвать «давайте сохранять / возрождать языки». В реальной жизни активисты на практике чувствуют совсем другое, обычно пренебрежительное, отношение к языкам, но будут привычно играть свои роли, участвуя в заданном формате интерактивного порядка и произнося все предписываемые языковыми идеологиями активистам слова. Попытки вмешательства через призывы «сохранять языки» в условиях отсутствия взаимопонимания не приносят плодов и не будут иметь влияния на престиж языков. Для лингвистов как внешних наблюдателей непрозрачны конкретные практики из жизни людей, и они не рефлексируют по поводу «игр в возрождение языка».

Мы уже писали (Замятин, 2023), что взаимосвязь общества и государства характеризуется сегодня системой государственного контроля, когда активисты зависимы от властей и их языковой политики. Для того чтобы заниматься активизмом, нужна агентность, которой сегодня практически нет. Несмотря на риторику об «участии институтов гражданского общества» в реализации политики, на практике власти не приветствуют самостоятельное проявление инициативы «снизу». Активизм возможен только если власти разрешат, а точнее, закажут и профинансируют определенную деятельность. Работа нескольких самоорганизованных активистов ничего не изменит – изменить может официально санкционированная системная деятельность организаций или деятельность в рамках других институциональных форм языковой политики. Чтобы знать, как добиваться политических результатов в такой системе, необходимо изучать прикладные аспекты политической науки.

Агентностью обладают эксперты, когда консультируют власти по проблеме или даже предлагают варианты решения. Разработка Программы сохранения и возрождения языков России явила собой пример проявления такой агентности. Однако эксперты обладают агентностью настолько, насколько обладают авторитетом в глазах политиков, потому что могут создать высококачественный продукт. Подготовка Программы велась как разовая акция по принципу «каши из топора», то есть на основе экспертизы привлеченных специалистов – юристов и экономистов. При этом не любой специалист является экспертом, а становится таковым только после специального обучения, стажировки и/или аттестации (Нестеров, 2009). В результате получившийся продукт не был обеспечен качественной экспертизой.

В качестве иллюстрации этого приведем еще свидетельство из устных дискурсов лингвистов об установке на работу, которую можно выразить в условной максиме: «мы напишем Программу так, как мы видим, и пусть они думают, как это реализовывать». Максимализм требований, выдвигаемых лингвистами, не только по сохранению, но и возрождению языков, а значит, лингвистической документации, не помогает делу, а оправдывает символическую политику властей, ограничивающихся минимальной поддержкой, потому что все равно «все сохранить невозможно». За выглядящим этически безупречным требованием «всего и сразу» стоит не интерес дела, а корпоративный интерес, который вступает в противоречие с основными нормами науки, в первую очередь с принципом незаинтересованности и бескорыстия в исследованиях (Merton, 1973).

Получается такой «круговорот показухи». Лингвистам неинтересно заниматься сохранением языков и/или они не умеют. Теория «малых дел» на микроуровне ревитализации легитимирует практику технократов по чисто символической поддержке печатанием отдельных книг, разработкой игр, экспедициями и фокусом на «малые языки». Всем этим отчитываются, например, ФАДН по Плану реализации Международного десятилетия языков коренных народов⁹ или Минпросвещения по Плану мероприятий по реализации Концепции преподавания родных языков (до половины мероприятий!)¹⁰.

Настоящий текст работающего документа может появиться только в переговорах с другими политическими акторами, то есть когда столкнется с реальной политикой с ее ограниченностью ресурсов и борьбой за них. Для этого систематическая практическая работа по сохранению языков и продвижению этой задачи в политическую повестку должна обеспечиваться трансдисциплинарным «эпистемологическим сообществом» (Михайлова, 2018). Формируя такое сообщество, эксперты объединяются в сеть на основе разделяемых ценностей и знаний в отношении проблемы, будучи представителями разных дисциплин – в данном случае антропологов, этносоциологов и этнополитологов, а также экономистов и юристов. Они также формируют сообщество практик, чтобы обеспечивать создание и поддержание среды для производства и передачи знаний и навыков.

Таким образом, сейчас не ведется исследований по сохранению языков, какими они должны быть в России, в первую очередь как политики «сверху». В Научном центре не ведется работы по сохранению и развитию языков в смысле policy, то есть нет собственно науки. Так не было запланировано, но так получилось вследствие неразвитости этих направлений исследований и академической инерции. Одновре-

⁹ Информация Федерального агентства по делам национальностей о ходе реализации в 2022 году Плана основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов, утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2022 года № 204-р. [Электронный ресурс]. URL: https://fadn.gov.ru/assets/files/5122/Informatsia_o_khode_realizatsii_v_2022_godu_Plana_osnovnykh_meropriyatii_po_provedeniyu_v_2022_2032_godakh_v_Rossiyskoy_Federatsii.docx (дата обращения: 12.03.2024).

¹⁰ Информация о ходе выполнения Плана мероприятий Министерства просвещения Российской Федерации по реализации Концепции преподавания родных языков народов Российской Федерации, утвержденной на заседании Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации 1 октября 2019 г., на 2020–2024 гг. Направлена письмом Министерства просвещения Российской Федерации 22 декабря 2022 г. № МП-П-7011 депутату Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. И. Гильмутдинову. Не публиковалась.

менно нужно отметить, что определенные подвижки в институционализации программы исследований языковой политики есть. На протяжении нескольких лет в Высшей школе экономики работает первая магистерская программа по языковой политике. Однако, пока в учебный план магистерской программы в основном включены курсы по социолингвистике, в то время как к языковой политике можно с натяжкой отнести только пару курсов. Летом 2023 г. автор присутствовал на защите выпускных квалификационных работ по этой программе, и там только одна работа была частично связана с языковым законодательством, а остальные работы были исключительно по социолингвистике.

Заключение

Сохранение (обычно «средних») языков и ревитализация (или возрождение, обычно «малых») языков – это разные задачи. Сохранение языкового многообразия является в России официальной задачей, в то время как языковая ревитализация – это инициатива в первую очередь научного сообщества и реже самих сообществ. На уровне практической деятельности сохранением языков в первую очередь занимаются практики из государственных структур без достаточного научного обоснования. В научном сообществе проблематикой сохранения языков сегодня занимаются почти исключительно лингвисты, которые на практике подменяют научно-прикладную и практическую работу по сохранению языков языковой ревитализацией, а ее, в свою очередь, сводят к лингвистической документации и относят к (прикладной) лингвистике.

Социология науки свидетельствует, что специфические для предметных областей практики выражают корпоративные интересы соответствующих научных сообществ и воплощены в институциональных и образовательных системах. В российской академии пока недостаточно экспертов и не ведется подготовка специалистов в направлении исследования языковой политики и языковой ревитализации, потому что при сохраняющейся высокой дисциплинаризации российской науки не произошло их институционализации в науке и образовании в качестве междисциплинарных исследовательских программ. Более того, в России пока во многом остается неотрафлексированным соотношение экспертной, исследовательской и активистской ролей в научно-прикладной деятельности.

В действительности меры по «сохранению» и «возрождению» языков направляются не на языки как таковые, а на индивидов, группы, сообщества и общество в целом, а значит, являются предметом исследований не лингвистики или социолингвистики, а антропологии (лингвистической антропологии, антропологии науки, антропологии образования, антропологии организаций), социологии (социологии языка, социологии образования, социологии организаций, социологии групп), политологии (государственного управления и государственной политики). Практикой языковой политики компетентны заниматься политологи и юристы. Практикой языковой ревитализации помимо самих активистов компетентны заниматься антропологи и владеющие этнографическими методами социолингвисты.

Без должной проработки проблемы междисциплинарности в условиях дефицита экспертизы происходит двойное необоснованное нарушение дисциплинарных границ: во-первых, когда в основном (социо)лингвисты изучают и практикуют языковую политику вместо политологов, а также юристов и экономистов, и, во-вторых, когда в основном лингвисты изучают и практикуют языковую ревитализацию вместо квалифицированных социолингвистов, этнологов и антропологов. Без соответствующего набора необходимых навыков и знаний не происходит трансдисциплинарного синтеза, который обеспечил бы холистический подход к исследованиям сохранения языков.

В контексте социологии науки причины такого положения понятны. В условиях недостатка экспертов по языковой политике и ревитализации нишу занимают (социо)лингвисты. При этом забывается очевидный факт, что экспертиза привязана к конкретной предметной области, а научные дисциплины (и их цели) зависят от специфичных им культур, поэтому вероятность междисциплинарного недопонимания чрезвычайно высока. Мультидисциплинарными исследованиями компетентны в первую очередь заниматься ученые, имеющие ученые степени по двум или более академическим дисциплинам. Для успешного участия в междисциплинарной работе исследователь должен стать специалистом хотя бы еще в одной дисциплине, на что уходят годы и десятилетия.

В некоторых случаях междисциплинарность возможна для смежных областей без овладения второй специальностью, однако лингвисту, чтобы стать социолингвистом, недостаточно прочесть Словарь социолингвистических терминов (2006). Социолингвисты обычно имеют базовое лингвистическое образование, но специализировались в социолингвистике. Антропологи порой специализируются в лингвистике, в то время как переход в обратную сторону трудоемок и редок, так как это не смежные области. Само по себе наличие опыта полевых исследований и знакомства с практиками ревитализации недостаточно, так как генералистский аргумент о компетенции по совокупности науч-

ных заслуг не работает в исследованиях комплексной прикладной задачи сохранения языков в условиях конкретной общественно-политической среды.

Чтобы заниматься ревитализацией, исследователи должны владеть этнографическими методами. Отсутствие у занимающихся ревитализацией лингвистов азов этнографических знаний и навыков означает отсутствие у них экспертизы в исследованиях языковой ревитализации. При отсутствии соответствующей подготовки не происходит адекватного взаимодействия с людьми и сообществами и понимания их практик, как в приведенном случае «игр в возрождение языка». Далее, отсутствие у (социо)лингвистов азов знаний об общественно-политических реалиях означает отсутствие у них экспертизы в исследованиях языковой политики. Например, чтобы писать официальные документы типа Концепции или Программы нужен определенный круг компетенций, в первую очередь навыки построения публичного дискурса. Кроме того, исследователи, работающие с социолингвистическими, социологическими или антропологическими темами и использующие этнографические методы, должны рефлексировать по поводу своей роли исследователя в отношении к объекту исследования и необходимости соблюдать этические стандарты.

Вследствие нарушения дисциплинарных границ, когда работой по сохранению языков занимаются (социо)лингвисты, возникает ряд этических и практических проблем, в частности по поводу профессионализма и дилетантизма. Следование личным научным и групповым корпоративным интересам сообщества лингвистов вступает в противоречие с основными нормами науки, такими как незаинтересованность и бескорыстие в исследованиях. Лингвисты занимают нишу других специалистов по разным мотивам. Конечно, не всегда мотивацией лингвистов оказывается желание только брать у сообществ, а есть и желание спуститься из «башни из слоновой кости» и отдавать, но для этого нет соответствующих навыков. Часто исследователи не просто хотят помочь сохранению языков, но и под эгидой новых модных направлений исследований решают свои текущие, в первую очередь финансовые, проблемы. Например, для успешности получения финансирования грантодатели часто включают как условие или в качестве плюса в оценке заявок социальный импакт исследований. Итак, проводятся мероприятия, пишутся статьи, пишутся отчеты, а реальных практических результатов, выразившихся бы в смене дискурсов и практик, нет и не предвидится.

По этим причинам реализация новых научных идей на практике запаздывает и работа по обеспечению задачи сохранения языков в основном не выходит за рамки языковой ревитализации. Однако последняя мало что может предложить для практической деятельности в стране с государственноцентричной политической культурой. В современной политической ситуации при такой культуре программа исследований ревитализации в России менее актуальна.

Исследователи из области социальных наук обычно не занимаются изучением практик(и) и поэтому часто не способны увидеть за социальными явлениями и понять значения социальных действий для конкретного человека. В свою очередь, ученые-гуманитарии хотят добиться социального эффекта своих исследований, но часто сталкиваются с трудностями практического применения своих знаний из-за отсутствия понимания социальных процессов. Эффективность прикладных усилий научно-экспертного сообщества в сохранении языков зависит от преодоления разрыва между гуманитарными и социальными науками и грамотного планирования междисциплинарных исследований.

В статье автор продемонстрировал, что такой разрыв в российской науке о языках в обществе пока не преодолен. Готовых универсальных решений в западной науке на сегодня нет, а российской научной традиции, чтобы разработать собственные, также нет. Практическая работа исследователей включает инициативы не только по языковой ревитализации, но и по языковой политике. Специализированных юристов и лингвополитологов пока мало. Лингвисты реализуют прикладные проекты по сохранению языков, руководствуясь в первую очередь своими личными научными интересами или групповыми корпоративными интересами, мало заботясь о реальных результатах, и даже готовят проекты официальных документов, которые по определению не могут быть утверждены.

Россия в своей конституции официально гарантировала сохранение языкового многообразия, то есть государством поставлена задача сохранения «живых» языков, в то время как задачи возрождения языков не ставится, равно как и не ставится задачи языковой документации. Российская академия пока не может обеспечить задачу сохранения языков научной экспертизой. В условиях отсутствия качественной экспертизы не стоит ожидать прорывов в сохранении языкового многообразия на научно-прикладном уровне. Такая ситуация устраивает технократов во властных структурах, которые выдают в своих отчетах результаты такой научно-практической деятельности за работу по сохранению языкового многообразия¹¹.

¹¹ По просьбе редакции автор по всему тексту заменил использовавшееся в рукописи и обычное для представления результатов этнографического исследования личное обращение от первого лица («Я») на множественное или третье лицо («мы/автор»). (Прим.)

Список литературы / References

- Алпатов, В. М. (2020) ‘Социолингвистика и другие лингвистические дисциплины’, *Социолингвистика*, 1, сс. 9–16. [Alpatov, V. M. (2020) ‘Sociolinguistics and other linguistic disciplines’ [Sotsiolingvistika i drugie lingvisticheskie distsipliny], *Sociolinguistics*, 1, pp. 9–16. (In Russ.)].
- Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001) *Социолингвистика: Уч. для вузов*. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т. [Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001) *Sociolinguistics: Textbook for universities* [Sotsiolingvistika: Uch. dlya vuzov]. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)].
- Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В. (2004) *Социолингвистика и социология языка*. СПб.: Гуманитарная академия. [Vakhtin N. B., Golovko, E. V. (2004) *Sociolinguistics and sociology of language* [Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka]. St. Petersburg: Humanitarian Academy. (In Russ.)].
- Григорьев, В. Е. (2018) *Социология науки: учебник*. Москва: Проспект. [Grigoriev, V. E. (2018) *Sociology of Science: Textbook*. [Sotsiologiya nauki: uchebnik]. Moscow: Prospekt. (In Russ.)].
- Евсеева, Я. В. (2021) ‘Исследования языка в социолингвистике и других социальных науках: проблемы и перспективы: введение к тематическому разделу’, *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, 1, сс. 9–19. [Evseeva, Ya. V. (2021) ‘Language studies in sociolinguistics and other social sciences: problems and prospects: introduction to the thematic section’ [Issledovaniya yazyka v sotsiolingvistike i drugikh sotsial’nykh naukakh: problemy i perspektivy: vvedenie k tematicheskomu razdelu)], *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, 1, pp. 9–19. (In Russ.)].
- Законодательное обеспечение сохранения, развития и изучения языков народов Российской Федерации: состояние и перспективы. Материалы «круглого стола» 16 декабря 2019 г. М.: Издание Государственной Думы. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/752lnJBjXAGNJEZXFcdWICe2udpStp9x.pdf> (дата обращения 12 марта 2024 г.). [Legislative support for the preservation, development and study of languages of the peoples of the Russian Federation: state-of-art and prospects. Materials from the round table on December 16, 2019 [Zakonodatel’noe obespechenie sokhraneniya, razvitiya i izucheniya yazykov narodov Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy. Materialy «kruglogo stola» 16 dekabrya 2019 goda]. Moscow: Publication of the State Duma. Available at: <http://duma.gov.ru/media/files/752lnJBjXAGNJEZXFcdWICe2udpStp9x.pdf> (Accessed 12 March 2024). (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023) ‘Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке’, *Социолингвистика*, 3 (15), сс. 29–52. [Zamyatin, K. Yu. (2023) ‘Research on Language Policy as Public Policy in Russian and World Science’ [Issledovaniya yazykovoy politiki v rossiyskoy i mirovoy nauke], *Sociolinguistics*, 3 (15), pp. 29–52. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2024) ‘Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) Сохранения языков России, языковая политика и языковая ревитализация’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 18 (3), сс. 137–149. [Zamyatin, K. Yu. (2024) ‘Why can’t we preserve linguistic diversity? (I) Preservation of the languages of Russia, language policy and language revitalization’ [Pochemu u nas ne poluchaetsya sokhranyat` yazykovoe mnogoobrazie? (I) Sokhraneniye yazykov Rossii, yazykovaya politika i yazykovaya revitalizatsiya], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18 (3), сс. 137–149. (In Russ.)].
- Замятин, К., Пасанен, А., Саарикиви, Я. (2012) *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки: Вммалан Кирьяпайно Ою. [Zamyatin, K., Pasanen, A. & Saarikivi, J. (2012) *Whether and How the Languages of the Peoples of Russia Can Be Maintained* [Kak i zachem sokhranyat` yazyki narodov Rossii]. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy. (In Russ.)].
- Кибрик, А. А. (2020) ‘Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы’, *Социолингвистика*, 1, сс. 17–28. [Kibrik, A. A. (2020) ‘Preserving Russia’s linguistic diversity: outlines of the program’ [Sokhraneniye yazykovogo mnogoobraziya

- Rossii: kontury programmy], *Sociolinguistics*, 1, pp. 17–28. (In Russ.).
- Коряков, Ю. Б., Давидюк, Т. И., Харитонов, В. С., Евстигнеева, А. П., Сюрюн, А. А. (2022) *Список языков России и статусы их витальности*. Монография-препринт. М.: Институт языкознания РАН. [Koryakov, Yu. B., Davidyuk, T. I., Kharitonov, V. S., Evstigneeva, A. P., Syuryun, A. A. (2022) *List of Russian languages and their vitality statuses* [Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vital'nosti]. Monograph-preprint. Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russ.).]
- Михайлова, О. В. (2018) 'Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления', *Вестник Томского государственного университета*, 46, сс. 167–175. [Mikhailova, O. V. (2018) 'Epistemic communities in the process of promoting ideas on the public administration agenda' [Epistemicheskie soobshchestva v protsesse prodvizheniya idey v povestku dnya gosudarstvennogo upravleniya], *Bulletin of Tomsk State University*, 46, pp. 167–175. (In Russ.).]
- Мухарьямов, Н. М. и Януш, О. Б. (2022) *Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики* / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество. [Mukharyamov, N. M. and Yanush, O. B. (2022) *Language Set-Up of the Russian Society: Factors of Political Dynamics* [Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: faktory politicheskoy dinamiki.] / Ed. G. Lotfullina. Kazan: Otechestvo. (In Russ.).]
- Нестеров, А. В. (2009) *Основы экспертной деятельности*. Москва: ГУ-ВШЭ. [Nesterov A.V. (2009) *Fundamentals of expert activity* [Osnovy ekspertnoy deyatel'nosti]. Moscow: State University-Higher School of Economics. (In Russ.).]
- Словарь социолингвистических терминов* (2006) Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. [*Dictionary of Sociolinguistic Terms* (2006) [Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov]. Rep. ed. V. Yu. Mikhailchenko. Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russ.).]
- Austin, P. and Grenoble, L. (2007) 'Current trends in language documentation' in: P. Austin (ed.). *Language Documentation and Description* 3. London: The Hans Rausing Endangered Languages Project, pp. 12–25.
- Berger, P. L. and Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
- Cooper, R. (1989) *Language Planning and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evans-Pritchard, E. E. (1940) *The Nuer: A description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Oxford University Press.
- Hudley, A., Mallinson, Ch., Bucholtz, M. (2024) *Decolonizing Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Fishman, J. (1991) *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
- Gazzola, M. Language Policy as Public Policy. Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 41–72.
- Hinton, L., Huss, L. and Roche, G. (eds.) (2018) *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. New York: Routledge.
- Merton, R. (1973) 'The Normative Structure of Science' in: N. W. Storer (eds.). *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 267–278. (Original work published 1942).
- Pine, A. and Turin, M. (2017) 'Language Revitalization' in: M. Aronoff (eds.). *Oxford Research Encyclopaedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 51–70.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2024
Статья принята к печати: 30.10.2024

**WHY CAN'T WE PRESERVE LINGUISTIC DIVERSITY? (II)
PROBLEMS OF LANGUAGE POLICY IMPLEMENTATION AND REVITALIZATION IN
DRAFTING A LANGUAGE PRESERVATION PROGRAM**

K. Zamyatin

Konstantin Zamyatin, senior research fellow,
HSE University, Moscow, Russia,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Abstract

The problems of language preservation in Russia are studied within the framework of scientific research. Practical solutions are sought in socio-political activity, however, no significant progress has been achieved. In this article I analyze the attempts to apply the developments of applied science in practice, in particular, in the development of the draft Program for the Preservation and Revitalization of the Languages of Russia, in order to understand the problems that arise and their causes. Due to the poorly developed program of language policy research in Russia, current applied scientific work is mainly carried out by linguists within the framework of language revitalization, which proves to be unable to offer adequate solutions in a country with a state-centered political culture. In practice, revitalization and documentation efforts replace language maintenance efforts. Thus, not only applied science has not yet developed high-quality expertise in the socio-political sphere of language use, but language policy and language revitalization as a practical activity remain ineffective too. The results and conclusions of this study raise problems in the sociology of science and may be of interest to the scientific expert community.

Keywords: language maintenance; linguistic diversity; language revitalization; language activism; language policy; applied science; scientific research; practical activity.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-20-29

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА)

Д. М. Погорельский

Погорельский Дмитрий Михайлович, аспирант, факультет государственного управления, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
E-mail: dpogorelskiy@gmail.com (ORCID: 0009-0008-1376-5543).

Аннотация

Изучение процессов секьюритизации государственной политики является востребованным направлением исследований в современной политологии. Основываясь на подходе Копенгагенской школы, автор описывает секьюритизацию сферы международных отношений в России как отдельного референтного объекта, находящегося под угрозой. Эмпирическое исследование основано на контент-анализе материалов официального дискурса, нижней хронологической рамкой является 2012 г. Среди прочих в источниковую базу вошли выступления президента Российской Федерации, касающиеся национальной безопасности и обеспечения правопорядка, и стенограммы заседаний Совета по международным отношениям с участием главы государства. Релевантность использования этих источников обусловлена тем, что именно в них формулируются общие подходы, впоследствии получающие развитие в документах стратегического планирования и иных нормативных актах. Результаты анализа свидетельствуют о стабильном присутствии тематики безопасности в публичном дискурсе, посвященном международным отношениям и реализации государственной национальной политики. Более того, зафиксирована интенсификация риторики секьюритизации в последние годы, а также присутствие значительной доли секьюритизирующих актов, связанных с упоминанием внешних вызовов и угроз. Предполагается, что эти явления связаны с объективными геополитическими угрозами национальной безопасности Российской Федерации, в том числе ее этнополитическому компоненту.

Ключевые слова: секьюритизация; Копенгагенская школа; национальная безопасность; международные отношения; официальный дискурс; президент России.

Введение

За последние 30 лет в политической науке был сформулирован целый ряд подходов к изучению феномена безопасности. Одним из магистральных направлений научного поиска стало развитие так называемых критических исследований (*critical security studies*). Интерес к ним обусловлен как общей неудовлетворенностью ученых традиционными инструментами анализа, так и объективным расширением понятия «безопасность», его выходом за пределы военно-политического понимания. Подход критических исследований состоит в использовании наработок конструктивистских, постпозитивистских и иных теорий (Hendershot & Mutimer, 2018). В связи с этим востребованным оказались теоретические наработки Копенгагенской школы (О. Вэйвер, Б. Бузан), приверженцы которой отмечали возможность рассмотрения безопасности как дискурсивной практики (Богачев и Фридман, 2024). Согласно этому подходу актор секьюритизации заявляет о существовании экзистенциальных угроз референтному объекту, которым может быть государство, отдельная сфера общественной жизни и т. д. Своим речевым актом субъект безопасности воздействует на аудиторию, оправдывая принятие чрезвычайных защитных мер для ликвидации угрозы. Таким образом, исследовательский интерес фиксируется не на объективных угрозах, а на действиях актора секьюритизации, которым чаще всего выступают государство и политический режим. Безопасность в трактовке Копенгагенской школы, как и двух других критических школ – Парижской, фокусирующейся на повседневных административных и технократических практиках, и Уэльской, выступающей за расширение пространства безопасности в первую очередь на человека, становится результатом применения технологии. При этом последняя используется для достижения конкретных политических задач, не выступая необходимым общественным благом.

Цель настоящей статьи – изучить процесс секьюритизации сферы межнациональных (межэтнических) отношений в современной России, для чего были проанализированы теоретические подходы к данной тематике и проведен анализ эмпирической базы. Автор полагает, что в политических целях российской элитой активно используется риторика, секьюритизирующая межэтнические отношения в России и имеющая соответствующие правовые и управленческие последствия. В целом российские и зарубежные ученые проявляют интерес к наработкам критических подходов. Активно изучаются процессы секьюритизации государственной политики России и ее отдельных отраслей. В контексте настоящей статьи стоит отметить исследования секьюритизации языковой (Yusupova, 2022) и миграционной (Григорьева, 2021a) политик, смежных с этнополитикой. Учитывая прямую связь между стремлением государства к обеспечению безопасности и вопросов идентичности, отметим, что особую группу публикаций составляют исследования процессов секьюритизации идентичности в России (Фадеева и Плотников, 2021). Однако, по мнению автора, в научной литературе недостаточно разработана проблема секьюритизации межнациональных отношений как отдельного референтного объекта и использования ее в качестве одного из инструментов управления межэтническими отношениями. Данная проблема лишь частично затрагивалась другими исследователями в контексте изучения смежных вопросов. Так, норвежский ученый Я. Остбе отмечал важную роль тезиса о поликонфессиональности России в контексте секьюритизации духовно-нравственных ценностей (Østbø, 2017: 206). Другие ученые обращали внимание на эвристический потенциал теории секьюритизации при анализе этнорелигиозного экстремизма и радикализма (Татунц и Пискарев, 2018). Между тем устойчивое смещение акцентов в реализации государственной национальной политики в сторону обеспечения безопасности и соответствующее восприятие ее задач политической элитой выступают факторами, в целом влияющими на политический процесс в России.

Межнациональные отношения как референтный объект

С началом третьего президентского срока В. В. Путина процесс секьюритизации государственной политики, замедлившийся в 2008 г., стал нарастать (Ruutu, 2017; Loftus, 2019: 165). Исходя из теоретических наработок Копенгагенской школы, исследователи соглашаются с инструментальным характером процесса конструирования безопасности и секьюритизации российской политики в целом. Она призвана обеспечить поддержку принимаемых политико-управленческих решений, консолидировать население, повысить легитимность правящего режима, оправдать и рационализировать проводимую внешнюю политику (Tolz, 2017; Kragh et al., 2020; Frear & Mazepus, 2021). Логика политики обеспечения безопасности заключается в подчеркивании исключительной роли сильного государства, объявляемого единственным гарантом стабильности и развития. Именно усилению роли государства служат основные направления национальной и общественной безопасности, из-за чего в России сложилась самоподдерживающаяся система «устойчивой секьюритизации». С ее помощью и определяется номенклатура угроз, значительная часть которой выходит за рамки традиционных опасностей (Solovyov, 2021: 166). В свою очередь, А. Осипов отмечает, что в российском общественном дискурсе в целом видны исключительно вопросы, которые связаны с обеспечением политической стабильности и порядка. Вопросы, которые не воспринимаются как проблемы национальной безопасности и социальной стабильности, в принципе не имеют шансов попасть в политическую повестку (Osipov, 2010: 58).

Секьюритизация темы межэтнических отношений имеет множество объективных причин, среди которых несформированность публичной сферы (Летняков, 2019), особенности политического режима, наличие относительно недавнего опыта межэтнических конфликтов и сепаратистских проявлений. Кроме того, в отличие от научного дискурса в политической сфере и на уровне низовых практик вопросы этнической идентификации, изучения национальных языков и так далее политизируются, переносятся в публичную плоскость и преподносятся с намеренно алармистских позиций. Зачастую это ведет к восприятию ситуации как игры с нулевой суммой, когда безопасность и устойчивое развитие большинства субъективно подразумевает незащищенность малых групп, и наоборот (например, рост числа граждан, разделяющих общероссийскую гражданскую идентичность, означает угрозу идентичности меньшинств и их маргинализацию) (Prina, 2020). Подобный процесс может происходить во многих областях – этнодемографии, культурной сфере. Соответственно, изучение национальной политики не может игнорировать процесс секьюритизации тех или иных проблем, а также саму практику секьюритизации как инструмента управления межэтническими отношениями или, напротив, вызова их гармоничному состоянию (Karolak-Michalska, 2020).

2012 год выбран хронологической границей исследования, поскольку именно тогда концепт государственной национальной политики получил идеологическое оформление и институциональное проявление (Зорин, 2019: 16). Утверждение первой редакции Стратегии государственной национальной политики РФ в 2012 г. было изначально связано с пониманием межэтнических отношений как сферы, непосредственно связанной с темой безопасности. Предвыборная статья В. В. Путина «Россия: национальный вопрос»¹, Указ Президента России «Об обеспечении межнационального согласия»² и принятая на их основании Стратегия уделяют существенное внимание проблематике безопасности. Так, реализация Стратегии была призвана стать «мобилизующим фактором, способствующим укреплению общероссийского гражданского самосознания <...>, обеспечению государственной безопасности, правопорядка и политической стабильности»³. Восприятие этнополитики в качестве сферы, занимающей промежуточное пространство между потребностями в обеспечении безопасности и многонациональности, проявляется во всем корпусе отраслевого законодательства и идеологического оформления российского проекта нациестроительства (принцип «единство в многообразии»).

С утверждением в 2018 г. новой, действующей в настоящее время редакции Стратегии государственной национальной политики РФ⁴ значение поддержания безопасности повысилось. Если в 2012 г. первой из пяти целей Стратегии было «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)», то в 2018 г. первой целью стало «укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов». В 2020 г. после принятия поправок в Конституцию⁵ на президента России помимо охраны суверенитета России, ее независимости и государственной целостности была возложена обязанность «поддерживать гражданский мир и согласие», что подразумевает и поддержание межнационального согласия (ст. 80). В целях «содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов <...>, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране...» президентом России формируется Совет безопасности (ст. 83). Таким образом, существовавшие ранее конституционные нормы, закрепленные в ст. 13 и ст. 29 и запрещавшие пропаганду национальной и иной ненависти и создание преследующих антиконституционные цели общественных объединений, были раскрыты в полномочиях президентской власти. Некоторые исследователи считают, что расширение полномочий главы государства и иные поправки могут задавать направление будущим изменениям в законодательстве и предоставлять возможность для дальнейшей секьюритизации политики в целях «поддержания гражданского мира и согласия» (Laine & Zamyatin, 2021). Одной из таких перспектив может стать создание министерства по национальной политике, подчиняющегося президенту России напрямую и входящего в состав силовых ведомств. С подобными предложениями неоднократно выступали представители законодательной власти, в частности Комитет Государственной Думы по делам национальностей⁶

Секьюритизация сферы межнациональных отношений фиксируется и в других факторах. Например, можно отметить внедрение в официальный дискурс термина «деструктивная идеология», содержание которого значительно шире рамок экстремистской идеологии (Кириленко и др., 2023: 12) и может интерпретироваться в зависимости от потребностей актора секьюритизации. Проявлением той же секьюритизирующей логики стало признание Верховным судом Российской Федерации экстремистским международного общественного «Антироссийского сепаратистского движения»⁷. Это решение продолжает практику запрета движений, у которых отсутствует символика, структура и иные признаки организации. Призывы к нарушению территориальной целостности России законодательно признаны видом экстремистской деятельности⁸, а в 2014 г. в УК РФ была добавлена ст. 280.1

¹ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос (2012) [Электронный ресурс], *Независимая газета*, 23 янв. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 16.06.2024).

² «Об обеспечении межнационального согласия»: Указ Президента РФ от 07 мая 2012 № 602 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35266> (дата обращения: 16.06.2024).

³ Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений (2013). М.: ГБУ «Московский дом национальностей». С. 70.

⁴ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 16.06.2024).

⁵ Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 16.06.2024).

⁶ См., напр.: Депутат ГД Семигин призвал создать «силовую» Федеральную миграционную службу [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet-dn.duma.gov.ru/press-centr/publikacii-i-vystupleniya/4f238c0e-9974-44f7-a2ea-4754b78e8b65> (дата обращения: 16.06.2024).

⁷ Организация признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 16.06.2024).

«Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ». По мнению экспертов, запрет деятельности движения «лежит в политической плоскости» и значительно упрощает процедуру уголовного преследования,⁹ что может интерпретироваться через призму идей Копенгагенской школы – как принятие чрезвычайных мер и вывод сепаратизма за пределы «нормальной» политики и уже существующих правовых норм.

Материалы и методы

Понимание Копенгагенской школой секьюритизации как перформативного речевого акта определяет в целом лингвистический подход к проведению эмпирических исследований, предполагающий анализ общественно-политических дискурсов. Как отмечает К. С. Григорьева, обнаружение секьюритизирующих дискурсов происходит путем «выявления их специфической риторической структуры, для которой характерно постулирование задачи выживания, срочности и превалирования действий над обсуждением» (Григорьева, 2021b: 219). Соответственно, помимо традиционного анализа нормативно-правовых актов и публичных выступлений членов политической элиты автором был применен контент-анализ, который проводился с применением программы MAXQDA.

В эмпирическую базу исследования вошли три группы источников. Первую из них составили стенограммы заседаний Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Этот совещательный орган, созываемый на регулярной основе, образован в целях обеспечения взаимодействия органов публичной власти и гражданского общества при реализации государственной национальной политики. Высокий статус Совета и представительный состав участников предполагают, что в ходе заседаний будут произноситься политические заявления, касающиеся обеспечения межнационального согласия и этнополитической безопасности. Вторую группу источников образовали выступления президента России В. В. Путина на ежегодных заседаниях коллегий федеральных органов власти (Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности, Генеральной прокуратуры РФ), в ведении которых находится обеспечение общественной и государственной безопасности. Эти мероприятия носят политический характер, подводят итоги деятельности указанных органов власти и определяют приоритетные направления их работы. Также отличительной чертой этих источников можно назвать периодичность, которая позволяет проследить изменения в официальном дискурсе.

Для подкрепления выводов исследования использовались интервью руководителя Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России). Этот пост с момента создания органа власти в 2015 г. занимает И. В. Баринов. Поиск интервью осуществлялся при помощи официального сайта ФАДН России¹⁰ и сети Интернет. В результате была сформирована выборка из 12 наиболее содержательных интервью российским СМИ, среди которых «Коммерсантъ»¹¹, «Парламентская газета»¹², ТАСС¹³ и др. Выбор данного типа источников объясняется тем, что ранее учеными уже проводились исследования как официального дискурса президента по теме национальной политики (Федякин, 2020), так и профильных документов стратегического планирования, в том числе текстов ежегодных посланий президента Федеральному Собранию (Бахлов и Бахлова, 2020). Представляется, что анализ интервью руководителя гражданского ведомства, реализующего государственную национальную политику и лишь косвенно относящегося к обеспечению безопасности, повысит ценность полученных результатов. Однако эта группа источников выступает лишь вспомогательным источником, поскольку обладает своей спецификой: интервью не носят регулярного характера, их содержание во многом зависит от интересов конкретного журналиста и СМИ, а также от времени и места беседы.

⁹ Зачем Минюст просит признать «Антироссийское сепаратистское движение» экстремистским. Объясняют юристы (2024) [Электронный ресурс], RTVI, 27 апр. URL: <https://rtvi.com/obyasnyаем/zachem-minyust-prosit-priznat-antirossijskoe-separatistskoe-dvizhenie-ekstremistskim-obyasnyayut-yuristy/> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁰ Официальный сайт ФАДН [Электронный ресурс]. URL: <https://fadn.gov.ru> (дата обращения: 16.06.2024).

¹¹ «Мы требуем выполнять государственную национальную политику, а не наши хотелки» (2015) [Электронный ресурс], *Коммерсантъ*, 30 июл. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2778226> (дата обращения: 16.06.2024).

¹² Игорь Баринов: Стравливать народы России активно пытаются на Кавказе, в Поволжье и Крыму (2024) [Электронный ресурс], *Парламентская газета*, 15 апр. URL: <https://www.pnp.ru/politics/igor-barinov-stravlivat-narody-rossii-aktivnopyutayutsya-na-kavkaze-v-povolzhe-i-krymu.html>; Игорь Баринов: За время СВО межнациональных конфликтов стало меньше (2023) [Электронный ресурс], *Парламентская газета*, 24 мая. URL: <https://www.pnp.ru/social/igor-barinov-za-vremya-svo-mezhnacionalnykh-konfliktov-stalo-menshe.html> (для всех источников дата обращения: 16.06.2024).

¹³ Игорь Баринов: У национальных проблем социальные или экономические корни (2016) [Электронный ресурс], ТАСС, 16 авг. URL: <https://tass.ru/interviews/3539655> (дата обращения: 16.06.2024).

Результаты

Результаты анализа ежегодных речей президента России В. В. Путина на заседаниях коллегий органов власти, отвечающих за обеспечение безопасности, свидетельствуют не только о постоянном внимании главы государства к проблеме обеспечения этнополитической безопасности, но и о его повышении (табл. 1). Символ «+» подразумевает слабое или умеренное внимание президента к изучаемой тематике: рядовые упоминания о важности пресечения «деятельности радикалов, пытающихся использовать националистические, экстремистские лозунги» (коллегия МВД, 2016), и оперативного реагирования «на проявления национализма, на попытки дестабилизации ситуации в стране» (коллегия Генпрокуратуры, 2021). Обозначение «++» фиксирует более интенсивное, объемное и эмоционально нагруженное внимание главы государства. Иллюстрацией подобного выступления может служить его речь на заседании коллегии ФСБ в 2024 г. В ней президент отметил наличие «попыток спровоцировать смуту, межнациональные конфликты, нарушить права, свободы граждан, использовать русофобию и любую другую идеологию нетерпимости». В 2023 г. на той же коллегии главой государства были подчеркнуты попытки «ослабить наше общество, использовать как оружие сепаратизм, национализм, неонацизм и ксенофобию» и «активизировать всю эту мразь на нашей земле». В данном примере глава государства обращается к технологии конструирования «внутреннего Другого», который оспаривает официальный нарратив о многонациональном российском народе, не разделяет общие ценности и угрожает национальным интересам России (Laine, 2021; Knott, 2023).

Таблица 1

Результаты анализа выступлений президента России В. В. Путина на коллегиях МВД, ФСБ и Генеральной прокуратуры¹⁴

Год	Коллегия МВД	Коллегия ФСБ	Коллегия Генпрокуратуры
2014	+	++	– ¹⁵
2015	++	+	+
2016	+	+	+
2017	+	+	+
2018	+	+	+
2019	+	+	+
2020	+	+	+
2021	+	+	+
2022	+	–	++
2023	+	++	++
2024	++	++	++

Результаты изучения заседаний Совета по межнациональным отношениям (рис. 1) подтверждают сделанные выше выводы. Проблематика обеспечения этнополитической безопасности находится в поле зрения не только профильных органов государственной власти, но и гражданского общества, представители которого входят в состав Совета. Также контент-анализ стенограмм показывает более чем двукратный рост числа актов секьюритизации, произнесенных на последнем заседании Совета, по сравнению с предыдущими годами.

Одним из важнейших факторов, влияющих на дискурс российской власти, выступает внешнеполитическая ситуация, а именно продолжающаяся специальная военная операция Вооруженных сил РФ. Согласно заявлениям официальных лиц, внешняя конфронтация повлекла за собой усиление давления на российскую государственность, против которой недружественными странами была начата масштабная кампания, направленная на дезинтеграцию и последующий распад России как суверенного государства. Элемент данной кампании – информационное и идеологическое воздействие, призванное расколоть социум по национальному признаку и использующее террористические и экстре-

¹⁴ Источник данных для табл. 1 и 2: Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁵ Здесь и в аналогичных случаях – стенограмма заседания отсутствует.

мистские методы, а также дискурс о «деколонизации» и «освобождении» коренных этносов, входящих в состав российской гражданской нации¹⁶. В данный нарратив входит и сюжет о роли внешнего фактора в распаде Югославии,¹⁷ активное использование которого начинается после 2014 г. (Энтина и Пророкович, 2022: 110). Именно упоминания об «агрессивном внешнем давлении», «внешней агрессии и угрозах», «информационно-гибридной войне» составляют около половины от общего числа актов секьюритизации, имевших место на Совете 2023 г.

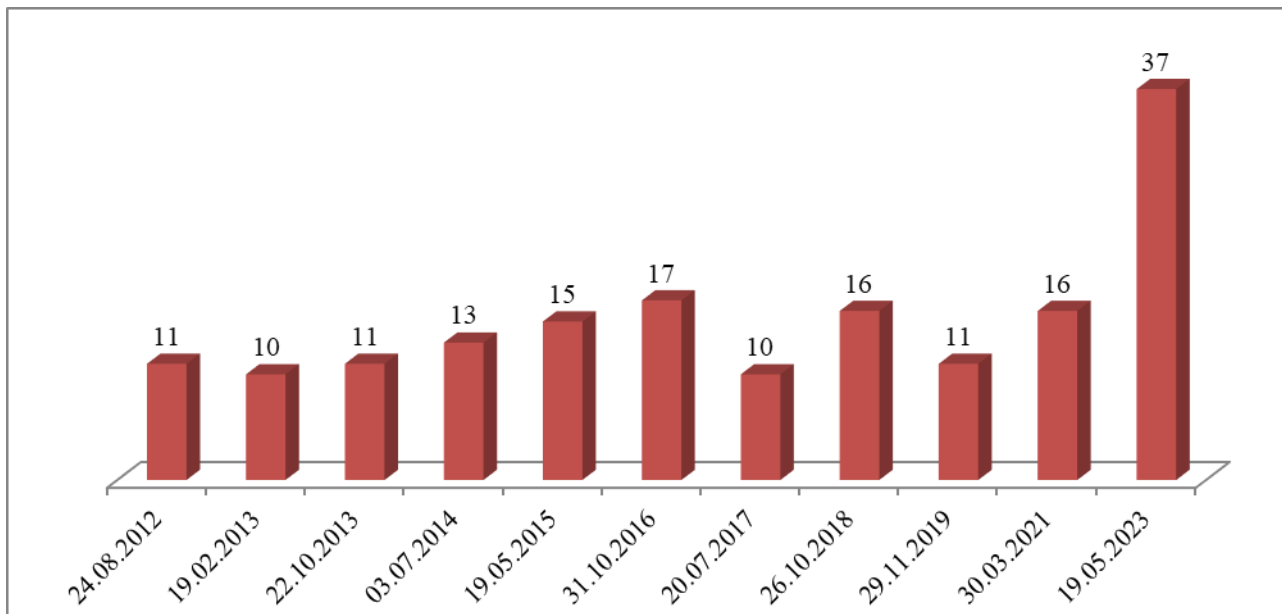

Рис. 1. Число секьюритизирующих речевых актов, имевших место на заседаниях Совета по межнациональным отношениям с участием президента России¹⁸

Анализ интервью руководителя ФАДН России (рис. 2) подтверждает выводы об изначальном восприятии национальной политики через призму безопасности, стабильном присутствии этой темы в публичной активности ведомства начиная с момента его создания в 2015 г. и наличии внешнеполитического воздействия как угрозы этнополитической безопасности. В качестве примеров секьюритизации можно указать упоминания попыток политических сил внутри страны использовать «национальную карту» (*Известия*, 18.02.2016; *РИА Новости*, 13.10.2017; *РИА Новости*, 04.04.2018) и деятельности внешних сил, направленной на дестабилизацию ситуации внутри России (*Парламентская газета*, 24.05.2023) и внедрение «в сознание российских граждан идеи сепаратизма и регионального изоляционизма» (*Известия*, 11.08.2023). При этом подобные утверждения публично воспроизводятся представителями и других ветвей власти, в частности законодателями. Так, тезис о дестабилизирующем воздействии внешних сил на состояние межэтнических отношений выступает одним из основных сюжетов публичных заявлений Комитета Государственной Думы по делам национальностей, о чем свидетельствуют материалы, предоставляемые его пресс-центром¹⁹. Автором было идентифицировано шесть соответствующих информационных сообщений, сделанных с начала проведения СВО. Они касаются попыток внешнего воздействия на диаспоры, деструктивной деятельности зарубежных этнических антрепренеров, выступающих от лица

¹⁶ Путин предупредил о «москвичах и уральцах» в случае развала России (2023) [Электронный ресурс], *РБК*, 26 фев. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/02/2023/63fb07d49a794704d80eb239> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁷ См., напр.: Патрушев: Запад хочет разделить Россию, как Югославию (2023) [Электронный ресурс], *URA.RU*, 10 янв. URL: <https://ura.news/news/1052616999> (дата обращения: 16.06.2024).

¹⁸ Здесь и на рис. 2 под речевым актом понимается логически завершённый фрагмент текста, тематически связанный с обеспечением безопасности в сфере межнациональных отношений; противодействием внешним и внутренним угрозам; использованием национализма и сепаратизма в качестве инструмента дестабилизации и т. д. Идентификация и кодировка речевых актов проходила в полуавтоматическом режиме, с последующей ручной корректировкой. При подсчете не учитывались упоминания об этнических конфликтах, этнопреступности, экстремистских, террористических, миграционных угрозах, если они обсуждались вне контекста устойчивости и стабильности межнациональных отношений и соответствующих вызовов и угроз.

¹⁹ Официальный сайт Комитета Государственной Думы по делам национальностей [Электронный ресурс]. URL: <http://komitet-dn.duma.gov.ru/press-centr/publikacii-i-vystupleniya> (дата обращения: 16.06.2024).

народов России²⁰ и т. д. Даже приводится цифра – более 170 млн долл. США, которые были потрачены Западом «на подрыв межнационального мира»²¹. В этом и ряде других случаев подобные речевые акты не только декларируют наличие угроз, но предполагают принятие конкретных мер: расширение инструментария противодействия вызовам, увеличение соответствующих государственных расходов.

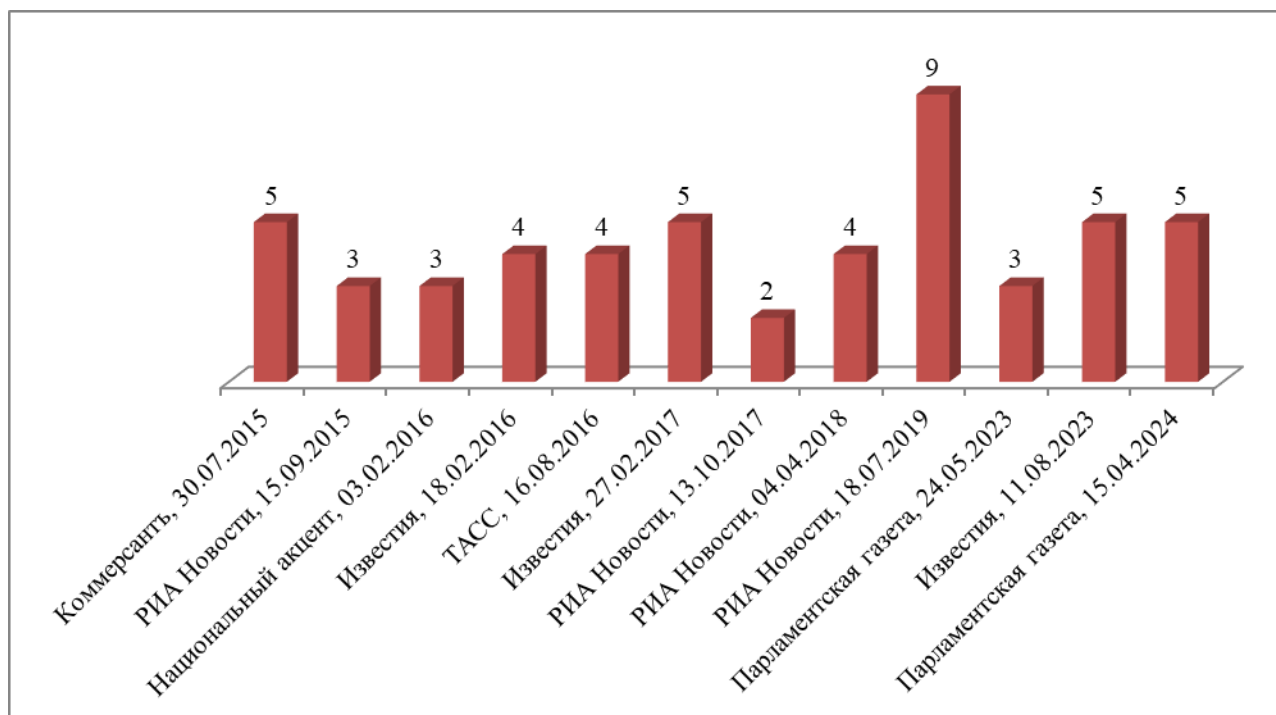

Рис. 2. Число секьюритизирующих речевых актов в интервью руководителя ФАДН России

Заключение

Целью настоящего исследования стала попытка изучения процесса секьюритизации сферы межнациональных отношений в России. Полученные результаты свидетельствуют об активной роли государства как актора секьюритизации. На основании изучения источников официального характера можно заключить, что, начиная с 2012 г. межнациональные отношения воспринимаются в качестве потенциального пространства существования экзистенциальных угроз территориальной целостности, суверенитету и безопасности России. Более того, было зафиксировано укрепление подобного понимания проблемы, которое совпало с изменением внешнеполитической конъюнктуры и объективным ростом числа вызовов и угроз национальной безопасности, в том числе ее этнополитическому компоненту.

Упоминания о наличии угроз и необходимости защиты межнационального согласия занимают важное место в дискурсе президента России и других представителей политической элиты, а также профильной нормативно-правовой базе. Помимо прочего секьюритизирующая риторика выступает инструментом, легитимирующим расширение властных полномочий и выделение дополнительных ресурсов для купирования угроз. Она направлена как на общественность в целом, так и на различные целевые аудитории. На заседаниях Совета по межнациональным отношениям глава государства общается с представителями гражданского общества; на коллегиях задаются ориентиры работы правоохранительных и надзорных ведомств; в случае с представителями законодательной власти адресатом выступают ответственные органы власти, этнические активисты. Таким образом, проведенный

²⁰ См., напр.: Семигин: Провокаторы из-за границы спекулируют на национальной теме, объявляя себя представителями народов (2023) [Электронный ресурс], *Национальный акцент*, 15 мая. URL: <https://nazaccent.ru/content/40549-semigin-provokatory-iz-za-granicy-spekuliruyut-na-nacionalnoj-teme-obyavlyaya-sebya-predstavitelyami-narodov/> (дата обращения: 16.06.2024).

²¹ Геннадий Семигин: К разработке закона об основах национальной политики мы уже приступили (2023) [Электронный ресурс], *Парламентская газета*, 17 июля. URL: <https://www.pnp.ru/politics/gennadiy-semigin-k-razrabotke-zakona-ob-osnovakh-nacionalnoy-politiki-my-uzhe-pristupili.html> (дата обращения: 16.06.2024).

анализ дополняет исследования процессов секьюритизации политики в России. При этом важно отметить, что полученные результаты потребуют дальнейшего подтверждения после обновления Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г., поскольку уже известно о «корректировке некоторых подходов» и приоритетном характере укрепления единства российской нации²².

Список литературы / References

- Бахлов, И. В., Бахлова, О. В. (2020) 'Этнополитические вызовы: отражение в теоретическом дискурсе и инструментарии государственной национальной политики', *Право и управление. XXI век*, 1 (54), сс. 42–50. [Bakhlov, I. V., Bakhlova, O. V. (2020) 'Ethno-political challenges: reflection in the theoretical discourse and tools of state national policy' [Jenopoliticheskie vyzovy: otrazhenie v teoreticheskom diskurse i instrumentarii gosudarstvennoj nacional'noj politiki], *Journal of Law and Administration*, 1 (54), pp. 42–50, DOI: 10.24833/2073-8420-2020-1-54-42-50 (In Russ.)].
- Богачев, М. И., Фридман, А. Д. (2024) 'Безопасность как дискурсивная практика: идентичность и формирование дискурса социальной безопасности', *Вестник Пермского университета. Политология*, 18 (1), сс. 135–144. [Bogachev, M., Fridman, A. (2024) 'Security as a discursive practice: identity and the formation of the discourse of societal security' [Bezopasnost' kak diskursivnaja praktika: identichnost' i formirovanie diskursa societal'noj bezopasnosti], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18 (1), pp. 135–144, DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-135-144 (In Russ.)].
- Григорьева, К. С. (2021a) 'Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции', *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24 (3), сс. 58–85. [Grigoryeva, K. S. (2021a) 'Migrants as "Persons Susceptible to the Ideology of Terrorism". Institutional Analysis of the Russian Migration Securitization Case' [Migranty kak «lica, podverzhennye ideologii terrorizma». Institucional'nyj analiz rossijskogo kejsa sek'juritizacii migracii], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24 (3), pp. 58–85, DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.4 (In Russ.)].
- Григорьева, К. С. (2021b) 'Теоретические дебаты о секьюритизации и их влияние на разработку программ эмпирических исследований', *Гуманитарий Юга России*, 5 (51), сс. 217–229. [Grigoryeva, K.S. (2021b) 'Theoretical debate about securitization and its impact on the design of empirical research programs' [Teoreticheskie debaty o sek'juritizacii i ih vlijanie na razrabotku programm jempiricheskikh issledovanij], *Humanities of the south of Russia*, 5 (51), pp. 217–229, DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.15 (In Russ.)].
- Зорин, В.Ю. (2019) 'Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации', *Вестник Российской нации*, 2, сс. 9–33. [Zorin, V. Ju (2019) 'The Russian ethnopolitics at the present stage: traditions and innovations' [Rossijskaja jtenopolitika na sovremennom jetape: tradicii i innovacii], *Bulletin of Russian nation*, 2, pp. 9–33. (In Russ.)].
- Кириленко, В. П. и др. (2023) 'Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства', *Управленческое консультирование*, 11, сс. 9–24. [Kirilenko, V. P. et al. (2023) 'Countering Extremist Ideology and Media Security of the State' [Protivodejstvie jekstremistskoj ideologii i mediabezopasnost' gosudarstva], *Administrative consulting*, 11, pp. 9–24, DOI: 10.22394/1726-1139-2023-11-9-24 (In Russ.)].
- Летняков, Д. Э. (2019) 'Управление культурным разнообразием на постсоветском пространстве: "Национализирующие государства" 30 лет спустя', *Южно-российский журнал социальных наук*, 20 (2), сс. 16–33. [Letnyakov, D.E. (2019) 'Cultural Diversity Management in the Post-Soviet Countries: "Nationalizing States" 30 Years Later' [Upravlenie kul'turnym raznoobraziem na postsovetском prostranstve: "Nacionalizirujushhie gosudarstva" 30 let spustja], *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20 (2), pp. 16–33, DOI: 10.31429/26190567-20-2-16-33 (In Russ.)].
- Татулец, С. А., Пискарев, М. Д. (2018) 'Этнорелигиозный экстремизм как проблема госу-

²² ФАДН считает, что акцент в стратегии нацполитики нужно делать на укреплении единства нации (2023) [Электронный ресурс], ТАСС, 19 мая. URL: <https://tass.ru/politika/17794407> (дата обращения: 16.06.2024).

- дарственной и общественной безопасности: вопросы концептуального осмысления’, *Вестник Российской нации*, 5, сс. 107–118. [Tatunts, S. A., Piskarev, M. D. (2018) ‘Ethnic and religious extremism as social security and interstate relations problem: questions of conceptual comprehension’ [Jetnoreligioznoj jekstremizm kak problema gosudarstvennoj i obshhestvennoj bezopasnosti: voprosy konceptual’nogo osmyslenija], *Bulletin of Russian nation*, 5, pp. 107–118. (In Russ.)].
- Фадеева, Л. А., Плотников, Д. С. (2021) ‘Политика идентичности и международная безопасность европейских государств постсоветского пространства’, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 23 (4), сс. 614–629. [Fadееva, L. A. & Plotnikov, D. S. (2021) ‘Identity politics and international security of the post-Soviet European states’ [Politika identichnosti i mezhdunarodnaja bezopasnost’ evropejskih gosudarstv postsovetskogo prostranstva], *RUDN Journal of Political Science*, 23 (4), pp. 614–629, DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-614-629 (In Russ.)].
- Федякин, А. В. (2020) ‘Приоритеты государственной национальной политики в повестке дня Президента России’, *Вестник Российской нации*, 1, сс. 40–56. [Fedyakin, A. V. (2020) ‘Priorities of state ethnonational policy in the agenda of the Russian President’ [Priorityty gosudarstvennoj nacional’noj politiki v povestke dnja Prezidenta Rossii], *Bulletin of Russian nation*, 1, pp. 40–56. (In Russ.)].
- Энтина, Е. Г., Пророкович, Д. (2022) ‘Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии’, *Международная аналитика*, 13 (3), сс. 94–115. [Entina, E.G. & Prorocovic, D. (2022) ‘The Breakup of Yugoslavia in the Research and Political Discourses of Russia and Serbia’ [Raspad Jugoslavii v nauchno-issledovatel’skom i politicheskom diskursah Rossii i Serbii], *Journal of International Analytics*, 13 (3), pp. 94–115, DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115 (In Russ.)].
- Frear, M., Mazepus, H. (2021) ‘Security, Civilisation and Modernisation: Continuity and Change in the Russian Foreign Policy Discourse’, *Europe-Asia Studies*, 73 (7), pp. 1215–1235, DOI: 10.1080/09668136.2020.1843601
- Hendershot, C., Mutimer, D. (2018) ‘Critical security studies’ in Gheciu, A. & Wohlforth, W. C. (eds.) *The Oxford Handbook of International Security*. Oxford University Press, pp. 60–71.
- Karolak-Michalska, M. (2020) ‘The Role of Securitization of National and Ethnic Minorities in the Management of Ethno-Politics in Eastern European Countries’, *International Journal of Contemporary Management*, 19 (2), pp. 71–95, DOI: 10.4467/24498939IJCM.20.006.12671
- Knott, E. (2023) ‘The Securitised ‘Others’ of Russian Nationalism in Ukraine and Russia’, *LSE Public Policy Review*, 3 (1), pp. 1–9, DOI: 10.31389/lseppr.80
- Kragh, M. et al. (2020) ‘Conspiracy theories in Russian security thinking’, *Journal of Strategic Studies*, 45 (1), pp. 1–35, DOI: 10.1080/01402390.2020.1717954
- Laine, V. (2021) ‘Evolution of Russia’s ‘Others’ in Presidential Discourse in 2000–2020’ in: Pynnöniemi, K. (ed.) *Nexus of Patriotism and Militarism in Russia: A Quest for Internal Cohesion*. Helsinki University Press, pp. 49–79.
- Laine, V. & Zamyatin, K. (2021) ‘Russia’s Nationalities Policy Before and After the 2020 Constitutional Amendments: Is the “Ethnic Turn” Continuing?’, *Finnish Institute of International Affairs Working Papers*, 125, 14 p.
- Loftus, S. (2019) *Insecurity & the Rise of Nationalism in Putin’s Russia: Keeper of Traditional Values*. London: Palgrave Macmillan.
- Osipov, A. (2010) ‘Ethnicity, Discrimination, and Extremism in Russia’, *Problems of Post-Communism*, 57 (2), pp. 50–60, DOI: 10.2753/PPC1075-8216570204
- Østbø, J. (2016) ‘Securitizing “spiritual-moral values” in Russia’, *PostSoviet Affairs*, 33 (3), pp. 200–216, DOI: 10.1080/1060586X.2
- Prina, F. (2020) ‘Constructing Ethnic Diversity as a Security Threat: What It Means to Russia’s Minorities’, *International Journal on Minority and Group Rights*, 28 (1), pp. 1–35, DOI: 10.1163/15718115-bja10002
- Ruutu, K. (2017) ‘The Concepts of State and Society in Defining Russia’s Domestic Political Unity: A Research Note’, *Europe-Asia Studies*, 69 (8), pp. 1–10, DOI: 10.1080/09668136.2017.1378621
- Solovyov, A. (2021) ‘National Securitization Strategy?’, *Russia in Global Affairs*, 19 (3), pp. 164–172, DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-3-164-172

Tolz, V. (2017) 'From a threatening "Muslim migrant" back to the conspiring "West:" race, religion, and nationhood on Russian television during Putin's third presidency', *Nationalities Papers*, 45 (5), pp. 742–757, DOI: 10.1080/00905992.2017.1282449

Yusupova, G. (2022) 'How Does the Politics of Fear in Russia Work? The Case of Social Mobilisation in Support of Minority Languages', *Europe-Asia Studies*, 74 (4), pp. 620–641, DOI: 10.1080/09668136.2021.1965094

Статья поступила в редакцию: 25.06.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.07.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

SECURITIZATION OF INTERETHNIC RELATIONS IN RUSSIA (BASED ON MATERIALS FROM OFFICIAL DISCOURSE)

D. Pogorelsky

Dmitriy Pogorelsky, postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
E-mail: dpogorelskiy@gmail.com (ORCID: 0009-0008-1376-5543).

Abstract

The study of the securitization of public policy is a hot research area in political science. Based on the Copenhagen School approach, the author describes the securitization of the sphere of interethnic relations in Russia as a threatened referent object. The empirical analysis is based on content analysis of official discourse material, with 2012 as the lower chronological time frame. The source base includes speeches by the President of the Russian Federation on topics of national security and law enforcement and transcripts of meetings of the Council for Interethnic Relations with the participation of the head of state. The relevance of these sources lies in the fact that they formulate general approaches that are developed in strategic planning documents and other legal acts. The results show a stable presence of security topics in the public discourse on inter-ethnic relations and the implementation of state ethnic policy. Moreover, an intensification of securitization rhetoric has been recorded in recent years, as well as the presence of a significant share of securitizing acts associated with the mention of external challenges and threats. It is assumed that these phenomena are associated with geopolitical threats to the Russian Federation's national security, including its ethnopolitical component.

Keywords: securitization; Copenhagen School; national security; interethnic relations; official discourse; President of Russia.

УДК-328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-30-39

ФАКТОРЫ КООПТАЦИИ ОППОЗИЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ КАМПАНИЙ 2019–2023 ГГ.)

А. В. Горохов

Горохов Александр Владимирович, аспирант,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: avgorohov@bk.ru (ORCID: 0000-0002-3118-9403. ResearcherID: ABF-5192-2021).

Аннотация

Исследование посвящено анализу кооптации оппозиции в региональных парламентах России, а именно тех факторов, благодаря которым принимается решение в пользу кооптации тех или иных представителей системной оппозиции. Под кооптацией понимается предоставление системной оппозиции в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» руководящих постов в региональном парламенте, а именно заместителей председателя парламента и глав комитетов. Рассмотрены факторы, влияющие на кооптацию, а именно сопоставлены институциональные факторы (влияние фигуры главы региона, общих особенностей регионального парламента) и персональные, связанные с карьерными особенностями депутатского корпуса. На примере электорального цикла 2019–2023 гг. было доказано, что чаще всего решение о кооптации носит индивидуальный характер и зависит от персональных особенностей кооптируемых депутатов, а именно опыта работы в бизнес-сфере и избрания в состав одного из созывов регионального парламента. Помимо этого, была доказана и значимость полученных системной оппозицией мест, что подтверждает предыдущие исследовательские выводы. Исследование расширяет имеющиеся представления о факторах кооптации за счет проверки влияния факторов на нескольких уровнях руководящих должностей и оставляет пространство для дальнейшего углубления и расширения полученных выводов.

Ключевые слова: российские регионы; оппозиционные партии; выборы; кооптация; факторы кооптации.

Введение

Исследования, посвященные функционированию политических режимов, рассматривают не только особенности и характеристики политических систем, но также и те факторы, благодаря которым достигается стабильность и постоянство управления ими. Одним из направлений исследовательского интереса является анализ электоральных процессов, которые рассматриваются в контексте их важности для анализа политической ситуации в конкретной стране или регионе, а также для понимания дальнейшего политического развития, которое часто продиктовано именно действиями избранных кандидатов.

Опыт исследований электоральных процессов в России имеет долгую историю. Российские выборы и связанные с ними политические изменения не просто тесно переплетаются, но и оказывают влияние друг на друга на многих уровнях, с учетом региональных и общенациональных кампаний, особенностей политики и изменений на федеральном уровне. В значительной степени анализ концентрируется на роли доминирующей политической партии – «Единой России», а также тех механизмах и практиках, благодаря которым она сохраняет лидерство как в федеральном, так и в региональных парламентах. Однако стабильность этого доминирования связана и с оппозицией, которая выступает в качестве включенного элемента существующего властного баланса. Чаще всего формат взаимодействия оппозиции и власти принято рассматривать через логику кооптации.

Когда мы говорим о кооптации в политике, она понимается как процесс формирования и сохранения формальных и неформальных связей, посредством которых действующие власти побуждают к консенсусу с правящей коалицией прочие политические силы в обмен на предоставление им различного рода благ (Stacher, 2012). Кооптация является эффективным механизмом объединения и вовлечения в политику разных политических сил и нейтрализации недовольных статусом-кво, а так-

же лежит в основе функционирования многих важных институтов, прежде всего законодательных органов и партий (Gandhi & Przeworski, 2006; Reuter & Remington, 2009).

Несмотря на богатый международный опыт изучения, данный концепт не так активно применяется при анализе отечественной политики. Чаще всего кооптация используется в качестве одной из инструментальных переменных и гораздо реже – в качестве предмета исследования, встроенного в более широкий контекст. Исходя из этого, измерение и изучение кооптации как таковой сводится либо к выстраиванию «шкалы», в рамках которой конкретные кейсы распределяются исследователями в зависимости от используемых властью методов и инструментов кооптации (Golosov, 2014), либо к анализу уровня консенсуса, который может различаться от полного его отсутствия до добровольной кооптации по инициативе партии (Reuter & Robertson, 2015; Dollbaum, 2017; Туровский и Сухова, 2021). В результате остается возможность концептуализации понятия под конкретное исследование, исходя из его особенностей.

Кроме того, другим важным аспектом анализа является отсутствие консенсуса касаясь факторов влияния на кооптацию оппозиции или углубления ее форм. Связано это во многом с решающим влиянием на региональные процессы фигуры главы региона, а также особенностями управления субъектами (Гайворонский, 2014; Туровский, 2013). Исследователи особо отмечают роль патрон-клиентских сетей – механизмов формальных и неформальных связей, за счет которых акторы способны влиять на политику в регионе. Они же являются основным объяснительным механизмом стратегий как власти, так и оппозиции в рамках кооптации. Однако исследователи фактически не уделяют внимания персональным характеристикам кооптированных акторов, прежде всего связанных с их карьерным опытом, которые и могут оказывать ключевое влияние на процессы кооптации. Отдельные работы посвящены лишь изучению тех факторов, которые вынуждают оппозицию сотрудничать с властью (Szakonyi, 2024), либо роли экономических факторов, которые могут выделять конкретные персоналии для кооптации (Mikhasev & Golosov, 2023).

Примечательно, что теоретической рамкой всех упомянутых работ является институционализм рационального выбора, благодаря которому отношения между властью и оппозицией рассматриваются через рациональное поведение акторов: общей объяснительной логикой является трактовка кооптации как обмена лояльности на предоставление руководящих должностей и власти. Вместе с тем исследования показывают, что не всегда стороны в решении о кооптации руководствуются данной логикой, что оставляет возможности для поиска иных объяснительных механизмов. Ввиду этого построение анализа с учетом влияния институциональных факторов и персональных характеристик кооптируемых акторов представляется задачей актуальной.

Таким образом, цель исследования – эмпирически проверить значимость персональных характеристик кооптируемых акторов на кооптацию и сопоставить ее влияние с институциональными характеристиками.

Кооптация оппозиции – состояние дискуссии в России

Исследователи, анализирующие в своих работах кооптацию и влияющие на нее факторы, отмечают, что обычно она понимается как получение оппозицией руководящих должностей в региональных парламентах (Golosov, 2014). Несмотря на то, что данный процесс чаще всего является неформальным и сложно идентифицируется, отмечается, что именно за счет получения руководящих должностей кооптируемым акторам удается реализовать свои бенефиты и продемонстрировать кооптацию исследователям (Kavasoglu, 2022).

Говоря об анализе кооптации в России, важно отметить ряд особенностей российской политики, за счет которых кооптация политических сил возможна. Прежде всего, это концентрация власти вокруг фигуры президента и формирование президентской вертикали, как отмечает М. Фиш (Fish, 2014). За счет этого элитам становится важно попасть в провластную коалицию, чему и способствует кооптация. Вторым важным фактором принято считать субнациональный авторитаризм, под которым, согласно Г. Голосову, понимается совокупность практик реализации власти на местах, прежде всего для обеспечения необходимого федеральному центру электорального результата. Чаще всего речь идет об обеспечении региональными элитами доминирования провластных сил за счет расширения консенсуса в обмен на политические и иные блага (Golosov, 2011). Наконец, нельзя не отметить в качестве важного фактора роль «Единой России» как партии власти. В результате своего формирования и эволюции она стала использоваться в том числе для сохранения статуса-кво в парламенте субъектов (Remington, 2013) и контроля властей на местах (Hale, 2011).

Данные особенности позволяют сосредоточиться на отличительных характеристиках кооптации в России. Прежде всего, подчеркивается институциональный характер кооптации, а именно те площадки, где она происходит, – исследовательский интерес направлен на изучение оппозиции в региональных парламентах как единственных арен, где она возможна (Туровский, Сухова, 2021; Mikhasev & Golosov, 2023). Отмечается, что именно за счет парламентов институционально оформляется взаимодействие оппозиции и власти, которая также обладает контролем за распределением мандатов (Reuter & Robertson, 2015). Важно, что учитывается не просто сам факт нахождения оппозиции в парламенте, но использование ею полученных от руководящей должности благ в своей деятельности.

Еще одной особенностью является внимание к региональной политике как к ключевому уровню анализа. Если зарубежные исследователи чаще фокусируются на общестрановых особенностях взаимодействия власти и оппозиции и переносят результаты на уровень регионов (Gandhi & Przeworski, 2006), то в российских исследованиях ситуация противоположная. Фокус на региональной политике и изучение ее через анализ институтов (региональных парламентов) позволяют, во-первых, избежать экстраполяции общей логики на уникальные кейсы российских субъектов, а во-вторых, получить более детальную картину, отталкиваясь от особенностей регионов.

Наконец, значимым является изучение сугубо системной оппозиции – политических сил, регулярно участвующих в политике через выборы и за счет этого выступающих стабилизаторами политической системы (Dollbaum, 2017). Также значимыми являются патрон-клиентские отношения, понимаемые как персонифицированные взаимодействия (включая неформальные) для обмена выгодами и санкциями. Поскольку системная оппозиция тесно встраивается в структуру отношений с действующей властью, именно неформальный характер взаимодействия играет ключевую роль в распределении должностей и иных выгод (Baturu & Elkind, 2016).

В то же время ключевым отличием российской оппозиции от опыта анализа других стран является ее рациональная заинтересованность в сохранении текущего статуса-кво (Golosov, 2011). В результате власти получают сторонников соблюдения текущего баланса отношений, а оппозиция – возможность ведения политической деятельности.

Несмотря на столь многообразный опыт изучения кооптации в России, все еще мало изучены те факторы, которые движут сторонами при принятии решения о кооптации. Имеющиеся исследования показывают, что при кооптации активнее всего используется практика назначения представителей оппозиции на руководящие должности в региональные парламенты (Туровский, Сухова, 2021). При этом подчеркивается, что решения о кооптации носят скорее индивидуальный и выборочный характер (Mikhasev & Golosov, 2023), что оставляет возможность для разных трактовок причин и факторов кооптации. В частности, широко распространен поиск экономических причин для кооптации (Mikhasev & Golosov, 2023, Szakonyi, 2024) либо же ее обоснование через внешние институциональные условия (Reuter & Szakonyi, 2019). Но подобные исследования обладают и важным недостатком. Зачастую кооптация анализируется как часть более широких политических процессов (стратегии действующей власти и др.) и реже – в качестве основного фокуса исследования. А потому различия в значимости и влиянии разных факторов, отмечаемые исследователями, позволяют проводить исследования, направленные на углубление понимания общих и частных особенностей кооптируемых, которые важны для их вовлечения во властную коалицию.

Материалы и методика исследования

Обозначим особенности проведенного статистического анализа. В центре нашего анализа будет системная оппозиция в лице КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Причинами фокуса именно на них являются стабильное представительство на региональном и федеральном уровнях вне зависимости от получения ими руководящих должностей, а также сохраняющееся подавляющее преимущество над остальными оппозиционными силами (хоть и несколько снизившееся в последние годы). Временной и географической рамкой анализа стал электоральный цикл 2019–2023 гг., охватывающий 89 выборов в региональный парламент. Представленная выборка, во-первых, на данный момент еще не была полностью проанализирована исследователями с точки зрения кооптации, а во-вторых, является наиболее актуальной для оппозиции с точки зрения дальнейших перспектив с учетом тренда на снижение ее электоральной поддержки.

В качестве метода проверки влияния факторов на кооптацию оппозиции была использована Logit-регрессия, которая позволит оценить силу и характер влияния факторов. Остановимся подроб-

нее на описании переменных, используемых в анализе. Зависимой переменной будет выступать бинарная переменная наличия кооптации – она принимает значение 1 в случае наличия руководящих должностей у системной оппозиции (ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия») и 0 – в случае отсутствия. Для моделей уровня заместителей председателя и глав комитетов зависимая переменная скорректирована – для нее используется наличие у представителей системной оппозиции соответствующих постов в зависимости от уровня анализа (1 – наличие должности заместителя председателя / главы комитета, 0 – отсутствие). Данный подход к операционализации кооптации доказал свою эффективность среди исследователей и соотносится с отмечаемыми выше теоретическими подходами к кооптации (Туровский и Сухова, 2021; Dollbaum, 2017).

Что касается независимых переменных, то они были отобраны на основании следующих теоретических подходов к кооптации. Прежде всего, это патрональные отношения, понимаемые как форма взаимодействия между патроном – доминирующим субъектом политики – и его клиентами, которые за счет персональных связей образуют взаимовыгодное сотрудничество. Исследователи отмечают, что для российских регионов характерны сложные формы взаимодействия элитных групп, характеризуемые неравенством отношений и многоуровневыми связями. Как справедливо в рамках данной логики отмечает Г. Хейл, в российской политике происходит конкуренция различных патронажных групп и наиболее видными из них являются «политические машины» в субъектах России, которые возглавляются главами регионов (Hale, 2017). Подчеркивается, что патронаж является важным фактором влияния и успеха политических акторов, связанным с фигурой самого патрона. А потому особенности формирования губернаторского корпуса и стабильность его состава могут быть значимы для понимания элитных отношений в регионах, в том числе кооптации.

Вторым важным теоретическим аспектом стало понимание кооптации как упорядоченного институционального взаимодействия акторов в рамках теории рационального выбора. Еще в первых исследованиях кооптации отмечалось, что она является как процессом, происходящим в рамках институциональной логики (в частности, института парламента), так и процессом во многом рациональным, поскольку часто члены оппозиции оценивают свои шансы на руководящие должности как низкие и решаются на добровольную кооптацию (Gandhi & Przeworski, 2006; Reuter & Remington, 2009). Также отмечено, что власти обычно сами заинтересованы в успешной кооптации и могут создавать институциональные возможности для ее успеха – речь чаще всего идет о расширении числа руководящих должностей, а также установлении барьеров для нежелательных партий и пр. (Kavasoglu, 2022). Ввиду этого важность данных факторов для кооптации нельзя недооценивать.

Наконец, нельзя не отметить третий пласт теоретических работ, которые рассматривают кооптацию как избирательный процесс взаимодействия акторов. Исследователи доказали, что кооптация зависит не только от национального контекста, но и от индивидуальных особенностей акторов. Последние напрямую влияют на возможность интеграции представителей оппозиции в состав властной коалиции (Reuter & Robertson, 2015). При этом отмечается, что голосование в парламентах характеризуется высокой персонификацией (привязкой к конкретному кандидату), что было доказано и отечественными исследователями (Turovsky, 2018). А потому индивидуальные особенности становятся зачастую ключевыми, а выбор объекта кооптации напрямую влияет на те ресурсы, которые будут необходимы властям для удержания его лояльности (Mikhasev & Golosov, 2023). Исходя из этого, персональные характеристики кооптируемых также станут важными переменными анализа.

Исходя из отмеченных выше теоретических особенностей и характеристик кооптации, перейдем к описанию основных независимых переменных, которые условно будут разделены на институциональные и персональные в зависимости от того, будут ли они тяготеть к «внешним» факторам кооптации или к персональным особенностям кооптируемого корпуса.

В случае главы региона были взяты основные факторы, влияющие на его позиционирование как по отношению к местным элитам, так и по отношению к федеральному центру. Во-первых, это восприятие его в качестве «варяга» или выходца из местных элит. Как отмечено выше, главы региона играют важную роль в региональной политике, прежде всего из-за патронажных связей, за счет которых они способны эффективнее реализовывать собственные цели и влиять в том числе на работу парламента (Баландин и Гайворонский, 2023). При этом исследователями отмечается, что чаще всего эти связи зависят от происхождения главы региона – является он выходцем из местных элит или федеральных. Но несмотря на то, что влияние происхождения губернаторов на политические процессы в регионах уже выявлено, их значимость для кооптации все еще слабо изучена, что оставляет возможность для анализа в рамках этой работы. Переменная будет представлена в бинарном виде, где 1 – губернатор-«варяг» и 0 – выходец из местных элит.

Второй переменной, связанной с фигурой главы региона, будет наличие ротации губернатора перед проведением выборов в региональный парламент. Данный показатель важен, поскольку ротация губернаторов является одним из факторов стабильности региональных элит и, что более важно, патронажных связей. Вновь назначенный / избранный глава региона будет вынужден выстраивать новый баланс отношений с местными элитами (Баландин и Гайворонский, 2023), что может повлиять и на распределение руководящих должностей в парламенте. Данная переменная также будет бинарной: 1 – в случае смены главы региона перед выборами в региональный парламент, 0 – при ее отсутствии.

Имеющиеся теоретические представления о роли губернатора в региональной политике позволяют предположить, что он будет выступать за большую согласованность и управляемость региональной политики. Ввиду этого стоит ожидать, что за счет патронажных отношений и длительности пребывания главы региона на посту (то есть без ротации) шансы на кооптацию будут увеличиваться.

H1: возможность кооптации депутатов от оппозиции в региональном парламенте будет выше в случае принадлежности главы региона к местным элитам и отсутствия ротации в преддверии выборов в региональный парламент.

Вторая группа переменных связана с теоретическими представлениями о кооптации как институциональном взаимодействии. Как отмечено выше, действующая власть зачастую способна создавать институциональные преимущества для оппозиции, которые могут влиять на получение ею дополнительных мест, включая руководящие должности. А потому такие возможности являются важным фактором для оценки кооптации, и имеющийся опыт исследований показал, что подобные переменные оказываются значимыми для распределения руководящих должностей (Туровский и Сухова, 2021; Dollbaum, 2017). В рамках теоретического анализа и имеющихся эмпирических работ были отобраны следующие переменные: общее число доступных руководящих постов (за исключением должности председателя парламента, контролируемой «Единой Россией» в анализируемый период) и общее число доступных мест в парламенте. Эти показатели показывали неоднозначный характер влияния в других исследованиях, но их использование на актуальных электоральных кампаниях и сопоставление с индивидуальными характеристиками нельзя проигнорировать.

H2: кооптация оппозиционных депутатов будет более вероятной, если институциональные возможности для избрания оппозиции и получения ею руководящих постов выше.

Отдельно стоит отметить такой включенный в анализ фактор, как доля полученных оппозиционными партиями мест. Исследования показывают прямую зависимость между количеством получаемых руководящих должностей и долей мест, которые достаются той или иной политической партии (Туровский и Сухова, 2021). Тем не менее данные выводы чаще всего были получены при анализе сугубо институциональных факторов влияния на кооптацию, однако игнорировать его значимость в рамках данной работы было бы неправильным. А потому проверка значимости переменной на большем массиве факторов представляется задачей все еще актуальной.

Наконец, значимой будет категория переменных, связанных с персональными характеристиками кооптируемой оппозиции. Данные переменные будут исходить из отмеченной выше теоретической предпосылки об индивидуальном и избирательном характере кооптации и ее связи с особенностями конкретных депутатов.

Первая переменная отражает наличие опыта работы в руководстве бизнеса (будь то региональный или федеральный) на момент избрания депутата в законодательное собрание. Ранее Г. Голосов и Т. Михасев доказали, что решение о кооптации не в последнюю очередь связано с наличием опыта работы в бизнес-структурах (Mikhasev & Golosov, 2023). При этом отмечалось, что включение таких депутатов в коалицию часто является вынужденным со стороны власти и применялось лишь в случае полезности в конкретных условиях, в то время как для самих избранников такое решение не несет положительных эффектов. Однако данные выводы были получены лишь на представителях «Единой России», что оставляет возможность для их проверки на представителях системной оппозиции. Переменная будет представлена в бинарном виде: при наличии опыта на руководящей должности в региональном или федеральном бизнесе значение будет 1, в случае отсутствия – 0.

Не менее значимым фактором является опыт участия в политике, а именно повторное избрание в качестве депутата регионального парламента. Исследования доказали, что при наличии соответствующего опыта работы в должности у депутата будет больше шансов на получение руководящего поста, что связывается с их опытом и пониманием парламента изнутри (Kavasoglu, 2022). В то же время ряд исследований показывает незначимость или отрицательное влияние данного фактора в целом (Reuter & Szakonyi, 2019), а потому его использование в рамках данного анализа представляет-

ся оправданным: переменная принимает значение 0 при отсутствии опыта работы в региональном парламенте и 1 – при его наличии.

В целом персональные характеристики кооптируемых акторов признаются исследователями более значимыми при анализе кооптации, нежели прочие факторы, что накладывается на общую теоретическую логику об индивидуальном характере кооптации (Mikhasev & Golosov, 2023; Turovsky, 2018).

НЗ: персональные характеристики кооптируемых акторов (в виде наличия опыта работы в бизнес-секторе или избрания в один из предыдущих созывов регионального парламента) оказывают большее влияние на кооптацию, нежели институциональные факторы (связанные с фигурой главы региона или общими особенностями парламента).

Контрольными переменными выступили доля русского населения среди жителей региона (по данным переписи населения за 2021 г.) и логарифм ВРП субъекта на душу населения. Данные факторы потенциально могут зафиксировать влияние демографических и социально-экономических различий регионов на кооптацию, что уже ранее использовалось для оценки (Туровский и Сухова, 2021). Источниками переменных стали данные Центральной избирательной комиссии РФ за 2019–2023 гг. для электоральных результатов, данные Росстата и Всероссийской переписи населения 2021 г. для ряда контрольных переменных, а также данные региональных законодательных собраний для сбора информации об институциональных особенностях региональных заксобраний. Кроме того, в работе была использована собственная база данных о биографических особенностях депутатского и губернаторского корпусов, учитывающая упомянутые выше особенности.

Полученные результаты

В рамках анализа гипотезы исследования были проверены на двух уровнях руководящих должностей, которые чаще всего распределяются между депутатами регионального парламента – речь идет о заместителях председателя регионального парламента (включая как первого заместителя, так и иных), а также руководителях комитетов. Повторимся, что за все время наблюдений представителям оппозиции не удалось получить должность председателя парламента, потому анализ сводится к рассмотрению лишь двух типов руководящих должностей – заместителей председателя регионального парламента и глав комитетов.

Регрессионный анализ был посчитан для общих случаев кооптации представителей КПРФ, ЛПДР и «Справедливой России» с целью получения наиболее состоятельных и обобщенных выводов. Было получено три регрессии – общая для всех должностей и регрессии для уровней заместителей председателя парламента и глав комитетов соответственно. Рассмотрим подробнее каждую из них начиная с кооптации всех руководящих должностей (модель 1) (таблица).

Результаты регрессионного анализа кооптации системной оппозиции

Параметр	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Происхождение губернатора	0.209 (0.198)	–0.578 (0.367)	0.239 (0.417)
Ротация до выборов в парламента	–0.837 (0.561)	0.419 (0.502)	–0.201 (0.195)
Количество руководящих постов в парламенте	0.634 (0.299)*	0.656 (0.593)	–0.294 (0.356)
Количество избираемых депутатов	0.783 (0.218)	0.708 (0.578)	–0.318 (0.529)
Доля полученных оппозицией мест	0.539 (0.182)***	0.443 (0.115)**	0.263 (0.058)**
Опыт работы в парламенте	0.875 (0.378)**	0.984 (0.491)*	0.587 (0.253)*
Опыт работы в бизнесе	–0.612 (0.227)**	–0.274 (0.136)*	–0.409 (0.183)*

Окончание табл.

Параметр	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Доля русского населения	0.324 (0.198)	0.132 (0.419)	-0.109 (0.167)
Логарифм ВРП на душу населения	-0.162 (0.117)	0.017 (0.052)	0.036 (0.314)
Количество наблюдений	89	89	89
<i>Примечание.</i> Значимость показателей: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.			

Как можно убедиться из полученных результатов, из значимых факторов, влияющих на кооптацию всей системной оппозиции (модель 1), наиболее выделяются те, что связаны с персональными характеристиками кооптируемых депутатов – опыт работы в бизнесе и избрание в предыдущий созыв регионального парламента. При этом опыт работы в бизнес-сфере негативно влияет на возможность получения руководящей должности в созыве парламента, в то время как опыт предыдущего избрания – положительно. Однако наибольшее положительное влияние на кооптацию оказывает доля мест оппозиции в парламенте, что объясняется отмечаемой исследователями тесной зависимостью получаемых должностей от общего числа избранных депутатов (Туровский и Сухова, 2021). Выделяется и институциональный фактор общего числа руководящих должностей: согласно результатам, чем больше данных постов, тем больше вероятность получения их системной оппозицией, а соответственно, и выше вероятность кооптации.

Данные результаты позволяют нам сделать базовые предположения, однако для дальнейших выводов стоит обратиться к факторам, влияющим на кооптацию заместителей председателя парламента (модель 2). Полученные результаты показывают, что в случае уровня заместителя председателя регионального парламента доля полученных оппозицией мест сохраняет свою положительную значимость для кооптации. При этом институциональные факторы влияния не оказывают.

Однако значимость персональных характеристик по-прежнему высока. Опыт предыдущей работы в бизнесе все также отрицательно влияет (хоть и менее выражено) на кооптацию, что уменьшает шансы депутатов с подобным опытом на получение руководящей должности в парламенте. Опыт предыдущего избрания депутатов положительно сказывается на кооптации, и в целом персональные факторы на этом уровне влияния оказывают тот же эффект, что и в первой модели.

Наконец, рассмотрим факторы, которые оказывают влияние на кооптацию системной оппозиции на уровне глав комитетов (модель 3). Здесь степень значимости независимых переменных, а также их количество снижаются, единственным неизменно положительным показателем стала доля мест оппозиции в парламенте. При этом сохраняется негативное влияние опыта работы в бизнес-сфере и положительный эффект от наличия предыдущего опыта избрания. В целом наблюдается высокая значимость персональных факторов для кооптации.

По итогу проведенного анализа можно сказать, что первая гипотеза о влиянии на кооптацию фигуры главы региона не подтвердилась: связанные с губернаторами факторы оказались незначимы в рамках построенных моделей, что может свидетельствовать о независимости процессов кооптации от фигуры главы региона. Что касается второй гипотезы об институциональных особенностях региональных парламентов, влияющих на кооптацию, то значимость данных факторов подтвердилась лишь отчасти. На общий уровень кооптации влияет количество руководящих должностей в региональном парламенте, однако в моделях на уровне заместителей председателя парламента и глав комитетов данный фактор не оказался значимым, что показывает оправданность учета специфики разных уровней анализа. Также на кооптацию оппозиции на всех уровнях анализа влияет доля мест, полученных системной оппозицией, что в целом является логичным: чем большее количество мест получают ее представители, тем больше шансов у партий на получение руководящих должностей. Данный вывод повторяет уже имеющиеся представления о кооптации как в международном опыте изучения, так и в отечественном, однако иные институциональные переменные оказались незначимы.

Наконец, третья гипотеза о важности персональных характеристик кооптируемых депутатов подтвердилась: обе отмеченные переменные оказались не только значимыми во всех моделях, но также и чаще влияли на кооптацию, нежели институциональные факторы. При этом выводы о влиянии фактора работы в бизнесе совпадают с ранее описываемыми исследователями результатами

(Mikhasev & Golosov, 2023) и могут объясняться большей ставкой на политически опытных депутатов, встроенных в систему отношений с властями (что подтверждается значимостью переменной, связанной с опытом работы в парламенте), а также наличием у выходцев из бизнеса собственных интересов для лоббизма, что влияет на их политическую деятельность.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что полученные результаты являются значимыми для всех уровней анализа. В частности, персональные характеристики кооптируемых депутатов имеют одинаковый характер влияния. Это подтверждает имеющиеся теоретические выводы о том, что подход к кооптации оппозиции со стороны властей действительно носит индивидуальный характер. Но отличается сила этого влияния: факторы сильнее проявляли себя на общем уровне анализа, что в целом объясняется особенностью данной модели и учетом всех уровней должностей для кооптации. Схожая логика применима и для фактора доли мест оппозиции. Но фактор количества руководящих мест в парламенте значим лишь на общем уровне анализа, что можно интерпретировать в логике обретения выгоды оппозицией от расширения институциональных возможностей для получения руководящих постов, включая искусственное их увеличение, отмечаемое исследователями (Туровский и Сухова, 2021).

Заключение

Подводя итог проведенному анализу, стоит отметить, что изучение такого сложного и много-составного концепта, как кооптация оппозиции, остается задачей актуальной для исследователей. Проведенный анализ позволяет не только сделать выводы о факторах, благодаря которым оппозиция эффективнее добивается получения руководящих постов в условиях электорального и политического доминирования «Единой России». Данная работа показывает значимость отдельных институциональных особенностей региональной политики и индивидуальных характеристик кооптируемых депутатов, а также сопоставляет их потенциальное влияние.

Проведенный анализ расширяет дискуссию о том, какие же факторы – индивидуальные характеристики депутатов или институциональные особенности региональной политики – оказывают большее влияние на процесс кооптации. Было доказано, что персональные особенности депутатов в виде опыта в бизнес-сфере или предыдущего избрания в региональный парламент оказывают наибольшее влияние на кооптацию. При этом характер данного влияния не всегда был положительным: опыт предыдущего избрания в региональный парламент положительно влиял на кооптацию, в то время как опыт работы в бизнесе оказывал негативное влияние на всех анализируемых уровнях. Что же касается факторов, связанных с главой региона или региональным парламентом, то они не оказали значимого эффекта, за исключением положительного влияния количества руководящих постов на общем уровне анализа. При этом ярким и влиятельным фактором оказалась доля мест, полученных представителями партий системной оппозиции, что согласуется с имеющимися представлениями исследователей.

Полученные результаты оставляют возможность их экстраполяции на больший массив данных, в том числе с расширением числа переменных. В частности, наиболее широкие возможности связаны с подбором перечня персональных характеристик кооптируемых акторов (например, опыт предыдущей работы на руководящей должности в региональном парламенте, наличие руководящей должности в региональных или федеральных структурах партий и др.). Данные шаги позволяют более детально изучить все те факторы, которые оказывают влияние на кооптацию оппозиционных сил, и дать ответы на многие исследовательские и практические вопросы, связанные с политической оппозицией в России.

Список литературы / References

- Баландин, Ю. А., Гайворонский, Ю. О. (2023) 'Патрональная политика и ротация губернаторского корпуса в России: опыт сетевого анализа', *Полития*, 3, сс. 67–90. [Balandin Y.A., Gaivoronsky Y.O. (2023) 'Patronage Policy and Rotation of the Governor's Corps in Russia: evidence from network analysis' [Patronal'naya politika i rotatsiya gubernatorskogo korpusa v Rossii: opyt setevogo analiza], *Politiya*, 2023, 3 (110), pp. 67–90. (In Russ.)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-110-3-67-90.
- Гайворонский, Ю. О. (2014) 'Консолидация партийных систем в контексте трансформации электорального пространства и политических режимов (на примере стран Балканского региона)', *Полития*, 2,

- сс. 141–154. [Gaivoronsky, Y. O. (2014) ‘Consolidation of Party Systems in the Context of the Transformation of Electoral Space and Political Regimes (on the Evidence of Balkan Countries)’ [Konsolidaciya partijnyh sistem v kontekste transformacii elektoral’nogo prostranstva i politicheskikh rezhimov (na primere stran Balkanskogo regiona)], *Politiya*, 2 (73), pp. 141–154. (In Russ.).] DOI: 10.30570/2078-5089-2014-73-2-141-154.
- Туровский, Р. Ф. (2013) ‘Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ’, *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*, 1, сс. 73–82. [Turovsky, R. F. (2013) ‘Regional political regimes in modern Russia: a comparative analysis’ [Regional’nye politicheskie rezhimy v sovremennoj Rossii: sravnitel’nyj analiz], *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental’nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, 1, pp. 73–82. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф., Сухова, М. С. (2021) ‘Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил’, *Полития*, 2, сс. 121–143. [Turovsky, R. F., Sukhova, M. S. (2021) ‘Cooptation of the opposition in the regional parliaments of Russia: a game with broken rules’ [Kooptaciya oppozicii v regional’nyh parlamentah Rossii: igra s narusheniem pravil], *Politiya*, 2 (101), pp. 121–143. (In Russ.)]. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143.
- Baturo, A., Elkind, J. A. (2016) ‘Dynamics of regime personalization and patron-client networks in Russia, 1999–2014’, *Post-Soviet Affairs*, 32 (1), pp. 75–98. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1032532.
- Dollbaum, J. (2017) ‘Curbing Protest through Elite Cooptation? Regional Protest Mobilization by the Russian Systemic Opposition during the «For Fair Elections» Protests 2011–2012’, *Journal of Eurasian Studies*, 8 (2), pp. 109–122.
- Fish, M. (2012) *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2006) ‘Cooperation, Cooptation, And Rebellion Under Dictatorships’, *Economics and Politics*, 18 (1), pp. 1–26.
- Golosov, G. V. (2011) ‘Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia’, *Europe-Asia Studies*, 63, pp. 623–639.
- Golosov, G. V. (2014) ‘Cooptation in the Process of Dominant Party System Building: The Case of Russia’, *East European Politics*, 30 (2), pp. 271–285.
- Hale, H. E. (2017) ‘Russian patronal politics beyond Putin’, *Daedalus*, 146 (2), pp. 30–40. DOI: 10.1162/DAED_a_00432
- Hale, H. (2011) ‘The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime’, *Europe-Asia Studies*, 63 (8), pp. 1357–1375.
- Kavasoglu, B. (2022) ‘Opposition party organizational features, ideological orientations, and elite cooptation in electoral autocracies’, *Democratization*, 29 (4), pp. 634–654.
- Mikhasev, T., Golosov, G. V. (2023) ‘Reluctant cooptation: The legislative recruitment of the private sector into Russia’s dominant party, 2015–2020’, *Party Politics*, 29 (5), pp. 1–11. DOI: 10.1177/13540688231202856
- Remington, T. (2016) ‘Presidential Support in the Russian State Duma’, *Legislative Studies Quarterly*, 31 (1), pp. 5–32.
- Reuter, O. J., Remington, T. (2009) ‘Dominant Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia’, *Comparative Political Studies*, 42 (4), pp. 501–526.
- Reuter, O. J., Robertson, G. (2015) ‘Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes’, *The Journal of Politics*, 77 (1), pp. 235–248.
- Reuter, O.J., Szakonyi, D. (2019) ‘Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia’, *American Political Science Review*, 113 (2), pp. 552–568.
- Stacher, J. (2012) *Adaptable Autocrats: Regime Power in Egypt and Syria*. Stanford: Stanford University Press.
- Szakonyi, D. (2024) ‘Corruption and Cooptation in Autocracy: Evidence from Russia’, *American Political Science Review*, 118, pp. 1–18. DOI: 10.2139/ssrn.4308351
- Turovsky, R. (2018) ‘Institutionalization versus personalization: electoral effects of the mixed-member electoral system in Russia’, *European Politics and Society*, 19 (5), pp. 595–622. DOI: 10.1080/23745118.2018.1492197

Статья поступила в редакцию: 21.06.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 04.09.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**FACTORS OF COOPTATION OF THE OPPOSITION IN THE REGIONAL PARLIAMENTS
OF RUSSIA (EVIDENCE OF ELECTORAL CAMPAIGNS IN 2019-2023)**

A. Gorokhov

Alexander Gorokhov, postgraduate student, Faculty of Social Sciences,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: avgorohov@bk.ru (ORCID: 0000-0002-3118-9403. ResearcherID: ABF-5192-2021).

Abstract

The study is devoted to the analysis of the cooptation of the opposition in the regional parliaments of Russia, i.e. the factors that determine the decision to co-opt certain representatives of the systemic opposition. Co-optation is understood as the granting of leading positions in the regional parliament (such as deputy chairmanships and committee chairmanships) to the systemic opposition represented by the CPRF, LDPR and A Just Russia - For Truth. The article examines the factors influencing cooptation, comparing institutional factors (the influence of the position of the head of the region and the general characteristics of the regional parliament) and personal factors related to the career characteristics of the deputy corps. Using the sample of the 2019-2023 regional elections, it has been demonstrated that the decision to co-opt is most often individual and depends on the personal characteristics of the co-opted deputies, namely their experience in the economic field and their election to one of the convocations of the regional parliament. In addition, the importance of seats won by the systemic opposition is demonstrated, confirming existing research. The study expands the existing understanding of cooptation factors by testing the influence of factors at several levels of leadership positions, and leaves room for further deepening and expansion of the findings.

Keywords: Russian regions; opposition parties; elections; cooptation; factors of cooptation.

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-40-50

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРМАНИИ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1989–2023 гг.

В. А. Гацковская

Гацковская Варвара Александровна, стажер-исследователь, научно-учебная лаборатория политической географии и современной геополитики,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8536-3542. ResearcherID: HJA-8290-2022).

Аннотация

Исследование политики памяти как инструмента внешней политики является актуальным направлением политической науки. Анализируется политика памяти Чешской Республики в контексте ее отношений с ФРГ с 1989 по 2023 г. и выявляются основные этапы и причины ее изменения. На основе проведенного символического анализа корпуса текстов чешских политиков (речевых актов представителей исполнительной и законодательной власти) делается вывод о том, что от негативного восприятия Германии в качестве угрозы в 1990-е гг. и активного использования политики памяти в двусторонних отношениях образ прошлого чешско-немецких отношений перешел в область внутренней политики. Это объясняется преодолением травмы во внешней политике в области памяти, обусловленным как действиями Чехии, так и Германии. Сохранение же темы «немецкого» прошлого во внутренней политике связано с общей активизацией политики памяти и политики идентичности из-за того, что именно чешско-немецкое прошлое является одним из основных для чешской нации и позволяет чехам определять себя как самостоятельную нацию по отношению к другим. Актуализация же этого в конце 2000–2010-х гг. связана со стремлением Чехии повысить свою роль в европейском регионе.

Ключевые слова: политика памяти; историческая память; Чешская Республика; чешско-немецкие отношения; исторические символы.

Политика памяти как инструмент внешней политики государств может иметь рациональный характер, способствовать решению споров и проблем, реализации проектов разного масштаба и сложности, но может быть и ложным морализаторством, провоцирующим конфликты, опасную эмоционализацию межгосударственных отношений, отрицание настоящего ради прошлого. В основе политики памяти лежат определенные практики и дискурсы, воспроизводящие исторические символы и нарративы, с помощью которых государство влияет на формирование исторической памяти нации. Под воздействием ряда факторов – качества и идеологии правящих элит, событий настоящего, в том числе в мировой политике, угроз онтологической безопасности нации, проводимой государством политики соседств и других – эти символы и нарративы могут изменяться. Тогда историческая политика государства осуществляет разворот от дружбы и сотрудничества к агонизму и антагонизму или наоборот.

Политика памяти Чехии в 1989–2023 гг. в отношении Германии является примером такой реверсивной ситуации, что является редким для региона Центральной и Восточной Европы, где основой политики памяти выступает виктимизация себя и концентрирование на старых «травмах», проецируемое в современные двусторонние отношения.

Краткий экскурс в историю Чехии показывает, что она всегда испытывала сильное влияние Германии. До второй половины XII в Чехия находилась в зоне угроз, исходящих из Германской империи, и после небольшого периода борьбы за самостоятельность во второй половине этого же века попала под власть австрийских Габсбургов. В дальнейшем чехи были подвержены политическому и культурному влиянию немцев вплоть до XIV в. С этого времени из-за разногласия с Габсбургами Чехия попала под власть других немцев – Люксембургов, правящих в Священной Римской империи, за присягу которым получила также некоторую вольность – например, свободу от

принуждения участвовать в военных походах Империи. В том же веке Чехия на короткое время стала центром Священной Римской империи, однако в период междоусобиц и последующих гуситских войн тесные отношения с Германией были разорваны, вплоть до повторного попадания под власть австрийских Габсбургов в XVI в. (Tampke, 2002: 1–25).

Начало Тридцатилетней войны и подавление неудачного восстания против Габсбургов, после которого чехи лишились своей относительной автономии, подавление национального движения в 1848 г. также были связаны с правлением Габсбургов. Правящие круги Германии не рассматривали чешскую национальную идентичность как самостоятельную сущность. Неудивительно, что в межвоенный период XX в. антигерманские настроения были преобладающими в общественном сознании Чехии (Wingfield, 2000), а события, связанные со Второй мировой войной и германским фашизмом, оставили глубокую травму в чешском национальном сознании. Последующие за завершением войны декреты Бенеша, предусматривающие лишение гражданства и имущества всех, кто отказался от чехословацкого гражданства, и последующее выселение судетских немцев стали основой для сохранения антагонизма между странами (Kopstein, 1997), хотя вопрос границ был решен еще в 1973 г.

Пребывание Чехии вместе с ГДР в одном социалистическом лагере и одном военно-политическом блоке – Организации Варшавского договора (ОВД) – не повлияло на общее отношение чешского общества к Германии как к угрозе чешской идентичности, сохранявшейся даже в 1990-е гг., когда Чехия начала подготовку к вступлению в НАТО и ЕС, членом которых стала и объединенная Германия, что выражалось, например, в политической дискуссии вокруг судетских немцев. И только после вступления Чехии в ЕС и в НАТО Германия перестала быть для нее на уровне массового восприятия опасным врагом и стала исключительно союзником, что не может быть объяснено только их общим членством в указанных организациях.

Таким образом, можно увидеть, что Германия постоянно была для Чехии источником травм и угроз для существования чешской идентичности в целом. В таких ситуациях восточно- и центральноевропейские страны нередко сохраняют антагонизм в исторической политике, даже при союзничестве в других областях, как, например, в случае их отношений с Россией, отношений Венгрии и Словакии, в некоторой степени – отношений Германии и Польши. Однако в случае чешско-германских отношений все травмы кажутся преодоленными. Из этого следует ключевой вопрос исследования: каковы причины трансформации образа Германии в политике памяти Чехии?

Методология исследования

В основе методологии данного исследования лежит символический анализ, который проводится на основе корпуса текстов авторства чешской политической элиты за 1989–2022 гг.¹

О. Ю. Малинова и А. И. Миллер предложили анализ политики памяти как части символической политики – «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» (Малинова, Миллер, 2021: 16). Символическим репертуаром памяти в их интерпретации выступают образы, нарративы, знаки в социокультурной инфраструктуре. При этом именно властвующие элиты обладают основным ресурсом для изменения репертуара используемого прошлого и, следовательно, перестройки «инфраструктуры» коллективной памяти (Малинова, 2014: 141–142).

Однако традиционные подходы к политическим символам и символической политике в целом предполагают уделение основного внимания именно коммуникации, например, символическим актам – действиям, направленным на символы (Edelman, 1960), или пониманию символической политики, где действие само представлено как символ (Поцелуев, 1999).

На наш взгляд, символы как составляющие исторической памяти необходимо анализировать через призму коммуникации и языка, поскольку именно речевые акты почти всегда являются частью коммеморативных практик. С точки зрения семиотического подхода Ю. М. Лотмана символ всегда представляет собой некоторый текст, который «обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющий ясно выделить его из окружающего

¹ Речевые акты чешских политиков в отношении Германии. Составлено автором [Электронный ресурс]. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/e/2PACX-1vRV8gucozrt_Wjf7iGijXL6x9dZEYxdx-vv53ANQZXWafM5vqClANwgKeAUoA4PxFYg0BXSmG2pGSf/pubhtml (дата обращения: 20.04.2024).

семиотического контекста» (Лотман, 1987: 193). При этом именно символы выступают механизмом памяти культуры (Лотман, 1987: 192).

В приведенном ниже эмпирическом анализе выделяются основные символы, связанные с образами прошлого (например, образ Гитлера), а также языковые конструкции (например, противопоставление Германии прошлого и будущего), используемые представителями чешской политической элиты в своих речевых актах.

Поскольку данная методология ограничивает поле исследования только исторической памятью, принадлежащей представителям чешской политической элиты, дополнительно также используются для анализа опросы общественного мнения, представленные Центром, и опросы общественного мнения Института социологии Чешской академии наук. Основными источниками выступают интервью, стенограммы заседаний парламента, пресс-подходов, официальные речи и публицистические источники президентов, членов правительства и членов парламента Чехии (до 1993 г. – Чехословакии).

Политика памяти в Центральной и Восточной Европе

Для исторической политики стран Центральной и Восточной Европы характерен тренд виктимизации, осмысление себя через выбор позиции жертвы коммунизма или нацизма (Миллер, 2016; Vermeersch, 2019), а не через осмысление собственных грехов, как, например, в случае Германии. Нарратив незаслуженного страдания становится доминирующим, а историческая политика, в частности практики коммеморации, – одним из основных инструментов политики идентичности (Семененко, 2018).

Кроме того, в ключевом вопросе для европейской политики памяти, складывающейся в период «изоляции» коммунистических стран Европы от Запада (Миллер, 2016), – памяти о холокосте, центральном элементе в процессе европеизации памяти (Subotić, 2023), и о Второй мировой войне – страны Центральной и Восточной Европы не разделяют общего подхода к ней как к «хорошей войне», где ключевой была борьба с нацизмом. Наоборот, страны Центральной и Восточной Европы выступают против примирения с общеустоявшейся европейской позицией и требуют внимания к собственной версии исторической памяти, где ключевое место уделяется последовательным двум оккупациям – нацистской и советской (Mälksoo, 2009).

В целом их объединяет и память о более удаленном прошлом – крушении многонациональных империй, и специфическое влияние Второй мировой войны, так как в регионе более масштабно отпечатались геноцид и насильственные перемещения населения, близость жертв и преступников, и провал существования многонациональных государств, и стремление к европейской интеграции (Krawatzek, Soroka, 2022). Также для большинства стран региона чаще характерны «войны памяти», например в Польше, Румынии, Венгрии, странах Балтии и других, характеризующиеся «раздробленностью» режимов памяти (мнемонической карты) или, наоборот, полным единством (как, например, в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Германии, Черногории и др.).

Однако существующие институты памяти в странах региона руководствуются именно антитоталитаризмом (Dujisin, 2021). Основным врагом при этом в постсоциалистических и постсоветских странах, в связи с общим нарративом «возвращения в Европу», становится Россия – и самостоятельно (как в случае Польши), и как наследница коммунистического режима (Ачкасов, 2013).

Чешская политика памяти

Чехия следует описанному алгоритму фокусирования на исторических травмах и виктимизации себя. Например, травма, якобы нанесенная коммунистическим режимом, служила опорой для идентичности в строительстве нового государства (Eyal, 2004), а Россия до сих пор остается одним из основных «направлений» чешской политики памяти как инструмента внешней политики. Повлияли на ее политику памяти и факторы вхождения в многонациональные империи, и распад многонационального государства – Чехословакии.

При этом в Чехии практически нет крупных этнических меньшинств, вступающих в противостояние с официальной политикой памяти. Существующие разные видения прошлого не становятся причиной раздробленности режимов памяти (Kubik, Bernhard, 2014).

Для Чехии характерен специфический опыт проживания геноцида и в большей степени – масштабных перемещений населения, во-первых, из-за того, что Протекторат Богемии и Моравии де-факто не обладал суверенитетом, в отличие от большинства стран Центральной и Восточной Европы в нацистский период (включая Словакию); во-вторых, из-за судьбы судетских немцев, где насильственное перемещение было инициировано самим чешским государством. Более того, в случае памяти о Второй мировой войне одной из главных травм для чешской нации являлся Мюнхенский сговор 1938 г. и последующие события (Abrams, 2004: 106; Cashman, 2008: 1646), выступающий одним из основных в исторической политике Чехии именно в отношении Германии.

При этом для Чехии в целом характерны антивеликодержавные настроения, что обуславливается также и 1968 г. («Пражской весной» и ее подавлением); различия же в восприятии политической элиты касаются лишь того, какая великая держава более опасна (включая основные державы ЕС: Германию, Францию и Великобританию) (Beneš, Harnisch, 2015).

Сегодня в политике памяти Чехии в отношении Германии можно наблюдать пример ситуации, демонстрирующий постепенное преодоление травмы при условии ее сохранения как части политики идентичности, что представляет собой нечастое явление в политике памяти стран Центральной и Восточной Европы (особенно с учетом спорного вопроса судетско-немецкого меньшинства и его перемещения, долгое время сохранявшегося в чешско-немецких отношениях и чешской европейской политике).

Образ Германии в дискурсе чешских политических элит

Историческая память оказывала значимое влияние на чешско-немецкие отношения после «бархатной революции» в Чехословакии и объединения Германии. Для анализа трансформации образа Германии были выбраны три временных периода, ограниченных значимыми как для развития чешской государственности в целом, так и конкретно для чешской исторической политики в контексте отношений с Германией датами: 1989–1999, 1999–2004 и 2004–2023 гг.

Первый период ограничивается 1989–1999 гг., что обусловлено, с одной стороны, «бархатной революцией», с другой – вступлением в НАТО (из-за перехода отношений Чехии и Германии в статус военных союзников). Этот период включал в себя значимые этапы в чешско-немецких отношениях: первые визиты президентов, заключение договора между Чешской Республикой и Германией Чешско-немецкой декларации в 1997 г., вызвавшей множество обсуждений в парламенте и высказывания представителей правительства и президента В. Гавела.

В рамках обсуждения Чешско-немецкой декларации 1997 г. в нижней палате чешского парламента в 1995 и 1997 гг. основные символы, встречающиеся в речах чешских депутатов, являлись негативными: фашизм (главный символ, ассоциированный с Германией), Мюнхенский сговор, судетские немцы как угроза, немецкий реваншизм. Присутствовали и нарративы о более ранних отношениях между народами, в которых чехи занимали подчиненное положение: например, депутат Ян Вик (ультраправая Ассоциация за республику – Республиканская партия Чехословакии) в своем выступлении подчеркивал, что «так называемое сосуществование чехов и немцев на протяжении всей истории вплоть до XX в. в основном характеризовалось конфликтами и последующей оккупацией»², его однопартиец Олдржих Врха – что «наши народы чехов, моравцев и силезцев веками находились под игом господства немецкой нации»³. Выражает сомнения, анализируя историю XVIII–XX вв., и Татьяна Ирусова (Коммунистическая партия Чехии и Моравии): «Давайте спросим себя: было ли оно столь плодотворным и мирным, как пытаются изобразить декларации?»⁴.

При этом правящее большинство поддерживало обратный нарратив, направленный на примирение чехов и немцев и использующий символы с позитивной коннотацией – например, историю примирения во второй половине XX в. Депутат Иржи Карась (Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия) выразил, что «Пятьдесят лет мы учимся находить путь к взаимному примирению»⁵. Поддерживался позитивный дискурс и президентом

² PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 61/114 (13. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008061.htm> (accessed 20 April 2024).

³ PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 59/114 (13. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008059.htm> (accessed 20 April 2024).

⁴ PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 49/114 (12. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008049.htm> (accessed 20 April 2024).

⁵ PČR, PS 1996-1998, 8. schůze, část 48/114 (12. 2. 1997). URL: <https://www.psp.cz/eknih/1996ps/stenprot/008schuz/s008048.htm> (accessed 20 April 2024).

вопрос судетских немцев, проблема декретов Бенеша стали меньше подниматься именно в контексте отношений с Германией и, как уже упоминалось, со стороны официальных лиц (хотя сохранились, например, в отношениях с Австрией) (Трухачев, 2019); во-вторых, сократилась активность организаций судетских немцев, которая также становилась причиной дискуссий ранее.

Кроме того, возникли новые символы – например, единого европейского государства (именно как части чешско-немецких отношений), которые при этом нашли связь и с существовавшими ранее.

Рис. 2. Символическая система в 1999–2004 гг.

Следующий период, выбранный для анализа, ограничен 2004 г. и настоящим временем. Для него характерно сокращение обсуждений исторических вопросов в контексте отношений с Германией, начавшееся еще в 2000-х гг. и пришедшее к тому, что они практически перестали встречаться после начала пандемии, а затем – конфликта между Россией и Украиной, что мы связываем с необходимостью мобилизации общества для борьбы с начала с угрозой пандемии, затем – с потенциальной российской.

Однако, несмотря на снижение интенсивности «спора» об истории между Чехией и Германией, в этот же период активизируется мемориальная и коммеморативная политика Чехии в целом, что отражается в участившемся открытии памятников, проведении мемориальных митингов и мероприятий (например, в связи с годовщинами, связанными с событиями Второй мировой войны в 2005 г., включая разорение Лидице и деревни Лежаки). Именно в этот период совершается символический жест немецкого президента Гаука в виде посещения Лидице – чешской деревни, разоренной нацистами, что стало важной символической частью развития чешско-немецких отношений в области исторической политики.

При этом символическое значение приобретает революция 1989 г. как причина изменения отношений с Германией. Б. Сobotка (премьер-министр Чехии) во время поездки в Германию в 2014 г. сказал, что «15 марта в Чехословакии на протяжении многих лет было днем особой ненависти ко всему немецкому. Нам нужна была свобода, чтобы еще раз осознать ценность сотрудничества и компромисса и перестать рассматривать ненависть как поддержку»⁸.

Символическое значение начала приобретает и Чешско-немецкая декларация 1997 г. Она становится символом, закрывающим в чешско-немецких отношениях события Второй мировой войны. Это, например, отразилось в отказе премьер-министра М. Тополанека в 2008 г. от предложения Германии о создании центра памяти о перемещении меньшинств в Европе: «Чешско-немецкие исторические отношения, связанные со Второй мировой войной, были окончательно

⁸ Česko chce být u evropské integrace, Merkelová Sobotku chválí. ČT 24. 13.03.2014. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/clanek/svet/cesko-chce-byt-u-evropske-integrace-merkelova-sobotku-chvali-327862> (accessed 20 April 2024).

названы и закрыты декларацией в 1997 г.»⁹. Декларация сама становится одним из основных символом ухода разногласий по поводу судетских немцев и их имущества в прошлое (рис. 3).

Рис. 3. Символическая система в 2004–2023 гг.

При этом проблема судетских немцев теряет актуальность. Вероятно, это связано с ее постепенной деполитизацией и превращением в общую рамку для общения между народами (Kunštát, 2007). После подписания Чешско-германской декларации в 1997 г. вопрос судетских немцев и декретов Бенеша не поднимался Германией в официальном дискурсе напрямую, лишь косвенно затрагивался с учетом вины Германии или поднимался исключительно на уровне Баварии, например Э. Штойбером (Трухачев, 2010).

Исчезает связь между Германией и строительством объединенной Европы (данный символ не встречается ни в одном из проанализированных источников этого периода). На наш взгляд, это связано, во-первых, с отсутствующей необходимостью мобилизации чешского общества для вступления в ЕС; во-вторых, с разногласиями с ЕС по поводу Лиссабонского договора; в-третьих, с растущим евроскептицизмом (как минимум в лице президента В. Клауса). Это косвенно подтверждается и тем, что в связи с Мюнхенским сговором начинает упоминаться еще и предательство западных держав – Англии и Франции. При этом более часто начинает встречаться общий для Европы символ холокоста, что связано с уже упомянутой общей активизацией исторической политики.

При этом символы, ассоциированные с Германией и событиями именно чешско-немецкого прошлого, часто актуализировались в контексте других событий настоящего, например чешско-российских отношений и действий НАТО¹⁰. Тем не менее можно сделать вывод, что тема немецкой угрозы после вхождения Чехии в блок НАТО, а затем в ЕС стала менее дискутируемой в связи с возникновением именно союзнических отношений. Однако это не объясняет «исчезновения»

⁹ Premiér Mirek Topolánek odmítl německý návrh na zřízení střediska připomínajícího vysídlování menšin v Evropě (2008). Vlada ČR. 26 (3). URL: <https://vlada.gov.cz/cz/media-centrum/aktualne/premier-mirek-topolane-odmitl-nemecky-navrh-na-zrizeni-strediska-pripominajiciho-vysidlovani-mensin-v-evrope-33137/> (accessed 20 April 2024).

¹⁰ Например, во время дискуссии о размещении ракет ППО в Чехии заместитель председателя палаты депутатов Л. Заоралек указывал на дискурс министра обороны о возможной угрозе из России и Германии в силу исторического прошлого: см. PČR, PS 2006-2010, 30. schůze, část 245 (7. 5. 2008). URL: <https://www.psp.cz/eknih/2006ps/stenprot/030schuz/s030245.htm> (accessed 20 April 2024).

исторической политики в ее антагонистической форме и сохранение «негативных» символов исторической памяти по отношению к Германии.

Использование «негативных» символов, связанных с Германией, оставшихся в исторической памяти чехов, становится повесткой чешской внутренней исторической политики.

С внешнеполитической точки зрения это было обусловлено отсутствием попыток Германии оспаривать чешский подход к истории и разделяемого обеими странами осмысления общего прошлого (одним из ключевых факторов, которым стало покаяние Германии за период нацистской оккупации Чехии¹¹) и ориентацией на будущее, выражением чего была Чешско-немецкая декларация. Отразилось это союзническое отношение к Германии и в общем ее позитивном восприятии чехами: с 2005 по 2021 г., по данным Центра опросов общественного мнения Института социологии Чешской академии наук, положительно к Германии было настроено более 80 % чехов¹².

Сохранение негативной исторической памяти о Германии и немцах во внутривнутриполитической повестке связано прежде всего с активной политикой идентичности, проводимой чешскими элитами своей национальной идентичности. Идентичность – это определение себя прежде всего по отношению к «иному» (Семененко, 2008). Историческая память при этом играет ключевую роль в процессе ее формирования. История отношений Чехии и Германии, ближайших соседей и при этом вечных жертвы и «врага», дает основания для того, чтобы искать свою «самость» и современную независимость как нации именно с помощью исторической памяти о Германии, что и используется чешскими политиками. Кроме того, память о нацистской оккупации является одной из основных в концепции Чехии как жертвы «двух тоталитаризмов» – основы чешской политики памяти в соответствии с ее институтами, которые также являются именно внутривнутриполитическим явлением.

Этими же процессами объясняется и общая активизация политики памяти в Чехии в конце 2000–2010-х гг. в связи с необходимостью не только экономического и политического становления страны как независимой, но и как самостоятельной, самобытной нации. Логично, что историческая повестка внутри страны особенно актуализируется после завершения всех интеграционных процессов, что также соответствует последующему стремлению Чехии не просто «вернуться» в Европу, частью которой является и Германия, но и попыткам повышения своей роли и статуса на уровне региона Центральной и Восточной Европы и в рамках ЕС.

Таким образом, политика памяти в отношении Германии и место Германии в исторической памяти чехов претерпели значительную трансформацию, которую можно разделить на три основных этапа. Первый из них ознаменовался сохранением восприятия немцев (особенно в контексте судетско-немецкой проблемы и декретов Бенеша) в качестве потенциальной угрозы для национальной безопасности Чехии, второй – сопряжением изменения Германии и преодоления прошлого с развитием европейской интеграции, третий – окончательным уходом «немецкого прошлого» в область внутренней политики памяти. Эти процессы в свою очередь стали частью процесса примирения с Германией, приведшего в итоге к преодолению исторических травм. При этом сохранение проблем исторической памяти о Германии на внутривнутриполитическом уровне связано с процессами формирования национальной идентичности, устойчивость которой в восприятии Чехии себя влияет на ее самопрезентацию на международной арене.

¹¹ Например, во время визита президента ФРГ Й. Гаука президент Чехии В. Клаус подчеркивал, что особо ценит посещение немецким президентом Лидице – «места, символизирующего трагическое прошлое» – с целью «почтить память жертв нацистского террора»: см. *Projev prezidenta při obědě u příležitosti návštěvy prezidenta SRN Joachima Gaucka*. Václav Klaus. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/3206> (accessed 20 April 2024).

¹² Hanzlová R (2021) *Občané o vztazích ČR s některými zeměmi – listopad/prosinec*. URL: <https://cvvm.soc.cas.cz/tiskove-zpravy/politicke/mezinarodni-vztahy/5532-obcane-o-vztazich-cr-s-nekterymi-zememi-listopad-prosinec-2021> (accessed 20 April 2024).

Список литературы / References

- Ачкасов, В. А. (2013) "“Политика памяти” как инструмент строительства постсоциалистических наций”, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16 (4), сс. 106–123. [Achkasov V. A. “Memory politics” as a tool for building post-socialist nations’ [“Politika pamuyati” kak instrument stroitel’stva postsocialisticheskix nacij], *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 16 (4), pp. 106–123. (In Russ.)].
- Лотман, Ю. М. (1987) ‘Символ в системе культуры’ в: *Избранные статьи*, сс. 191–199. [Lotman, Yu. (1987) ‘Symbol in the cultural system’ [Simvol v sisteme kul’tury] in: *Izbrannyye stat’i*, pp. 191–199. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2014) ‘Консерваторы и инфраструктура” коллективной памяти: проблема репертуара политически пригодного прошлого’, *Тетради по консерватизму*, (3), сс. 140–156. [Malinova O. (2014) ‘The Conservatives and Collective Memory: Cultivating a Repertoire of Politically Usable Past’ [Konservatory i “infrastruktura” kollektivnoy pamuyati: problema repertuara politicheskii prigodnogo proshlogo’], *Tetrady po konservativizmu*, (3), pp. 140–156. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021) ‘Введение. Символическая политика и политика памяти’ в: Лапина В. В., Миллер А. И. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 7–37. [Malinova, O., Miller, A. (2021) ‘Introduction. Symbolic politics and the politics of memory’ [Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamuyati] in: Lapina V. V., Miller A. I. (ed.) *Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe*. St. Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 7–37. (In Russ.)].
- Миллер, А. И. (2016) ‘Политика памяти в посткоммунистической европеи ее воздействие на европейскую культуру памяти’, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 1 (80), сс. 111–121. [Miller, A. I. (2016) “The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory” [Politika pamuyati v postkommunisticheskoy Evrope i ee vozdeystvie na evropejskuyu kul’turu pamuyati], *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 1 (80), pp. 111–121. (In Russ.)].
- Поцелуев, С. П. (1999) ‘Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 62–75. [Poceluev, S. P. (1999) ‘Symbolic politics: a constellation of concepts for approaching the problem’ [Simvolicheskaya politika: konstellyaciya ponyatij dlya podhoda k probleme], *Polis. Political Studies*, 5, pp. 62–75. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (2008) ‘Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности’, *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 7–18. [Semenenko, I. S. (2008) ‘Images and images in the discourse of national identity’ [Obrazy i imidzhi v diskurse nacional’noj identichnosti], *“Polis. Political Studies” Journal*, 5, pp. 7–18. (In Russ.)].
- Семененко, И. С. (2018) ‘Прошлое на переднем крае политики идентичности’, *Мировая экономика и международные отношения*, 62 (11), сс. 65–76. [Semenenko, I. S. (2018) ‘History on the frontline of identity politics’ [Proshloe na perednem krae politiki identichnosti], *World Economy and International Relations*, 62 (11), pp. 65–76. (In Russ.)]. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76.
- Трухачев, В. В. (2019) ‘Выселение судетских немцев и современные отношения Чехии и Австрии’, *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, (1), сс. 31–44. [Trukhachev, V. V. (2019) ‘Eviction of the Sudeten Germans and modern relations between the Czech Republic and Austria’ [Vyselenie sudetskih nemcev i sovremennyye otnosheniya Chekhii i Avstrii], *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*, (1), pp. 31–44. (In Russ.)]. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-1-31-44.

- Трухачёв, В. В. (2010) 'Декреты Бенеша: Мина замедленного действия для ЕС?', *Современная Европа*, 3, сс. 96–109. [Truhachyov, V. V. (2010) 'Benesh' decrees: A time bomb for the EU?' [Dekrety Benesha: Mina zamedlennogo dejstviya dlya ES?], *Contemporary Europe*, 3, pp. 96–109. (In Russ.)].
- Abrams, B. F. (2004) *The struggle for the soul of the nation: Czech culture and the rise of communism*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Beneš, V., & Harnisch, S. (2015) 'Role theory in symbolic interactionism: Czech Republic, Germany and the EU', *Cooperation and Conflict*, 50 (1), pp. 146–165. DOI: 10.1177/0010836714525768.
- Cashman, L. (2008) 'Remembering 1948 and 1968: reflections on two pivotal years in Czech and Slovak history', *Europe-Asia Studies*, 60 (10), pp. 1645–1658. DOI: 10.1080/09668130802434281.
- Dujisin, Z. (2021) 'A history of post-communist remembrance: from memory politics to the emergence of a field of anticommunism', *Theory and Society*, 50 (1), pp. 65–96. DOI: 10.1007/s11186-020-09401-5.
- Edelman, M. (1960) 'Symbols and political quiescence', *American Political Science Review*, 54 (3), pp. 695–704.
- Eyal, G. (2004) 'Identity and trauma: Two forms of the will to memory', *History & Memory*, 16 (1), pp. 5–36. DOI: 10.2979/HIS.2004.16.1.5.
- Kopstein, J. S. (1997) 'The politics of national reconciliation: Memory and institutions in German-Czech relations since 1989', *Nationalism and Ethnic Politics*, 3 (2), pp. 57–78. DOI: 10.1080/13537119708428502.
- Kubik, J., & Bernhard, M. (2014) 'A Theory of the Politics of Memory' in: Kubik, J., & Bernhard, M. (eds.) *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*, pp. 7–37.
- Kunštát, M. (2007) 'The New German Government and the Moral-Historical Dimension of Czech-German Relations', *Czech Journal of International Relations*, 42 (1), pp. 48–65.
- Krawatzek, F., Soroka, G. (2022) 'Circulation, conditions, claims: examining the politics of historical memory in Eastern Europe', *East European Politics and Societies*, 36 (1), pp. 198–224. DOI: 10.1177/08883254209697.
- Mälksoo, M. (2009) 'The memory politics of becoming European: The East European subalterns and the collective memory of Europe', *European journal of international relations*, 15 (4), pp. 653–680. DOI: 10.1177/1354066109345049.
- Subotić, J. (2023) 'Holocaust memory and political legitimacy in contemporary Europe', *Holocaust Studies*, 29 (4), pp. 502–519. DOI: 10.1080/17504902.2022.2116539.
- Tampke, J. (2002) *Czech-German relations and the politics of Central Europe: from Bohemia to the EU*. New York: Springer.
- Vermeersch, P. (2019) 'Victimhood as victory: The role of memory politics in the process of de-Europeanisation in East-Central Europe', *Global Discourse*, 9 (1), pp. 113–130. DOI: 10.1332/204378918X15453934506003.
- Wingfield, N. M. (2000) 'The politics of memory: Constructing national identity in the Czech lands, 1945 to 1948', *East European Politics and Societies*, 14 (2), pp. 246–267.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 13.07.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF GERMANY
IN THE CZECH REPUBLIC'S POLITICS OF MEMORY IN 1989-2023**

V. Gatskovskaya

Varvara Gatskovskaya, research intern, scientific and educational laboratory of political geography and modern geopolitics,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8536-3542. ResearcherID: HJA-8290-2022).

Abstract

The study of the politics of memory as an instrument of foreign policy is a current area of political science. The article analyzes the politics of memory of the Czech Republic in the context of its relations with the FRG from 1989 to 2023 and in comparison with the politics of memory regarding Russia. Based on a symbolic analysis of a corpus of texts by Czech politicians (representatives of the executive and legislative branches of government during the respective periods), the conclusion is drawn that from the negative perception of Germany as a threat in the 1990s and the active use of politics of memory in bilateral relations, the image of the past of Czech-German relations moved into the realm of domestic politics. The politics of memory towards Russia, on the other hand, exploited the image of the Soviet or Russian threat throughout the entire period, despite the existing contradictions in the perception of Russia at the level of Czech society. The politics of memory changed its character from antagonism to agonism in the case of Germany, which was due to the overcoming of historical trauma, and retained its antagonistic character in the case of Russia, whose trauma continues to be a part of bilateral relations.

Keywords: politics of memory; historical memory; Czech Republic; Czech-German relations; historical symbols; historical narratives.

УДК-32.019.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-51-63

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСПЛЕЙ ЛОКАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОБРАЗЫ ЖЕНЩИН-МЭРОВ В МАССМЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МЭРОВ ПАРИЖА И ДУБЛИНА)

Д. Б. Вершинина, Е. С. Бурмистрова

Вершинина Дарья Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: daryarpros@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4354-8239. ResearcherID: AAR-3722-2021).

Бурмистрова Екатерина Сергеевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: burmi-k@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-4418-8557. ResearcherID: НКV-3155-2023).

Аннотация

Посвящена гендерному дисплею женщин-мэров в массмедиа (на примере мэров Парижа и Дублина). Опираясь на идеи И. Гофмана, авторы используют термин «гендерный дисплей» для анализа того, как внешний вид может демонстрировать те или иные особенности личности, что важно для коммуникации политика с избирателями. Авторы рассматривают особенности визуального имиджа женщин-политиков, включая выбор одежды, поведение и взаимодействие с окружающими на тех визуальных образах, которые используются в официальных аккаунтах политиков в социальных сетях. Рассматриваются особенности лингвокультурных образов политиков, создаваемых СМИ, а также самими женщинами-мэрами. Выявляются основные компоненты их политического имиджа и проблемы, которые становятся центральными для мэров женского пола в их деятельности. На основе анализа публикаций в аккаунтах политиков, а также материалов СМИ делаются выводы о том, как женщины-мэры работают с собственным полом и конвертируют его в политический инструмент для продвижения собственных идей и позиций. Выбор мэров Парижа и Дублина позволяет показать, как инаковость женщин в мужском мире политики может дополняться инаковостью по этнорасовому признаку. Авторы делают вывод о том, что в обоих анализируемых случаях женщина-политик не пытается игнорировать свой пол, а превращает его в инструмент продвижения значимых для нее тем.

Ключевые слова: гендер; гендерный дисплей; женщина-мэр; визуальный имидж; лингвокультурный образ.

Введение

Политика становится все более женским делом: если в 2000 г. доля женщин – депутатов парламентов во всем мире составляла лишь 13,8 %¹, то к 2023 г. эта доля выросла до 26,9 %². При этом локальная политика часто может быть более открыта для женщин, поскольку они нацелены на работу с сообществами, что легче осуществить именно на местном уровне политического представительства. Данные ООН подтверждают большую представленность женщин на локальном уровне политической жизни: из 6,02 млн избранных членов органов местного самоуправления в 133 странах и территориях по состоянию на 1 января 2020 г. 36 % (2,18 млн) были женского пола, в то время как представительство женщин в национальных парламентах в 2020 г. достигло уровня лишь в 25 %³.

Но даже в местных представительных органах доля женщин существенно ниже, чем уровень представительства мужчин. Участие женщин в локальной политике определяется разными факторами: от типа избирательной системы (женщины чаще оказываются в парламентах, если они избирают-

© Вершинина Д. Б., Бурмистрова Е. С., 2024

¹ ACE Electoral Knowledge Network. (2024) Women's representation in parliaments. URL: <https://aceproject.org/ace-en/topics/ge/ge1/ge14/ge141> (accessed: 18 September 2024).

² Inter-Parliamentary Union. (2024) Women MPs: Some progress but prominent figures quitting. URL: <https://www.ipu.org/news/press-releases/2024-03/women-mps-some-progress-prominent-figures-quitting> (accessed: 18 September 2024).

³ UN Women. (2021) Women's representation in local government: a global analysis. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2022-01/Womens-representation-in-local-government-en.pdf> (accessed: 18 September 2024).

ся по пропорциональной системе (Tremblay, 2007)) до религиозных убеждений избирателей (в США приверженцы религиозных убеждений в меньшей степени поддерживают женщин на руководящих политических должностях (Yanus, 2021)). Этим объясняется большой разброс в представленности женщин на лидерских позициях в локальной политике от страны к стране: если в Норвегии на 2022 г. женщины возглавляли 10 из 15 крупнейших городов⁴, то в России на сентябрь 2024 г. женщины возглавляют три города-миллионника из 16 (18,8 % мэров крупнейших городов страны).

Исследователи часто обращались к тому, чтобы посмотреть, как гендерные стереотипы, полученные в ходе социализации, влияют и на действия самих мэров женского пола, и на то, как их воспринимают избиратели. Еще в 1993 г. Л. Хадди и Н. Теркильдсен показали, что кандидаты-мужчины часто воспринимаются избирателями как более компетентные и напористые, в то время как кандидаты-женщины – как более привлекательные и сострадательные (Huddy & Terkildsen, 1993). Двадцать лет спустя Н. Гигер и ее команда также пришли к выводу, что женщины-политики ассоциируются с такими чертами, как «сострадательность, честность, поддержка, левые / либеральные взгляды, феминистский настрой, высокая степень компетентности в вопросах социального обеспечения» (Giger N. et al., 2014: 305).

Исследование М. К. Шнайдер и А. Л. Бос, напротив, показывает, что женщины-политики не воспринимаются обладающими типичными для женщин чертами (теплотой, эмпатией), так как их оценивают по другому набору критериев (Schneider & Bos, 2014). Поскольку женщины-политики не пользуются положительными стереотипами о женщинах и ассоциируются с лидерскими качествами, присущими мужчинам-политикам, они могут оказаться в невыгодном положении в контексте успеха на выборах.

Н. М. Бауэр, исследуя влияние гендерных стереотипов на электоральный успех женщин-кандидатов, пришла к выводу, что женщины не обязательно находятся в невыгодном положении из-за стереотипов, если только эти стереотипы не используются в ходе кампаний (Baueer, 2015). Они активизируются только при определенных условиях, но могут привести к снижению поддержки кандидатов-женщин (когда кампания подчеркивает стереотипные женские черты, это может снизить восприятие квалификации и лидерских способностей кандидата-женщины). Этот вывод показывает, что женщины-кандидаты могут смягчить влияние стереотипов, тщательно контролируя то, как они изображаются в предвыборных кампаниях.

Впрочем, анализ 90 исследований, охватывающих более чем 750 тыс. статей в СМИ, проведенный в 2020 г., показал, что женщины-политики получают больше внимания к своей внешности и личной жизни, более негативное освещение жизнеспособности и в некоторой степени стереотипное освещение черт характера (Van der Pas & Aaldering, 2020).

Таким образом, немало публикаций посвящено тому, как гендерные стереотипы влияют на восприятие политиков избирателями, на действия политика, а также на освещение деятельности политиков женского пола в СМИ. Однако реже в центре внимания оказывается вопрос о том, как женщины-политики используют свой пол в процессе конструирования собственного политического имиджа. Ценными в этом отношении являются размышления Э. Маттана и Т. Смолл о гендеризированном характере самопрезентации политиков в Twitter⁵. Вводя переменные, связанные с присутствием в имидже политика его семьи, особенностями внешнего вида и поднимаемыми проблемами, они обращают внимание на то, что их присутствие / отсутствие в «визуальных сигналах» женщины-политика способствует либо усилению, либо преодолению гендерных норм (Mattan & Small, 2021).

Кроме того, в центре внимания исследователей гораздо реже оказываются политики локального, городского уровня. Исследования представленности женщин на позиции главы города обычно посвящены той политике, которую проводят женщины-мэры, и степени ее ориентированности на женщин. Так, задавшись вопросом о том, готовы ли местные органы самоуправления, возглавляемые женщинами, к более активной реализации гендерно-чувствительной политики, такой как долгосрочная поддержка по уходу, дошкольное образование или услуги по совмещению работы и семейной жизни, Ф. Кароцци и А. Гаго на примере Испании выяснили, что политическая и идеологическая ориентация политика более значима для направленности локальной политики, чем пол политика (Carozzi & Gago, 2017). Исследование американских мэров 2011 г. также показало, что нет влияния пола мэра на результаты политики, связанные с содержанием муниципальных расходов или уровнем преступности (Ferreira & Gyourko, 2011).

⁴ Women mayors (2022) The women mayors project. URL: http://www.citymayors.com/women_mayors/female-mayors-europe.html (accessed 18 September 2024).

⁵ Запрещен в Российской Федерации.

В отличие от сюжетов, связанных с деятельностью женщин в локальной политике, вопросы конструирования имиджа женщины-мэра в социальных сетях не оказывались прежде предметом специальных исследований. При этом значимость этого имиджа для успешной коммуникации женщины-мэра с горожанами очевидна: по сравнению с общенациональными политиками мэры воспринимаются горожанами как более близкие и одновременно как более подконтрольные обществу политические фигуры, а потому их компетентность в решении вопросов городской политики часто подвергается сомнению, и в такой ситуации пол политика, равно как его (ее) образование, социальная принадлежность и этнорасовая идентичность, также могут проблематизироваться избирателями, что делает исследование визуального и лингвокультурного дисплея политика-мэра еще более актуальным. При этом мэр столичного города находится в пограничной ситуации, являясь политиком и локального, и общенационального уровня, становясь образцом для глав других городов. Именно обращение к женщинам-мэрам в столичных городах, как представляется, может показать разные механизмы взаимодействия женщины-политика с собственной женственностью в выстраивании своего цифрового имиджа.

Женщины-мэры сегодня не являются редкостью в европейских городах, в том числе и в европейских столицах: в таких городах, как Копенгаген, Осло, Стокгольм, Берлин и Люксембург, женщины занимают посты мэров, способствуя постепенному изменению гендерного паритета в локальной политике. Софи Андерсен в Копенгагене, Марианна Борген в Осло и Франциска Гиффай в Берлине и другие занимают влиятельные позиции в различных политических контекстах, демонстрируя, что гендерное равенство в местном руководстве постепенно становится реальностью.

В данном исследовании из всего разнообразия женщин – мэров столиц европейских государств были выбраны два примера, которые стоят особняком от всех остальных и дают уникальный взгляд на то, как интерсекциональность и гендерный дисплей взаимодействуют в публичном имидже женщин-мэров. Нас интересовал не только факт наличия женщины-мэра в столице государства, но и отсутствие на момент начала политической карьеры позиции «инсайдера», что обусловило выбор двух анализируемых кейсов: Хейзел Чу (занимала пост лорда-мэра столицы Ирландии в 2020–2021 гг.) и Анн Идальго (мэр Парижа с 2014 г.). Их выбор объясняется тем, что помимо женского пола двух политиков объединяет мигрантская идентичность, а потому свою политическую карьеру обе начинали как «чужаки» и в плане гендера, и в плане этнической (в случае Чу – этнорасовой) идентичности. Саморепрезентация в таком случае становится ключом не только к тому, чтобы стать «своей» в мужском мире политики, но и к тому, чтобы присвоить национальную идентичность (французскость и ирландскость как идентификационный маркер политика, которому можно доверять). При этом Ирландия и Франция демонстрируют примерно равную долю женщин в городских советах: если в первой по итогам местных выборов 2024 г. женщины составили 26 % всех членов городских советов⁶, то в последней по данным на 1 января 2023 г. эта доля составила 30 %⁷ (для сравнения: в Норвегии этот показатель в 2023 г. составил 44 %⁸, а в Исландии – 51 %⁹), что говорит о том, что женское руководство в локальной политике этих стран является скорее исключением, чем правилом.

Методология и методы исследования

В данном исследовании поднимается вопрос о том, становится ли пол женщины-мэра значимым фактором для формирования ее имиджа, с одной стороны, и для оценки деятельности мэра в массмедиа – с другой. Нас интересует, как мэры женского пола выстраивают свой гендерный дисплей, под которым вслед за И. Гофманом мы понимаем демонстрацию значимых для коммуникации с другими людьми черт и особенностей личности через показательное поведение и внешний вид. Гофман пишет, что именно дисплеи (в том числе гендерный) «предварительно устанавливают условия контакта, способ, или стиль, или формулу для отношений, которые должны последовать между лицами, обеспечивающими демонстрацию (*дисплеив.* – *Е. Б., Д. В.*), и лицами, воспринимающими ее»

⁶ O'Connor O. (2024) Gender quotas must be introduced in local government in order to achieve equality. *Irish Examiner*, 23 June. URL: <https://www.irishexaminer.com/opinion/commentanalysis/arid-41421664.html> (accessed 6 October 2024).

⁷ Statista Research Department (2024) Proportion of women among local elected officials in France on 1 January 2023, by type of mandate. *Statista*, 4 July. URL: <https://www.statista.com/statistics/1233492/share-women-among-local-elected-officials-france-mandate/> (accessed 6 October 2024).

⁸ Dyvik, E. (2024) Share of women in political leadership positions in Norway from 1979 to 2023, by office. *Statista*, 4 July. URL: <https://www.statista.com/statistics/1095084/share-of-women-in-political-leadership-positions-in-norway/> (accessed 6 October 2024).

⁹ UNECE (2024) Proportion of seats held by women in local governments, %. *UNECE*. URL: <https://w3.unece.org/SDG/en/Indicator?id=141> (accessed 6 October 2024).

(Goffman, 1976: 69). Таким образом, анализируя деятельность женщин-мэров, мы обращаемся к тому, как они «играют» со своим гендером в выстраивании коммуникации с избирателями и как массмедиа откликаются на появление в городе главы женского пола – в условиях, когда политика по-прежнему остается делом преимущественно мужским.

В данном исследовании мы воспринимаем должность мэра (лорда-мэра) как символ власти в органах местного самоуправления, даже если реальные полномочия конкретных глав городов варьируются. Представительский характер позиции мэра требует особого подхода команды политика, претендующего на нее или уже занимающего ее, к собственной репрезентации, демонстрируемой в процессе коммуникации с горожанами. Таким образом, в центре внимания оказываются не механизм избрания мэра, нормативные рамки его взаимодействия с другими властными лицами и институциями, его полномочия, а вопросы конструирования имиджа политика в процессе политической коммуникации с избирателями. Другими словами, нас интересует не то, как пол женщины-политика влияет на ее попадание на позицию мэра, а то, как, попав на нее, она подходит к конструированию своего образа, транслируемого горожанам. Впрочем, требуются дальнейшие исследования, которые могут пролить свет на то, насколько опущенные в данном исследовании факторы могут радикально трансформировать механизмы формирования визуального и лингвокультурного облика политика.

Для выстраивания портретов женщин-мэров в исследовании были использованы такие маркеры, как факторы, повлиявшие на избрание, ключевые проблемы, поднимаемые в политической программе, риторика по поводу своего этнического происхождения, эпитеты и описания, используемые СМИ для характеристики женщины-мэра. В рамках портрета женщин-мэров анализу подвергалась также тематика, которую они поднимали в своих официальных аккаунтах в социальной сети X (бывший Twitter)¹⁰. Поднимаемые главой города сюжеты позволяют охарактеризовать лингвокультурный образ, создаваемый женщиной-политиком и опирающийся на «систему языковых средств выразительности, а также характерную для построения политического текста тематически ориентированную лексику» (Телегина & Синельников, 2018).

Коммуникации политиков с избирателями в XXI в. невозможно представить без их визуальной составляющей: немало исследований посвящено тому, как развивающиеся технологии ставят перед политическими деятелями новые вызовы, в том числе связанные с необходимостью визуализировать собственную деятельность: «...чтобы стать политически значимым событием или политически значимой персоной, надо визуализироваться через экран телевизора или визуально репрезентироваться в виде электронной фотографии» (Щербинина, 2012: 8). А поскольку, как уже отмечалось, к внешности женщин-политиков избиратели традиционно проявляют большее внимание, чем к внешности их коллег-мужчин, политические деятели женского пола неизбежно вынуждены выбирать, будет в их визуальном образе подчеркиваться или нивелироваться принадлежность к женскому полу. При этом то, как выглядит на видео- и фотоматериалах женщина-политик, является не просто случайным выбором, а становится символическим измерением власти: визуальные знаки становятся посылом, несущим в себе политическое высказывание.

Несмотря на большое количество публикаций об имиджах политиков, в том числе политиков-женщин, лишь немногие ученые пытались операционализировать элементы визуального образа политического деятеля так, чтобы подобного рода анализ можно было применять в широких междисциплинарных исследованиях. В данной работе мы опираемся на подход, предложенный Ш. Брэндс, С. Крукемайер и Д. Триллинг в статье «Insta(nt)famous? Визуальная самопрезентация и использование мужских и женских тем женщинами-политиками в Instagram¹¹» (Brands et al., 2023). Авторы вводят следующие критерии для анализа визуального имиджа политика: взаимодействие (или его отсутствие) с другими людьми, расстояние от политика до других людей, доминирование (или недоминирование) политика на фотографии, серьезность / улыбчивость (при условии, что лицо политика видно на фотографии). Кроме того, они предлагают анализировать одежду политиков, разделив ее на три категории: официальный стиль, полуделовой стиль и повседневная одежда.

Для сравнения визуального имиджа, конструируемого Х. Чу и А. Идальго в их официальных аккаунтах в Twitter¹², были проанализированы их публикации в данной социальной сети (относящиеся к периоду пребывания на посту мэра города) и, в частности, все фотографии с мэром, опубликованные за это время. Всего анализу подверглось 107 фотографий Чу в ее аккаунте за время пребывания на позиции лорда-мэра Дублина и 253 фотографии Идальго.

¹⁰ Запрещен в Российской Федерации.

¹¹ Instagram – продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации.

¹² Запрещен в Российской Федерации.

Хейзел Чу: «простая девчонка» на посту лорда-мэра Дублина

История женщин во главе столицы Ирландии Дублина уходит корнями еще в довоенное время: первым мэром женского пола в 1939 г. стала Кэтлин Кларк, жена одного из организаторов Пасхального восстания 1916 г. Помимо своего участия в национально-освободительном движении Кларк к моменту назначения на должность мэра была известна своей профеминистской позицией: вместе с другими феминистками и участницами освободительного движения (например, Ханной Шихи-Скеффингтон) она выступала против консервативного разворота страны, критикуя текст ирландской Конституции.

Впрочем, пребывание Кларк на посту мэра не способствовало продвижению женщин на эту позицию, и после нее в течение XX в. лишь три женщины смогли добиться этой должности. Изменения, начавшиеся в Ирландии в конце XX в., способствовали более активному включению женщин в политику, как национальную, так и локальную, и за 24 г. XXI в. женщины составили 26 % избранных на пост мэра (7 из 27 человек). При этом женщины занимали позицию мэра Дублина три срока подряд: с 2020 по 2023 г., что в целом соответствует различным исследованиям, авторы которых утверждают: женщины как руководители оказываются особенно востребованы в кризисные времена (например, в пандемию COVID-19) (Aldrich & Lotito, 2020).

Именно в один из самых непростых для ирландцев моментов стала мэром Дублина Хейзел Чу, чье избрание вызвало особое внимание со стороны СМИ из-за китайского происхождения политика. Чу – представительница партии зеленых, еще с конца XX в. ориентированной на привлечение женщин в политику: согласно конституции партии 1992 г., в партийном списке на выборах в Дойл Эрен (нижнюю палату ирландского парламента) баланс полов должен был составлять 40 к 60. И хотя семь мэров женского пола, занимавшие свои позиции в XXI в., представляли все крупные ирландские партии, только от двух партий было два избранных мэра-женщины – от Лейбористской партии и партии зеленых. Таким образом, как и в других странах, именно левые партии в Ирландии в большей степени склонны к продвижению женщин в политику, как на национальном, так и на местном уровне. Равным образом эти партии нацелены и на этнорасовое разнообразие, что отражает появление Хейзел Чу в качестве мэра Дублина в 2020–2021 гг.

С 2019 по 2021 г. Чу также возглавляла партию зеленых, хотя вступила в нее лишь в 2016 г. (правда, еще в 2014 г. она руководила предвыборной кампанией ее партнера Костелло в городской совет Дублина). В 2019 г. она заняла место члена городского совета Дублина, сохранив его и по настоящее время. Политическая карьера Хейзел Чу, несмотря на ее стремительность, не обошлась без сложностей: в 2021 г. у Чу возник конфликт с собственной партией из-за попытки баллотироваться на дополнительных выборах в Сенат, поскольку на тот момент зеленые поддержали правительственную коалицию и заключили с ней соглашение об отказе выставлять кандидатов на выборах. Впрочем, конфликт 2021 г. не помешал Чу остаться членом партии и в 2024 г. стать кандидатом от зеленых на ближайших выборах (планируются в марте 2025 г.). Именно этим можно объяснить внимание Чу к социальным сетям в период пребывания на посту лорда-мэра: деятельность на этой должности она стремилась конвертировать в голоса избирателей.

Чу не скрывает свое китайское происхождение: в многочисленных интервью она подчеркивает все трудности социализации в Ирландии девочки из семьи выходцев из Гонконга, познакомившихся во время работы в ресторане (посудомойкой и грузчиком)¹³, отмечает значение языкового барьера для ее родителей, скученность в квартирах мигрантов, используя собственную биографию для того, чтобы поднимать важные для нее темы интеграции мигрантов в ирландское общество.

Поднимая расовую проблематику, Чу соединяет ее с гендерными аспектами. Она не раз говорила о необходимости отойти от расовых и гендерных стереотипов об азиатских женщинах как о «покорных домохозяйках», которые высказывались в ее адрес и в адрес многих других женщин-профессионалов азиатского происхождения, и выражала надежду, что ее роль лорда-мэра может помочь продемонстрировать силу азиатских женщин. Именно расизм и сексизм как главные объекты ее борьбы регулярно назывались в массмедиа в различных публикациях про Чу, поскольку сама она именно так определяла свои цели: «Я хотела бы видеть, как мы восхваляем разнообразие и боремся с

¹³ Carney J. (2020) Dublin's first ethnic-Chinese mayor on racism, her parents' work ethic, and teaching poor children in China, *South China Morning Post*, 5 August. URL: <https://www.scmp.com/lifestyle/article/3095902/dublins-first-ethnic-chinese-mayor-racism-her-parents-work-ethic-and> (accessed 18 September 2024).

расизмом и сексизмом»¹⁴. Именно Чу регулярно обращалась к теме расовой ненависти, жертвой которой в онлайн-пространстве и на улицах Дублина становилась не только она сама, но и ее маленькая дочь: к примеру, в одном из интервью она рассказала, что подростки обозвали ее дочь «дворнягой».

В отличие от многих других женщин-политиков (например, от занявшей пост лорда-мэра Дублина сразу после нее Элисон Гилланд), которые не афишируют личную жизнь и предпочитают профессиональный образ персонализированному, Чу, напротив, сделала свой политический образ максимально персонализированным. Она не только подробно рассказывает о детстве, в том числе детском опыте столкновения с расовыми предрассудками, но и не скрывает свою личную жизнь: ее партнером со студенческих времен является также представитель партии зеленых, а с 2020 г. член нижней палаты ирландского парламента Патрик Костелло, за которого Чу вышла замуж в период пребывания на должности мэра и свадьба с которым прошла в особняке лорда-мэра Дублина. Фотографии дочери, в том числе в кресле главы ирландской столицы, Чу публиковала достаточно часто в течение года исполнения обязанностей мэра. В интервью Хейзел откровенно подчеркивала то, насколько сложно ей находить баланс между работой и семьей, рассказывала истории про то, как не успевала готовить и была вынуждена покупать еду, отмечала то, что включенность мужа в воспитание дочери и домашние дела помогает ей справляться с сочетанием позиции лорда-мэра и матери маленького ребенка¹⁵. Достаточно часто лорд-мэр обращалась к судьбе своей матери, отмечая, насколько избрание дочери лордом-мэром столицы Ирландии важно для иммигрантки: «Это то, что кажется просто невозможным, особенно если ты из семьи мигрантов. Но это и есть то, что является самым замечательным в Ирландии и ее народе. Мы все очень принимающие, мы очень любящие, мы очень гостеприимны, и мы склонны думать, что все возможно»¹⁶.

Подчеркивание личной жизни и акцентирование на принадлежности к женскому полу, как отмечают Дж. Ли и Ю. Лим, является не вполне типичной моделью конструирования собственного имиджа для женщин-политиков, которые чаще подчеркивают свои маскулинные качества, чтобы усилить образ лидера (Lee & Lim, 2016). Чу, напротив, не стремится акцентировать внимание на маскулинных чертах: она подробно рассказывает о том, как тяжело переживала смерть лучшей подруги от рака и была вынуждена взять тайм-аут, уехав из Ирландии, как не знала, чем заняться после возвращения в страну. Во время пребывания на посту мэра Чу давала большое количество интервью молодым ирландцам (школьникам и студентам), подчеркивая необходимость стремиться к изменениям в собственной жизни и жизни страны в целом. Положение молодежи и, в частности, студентов также регулярно оказывалось в центре внимания лорда-мэра, и, обращаясь к собственному опыту, она неоднократно демонстрировала, что на успех в Ирландии может претендовать каждый и каждая.

Открытость в собственной жизни позволяет Хейзел Чу конвертировать и пол, и расу в политический капитал: так, в 2022 г. после того, как она баллотировалась в Сенат Ирландии, она получила благодарность партии зеленых за то, что продемонстрировала «стойкость, упорство и эмпатию; ключевые навыки для любой женщины в политике и, более того, для любого, кто страстно стремится к переменам»¹⁷. Находясь на позиции лорда-мэра Дублина, Чу регулярно обращалась к таким темам, которые исследователи традиционно относят к женским: это не только права иммигрантов и женщин, но и проблемы окружающей среды, системы здравоохранения, бедность и бездомность и т. п. На Рождество 2020 г. Хейзел устроила благотворительный обед в особняке лорда-мэра и сама раздавала еду бездомным людям. В духе партии зеленых Чу выступала за решительные меры в вопросе изменения климата: «В моем качестве лорда-мэра я страстный сторонник безотлагательного принятия мер по борьбе с изменением климата сейчас, чтобы у нас могло быть более экологичное будущее»¹⁸, подчеркивала необходимость использования экологичного транспорта и фотографировалась, передвигаясь по Дублину на велосипеде.

¹⁴ Kiely M. (2020) "There were nine of us in three bedrooms" Hazel Chu's rise from working class girl to Dublin Lord Mayor, *RSVP Live*, 10 September. URL: <https://www.rsrvplive.ie/life/business/there-were-nine-three-bedrooms-22479670> (accessed 18 September 2024).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ O'Brien, M. (2020) Lord Mayor of Dublin Hazel Chu's daughter branded a 'mongrel' by sick teen thugs as she reveals details of disgusting racist abuse received since taking office, *Dublin Live*, 31 July. URL: <https://www.dublinlive.ie/news/dublin-news/hazel-chu-daughter-teenagers-mongrel-18695511> (accessed 18 September 2024).

¹⁷ Green Party. (2022) Green Party commends Cllr Hazel Chu and Paula Roseingrave for championing climate action and inclusion in Seanad run, *Green Party*, 31 March. URL: <https://www.greenparty.ie/news/green-party-commends-cllr-hazel-chu-and-paula-roseingrave-championing-climate-action-and> (accessed 18 September 2024).

¹⁸ IrishLegal. (2021) Hazel Chu to take part in panel discussion during Law Society MOOC, *Irish Legal News*, 15 June. URL: <https://www.irishlegal.com/articles/hazel-chu-to-take-part-in-panel-discussion-during-law-society-mooc> (accessed 18 September 2024).

Персонализация политической деятельности отразилась и на том образе Чу, который сформировался в ирландской прессе. Вслед за самой Чу массмедиа сосредоточились на ее карьере как демонстрации возможностей для интеграции мигрантов в ирландское общество, ведь Хейзел прошла путь от девушки из рабочего класса до лорда-мэра Дублина. СМИ также регулярно фиксировали случаи онлайн- или офлайн-атак на лорда-мэра со стороны расистски настроенных крайне правых, отдавая должное стремлению Чу бороться с расизмом в Ирландии. Они подчеркивали решительность Чу в деле защиты собственной дочери¹⁹, называли ее «восходящей звездой зеленых»²⁰, одновременно отмечали ее амбициозность, таким образом создавая более маскулинный образ, чем сама лорд-мэр.

Анн Идальго: «боец» во главе парижской мэрии

Традиционно мэрами столичного Парижа были мужчины. Анн Идальго, избранная в 2014 г., стала первой женщиной на посту мэра столицы Франции. Ее избрание на пост мэра Парижа можно связать с сочетанием нескольких факторов. Это и поддержка со стороны Социалистической партии Франции, и ее предшествующий профессиональный опыт.

Социалистическая партия Франции имеет давнюю историю борьбы за гендерное равенство и права женщин: в 2000 г. при премьер-министре-социалисте Лионеле Жоспене во Франции было принято законодательство, предусматривающее обязательное соблюдение гендерного баланса на выборах всех уровней, а в 2012 г. президент-социалист Франсуа Олланд сформировал первое во Франции гендерно сбалансированное правительство. Эти инициативы проложили путь таким женщинам, как Анн Идальго, к руководящим постам.

Политическая карьера Идальго началась с работы в качестве инспектора по труду, затем она стала первым заместителем мэра Парижа Бертрана Деланоэ с 2001 по 2014 г. Как отмечала К. Хэнкок, Анн Идальго внесла значительный вклад в продвижение гендерного равенства в Париже: с 2001 по 2008 г. она отвечала за права женщин и реализовала целый ряд стратегий, направленных на улучшение гендерного равенства: продление времени работы муниципальных служб для поддержки работающих женщин, увеличение финансирования ассоциаций по защите прав женщин, переименование улиц в честь влиятельных женщин, устранение символического гендерного представительства в общественных местах (Hancock, 2022: 111). В 2008–2014 гг., во время второго срока Деланоэ, Идальго также приобрела репутацию человека, занимающего прогрессивную позицию в вопросах охраны окружающей среды и выступающего за инклюзивную политику, что впоследствии стало центральным элементом ее кампании во время выборов мэра (Meeks, 2023). Ее подход был направлен на преобразование Парижа в более удобный для жизни, зеленый и социально справедливый город.

Интересно, что Идальго была одним из инициаторов кампании «143 повстанцев» вместе с другими женщинами-лидерами Социалистической партии. Выступая против выдвижения Сеголен Руаяль как кандидата от социалистов на президентские выборы, Идальго подчеркивала, что на первом месте должны стоять поступки политика, а не его личность: «мы сыты по горло тем, как все сосредоточено на людях, на персонализации, на освещении редакторами, а не на участии в коллективной работе, высказываниях по существу и выполнении долгосрочной работы»²¹. Таким образом, еще в самом начале политической карьеры Идальго делала ставку на профессионализм, обычно ассоциируемый с мужским гендерным дисплеем.

В ходе своей предвыборной кампании 2014 г. Анн Идальго не делала акцент на своем поле, что может объясняться тем фактом, что ее главной соперницей тоже была женщина, Натали Косцюшко-Моризе. Основными темами для Анн стали обширный опыт в области муниципального управления, ее выступления в защиту социальной справедливости и акцент ее кампании на устойчивом городском развитии, социальной интеграции и гендерном равенстве. В преддверии предвыборной кампании 2020 г. Идальго дистанцировалась от Социалистической партии, решив сосредоточиться на личном голосовании и создании широкой политической коалиции под лозунгом «Париж в общем».

¹⁹ O'Connor, S. (2021) Lord Mayor of Dublin Hazel Chu says she'll remain defiant against fat shaming trolls - who she expects will call her a 'whale' on her wedding day, *Irish Mirror*, 13 June. URL: <https://www.irishmirror.ie/news/irish-news/politics/lord-mayor-dublin-hazel-chu-24307412> (accessed 18 September 2024).

²⁰ Finneran, A. (2020) New Dublin Lord Mayor Hazel Chu forced to postpone wedding due to Covid – but it won't be in Mansion House <https://www.thesun.ie/news/5618019/new-dublin-lord-mayor-postpone-wedding-covid/> (accessed 18 September 2024).

²¹ Lefigaro.fr (avec AFP). (2006) “143 rebelles” contre la Ségomania, *Le Figaro*, 26 April. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite/2006/04/26/01001-20060426ARTWWW90379-_rebelles_contre_la_segomania.php (accessed 18 September 2024).

Этот альянс объединил социалистов, зеленых и коммунистов с целью превратить Париж в город с нулевым уровнем выбросов углекислого газа к 2030 г. Создавая коалиции с группами, представляющими социалистические, феминистские и экологические идеалы, Идальго удалось расширить свою политическую базу, объединив самые разные слои избирателей.

На протяжении обоих сроков пребывания на посту мэра неотъемлемой частью «бренда» Идальго будут оставаться экологичное городское планирование и гендерное равенство, традиционно ассоциируемые с «женскими» темами в политике. Идальго постоянно рассматривает климатический кризис как центральную политическую проблему, требующую активных действий: «Обязанность политика – дать конкретные ответы. Индивидуальных действий будет недостаточно, если политики не создадут условия для коллективных изменений»²².

Прекрасной иллюстрацией приверженности Идальго гендерному равенству является случай, когда городская администрация была оштрафована за пренебрежение гендерными квотами. Идальго заявила, что ее обвиняют в том, что в 2018 г. на руководящие должности в мэрии были назначены 11 женщин и только пять мужчин, то есть 69 % назначений пришлось на женщин: «Я рада сообщить, что нас оштрафовали, руководство мэрии внезапно стало слишком феминистским»²³. Этот случай еще больше укрепил ее стремление содействовать гендерному равенству и бросать вызов традиционным нормам.

Говоря о гендерном дисплее Анн Идальго, можно заметить, что представления о ней в СМИ претерпели значительные изменения за время ее политической карьеры. До ее первой победы на посту мэра нарратив часто отражал ее происхождение и статус аутсайдера: например, «претендент на пост мэра Парижа неуклюже обращается к иностранным жителям»²⁴. Таким образом, Идальго представлялась несколько неуместной, акцентировалось внимание на ее мигрантском происхождении, а не на ее политических способностях. Однако после ее успешного избрания на пост мэра нарратив СМИ значительно изменился. В медиа обращали внимание на следующую ее характеристику от коллеги по городскому совету Жан-Люка Ромеро: «Как только вы узнаете ее, вы попадаете под ее чары... Она умная женщина, которая очень много работает и обладает необыкновенной способностью к лидерству. А еще она очень веселая»²⁵. Из аутсайдера Идальго превратилась в фигуру, обладающую властью и уважением.

Другая ключевая трансформация в образе Идальго – это изменение ее идентичности: от «испанской мигрантки» до «гордой француженки». Первоначально регулярно подчеркивался ее статус мигранта: почти все издания отмечали, что ее семья бежала из франкистской Испании. Однако по мере укрепления своей роли на посту мэра Идальго сама начала строить повествование, подчеркивающее ее интеграцию и гордость за новую родину. В одном из интервью она сказала: «Франция раскрыла мне свои объятия и сделала меня хозяйкой своей судьбы»²⁶, и подчеркнула свое «новое гражданство и гордость», создав нарратив успешной интеграции.

С самого начала ее политической карьеры журналисты замечали, что Идальго «редко говорит о себе в первом лице»²⁷. Действительно, она редко говорит о своей личной жизни, почти не упоминает о своих детях и муже, а в ее социальных сетях в основном запечатлены ее достижения, а не она сама. Это качество, а также ее нежелание привлекать внимание к своему полу, особенно в контекстах, не связанных с гендерным неравенством, привело к тому, что ее часто характеризуют в терминах, типично ассоциирующихся с мужским лидерством. Мэра Парижа часто изображают готовой принимать смелые решения, описывают как упрямую и последовательную, «упорно строящую свое здание

²² Hidalgo, A. (2019). How Paris Is Becoming a Green City, *Time*, 12 September. URL: <https://www.time.com/5669067/paris-green-city/> (accessed 18 September 2024).

²³ AFP in Paris. (2020) Paris city hall fined for putting too many women in senior roles, *The Guardian*, 15 December. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/15/paris-city-hall-fined-for-putting-too-many-women-in-senior-roles> (accessed 18 September 2024).

²⁴ Todd, T. (2014) Paris mayoral hopeful makes clumsy appeal to foreign residents, *France24*, 21 March. URL: <https://www.france24.com/en/20140321-anne-hidalgo-paris-mayor-election-appeal-vote-english> (accessed 18 September 2024).

²⁵ France 24. (2014) Spanish migrant Hidalgo becomes first woman mayor of Paris, *France24*, 5 April. URL: <https://www.france24.com/en/20140405-paris-first-woman-mayor-anne-hidalgo-spain-immigrant-delaunoy> (accessed 18 September 2024).

²⁶ Verdot-Belaval, A. (2013) Le jour où je suis devenue française – Anne Hidalgo, *Paris Match*, 14 August. URL: <https://www.parismatch.com/People/Le-jour-ou-je-suis-devenue-francaise-524624> (accessed 18 September 2024).

²⁷ Todd, T. (2014) A tale of two women: Paris set to get first female mayor, *France 24*, 18 March. URL: <https://www.france24.com/en/20140318-tale-two-women-paris-set-get-first-female-mayor> (accessed 18 September 2024).

кирпичик за кирпичиком»²⁸, как «борца», готового сражаться за свои идеи до конца²⁹. Ее стойкость часто характеризуется метафорами силы и прочности, «ее называют "железной", "стальной" или даже "титановой"»³⁰. Эти описания соотносят ее с традиционными мужскими чертами лидерства – жесткостью и упорностью.

В дополнение к дисплею с мужским кодом Идальго также пришлось столкнуться с «мужскими» проблемами. Громкие теракты в январе и ноябре 2015 г. повысили ее видимость не только как мэра, но и как национального лидера перед лицом трагедии. Она стала заметной фигурой наряду с национальными лидерами в период траура, а ее поведение во время этих кризисов еще больше укрепило ее имидж решительного и сильного лидера.

Политический подход Идальго также отражает готовность идти наперекор ожиданиям и рисковать, часто следуя наперекор общепринятому мнению. Одним из таких примеров является ее стремление обеспечить успешную заявку Парижа на проведение Олимпийских игр 2024 г. – достижение, которое не удалось ее предшественнику Бертрану Деланоэ. Успех в обеспечении Олимпийских игр выгодно отличает ее от своего наставника и укрепляет ее репутацию лидера-трансформатора.

Гендерный дисплей Анн Идальго в СМИ демонстрирует сложное взаимодействие между ее женской идентичностью и мужскими чертами, приписываемыми ее стилю руководства. Хотя ей удалось создать нарратив гордости за свою французскую идентичность и сфокусированности на проблематике гендерного равенства, ее дисплей по-прежнему формируется необходимостью перенимать качества, традиционно приписываемые мужчинам-лидерам, чтобы процветать в политическом ландшафте, где доминируют мужчины.

Визуальный имидж женщины-мэра: сравнительный анализ

Анализ визуальной составляющей постов мэров Дублина и Парижа в Twitter показывает сходство в их подходах к конструированию собственного образа: и Анн Идальго, и Хейзел Чу предпочитают не официальный стиль, а более повседневную одежду (Идальго запечатлена в официальном стиле в 17 % случаев, Чу – лишь на одной фотографии). Можно отметить, что ни та, ни другая не стремятся интегрироваться в мужской мир официальной и формальной политики. Чу предпочитает неформальный стиль одежды: джинсы, футболки; может появляться на фотографиях в спортивных костюмах, но часто надевает и платья. Для Идальго характерен более «дерзкий» стиль одежды: типичный для парижского мэра наряд – красное платье и кожаная куртка. Если Чу вообще не надевает официальные костюмы, то Идальго одевалась так на встречу с папой римским Франциском в марте 2023 г., а также надевает деловые костюмы на заседания мэрии Парижа и на памятные мероприятия (например, в память о террористических актах 2015 г.). В отличие от нее Чу если и надевает костюмы, то предпочитает полуофициальный их вариант, в котором преобладают яркие цвета (розовый, лазурный и т. п.). На ряде фотографий, представленных в ее аккаунте, мэр Дублина запечатлена в мини-юбке, что свидетельствует о ее неформальном подходе к тому, какой образ конструировать для избирателей. Поскольку во время пребывания на посту мэра столицы Чу пыталась баллотироваться на пост в верхней палате ирландского парламента, можно сделать вывод о сознательном выборе политиком такого неформального визуального облика, который, по видимому, должен был сформировать у ирландцев доверие к «соседской девчонке», такой же, как обычные дублинцы: разъезжающей на велосипеде, сидящей на ступеньках, держащей на коленях маленькую дочку прямо во время работы.

Идальго, в отличие от Чу, не стремится разрушить границы между собой и избирателями: стиль ее одежды содержит элементы шика, броскости, что подчеркивает ее профессионализм, но не делает ее понятной и близкой избирателю. Если последняя подчеркивает свои уверенность, самодостаточность, непоколебимость, то Чу, напротив, демонстрирует готовность взаимодействовать с обычными жителями столицы (и страны в целом), стремится преодолеть свою визуальную инако-

²⁸ Le Monde (2014) Municipales 2014: Anne Hidalgo devient la première femme maire de Paris, *Le Monde*, 30 March. URL: https://www.lemonde.fr/paris/article/2014/03/30/paris-la-socialiste-anne-hidalgo-remporte-la-mairie_4391725_1779311.html (accessed 18 September 2024).

²⁹ Abboud, L. et al. (2024) Anne Hidalgo, crusading Paris mayor dives into the Olympics, *Financial Times*, 20 May. URL: <https://www.ft.com/content/0de2fabe-3d6c-42c8-b187-2d2253dd99d1> (accessed 18 September 2024).

³⁰ Steavenson, W. (2024) Paris's Mayor Anne Hidalgo Has A Very Big Summer, *Vogue*, 29 May. URL: <https://www.vogue.com/article/mayor-anne-hidalgo-profile-paris-olympics> (accessed 18 September 2024).

вость (возникающую в силу китайского происхождения и азиатской внешности) через повседневный стиль одежды.

Ни Идальго, ни Чу не стремятся выкладывать в своих профилях фотографии, являющиеся деловыми портретами, и создают образ политика, интегрированного в жизнь городских сообществ: мэры Парижа и Дублина показаны в одиночестве лишь на 20 и 18 % изображений соответственно, причем у Хейзел Чу немалая часть таких фотографий – это селфи (равно как и значительная часть фотографий, на которых она изображена вместе с другими людьми). Интересно, что для Идальго не характерно размещение селфи в своем аккаунте; более того, в ее аккаунте со значительным перевесом преобладают фотографии, изображающие парижан: как простых жителей города, так и выдающихся личностей (лишь 21 % постов с медиаматериалами содержат фотографии Идальго).

По таким критериям, как расстояние от политика до других людей, а также доминирование политика на фотографии, можно заметить влияние пандемии COVID-19 на то, какова степень взаимодействия мэра с жителями города: так, к примеру, несмотря на стремление Хейзел Чу активно коммуницировать с горожанами, время ее пребывания на посту лорда-мэра Дублина пришлось на пандемийный период, и поэтому на 41 % фотографий, размещенных в профиле политика, она находится далеко от других людей; впрочем, она чаще не располагается в центре фотографии и не становится доминирующей фигурой на ней (лишь на 39 % фотографий Чу воспринимается главной). Ковидом можно объяснить и дистанцию между ирландским мэром и другими людьми на немалом количестве изображений; но даже в пандемийную эпоху Чу на 58 % фотографий находится близко к другим, конструируя демократичный, близкий к горожанам образ мэра. Образ этот еще и очень позитивен, что было особенно важно в непростое время эпидемии: в 9 из 10 случаев Хейзел улыбается, стремясь вызвать симпатии избирателей.

В аккаунте Идальго доминируют фотографии, где она не в центре внимания (80 %). Те фотографии, где она находится в фокусе внимания и доминирует над всеми остальными, обычно отражают ее выступления с публичными речами, когда она находится на трибуне различных конгрессов (экологических, феминистских и др.). Более частыми оказываются изображения Идальго среди других участников публичных мероприятий, политиков, медийных личностей (она выкладывала фотографии с Анной Винтур и Томом Крузом). Формируя образ «рок-звезды», Идальго при этом редко фотографируется среди обычных горожан, наблюдая за ними со стороны и становясь в какой-то степени недоступным идеалом ответственного и харизматичного политика. Яркий образ парижского мэра дополняется постоянной улыбкой, что усиливает ощущение уверенности Идальго в том, что она делает и говорит.

Выводы

Обращение исследователей к образам женщин-политиков во многом связано с тем, что политики женского пола выбирают разные стратегии конструирования своих имиджей в глазах избирателей, и пол так или иначе всегда становится значимым компонентом в презентации политика жителям страны, региона, города. Мэр Парижа с 2014 г. Анн Идальго и мэр Дублина в 2020–2021 гг. Хейзел Чу принимают свою женственность и делают ее игральной картой на мужском поле городской и национальной политики. Интересно, что делают они это по-разному: в условиях проблематизации ее «ирландскости» силами справа Хейзел Чу максимально подчеркивала свою имманентность ирландской идентичности, создавая образ близкого, понятного, человеческого политика: за время пребывания на посту мэра она вышла замуж, часто публиковала посты про свою семью, делилась откровенными воспоминаниями о специфике интеграции дочери мигрантов в ирландское общество.

Анн Идальго в конструировании своего имиджа сосредоточена на подчеркивании профессионализма, но профессионализма с женским лицом. Она не боится показывать свою «яркую» женственность, отдавая предпочтение броским нарядам, делится в своих социальных сетях профессиональными достижениями, выгодно выделяясь своим элегантным стилем на фоне коллег-мужчин. Многократно акцентируя преданность идеалам гендерного равенства, Идальго стремится показать, что не нужно «затушевывать» свою женственность, чтобы преуспеть в традиционно мужской политике.

И Чу, и Идальго вынуждены в своих имиджах преодолевать свое мигрантское наследие. Если Идальго в личных комментариях обычно игнорирует эту тему, дав за свою карьеру одно откровенное интервью по поводу значимости для нее французской идентичности, то Чу вынуждена сфокусироваться на преодолении мигрантской стигмы и продолжает получать хейтерские комментарии о своем происхождении вплоть до настоящего дня.

Роднит избранных для анализа женщин-мэров их безусловная поддержка ценностей феминизма и гендерного равенства. Для Чу эта проблема связана с интерсекциональностью, так как в ее кейсе пересекаются гендерные и расовые акценты идентичности; Идальго сосредоточена на своей ответственности как женщины-политика по созданию более инклюзивной среды.

Таким образом, и Анн Идальго, и Хейзел Чу подчеркивают свою принадлежность к женскому полу, обращая ее в инструмент продвижения важной для них политической повестки: гендерного и расового равенства, экологии и развития городских сообществ.

Обращение к кейсам Чу и Идальго позволяет наглядно увидеть, как женщины-мэры не стремятся игнорировать и прятать свою женственность, однако переформируют ее, демонстрируя разные варианты «присвоения» сферы по-прежнему преимущественно мужской политики. При этом визуальные и лингвокультурные имиджи обеих женщин – глав городов подтверждают точку зрения, уже высказываемую в исследованиях и фиксирующую парадоксальность ситуации с конструированием гендерного дисплея для женщин-политиков, которые «должны последовательно бросать вызов гендерным стереотипам, не нарушая гендерную иерархию в умах своих избирателей» (Sanghvi & Hodges, 2015: 1689). С другой стороны, случай Идальго позволяет усомниться в распространенном мнении о том, что социальные сети используются политиками для персонализации своего облика (Farkas & Vene, 2021): мэр Парижа не говорит о семье в постах, не публикует фотографии с мужем и детьми и в целом использует Twitter лишь для демонстрации своих политических достижений.

Впрочем, анализ двух кейсов не позволяет говорить об универсальности именно таких моделей работы с собственной женственностью, поскольку оба выбранных примера связаны со странами, в которых идеалы гендерного равенства сегодня признаются социальной нормой. Можно предположить, что в тяготеющих к более традиционным ценностям странам женщинам-мэрам и политикам национального уровня будет сложнее открыто демонстрировать собственную женственность, которая может восприниматься избирателями в более стереотипном ключе. Это утверждение требует проверки и использования количественных методов, возможных на более широкой выборке в кросс-национальных исследованиях.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20326, <https://rscf.ru/project/24-28-20326/>, и при финансовой поддержке правительства Пермского края в рамках научного проекта № 24-28-20326.

Список литературы / References

- Телегина, В. А., Синельников, Ю. Г. (2018) 'Лингвокультурный образ женщины-политика в предвыборной картине Франции', *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3-1 (81), сс. 182–184. [Telegina, V. A., Sinel'nikov, Y. G. (2018) 'Linguo-cultural image of a woman-politician in pre-election picture of France' [Lingvokul'turnyi obraz zhenshchiny-politika v predvybornoi kartine Frantsii], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3-1 (81), pp. 182–184. (In Russ.)].
- Щербинина, Н. Г. (2012) 'Визуальный феномен в политической репрезентации', *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 3 (19), сс. 5–13. [Shcherbinina, N. G. (2012) 'The visual phenomenon in political representation' [Vizual'nyi fenomen v politicheskoi reprezentatsii], *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology And Political Science*, 3 (19), pp. 5–13. (In Russ.)].
- Aldrich, A. S., Lotito, N. J. (2020) 'Pandemic Performance: Women Leaders in the COVID-19 Crisis', *Politics & Gender*, 16 (4), pp. 960–967. DOI: 10.1017/s1743923x20000549.
- Bauer, N. M. (2015) 'Emotional, sensitive, and unfit for office? Gender stereotype activation and support female candidates', *Political Psychology*, 36 (6), pp. 691–08. DOI: 10.1111/pops.12186.
- Brands, C., Kruikeemeier, S., Trilling, D. (2023) 'Insta (nt) famous? Visual self-presentation and the use of masculine and feminine issues by female politicians on Instagram', in: *Women in the Digital World*, pp. 25–45. Routledge. DOI: 10.4324/9781003375937-3.

- Carozzi, F., Gago A. (2017) Female Mayors and Gender Policies in a Developed Country, available at: https://www.felipecarozzi.com/Felipe_Carozzi_files/GenderMayorsPolicies_2017.pdf.
- Farkas, X., Bene, M. (2021) 'Images, politicians, and social media: Patterns and effects of politicians' image-based political communication strategies on social media', *The international journal of press/politics*, 26 (1), pp. 119–142.
- Ferreira, F., Gyourko, J. (2011) Does gender matter for political leadership? The case of U.S. mayors, available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w17671/w17671.pdf.
- Giger, N., Holli, A. M., Lefkofridi, Z., Wass, H. (2014) 'The gender gap in same-gender voting: The role of context', *Electoral Studies*, 35, pp. 303–314. DOI: 10.1016/j.electstud.2014.02.009.
- Goffman, E. (1976) *Gender Advertisement*. Red Globe Press London.
- Hancock, C. (2022) '“Seeing like a city”, or ‘seeing like a state’ in a city? Paris, capital of femonationalism', *Environment and Planning C: Politics and Space*, 40 (1), pp. 108–123. DOI: 10.1177/23996544211002524.
- Huddy, L., Terkildsen, N. (1993) 'Gender stereotypes and the perception of male and female candidates', *American journal of political science*, pp. 119–147. DOI: 10.2307/2111526.
- Lee, J., Lim, Y. S. (2016) 'Gendered campaign tweets: the cases of Hillary Clinton and Donald Trump', *Public Relations Review*, 42 (5), pp. 849–855. DOI: 10.1016/j.pubrev.2016.07.004.
- Mattan, A. J., Small, T. A. (2021) 'Worth a thousand words: The study of visual gendered self-presentation on twitter', *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*, 54 (2), pp. 477–490.
- Meeks, L. (2023) 'Promising a Greener Paris: Anne Hidalgo's Framing of Environmental Issues in Her Mayoral Campaigns', *Environmental Communication*, 17 (6), pp. 550–565. DOI: 10.1080/17524032.2023.2226356.
- Sanghvi, M., Hodges, N. (2015) 'Marketing the female politician: an exploration of gender and appearance', *Journal of Marketing Management*, 31 (15-16), pp. 1676–1694.
- Schneider, M. C., Bos, A. L. (2014) 'Measuring stereotypes of female politicians', *Political psychology*, 35 (2), pp. 245–266. DOI: 10.1111/pops.12040.
- Tremblay, M. (2007) 'Democracy, representation, and women: A comparative analysis', *Democratization*, 14 (4), pp. 533–553. DOI: 10.1080/13510340701398261.
- Van der Pas, D. J., Aaldering, L. (2020) 'Gender differences in political media coverage: A meta-analysis', *Journal of Communication*, 70 (1), pp. 114–143. DOI: 10.1093/joc/jqz046.
- Yanus, A. B. (2021) 'Religion, Gender, and Representation in American Politics', *PS: Political Science & Politics*, 54 (3), pp. 402–405. DOI: 10.1017/s1049096520001766.

Статья поступила в редакцию: 20.09.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 21.10.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

GENDER DISPLAY OF LOCAL POLITICS: IMAGES OF FEMALE MAYORS IN THE MASS MEDIA (EXAMPLES OF THE MAYORS OF PARIS AND DUBLIN)

D. Vershinina, E. Burmistrova

Vershinina Daria, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Archaeology,

Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: daryapros@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-4354-8239. ResearcherID: AAR-3722-2021).

Ekaterina Burmistrova, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of History and Archaeology, Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: burmi-k@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-4418-8557. ResearcherID: HKV-3155-2023).

Abstract

Based on the ideas of Erving Goffman, the authors use the term “gender display” to analyze how appearance can demonstrate certain personality traits, which is important for a politician's communication with voters. The authors examine the features of the visual image of female politicians, including their choice of clothing, behavior, and interaction with others in the visual images used in the politicians' official accounts in social networks. The article also examines the features of the linguocultural images of politicians created by the media and by the mayors themselves. It identifies the main components of their political images and the issues that become central to female mayors. Based on the analysis of publications in the politicians' accounts, as well as media materials, the authors discuss how female mayors work with their own gender and convert it into a political tool for promoting their own ideas and positions. The choice of the mayors of Paris and Dublin demonstrates that the otherness of women in the male world of politics can be complemented by otherness based on ethnoracial characteristics. The authors conclude that in both analyzed cases, the female politician does not try to ignore her gender, but turns it into a tool for promoting issues that are important to her.

Keywords: gender; gender display; female mayor; visual image; linguocultural image.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 24-28-20326, <https://rscf.ru/project/24-28-20326/>, and with financial support from the Government of the Perm Krai as part of a scientific project № 24-28-20326.

УДК-32.019.5:316.34:316.422(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-64-79

**КУЛЬТУРА ДОВЕРИЯ И СМЫСЛОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ И БЕЗОПАСНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

С. В. Устинкин, А. И. Самсонов

Устинкин Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор, директор междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», директор Приволжского филиала ИС ФНИСЦ РАН, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: sv.ustinkin@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1481-3208).

Самсонов Андрей Иванович, научный сотрудник, Приволжский филиал ИС ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: cipt@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8059-5344).

Аннотация

Основана на материалах ежемесячного мониторинга общественного мнения в Нижегородской области, проводимого АНО «Научно-исследовательский институт проблем социального управления» совместно с Приволжским филиалом ИС ФНИСЦ РАН с 2021 г. по программе изучения общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе. Анализируется влияние бытовых условий, повседневных материальных возможностей и семейных доходов как фактора обеспечения онтологической безопасности общества и изменения уровня аксиологического доверия. В качестве объекта анализа выступают социальные группы, стратифицированные на основе возможностей потребления. Используемый метод самооценки позволяет получить реалистичное представление об уровне материального благополучия населения с учетом влияния индивидуальной шкалы потребительских притязаний. Формирование общества с высоким уровнем доверия рассматривается через призму оценки общественным мнением будущих перспектив, удовлетворенности повседневной жизнью и соблюдение принципов социальной справедливости. Продемонстрировано отсутствие в массовом сознании традиционного для теоретических построений постмодернизма противопоставления безопасности, включая онтологическую, и свободы, при сохраняющейся исторической амбивалентности ценностных категорий. Обосновывается предположение об эволюции взглядов на свободу и безопасность в обществе потребления, формирование общей материально-рациональной основы ценностных установок, изменяющей сущность и характер противоречий между ними.

Ключевые слова: онтологическая безопасность; доверие; потребление; власть; социальная справедливость; свобода.

Введение

Признаком последних десятилетий развития теоретической социологии стала разработка оригинальных концепций современности. Значимое место в них занимает проблема эволюции ценностных категорий свободы, безопасности и социальной справедливости, и взаимосвязи этих понятий. Анализ трансформации ценностей представлен в работах Гидденса, Бека, Лумана, Штомпки, Баумана, Инглхарта и др.¹. Авторы отмечают активизацию процессов глобальной трансформации, радикальное изменение отношений внутри социума и представлений человека о себе и окружающей ре-

© Устинкин С. В., Самсонов А. И., 2024

¹ См.: Гидденс, Э. (2011) Последствия модерна. М.: Праксис. 352 с.; Штомпка, П. (2008) Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 664 с.; Луман, Н. (2007) Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука. С. 648.; Бек, У. (2000) Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция. 384 с.; Бауман, З. (2008) Текучая современность. СПб.: Питер. 240 с.; Инглхарт, Р. (2018) Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет. М.: Мысль. 347 с.

альности. Кардинальным образом изменившиеся условия повседневной жизни меняют представление о базовых ценностных категориях, таких как свобода и справедливость, нивелируя традиционные механизмы обеспечения стабильности и безопасности социума. Ряд исследователей видят проблему современного общества в росте индивидуальных возможностей, исторически максимальном количестве и качестве степеней свободы.

Сформулированная в середине XX в. иерархическая модель потребностей относилась к базовому уровню, следующему после физиологических потребностей (Маслоу, 2019). Далее, в концепции социологического постматериализма была обоснована иная шкала оценки общественных и индивидуальных ценностей и целей², указывавшая на возросшую роль самореализации и индивидуального действия (Инглхарт, 1997: 6–23; Инглхарт, Вельцель, 2011). Особо отмечалась зависимость доминирующего мировоззрения от чувства экзистенциальной безопасности, возникающего на определенном уровне материального благополучия социума (Инглхарт, 2018).

Парадокс общества постмодерна, где доминируют ценности, основанные на индивидуализме и расширении границ свободы, в их противоречии с материалистическими ценностями, включая безопасность. Следствие феномена – возрастание уровня неопределенности, непредсказуемости социальных действий и порождаемых ими событий (Штомпка, 2008: 595–599; Гидденс, 1994: 107; Бек, 2000: 13–15, 21–22). Раскрывая парадокс, Бауман пишет о глобальной неопределенности, как охватывающей внутреннее содержание социальных процессов, так и размывающей границы отдельных социальных систем. Общее, общественное в рамках национального государства, сокращается, ограничивая власть и суверенитет (Баньковская, 2017; Бауман, Донскис, 2019).

Амбивалентность морально-этических норм индивидуального и общественного присуща всем этапам исторического развития. Римский философ Сенека писал об умершем: «Наконец он свободен, наконец он в безопасности...» (Сенека, 1991). В этом контексте знаковым является определение свободы как действия на основе осознания альтернатив и последствий, данное Фроммом (Фромм, 2010: 217). Столь же амбивалентные представления о социальной справедливости выступают критерием оценки действий и результатов, мерой свободы. Эту социально-психологическую особенность представлений о свободе и справедливости отмечают современные исследования (Павлова, 2022) и опросы (Самсонов, 2021; Труфанов, Самсонов, 2021).

Отсутствие предопределенности и индивидуалистический характер выбора альтернатив породили термин «общество всеобщего риска» («world risk society») как модели описания современного мира (Бек, 2000). Это актуализировало рефлексию современных социальных процессов в контексте безопасности³. Альтернативой неопределенности и перманентно продуцируемому риску часть теоретических школ видит социокультурный феномен «доверия»⁴. Ему отводится ключевая роль поддержания целостности, инструмента саморегуляции, базового фактора обеспечения безопасности. Онтологическая безопасность – термин, обозначающий стремление индивидов сохранять стабильные, привычные паттерны быта, традиционные формы и нормы поведения, ценностные основания повседневной жизни (Гидденс, 2005: 500–502). Опорой онтологической безопасности выступают традиции, обычаи и ритуалы, чья трансформация под влиянием глобализации на протяжении XX в. привела к возникновению онтологической неопределенности.

Рост степеней свободы и глобализация процессов социальной динамики, опирающиеся на результаты технического прогресса, нивелируют предыдущий опыт и ведут к изменению традиционных механизмов безопасности. Гидденс рассматривает «базовое доверие» (basic trust) как основу онтологической безопасности и связывает его с процессом социализации, оформляющимся в стандарты повседневного поведения. Доверием облакаются не только конкретные люди, но и абстрактные системные институты. Оно принимает формат безличностного отношения, положительного эмоционального восприятия социально-политической системы государства (Гидденс, 2011: 140–142). Политический характер феномена доверия описывает Луман в работе «Доверие и власть» (Луман, 2007: 180–184). Многие социологи, например, Кузнецов, акцентируют внимание на коммуникативной

² Данные мониторинга «Евробарометр» и глобального проекта Всемирного исследования ценностей [Электронный ресурс], *World Values Survey*. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 20.08.2024); Отчет «WVS brochure» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iffs.se/wp-content/uploads/2012/12/WVS-brochure-web.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

³ См.: Викторов, А. Ш. (2008) Введение в социологию безопасности: Курс лекций. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация». 568 с.; Елагин, А. Г. (2015) Безопасность и свобода в жизнедеятельности человека, Труды Академии управления МВД России, 1 (33). Сс. 5–8.

⁴ Даль, В. И. (2002) Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. М.: АСТ: Астрель. Т. 1. А–3. 1158 с.

функции доверия как воплощающего картину мира индивида и создающего ресурс конструктивного взаимодействия с властью (Кузнецов, 2009: 48–50).

Особенности, присущие теоретическому осмыслению феномена доверия в рамках институционально-либерального подхода, формулирует Штомпка. Пять факторов, необходимых для возникновения в обществе доверительной системы отношений: нормативная стабильность, открытость социального порядка, структурная стабильность институтов, подчинение власти законам, полная реализация гражданских прав (Штомпка, 2008: 327–330, 342–344). Доверие социально-политической системе и институтам основывается на убеждении в эффективности, добропорядочности и справедливости, создавая чувство безопасности. При этом ряд исследователей дают негативную оценку взаимосвязи свободы, социальной справедливости и безопасности в современном обществе. Некомплементарно выглядит описание Беком эволюции ценностной системы общества неравенства, модерна, в ценностную систему небезопасного общества постмодерна. Первая рассматривается как содержащая позитивно-наступательные цели развития, а вторая – оборонительная и избегающая стратегия социального целеполагания (Бек, 2000). Эти черты общества постмодерна обнаруживаются на практическом уровне, в регулярных прикладных социологических исследованиях. Доверие политическим и социально-экономическим институтам, акторам, во взаимосвязи социальных процессов, находится в центре внимания опросов общественного мнения и выступает индикатором социальной стабильности.

Цель статьи – анализ смысловой эволюции массовых представлений о свободе и безопасности в рамках базовых ценностных установок культуры общества потребления. Российский социум описывается через призму материальных ресурсов и возможностей, доступных населению, как ключевой опоры культуры доверия. В качестве объекта анализа выбрана стратификация социума на квинтили по самооценке возможностей потребления, выбранной в качестве инструмента описания уровня материального благополучия и социально-экономического положения. Самооценка во многом основывается на рутинной практике и бытовых представлениях о комфортной жизни. Стандарты потребления позволяют использовать ответы в качестве индикатора материального положения. Базой исследования послужили ответы на вопросы, содержащие оценку будущих перспектив и соблюдение принципов социальной справедливости в обществе.

Параметры и методика исследования

Статья основана на данных социологического мониторинга ситуации в Нижегородской области, акцентированного на изучении отношения к политической системе, институтам и акторам, а также оценок социально-экономического положения населением⁵. Показана высокая степень корреляции региональных данных с материалами общероссийских мониторинговых исследований доверия политическим и социально-экономическим институтам⁶.

Исследования, опирающиеся на социологические данные, нуждаются в корректной интерпретации, в том числе на основе дифференциации по социально-экономическим параметрам. Метод позволяет получить адекватное представление об уровне благополучия и индивидуальной шкале потребительских возможностей, отражающей ценностную основу восприятия материального положения. Потребительское поведение как неотъемлемая часть современной экономической модели основывается на определенных паттернах сознания, опирающихся на ценностный базис личности. В потреблении выделяют аффективный, когнитивный, мотивационно-волевой и поведенческий компоненты, влияние рациональных и иррациональных факторов (Посыпанова, 2012). Используемый метод⁷, базирующийся на самооценке респондентами личных или семейных возможностей потребления, от питания до крупных покупок и сбережений, также отражает индивидуальный уровень притязаний.

⁵ Выборка случайная, комбинированная, серийная – 1500 респондентов, квотная, районированная, пропорциональная по полу и возрасту. Метод – уличный опрос по месту жительства. Доверительная вероятность 97 %, доверительный интервал ±3,68 %. Совокупная выборка опросов января–июня 2024 г.: 9000 респондентов [Электронный ресурс]. URL: <https://ipsoc.ru/osnovnye-indikatory-nastroenij-naseleniya-v-obshhestvenno-politicheskoy-i-sotsialno-ekonomicheskoy-sfere-v-nizhegorodskoj-oblasti-v-iyule-2024-goda/> (дата обращения: 25.08.2024).

⁶См.: Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings> (дата обращения: 01.07.2024); Официальный сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/Dominanty> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Для стратификации населения по потребительским возможностям использован метод индексирования ответов на вопрос: «В какой мере сегодня Ваш / Вашей семьи уровень доходов позволяет Вам:». Оценивались возможности в семи сферах потребления по 4-балльной шкале от «хорошо» до «плохо». Сумма баллов определяла принадлежность респондента к одному из пяти квинтилей.

Самооценка потребительских возможностей по квинтилям⁸
(сумма оценок «Хорошо» и «Скорее, хорошо»)⁹: %

В какой мере сегодня Ваш / Вашей семьи уровень доходов позволяет Вам:	Квинтиль 1	Квинтиль 2	Квинтиль 3	Квинтиль 4	Квинтиль 5
Питаться	100,0	100,0	99,7	99,7	67,7
Одеваться	100,0	99,7	99,6	99,7	64,1
Оплачивать повседневные товары и услуги	99,8	100,0	99,9	99,0	43,6
Заботиться о здоровье	99,9	100,0	98,3	82,1	4,0
Отдыхать	99,9	99,2	93,3	17,2	1,7
Оплачивать кредит или делать сбережения	97,7	81,4	21,3	4,7	1,0
Совершать крупные покупки	80,4	61,7	2,2	0,6	0,3

Самооценка возможностей в каждом из квинтилей представлена в табл. 1. Квинтиль 1 – 20 % самых обеспеченных респондентов и далее по убыванию возможностей. В характеристике квинтилей выделяются следующие особенности. Квинтиль 2 – респонденты, ограниченные в свободе совершать крупные покупки (38,3 %), в остальном сохраняя максимальные возможности. Квинтиль 3 помимо невозможности делать дорогие покупки (97,8 %) испытывает трудности с оплатой кредитов и сбережениями (78,7 %). В квинтиле 4 к неравенствам добавляется отдых, возможность которого положительно оценивает 17,2 %, и в меньшей мере способность заботиться о здоровье (17,9 % негативных оценок). Объединенные в пятом квинтиле наименее обеспеченные респонденты имеют проблемы в оплате повседневных расходов (56,4 %), питания (32,3 %) и одежды (35,9 %). Представители этого квинтиля максимально подвержены влиянию социального неравенства.

Социальный оптимизм

Текущая современность, описанная Бауманом, порождает неопределенность положения, влияющую на представления о самом себе и своем будущем. Коренное отличие этого состояния от страхов предыдущих исторических периодов заключается в непрерывности, перерастании из обычной эмоционально-психологической реакции, биологически присущей, в перманентное состояние, социальную характеристику (Бауман, 2008). Ответы показывают, что материальные ресурсы в удовлетворении потребностей, рассматривающихся как обязательные для комфортного существования, являются одной из основных причин социальных страхов (рис. 1).

Социальный оптимизм прямо зависит от оценки положения на использованной в методике лестнице возможностей потребления. В первом квинтиле доля респондентов, смотрящих в будущее «с уверенностью и оптимизмом», – 34,3 %, в 4 раза больше, чем в целом (8,8 %), и в 7 раз больше, чем в следующем по возможностям квинтиле 2 (5,2 %).

Для квинтилей 2, 3 и 4 доминантой является спокойный, «но без иллюзий» взгляд в будущее. Наблюдается снижение доли людей, не испытывающих выраженных страхов перед будущим, параллельное ограничению ресурсов. Если во втором квинтиле суммарная доля респондентов, не испытывающих особых опасений, составляет 85,7 %, в третьем квинтиле – 72,7 %, то в четвертой группе их уже только 65,7 %. Одновременно растет процент населения, испытывающего разную степень тревожности. В нижнем, пятом квинтиле сумма тех, кто смотрит в будущее «с тревогой и неуверенностью» или испытывает «страх, отчаяние, безнадежность», составляет более половины – 59,6 % и более чем в 2 раза выше доли пессимистов в целом по выборке (24,5 %).

⁸ На основе совокупной выборки опросов – 9000 респондентов. Квинтиль = 20 % выборочной совокупности – 1800 респондентов.

⁹ Зеленым выделены сферы с долей респондентов, положительно оценивающих возможности, более 50 %. Оранжевым – сферы, где большинство недоволено возможностями.

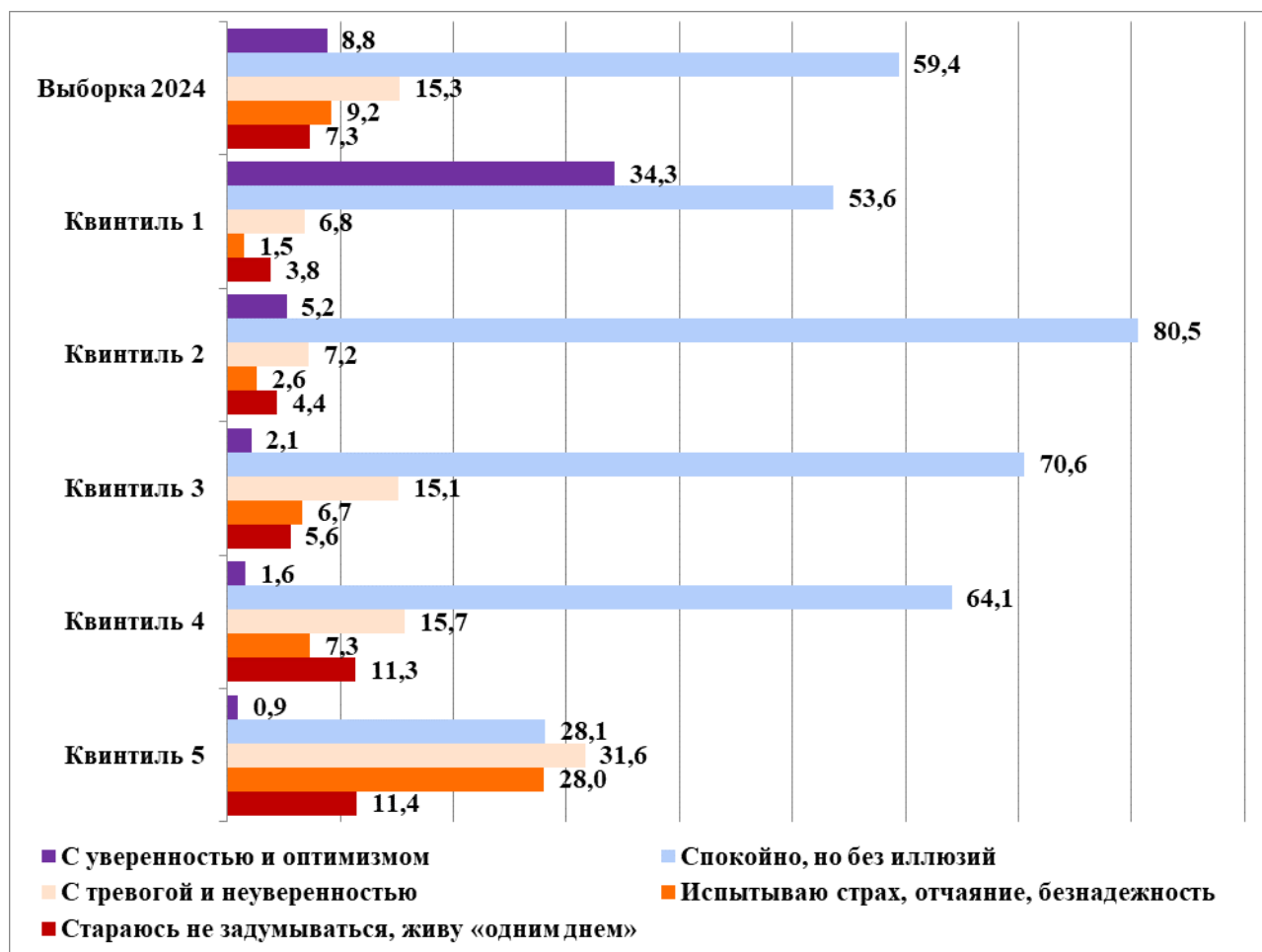

Рис. 1. Ответы на вопрос: «С каким чувством Вы смотрите в будущее?», %

Одним из вариантов преодоления текущей неопределенности является попытка части социума жить одним днем, не рефлексируя и не планируя будущее. Этот способ социально-психологической защиты чаще встречается среди людей с низкими материальными возможностями. В квинтиле 4 и 5 доля таких респондентов более 11 %, тогда как в верхнем первом квинтиле 3,8 %.

Близкую картину дают общероссийские опросы. Согласно ВЦИОМ, доля россиян, испытывающих уверенность в завтрашнем дне, находится на рекордном уровне – 59 %. При этом уверенность в завтрашнем дне не имеет выраженной гендерной и возрастной специфики. С одинаковой частотой ее декларируют мужчины и женщины (по 59 %), молодежь 18–24 лет (58 %) и старшее поколение (60 %). Ответы серьезно варьируются именно в зависимости от материального положения: лица с достатком в 3,5 раза чаще заявляют о своем оптимизме (76 %) в сравнении с малообеспеченными гражданами (20 %) ¹⁰. Этот вывод общероссийских опросов подтверждается и целевыми региональными исследованиями студенческой молодежи (Устинкин, Самсонов, Рудакова, 2024). Опирающаяся на относительное материальное благополучие уверенность в личном будущем прямо влияет на аксиологическую оценку ближайших перспектив развития страны (рис. 2).

¹⁰ Уверенность в завтрашнем дне: мониторинг (2023) [Электронный ресурс], ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/uverennost-v-zavtrashnem-dne-monitoring> (дата обращения: 27.08.2024).

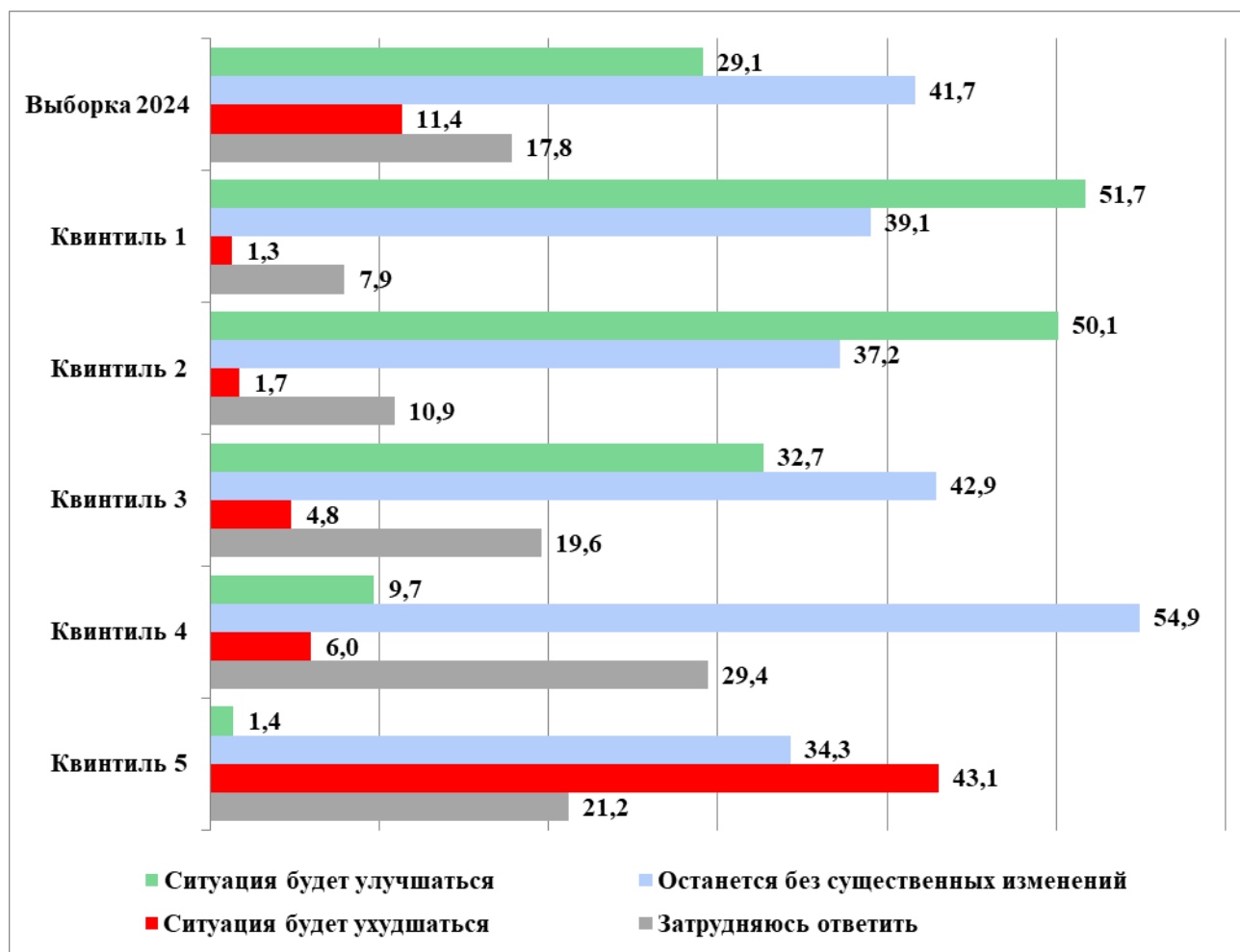

Рис. 2. Мнение о перспективах изменения социально-экономической ситуации в стране в ближайшие 6 месяцев, %

Среди 40 % обеспеченного населения доля лиц, уверенных в улучшении ситуации, выше 50 %. В этих группах незначительно число респондентов, затрудняющихся ответить (около 10 %), показывающее низкий уровень социальной фрустрации¹¹. Обратная картина характерна для четвертого и пятого квинтилей. В пятом квинтиле можно уверенно говорить о преобладании негативных взглядов на ближайшие перспективы страны (43,1 %), а в четвертом – господствующим является взгляд на будущее как продолженное настоящее, то есть ожидание неизменности ситуации (54,9 %).

Прослеживается корреляция оценки будущих перспектив и реально наблюдаемого изменения материального положения. Отвечая на вопрос: «Изменилось ли Ваше материальное положение за последний месяц?», 48,1 % респондентов первого квинтиля отметили улучшение¹². К четвертому квинтилю их процент падает до 11,6 % и совпадает с числом отрицательных ответов (11,3 %). В пятом квинтиле их доля составляет только 2,8 %, а количество негативных оценок достигает половины группы (46,9 %).

¹¹ Фрустрация (лат. frustratio) – состояние, возникающее в ситуации реальной или мнимой невозможности удовлетворения базовых потребностей или несоответствия желаний имеющимся возможностям.

¹² Сумма ответов «Значительно улучшилось» или «Немного улучшилось».

Социальная среда культуры доверия

Общероссийские опросы показывают рост доверия социальной системе по мере общего роста материального благополучия и доступности социальных благ. Сегодня более половины населения убеждено, что правительство РФ может добиться улучшений в стране (54 %), а каждый пятый уверенно заявляет об этом (20 %). В 2012 г. показатель был в 1,7 раз меньше. Несмотря на более благоприятную ситуацию, положительный ответ давала лишь треть россиян (32 %). За прошедший период в 2,7 раз уменьшилось количество тех, кто считает равновероятным позитивный и негативный сценарии развития (в 2022 г. – 14 %; в 2012 г. – 39 %) ¹³. На доверии и оптимизме большинства населения не сказалось даже начало специальной военной операции (опрос проводился через полгода после ее начала).

Результаты, демонстрирующие связь потребительских возможностей с оценками действующих институтов власти, позволяют говорить о смысловой трансформации категории «доверие». В традиционном обществе, в том числе на ранних этапах модерна, основу доверия власти составляли вера и представления о правильном социальном порядке как иерархическом (Дюркгейм, 1991). Включение в данное уравнение материальных факторов обозначило переход к постмодерну. Отказ от безусловности и неизменности доверия повышает роль онтологической безопасности в качестве базового основания отношения к политическим институтам и акторам.

В теориях постмодерна современное общество характеризуется как рискогенное, где риск – постоянно действующий социальный факт (Бек, 2000: 12–22). Данные (рис. 3–5, табл. 2) показывают корреляцию между онтологической безопасностью, понимаемой как уверенность в способности сохранять привычный образ жизни и потребления, с доверием ключевым институтам. Обеспечивая населению возможность типового потребления, государство стремится сформировать среду с минимальными рисками. Это влияет на восприятие деятельности институтов и общего вектора развития страны. Этапы формирования в России общества с преобладающей культурой доверия хорошо прослеживаются в данных всероссийских опросов ВЦИОМ ¹⁴. Принцип объединения онтологической и национальной безопасности отражен в Стратегии национальной безопасности РФ, определяющей снижение уровня социально-экономического неравенства и соблюдение принципов социальной справедливости в качестве важнейшего инструмента достижения целей безопасности (Указ ..., 2021).

До 2010-х гг. господствовала точка зрения, что в российском массовом сознании доверие носит персонифицированный, архаичный характер (Дубин, 2013: 25–29). Последние исследования поддержки политических и государственных институтов (см. табл. 2) показывают, что при сохраняющейся персонификации усиливается влияние рационального дискурса, а оценка деятельности обезличенного института и ассоциируемого политического актора оказывается проекцией индивидуальных возможностей и удовлетворенности бытом. Такой тип персонифицированного восприятия и доверия характерен для развитого гражданского общества, выступает одним из проявлений функционирования политических и социально-экономических институтов в условиях демократии (Гидденс, 2011). Подтверждает корреляцию между культурами, основанными на рутинизации повседневных практик, и обществами с высоким уровнем доверия и ряд бизнес-исследований ¹⁵.

¹³ Дальше – лучше? Россияне о ситуации в стране и в мире (2022) [Электронный ресурс], ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dalshe-luchshe-rossijane-o-situacii-v-strane-i-v-mire> (дата обращения: 27.08.2024)

¹⁴ База данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.wciom.ru> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁵ См.: Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.buxdupi.uz/books/lyuis.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

Отношение респондентов к деятельности отдельных институтов¹⁶, %

Одобряете или не одобряете Вы деятельность следующих институтов и органов власти:	Квинтиль 1	Квинтиль 2	Квинтиль 3	Квинтиль 4	Квинтиль 5
Президент РФ	93,2	87,2	78,2	59,2	26,6
Правительство и председатель Правительства РФ	90,2	82,7	72,5	50,2	27,5
ГД и СФ Федерального Собрания РФ	83,8	74,9	54,2	40,7	26,7
Суд	76,8	73,1	53,1	50,5	32,0
Полиция	75,7	71,1	49,2	47,6	29,3
Центральный банк РФ	73,8	66,1	47,1	40,1	30,9

Результаты исследования (см. табл. 2, рис. 3) демонстрируют параллельное снижение уровня доверия и удовлетворенности бытовыми условиями, качеством социальных услуг по квинтилям. Так, в пятом квинтиле удовлетворено повседневностью суммарно 21,1 % группы и средний уровень доверия институтам лишь 29 %. В первом квинтиле процент удовлетворенных жизнью 96,2 % и высокий средний уровень поддержки институтов (81,1 %). В среднем, третьем квинтиле удовлетворено 88,9 % группы, но 81,9 % респондентов выбрали вариант ответа «Скорее, устраивает». В итоге средний уровень поддержки политических и государственных институтов падает до 59,1 %.

Среди респондентов, в целом удовлетворенных повседневностью и не испытывающих значительного социального напряжения, одобряет (то есть фактически «доверяет») деятельность не персонализируемых в обывательском сознании институтов: суд – 64,6 %; российская армия – 67,7 %; Центральный банк РФ – 59,3 %; полиция – 62,1 %. В группе не удовлетворенных повседневностью уровень доверия значительно ниже: суд – 35,5 %; российская армия – 38 %; Центральный банк РФ – 29,4 %; полиция – 33 %.

Выступая фактором стабильности социально-политической системы, доверие существует в двух основных типах. Первый – это ситуативное доверие, в основе которого оценка эффективности текущей деятельности. Второй тип, определяющий для формирования в обществе культуры доверия, носит диффузный характер. В основе лежит феномен доверия к государственным институтам как таковым, что обеспечивает устойчивость социальной системы в кризис, когда ситуативная поддержка не находит рациональной опоры и возникает неудовлетворенность населения действиями власти. Длительная ситуативная поддержка, основанная на адекватной политике по поддержанию возможностей типового потребления большинством населения, трансформируется в системное, аксиологическое доверие. Опросы периода 2022–2023 гг., при всей нестабильности и частоте социальных и информационных потрясений, показывают стабильно высокий уровень доверия власти (Лубяной, Самсонов, 2024).

Показательны ответы нижегородцев на вопрос о восприятии общего вектора развития страны, являющиеся отражением в общественном мнении культуры доверия (см. рис. 4). В данных четко прослеживается зависимость аксиологического доверия к государственно-политической системе и ее действиям от принадлежности респондентов к группам, различающимся по уровню и возможностям потребления. Максимальное групповое доверие власти в форме одобрения пути развития демонстрируют первый и второй квинтили, 40 % респондентов, не видящих серьезных рисков и угроз своему материальному положению и пребывающих в онтологической безопасности. Суммарный уровень доверия этой части общества выше 90 % от числа группы. Квинтили 3 и 4, чей уровень и качество жизни ниже, имеют более низкий уровень доверия, но в целом разделяют «обязательные правила поведения» (Данкин, 2005: 497), присущие культуре доверия. Например, активное электоральное поведение и политическое участие.

¹⁶ Указана доля респондентов, одобряющих деятельность институтов.

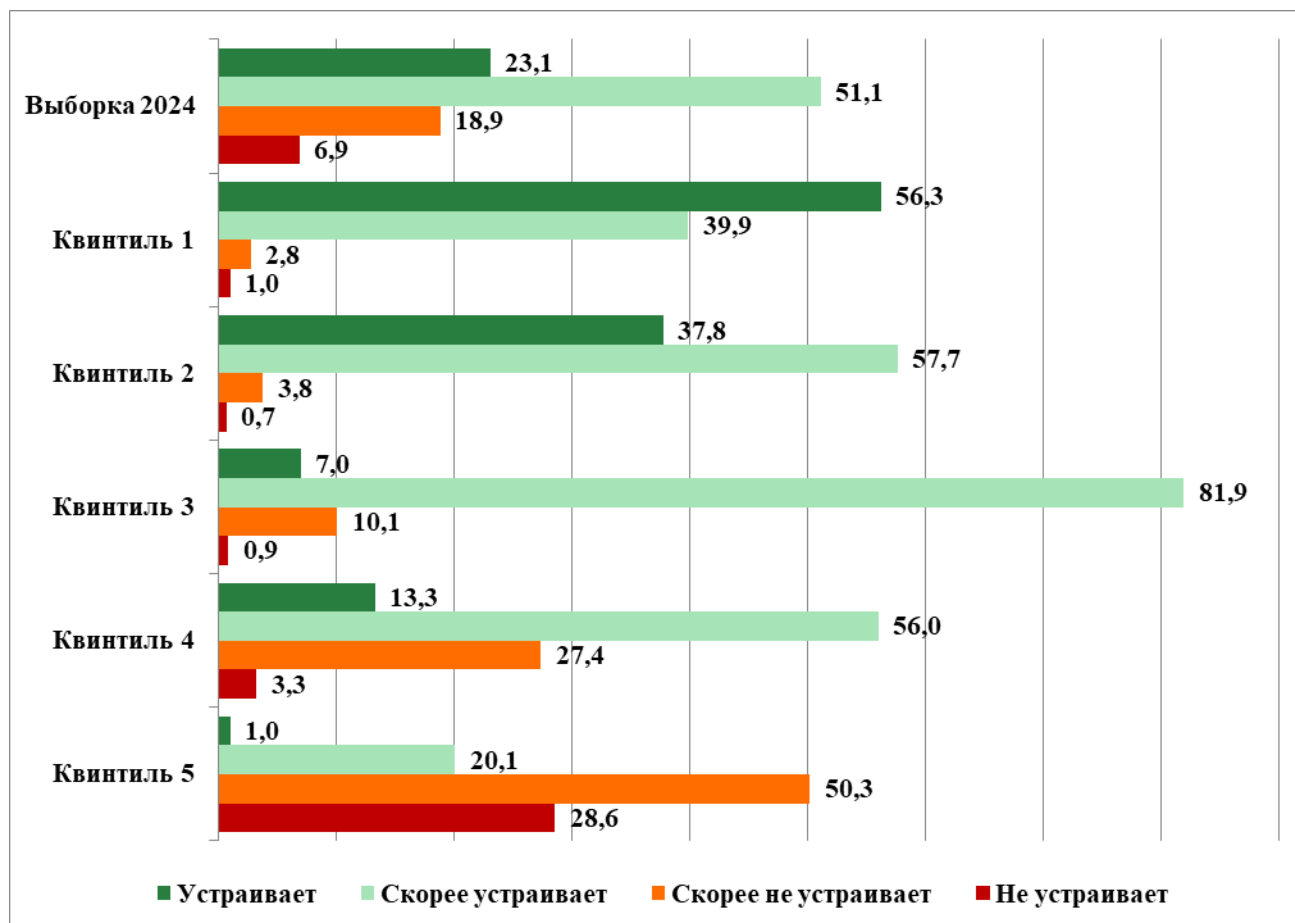

Рис. 3. Ответы на вопрос: «В какой мере Вас устраивает повседневная жизнь, которую сейчас ведет Ваша семья?», %

Резко отличается позиция респондентов, принадлежащих к пятому, неблагополучному квинтилю. Типовым поведенческим паттерном этой группы выступает отсутствие доверия, как персонализированного (президенту РФ доверяет 26,6 %), так и институционального (суду доверяет 32 % группы). Доминирует социальный пессимизм в отношении личного (59,6 %) и коллективного (43,1 %) будущего и негативная оценка настоящего. Совокупно 70,4 % группы считает, что страна развивается неправильно, а 78,9 % не удовлетворено своей повседневной жизнью.

Аналогичную картину уже после начала СВО дают и общероссийские опросы. Согласно ВЦИОМ, более половины россиян положительно оценивают ситуацию, сложившуюся в стране: 65 % назвали ее в целом хорошей. Около трети высказались негативно (29 %). Половина (50 %) респондентов оказались согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, и еще четверть (26 %) отчасти согласна, а отчасти нет. Не согласны лишь 19 %. Индекс оценок общего вектора развития страны составил 59 %¹⁷.

Новый баланс свободы и безопасности

Категория доверия в российском социуме приобрела групповой, общественный характер, формируя доминирующую социальную атмосферу. Такой тип социального действия, как основы обеспечения безопасности, описывал в своих трудах еще Сорокин, акцентировавший внимание на возникновении в сознании определенных общезначимых шаблонов восприятия реальности и поведения, опирающихся на моральные убеждения и представления о социальной справедливости (Сорокин, 2008).

¹⁷ ВЦИОМ: более половины россиян положительно оценивают ситуацию в стране (2023) [Электронный ресурс], *Международное информационное агентство «Россия сегодня»*. URL: <https://ria.ru/20231213/vtsiom-1915471722.html> (дата обращения: 27.08.2024).

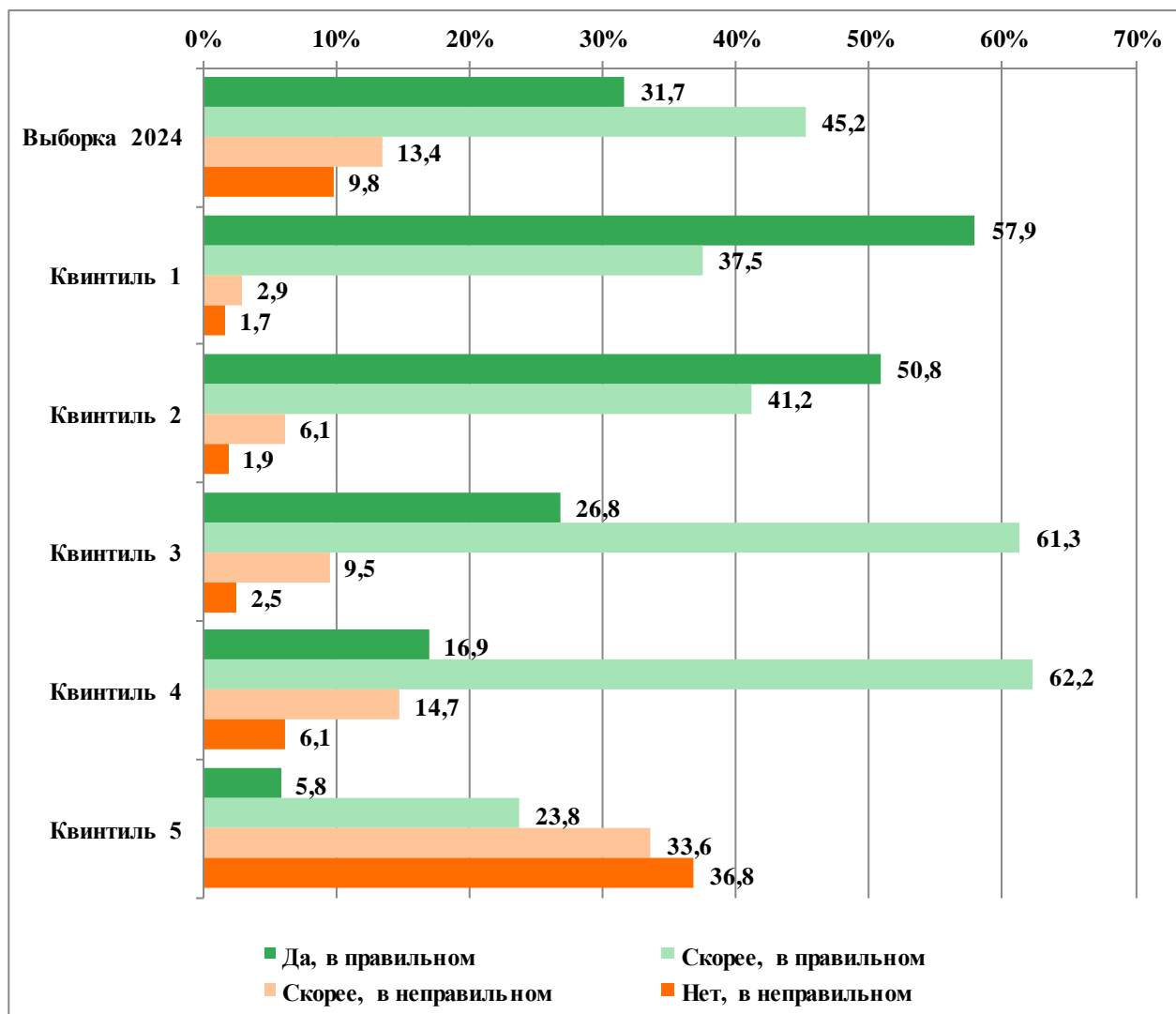

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Как Вы полагаете, в целом в правильном или неправильном направлении сегодня развивается Россия?», %

Распространены две полярные точки зрения на баланс ценностей свободы и безопасности. Первая рассматривает нарастающий в эпоху постмодерна социальный запрос на онтологическую безопасность как угрозу, когда на неолиберальной основе переосмысливают «... и свободу, и толерантность, и врагов, и друзей, и жизнь, и смерть», добровольно отказываясь от ряда демократических и гуманистических ценностей модерна в пользу безопасности (Баньковская, 2017). Вторая возрождает классический антропофилософский взгляд на взаимосвязь ценностей и сводится к отрицанию свободы там, где в повседневных условиях человек не может пользоваться плодами своих усилий и достижимыми благами (Гумбольдт, 1985). Результаты опроса показывают, что сегодня классическая точка зрения ближе массовому сознанию. Косвенным подтверждением служат результаты исследований ФГБУН ВолНЦ РАН, зафиксировавшие с середины 2023 г. рост числа респондентов, позитивно оценивающих деятельность президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, и преобладание их в общей массе населения региона¹⁸.

Ценностной категорией, балансирующей свободу и безопасность в социуме, выступает социальная справедливость. Представление о свободе как подчинении исключительно справедливым законам обосновывали еще французские энциклопедисты, развивавшие теорию социального управле-

¹⁸ Опросы проводятся 6 раз в год на территории Вологодской области. Метод – анкетирование по месту жительства. Выборка – 1500 человек (18 лет и старше), целенаправленная, квотная. Репрезентативность обеспечена соблюдением пропорций между жителями населенных пунктов различных типов, половозрастной структуры населения области. Ошибка выборки не превышает 3 %. Подробная информация на сайте: <http://www.vscs.ac.ru/>.

ния (Гольбах, 1963). О социальном неравенстве как главном факторе возникновения угроз, равных для свободы и безопасности, писал Сорокин (Сорокин, 2008). Сравнительно недавно Штомпка указывал на зависимость социального доверия от убежденности населения в справедливом содержании принимаемых решений и направленности на благо граждан, а возникновение ощущения безопасности связывал с реализацией принципов социальной справедливости (Штомпка, 2008: 330–3380).

Общество модерна максимизировало социальную справедливость и ценность свободы, ставя целью достижение равенства в распределении благ и политических правах (Бауман, Донскис, 2019). В постмодерне общество потребления и высокой социальной энтропии на первый план выдвигает доступность типового набора товаров и услуг, равенство конкурентных условий и безопасную возможность присвоения своей части «общего пирога» (Бек, 2000). Данные опроса подтверждают эти изменения массового сознания. Более половины респондентов первого и второго квинтилей, обладающих максимальными возможностями потребления, считают современное российское общество справедливым безоговорочно (см. рис. 5). В третьем и четвертом квинтилях, объединяющих нижний сегмент условного среднего класса, господствующей точкой зрения оказывается неполная справедливость – вариант ответа «Скорее, да». Суммарная доля респондентов, полагающих современное российское общество несправедливым, растет с 11,5 % в третьем квинтиле до 24,9 % в четвертом. Максимальной концентрации оценка российского общества как несправедливого достигает в пятом квинтиле – 71 % группы, аккумулирующей наименее обеспеченных граждан.

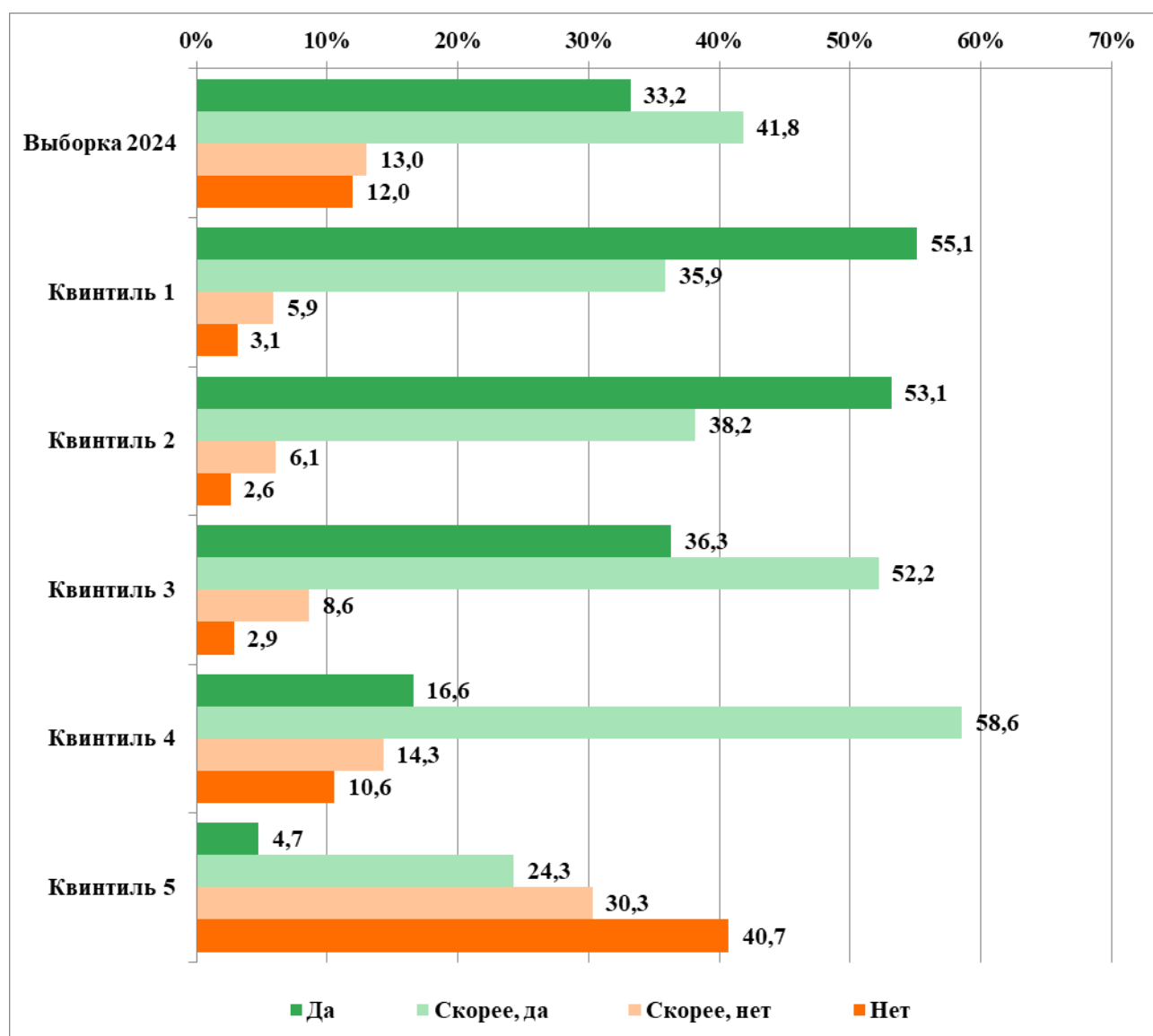

Рис. 5. Ответы на вопрос:
«Считаете ли Вы современное российское общество справедливым?», %

Основные выводы

Российское общество находится в стадии связной трансформации представлений о ценностных категориях: свободе, социальной справедливости и безопасности. Важную роль в процессе играет обретенное большинством населения чувство онтологической безопасности, предполагающее ощущение упорядоченности повседневных условий и стабильности возможностей, доступности базовых социальных благ. Основой онтологической безопасности выступает проекция располагаемых индивидами материальных ресурсов на социальное окружение, типовой набор товаров и услуг. В итоге оказывается позитивной оценка своего положения и будущего, что порождает ситуативное доверие.

Иерархия потребительских запросов и возможностей составляет значимую часть представлений о принципах социальной справедливости и их реализации. В качестве ответа на многие экзистенциальные вопросы бытия это оказывается важнейшим элементом складывающегося в социуме климата доверия (Гидденс, 1995: 100–102). Культура доверия ведет к формированию общей шкалы ценностей, стимулирует интенсивность социальных взаимодействий и усиливает социальные связи, рост мобилизационных возможностей, активности и свободы общества. Постматериализм и новая иерархия ценностей, в первую очередь среди молодежи, находят свое отражение в общественном мнении (Селезнева, 2022), но в базе опираются на достигнутый уровень материального благополучия и доступных социальных благ. Косвенное подтверждение – последнее место «материальных проблем» в иерархии основных причин межпоколенческих конфликтов в семьях (Ростовцева, Щербакова, 2024).

Политический абсентеизм, отмечавшийся в 10-е гг. особенно среди молодежи, во многом был следствием падения уровня благосостояния в конце XX в. В условиях массового прагматизма и деидеологизации основой аксиологического доверия стал достигнутый уровень материального благополучия. Стабильное ощущение безопасности повседневных отношений и бытовых практик поддерживает в социуме базу культуры доверия. Социальная поддержка действующей власти, объединяющая около 80 % населения, группируется преимущественно в первых четырех квинтилях населения по самооценке уровня материального благополучия и потребительских возможностей. В массовом сознании базовые ценностные категории не противопоставляются, а рассматриваются как неразрывное целое. Большинство населения консенсусно признает современное российское общество одновременно соответствующим их представлениям о принципах социальной справедливости, свободы и безопасности.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте обеспечения национальной безопасности в условиях проведения специальной военной операции (региональный аспект)») (FSWZ-2023-0031).

Список литературы / References

- Баньковская, С. П. (2017) 'Прощальный взгляд на постсовременность: между «Свободой» и «Безопасностью». Зигмунт Бауман (1925-2017)', *Социологическое обозрение*, 16 (1), сс. 326–329. [Bankovskaya, S. P. (2017) 'A farewell look at Postmodernity: between "Freedom" and "Security". Zygmunt Bauman (1925-2017)' [Proshhal'nyj vzgljad na postsovremennost': mezhdru «Svobodoj» i «Bezopasnost'ju». Zigmunt Bauman (1925-2017)], *Sociological Review*, 16 (1), pp. 326–329. (In Russ.)].
- Бауман, З. (2008) *Текучая современность*. СПб.: Питер, 240 с. [Bauman, Z. (2008) *Fluid modernity* [Tekuchaja sovremennost']. St. Petersburg: Peter, 240 p. (In Russ.)].
- Бауман, З., Донскис, Л. (2019) *Моральная слепота: Утрата чувствительности в эпоху текучей современности*. Пер. с англ. А. И. Самариной. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 368 с. [Bauman, Z., Donskis, L. (2019) *Moral blindness: Loss of sensitivity in the era of fluid modernity* [Moral'naja slepota: Utrata chuvstvitel'nosti v jepohu tekucej sovremennosti]. Translated from the English by A. I. Samarina. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 368 p. (In Russ.)].
- Бек, У. (2000) *Общество риска на пути к другому модерну*. М.: Прогресс-традиция,

- 384 с. [Beck, W. (2000) *Risk society on the way to another modernity* [Obshchestvo riska na puti k drugomu modernu]. M.: Progress-tradition, 384 p. (In Russ.)].
- Гидденс, Э. (1994) 'Судьба, риск и безопасность', *THESIS*, 5, сс. 107–134. [Giddens, E. (1994) 'Fate, risk and security' [Sud'ba, risk i bezopasnost'], *THESIS*, 5, pp. 107–134. (In Russ.)].
- Гидденс, Э. (1995) *Модерн и самоидентичность. Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс*. Реферативный сборник под ред. Ю. А. Кимелева. Сер. «Социология», М.: ИНИОН РАН, 155 с. [Giddens, E. (1995) *Modernity and self-identity. Modern Theoretical Sociology: Anthony Giddens* [Modern i samoidentichnost'. Sovremennaja teoreticheskaja sociologija: Jentoni Giddens]. Abstract collection edited by Yu.A. Kimelev. Ser. "Sociology", Moscow: INION RAS, 155 p. (In Russ.)].
- Гидденс, Э. (2005) *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. 2-е изд. М.: Академический Проспект, 528 с. [Giddens, E. (2005) *The Organization of Society: An essay on the theory of structuration* [Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskij Prospekt, 528 p. (In Russ.)].
- Гидденс, Э. (2011) *Последствия модерна*. Пер. с англ. Г. К. Ольховникова, Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 352 с. [Giddens, E. (2011) *The consequences of modernity* [Posledstviya moderna]. Translated from the English by G. K. Olkhovnikov, D. A. Kibalcich. M.: Praxis, 352 p. (In Russ.)].
- Гольбах, П. А. (1963) *Естественная политика или беседы об истинных принципах управления*. Избранные произведения в двух томах: Т. 2. М. Мысль, 563 с. [Golbach, P.A. (1963) *Natural Politics or conversations about the true principles of governance. Selected works in two volumes* [Estestvennaja politika ili besedy ob istinnyh principah upravlenija. Izbrannye proizvedenija v dvuh tomah]: Vol. 2. M. Mysl, 563 p. (In Russ.)].
- Гумбольдт, В. (1985) *Язык и философия культуры*. Пер. с нем., общ. ред. А. В. Гulysh, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 451 с. [Humboldt, V. (1985) *Language and philosophy of culture* [Jazyk i filosofija kul'tury]. Translated from German, general ed. A. V. Gulysh, G. V. Ramishvili. M.: Progress, 451 p. (In Russ.)].
- Данкин, Д. (2005) 'Культура доверия как важнейший ресурс безопасности', *Безопасность Евразии*, 4, сс. 491–503. [Dunkin, D. (2005) 'The culture of trust as the most important security resource' [Kul'tura doverija kak vazhnejshij resurs bezopasnosti], *Security of Eurasia*, 4, pp. 491–503. (In Russ.)].
- Дубин, Б. (2013) 'Институты, сети, ритуалы', *Pro et Contra*, 5, сс. 24–35. [Dubin, B. (2013) 'Institutions, networks, rituals' [Instituty, seti, ritualy], *Pro et Contra*, 5, pp. 24–35. (In Russ.)].
- Дюркгейм, Э. (1991) *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука, 575 с. [Durkheim, E. (1991) *On the division of social labor. The method of sociology* [O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii]. Moscow: Nauka, 575 p. (In Russ.)].
- Инглхарт, Р. (1997) 'Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества', *Полис*, 4, сс. 6–23. [Inglehart, R. (1997) 'Postmodernity: Changing Values and Changing Societies' [Postmodern: menjajushiesja cennosti i izmenjajushiesja obshhestva], *Policy*, 4, pp. 6–23. (In Russ.)].
- Инглхарт, Р., Вельцель К. (2011) *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 464 с. [Inglehart, R., Welzel K. (2011) *Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development* [Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija]. Moscow: New Publishing House, 464 p. (In Russ.)].
- Инглхарт, Р. (2018) *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. Пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М.: Мысль, 347 с. [Inglehart, R. (2018) *Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world* [Kul'turnaja jevoljucija: kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir]. Translated from English by S. L. Lopatina. M.: Mysl, 347 p. (In Russ.)].
- Кузнецов, В. Н. (2009) *Социология безопасности: Учеб. пособие*. М.: КДУ, 422 с. [Kuznetsov, V. N. (2009) *Sociology of*

- security: Textbook [Sociologija bezopasnosti: Ucheb. posobie]. Moscow: KDU, 422 p. (In Russ.).
- Лубяной, М. С., Самсонов, А. И. (2024) Социологические итоги 2023 г. АНО «Научно-исследовательский институт проблем социального управления». Н. Новгород, 77 с., [электронное издание]. URL: https://ipsoc.ru/wp-content/uploads/2024/01/analiticheskij_otchyot_socziologicheskie_itogi_2023_nizhegorodskaya_oblast.pdf (дата обращения 01.07.2024). [Lubyanoi, M.S., Samsonov, A.I. (2024) Sociological results of 2023 [Sociologicheskie itogi 2023 goda]. ANO "Scientific Research Institute of Social Management Problems". N. Novgorod, 77 p., [electronic edition]. URL: https://ipsoc.ru/wp-content/uploads/2024/01/analiticheskij_otchyot_socziologicheskie_itogi_2023_nizhegorodskaya_oblast.pdf (accessed 07/01/2024). (In Russ.)].
- Луман, Н. (2007) *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука, 648 с. [Luhmann, N. (2007) *Social systems. An essay on general theory* [Social'nye sistemy. Ocherk obshhej teorii]. St. Petersburg: Nauka, 648 p. (In Russ.)].
- Маслоу, А. (2019) *Мотивация и личность*. СПб.: Питер, 400 с. [Maslow, A. (2019) *Motivation and personality* [Motivacija i lichnost']. St. Petersburg: Peter, 400 p. (In Russ.)].
- Павлова, Т. А. (2022) 'Эволюция представлений о свободе во взаимосвязи с социальной безопасностью', *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*, 11 (4А), сс. 110–126. [Pavlova, T.A. (2022) 'The evolution of ideas about freedom in relation to social security' [Jevoljucija predstavlenij o svobode vo vzaimosvjazi s social'noj bezopasnost'ju], *Context and reflection: philosophy about the world and man*, 11 (4A), pp. 110–126. (In Russ.)]. DOI: 10.34670/AR.2022.46.16.014.
- Посыпанова, О. С. (2012) *Экономическая психология: психологические аспекты потребительского поведения*. Калуга: Изд-во КГУ им. К. Э. Циолковского, 296 с. [Posypanova, O. S. (2012) *Economic psychology: psychological aspects of consumer behavior* [Jekonomicheskaja psihologija: psihologicheskie aspektu potrebitel'skogo povedenija]. Kaluga: Publishing House of K. E. Tsiolkovsky KSU, 296 p. (In Russ.)].
- Ростовцева, Л. И., Щербакова, В. П. (2024) 'Взаимоотношения поколений в семье: конфликт или контакт?', *Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*, 3, сс. 195–209. [Rostovtseva, L. I., Shcherbakova, V. P. (2024) 'Intergenerational relationships in the family: conflict or contact?' [Vzaimootnoshenija pokolenij v sem'e: konflikt ili kontakt?], *The philosophy of the economy. Almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University*, 3, pp. 195–209. (In Russ.)].
- Самсонов, А. И. (2021) 'Морально-этические основания коррупции как социального феномена' в: *Анализ миграционных процессов и их социальная составляющая в субъектах Российской Федерации: сборник статей*. Отв. ред. С. В. Устинкин, А. Ю. Труфанов; ФНИСЦ РАН. М.; Н. Новгород; Ростов-на-Дону: ФНИСЦ РАН, сс. 24–33. [Samsonov, A. I. (2021) 'The moral and ethical foundations of corruption as a social phenomenon' [Moral'no-jeticheskie osnovanija korrupcii kak social'nogo fenomena]. *Analysis of migration processes and their social component in the subjects of the Russian Federation: collection of articles*. Ed. S. V. Ustinkin, A. Yu. Trufanov; FNISCI RAS. M.; N. Novgorod; Rostov-on-Don: FNISCI RAS, pp. 24–33. (In Russ.)]. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-362-1.2021.3.
- Селезнева, А. В. (2022) *Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи*. М.: Аквилон, 288 с. [Selezneva, A. V. (2022) *Russian youth: a political and psychological portrait against the background of the epoch* [Rossijskaja molodezh': politiko-psihologicheskij portret na fone jepohi]. M.: Aquilon, 288 p. (In Russ.)].
- Сенека (1991) *Утешение к Полибию*. Вестник древней истории, М.: «Наука», 4 (199), сс. 238–252. [Seneca (1991) *Consolation to Polybius* [Uteshenie k Polibiju]. Bulletin of Ancient History, Moscow: Nauka, 4 (199), pp. 238–252. (In Russ.)].
- Сорокин, П. А. (2008) *Система социологии*. М.: Астрель, 1003 с. [Sorokin, P. A.

- (2008) *The system of sociology* [Sistema sociologii]. M.: Astrel, 1003 p. (In Russ.).
- Труфанов, А. Ю., Самсонов, А. И. (2021) 'Смысловое содержание понятия справедливость в современном российском социуме' в: *Анализ миграционных процессов и их социальная составляющая в субъектах Российской Федерации: сборник статей*. Отв. ред. С. В. Устинкин, А. Ю. Труфанов; ФНИСЦ РАН. М.; Н. Новгород; Ростов-на-Дону: ФНИСЦ РАН, сс. 34–44. [Trufanov, A. Yu., Samsonov, A. I. (2021) 'The semantic content of the concept of justice in modern Russian society' [Smyslovoe sodержanie ponjatija spravedlivost' v sovremennom rossijskom sociume]. *Analysis of migration processes and their social component in the subjects of the Russian Federation: collection of articles*. Ed. S. V. Ustinkin, A. Yu. Trufanov; FNISCI RAS. M.; N. Novgorod; Rostov-on-Don: FNISCI RAS, pp. 34–44. (In Russ.)]. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-362-1.2021.
- Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", [электронное издание]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/401425792/paragraph/1:0> (дата обращения 01.07.2024). [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii], [electronic edition]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/401425792/paragraph/1:0> (accessed 01.07.2024). (In Russ.)].
- Устинкин, С. В., Самсонов, А. И., Рудакова Е. К. (2024) 'Самооценка студенческой молодежи материального положения как фактор политической социализации и отношения к власти', *Вестник Пермского университета. Политология*, 18 (2), сс. 73–87. [Ustinkin, S. V., Samsonov, A. I., Rudakova E. K. (2024) Self-assessment of financial situation by students as a factor of political socialization and attitude to power [Samoocenka studencheskoj molodezh'ju material'nogo polozhenija kak faktor politicheskoi socializacii i otnoshenija k vlasti], *Bulletin of the Perm University. Political Science*, 18 (2), pp. 73–87. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-2-73-87.
- Фромм, Э. (2010) *Душа человека*. М.: АСТ; Астрель, 251 с. [Fromm, E. (2010) *The soul of man* [Dusha cheloveka]. Moscow: AST; Astrel, 251 p. (In Russ.)].
- Штомпка, П. (2008) *Социология. Анализ современного общества*. Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 664 с. [Shtompka, P. (2008) *Sociology. Analysis of modern society* [Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva]. Trans. with paul S. M. Chervonnaya. M.: Logos, 664 p. (In Russ.)].
- Статья поступила в редакцию: 07.09.2024
Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 11.10.2024
Статья принята к печати: 30.10.2024

THE CULTURE OF TRUST AND THE SEMANTIC TRANSFORMATION OF MASS IDEAS ABOUT FREEDOM AND SECURITY (THE CASE OF NIZHNY NOVGOROD REGION)

S. Ustinkin, A. Samsonov

Sergey Ustinkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Interdisciplinary Research Laboratory "Study of World and Regional Socio-Political Processes", Director of the Volga Branch of the IS FNISC RAS, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: sv.ustinkin@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1481-3208).

Andrey Samsonov, research fellow,
Volga Branch of the IS FNISC RAS, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: cipt@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8059-5344).

Abstract

The article is based on the materials of the monthly monitoring of public opinion in the Nizhny Novgorod region, conducted by the ANO "Scientific Research Institute for Social Management Problems" together with the Volga branch of the IS FNISC RAS since 2021. The influence of living conditions, resource accessibility and family income as factors in ensuring the ontological security of society and changes in the level of axiological trust is analysed. The analysis focuses on social groups stratified by consumption opportunities. The self-assessment method used allows us to get a realistic picture of the level of material well-being of the population, taking into account the influence of the individual scale of consumer demands. A high-trust society is considered in terms of public opinion, daily life satisfaction and respect for the principles of social justice. The paper demonstrates that the opposition between security, including ontological security, and freedom, traditional to the theoretical constructions of postmodernism, is absent from mass consciousness, while the historical ambivalence of value categories persists. The article substantiates the assumption about the evolution of views on freedom and security in a consumer society, the formation of a common material and rational basis of value attitudes that changes the essence and nature of contradictions among them.

Keywords: ontological security; trust; consumption; power; social justice; freedom.

Financial support: The research was carried out within the state assignment framework of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic «The problem of youth trust in public and state institutions in terms of ensuring national security in the context of the special military operation (regional aspect)» (FSWZ-2023-0031).

УДК-32.019.5(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-80-91

**ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ УГРОЗ:
ИНДИКАТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ УКРЕПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19)**

Н. А. Ильинова, И. В. Киреева, Е. С. Куква, С. А. Ляужева, З. А. Жаде

Ильинова Надежда Александровна, доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социологии,

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия.

E-mail: nady_i@bk.ru (ORCID: 0000-0003-4626-5947).

Киреева Ирина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент,

доцент кафедры философии и социологии,

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия.

E-mail: klushina@list.ru (ORCID: 0000-0002-0888-896X. ResearcherID: GXM-8362-2022).

Куква Елена Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии,

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия.

E-mail: otvs_priem@mail.ru (ORCID: 0000-0001-9944-029X. ResearcherID: N-5425-2018).

Ляужева Светлана Аслановна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, руководитель лаборатории социологической диагностики,

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия.

E-mail: slyausheva@list.ru (ORCID 0000-0001-7249-8846. ResearcherID: GXZ-9879-2022).

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, руководитель лаборатории этнокультурных проблем,

Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия.

E-mail: zhadezura@yandex.ru (ORCID 0000-0002-7888-8885. ResearcherID: GPX-0497-2022).

Аннотация

Рассматривается проблема доверия к власти в нестабильных и неопределенных условиях эпидемиологических угроз. На основе данных эмпирического исследования, проведенного в период четвертой волны пандемии COVID-19 (октябрь 2020 г. и октябрь 2021 г.), выявлены основные характеристики таких индикаторов доверия к власти, как информационно-коммуникационный, публичности региональной политики, компетентности власти и солидарности. Исследование основано на политико-социологическом подходе. Проводилось в Краснодарском крае и Республике Адыгея методом анкетирования ($N = 1091$). Анализ полученных данных осуществлялся на основе комплексной методики построения интегрального индекса доверия к власти. Построение интегральных индексов доверия к власти в исследуемых регионах показало, что в Адыгее все измеряемые индикаторы выше, чем в Краснодарском крае (соизмеримы лишь показатели по индикатору «солидарность»). Используется метод сравнения с аналогичными данными второй волны пандемии (октябрь 2020 г.). В целом, в обоих регионах индекс доверия больше 100, что в соответствии с предложенной методикой означает преобладание доверия над недоверием. В заключении авторы предлагают механизмы повышения доверия к власти, которые базируются на полученных эмпирических данных, среди них: развитие социально-коммуникационных технологий, внедрение практики краудсорсинга, создание условий для самоорганизации на принципах сплоченности.

Ключевые слова: доверие к власти; эпидемиологическая угроза; пандемия коронавируса (COVID-19); региональная власть; институциональное доверие; Республика Адыгея; Краснодарский край; политико-социологический анализ; индикаторы доверия к власти; индекс доверия к власти.

Постановка проблемы

С начала XX в. человечество столкнулось с несколькими глобальными эпидемиологическими угрозами (пандемиями), которые существенно повлияли на различные стороны жизни общества и поставили вопрос о принятии эффективных управленческих решений. Пандемия встраивается в ряд состояний общества, таких как войны, теракты, техногенные катастрофы, которые характеризуются высокой степенью риска и неопределенности. Актуализируется *проблема доверия к власти в нестабильных и неопределенных условиях*. Уверенность социума в том, что власть чутко реагирует на тревоги людей, имеет четко определенную стратегию развития, – важный механизм достижения эффективности принимаемых мер в ситуации развития эпидемиологических угроз.

Проблема доверия к власти достаточно остро себя проявила в период пандемии COVID-19. Ее волнообразный характер обусловил изменение во взаимодействии власти и общества. Проблема доверия анализируется на основе данных эпидемиологического процесса во вторую (осень–зима 2020 г.) и четвертую (осень–зима 2021 г.) волны пандемии в России, во время которых фиксировались высокая заболеваемость и смертность среди населения (Карпова и др., 2023), а также на основе принимаемых государством решений в тех обстоятельствах. Во вторую волну изменился подход к применению режима самоизоляции, на удаленную работу были переведены отдельные, уязвимые категории населения, введен дистанционный режим работы в образовательных учреждениях, штрафы за нарушение ограничительных мер. Четвертая волна пандемии обусловила новый контекст исследуемой проблемы. Президент РФ поставил на личный контроль глав регионов меры по вакцинации населения. Были введены QR-коды при посещении общественных мест, внесен законопроект в Государственную думу об обязательности электронных сертификатов с QR-кодами о прививке от коронавируса при нахождении в общественных местах. Произошел рост количества тех, кто положительно относится к вакцинации. Двадцать шестого ноября 2021 г. ВЦИОМ представил данные опроса россиян, посвященного вакцинации¹. Наблюдалось развитие негативистского типа сплоченности общества в условиях пандемии.

В научном дискурсе проблема доверия к власти вызывает многочисленные дискуссии. Прежде всего, обсуждается вопрос о разработке индикаторов доверия к власти и методике их измерения (Кириленко, 2021). В современных зарубежных политологических исследованиях существует несколько концепций политического доверия: оксфордская (Г. Алмонд, С. Верба) и стэнфордская (К. Кук, М. Леви) (Uslaner E., 2018). В ходе исследования построение индексов, предлагаемое авторами настоящей статьи, опирается на оксфордский подход, предполагающий идею ключевой роли рационального выбора граждан, который основан на доверии. Измерение доверия осуществляется через оценку вероятности принятия гражданином того или иного решения, в том числе через косвенные индикаторы доверия.

Пандемия COVID-19 вывела научные дискуссии о доверии к власти на новый уровень. Так, Т. А. Нестик, анализируя социально-психологические механизмы влияния пандемии на личность, отмечает проявление таких противоречивых тенденций, как солидаризация общества перед общей угрозой и снижение социального доверия, стигматизация и обострение межгрупповой напряженности. При этом он полагает, что «...уровень доверия к власти был одним из факторов, поддерживающих жизнеспособность личности в условиях пандемии...» (Нестик и др., 2020: 90). Т. А. Нестик установил, что именно доверие к социальным институтам и вера в возможность получить поддержку от других людей определяют степень социального оптимизма, а значит, влияют на готовность общества консолидироваться для решения стоящих перед ним проблем (Нестик, 2023). И. Н. Тартаковская, обращаясь к началу научной дискуссии вокруг понятия «доверие», отмечает нарастание интереса к нему. Это обусловлено происходящими изменениями в обществе: усложнением общественных отношений, усилением индивидуальной ответственности за принятие решений, сложностью индивидуальной навигации в социальном мире. Доверие становится важным инструментом, позволяющим индивидам принимать рациональные решения и взаимодействовать друг с другом (Тартаковская, 2021).

¹ *Вакцинация от коронавируса: отношение россиян* [Электронный ресурс], ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan?ysclid=m31xcp3aoj790360294> (дата обращения: 15.06.2024).

В настоящей статье проблема рассматривается с точки зрения *исследования воздействия состояния неопределенности и экстремальности, возникающего в ситуации эпидемиологической угрозы, на уровень доверия к власти*. Этот ракурс предполагает обращение к анализу индикаторов доверия к власти, а также их измерение с помощью построения интегрального индекса, учитывающего систему взаимосвязанных показателей. В условиях пандемии, обозначаемых как условия высокой степени неопределенности (появление новых штаммов коронавируса, нелинейное распространение по регионам, различие мер, принимаемых для управления ситуацией) и риска (рост заболеваемости, слабые темпы вакцинации), требуется наиболее детальный подход к разработке гибких и учитывающих наиболее важные составляющие методик измерения доверия. В дальнейшем это позволит предложить эффективные механизмы укрепления доверия к власти в ситуации эпидемиологических угроз.

Теоретико-методологические основания исследования

Проведенное исследование основано на политико-социологическом подходе. Доверие к власти рассматривается нами как вид институционального доверия. Институциональный подход дополняется подходом Э. Гидденса, который рассматривает доверие к власти как социальную практику (Гидденс, 2005). Взаимодействуя с теми или иными институтами, человек вырабатывает привычную для него форму восприятия и отношения к ним. Если в ходе взаимодействия в его повседневный опыт последовательно включаются негативные проявления, то уровень доверия, соответственно, будет снижаться. Поиск механизмов укрепления доверия к власти осуществляется исходя из понимания его как актива, на который можно воздействовать (создавать, укреплять, распространять, проявлять и восстанавливать).

Мы исходим из понимания доверия к власти как сложного конструируемого социального феномена, который характеризует степень надежности институтов государства в выполнении функций, возложенных на него субъектом, оказывающим доверие. В условиях сложного, непредсказуемого по интенсивности течения пандемии исследование проблемы доверия к власти, на наш взгляд, может основываться на анализе спектра индикаторов: информационно-коммуникационном; публичности региональной политики; компетентности власти; готовности к сотрудничеству (солидарность). Выход за пределы традиционных подходов к построению индекса доверия к власти предполагает использование многопозиционных методик, позволяющих выявить скрытые показатели. Это, в свою очередь, обуславливает более широкое социальное исследование и построение комплексных интегральных индексов.

В период пандемии COVID-19 накоплена эмпирическая база, отражающая те или иные стороны доверия к власти (Российское общество и государство в условиях пандемии..., 2020). При этом проводимые исследования учитывают три группы факторов: общемировые, внутригосударственные и региональные. Менее исследованным является региональный уровень. В этой связи предпринятая в статье попытка представить данные об уровне доверия к власти в условиях пандемии на основе данных по Республике Адыгея и Краснодарскому краю представляет как научную, так и практическую значимость. Выбор Адыгеи и Краснодарского края для проведения исследования обусловлен следующими обстоятельствами. В Краснодарском крае в период пандемии были введены одни из самых жестких карантинных мер по борьбе с распространением COVID-19². В этой связи важно измерить уровень доверия к власти на фоне жестких решений, принимаемых региональными органами власти. Республика Адыгея вошла в число регионов – лидеров по количеству вакцинированных от коронавирусной инфекции. Иммунизацию прошли около 200 тыс. жителей республики (70 % населения). Жителей Адыгеи назвали одними из самых «законопослушных»³. Этот факт представляет большой интерес в связи с оценкой уровня доверия к власти. Также следует отметить, что Республика Адыгея является анклавом, полностью окружена территорией Краснодарского края и не имеет границ с другими субъектами РФ. Регионы одинаковы по многим параметрам, которые оказали влияние на ситуацию вокруг пандемии (средняя продолжительность жизни, возрастная структура населения, качество здравоохранения, санитарно-эпидемиологическая обстановка).

² Регионы возвращают карантинные ограничения: где они будут самыми жесткими [Электронный ресурс], *МК.РФ*. URL: <https://www.mk.ru/social/health/2020/10/13/regiony-vozvrashhayut-karantinnye-ogranicheniya-gde-oni-budut-samymi-zhestkimi.html?ysclid=m31xv2y9jk491965117>. (дата обращения: 15.06.2024).

³ Законопослушная республика: как Адыгея вышла в лидеры по уровню вакцинации от COVID-19 [Электронный ресурс], *Региональные комментарии*. URL: <https://regcomment.ru/main/zakonoposlushnaya-respublika-kak-adygeya-vyshla-v-lidery-po-urovnyu-vaktsinatsii-ot-covid-19/?ysclid=m31xyh5nq573904060> (дата обращения: 15.06.2024).

Эмпирическая база исследования

Измерение уровня доверия к власти осуществлялось в рамках социологического исследования, проводившегося в октябре 2021 г. в Республике Адыгея и Краснодарском крае методом анкетирования ($N = 1091$). Был применен квотный метод отбора выборочной совокупности. Полученные в ходе данного исследования эмпирические данные были сопоставлены с результатами социологического опроса, проводившегося в Республике Адыгея и Краснодарском крае в октябре 2020 г. ($N = 1171$) (Жаде и др., 2020). Это позволило выявить динамику изменений уровня доверия к власти, которая может быть учтена при разработке возможных моделей развития взаимоотношений общества и власти в ситуации неопределенности.

С целью обобщения, анализа и интерпретации полученных в ходе социологического опроса данных использована процедура построения социологических индексов. По каждому индикатору строился индивидуальный индекс; по каждому блоку вопросов – совокупный. Интегральный индекс рассчитывался на основе обобщения совокупных индексов. Специфика расчета индекса выражалась в сжатии полученной в ходе опроса информации по каждому вопросу и сведении ее к единому показателю путем суммирования долей положительных и средних оценок и вычитания доли отрицательных оценок. Чтобы избежать появления отрицательных значений индекса, было прибавлено 100:

$$A(+) - B(-) + 100.$$

Совокупный индекс рассчитывался как среднее арифметическое из индивидуальных индексов, объединенных в блоки. Значения индекса менее 100 означали преобладание отрицательных оценок в региональном сообществе. Чем выше индекс, тем больше положительных оценок.

Если значение индекса меньше 100 – преобладали отрицательные оценки. Чем ближе к 100, тем равномернее распределены оценки между положительными и отрицательными; чем ближе к 150 и выше, тем более высока доля положительных оценок.

Информационно-коммуникационный индекс

Информационно-коммуникационный индекс основан на положении, что степень информированности общества, а также отношение к получаемой информации влияют на уровень доверия к социальным институтам, в том числе политическим. Если в первую волну пандемии коронавируса информационное поле в основном было наполнено новостями о самом вирусе, его происхождении, последствиях и способах профилактики, то в последующем на первый план вышла информация о мерах, принимаемых государством (прежде всего о вакцинации), и, соответственно, отношении тех или иных субъектов к данным мерам.

В ходе проведенного исследования расчет информационно-коммуникационного индекса был осуществлен на основании измерения следующих показателей: доверие официальной информации, удовлетворенность полнотой и достоверностью информации о пандемии, оценка открытости власти.

Индекс доверия официальным СМИ составил 132,2 в Республике Адыгея и 121,2 в Краснодарском крае (в 2020 г. – 122,8 и 85,9 соответственно). Наблюдаемый рост доверия официальным СМИ был связан с усталостью общества от неоднозначной информации, фейков, которыми было наполнено пространство интернета. По результатам опроса, удовлетворенность полнотой и достоверностью информации в Республике Адыгея составила 111,2 и в Краснодарском крае – 100,0 (в 2020 г. – 122,7 и 89 соответственно).

Информационная открытость региональных органов власти – это возможность получать необходимый и достаточный объем информации об их деятельности, главным образом через СМИ. Индекс открытости власти в Республике Адыгея составил 115,3, в Краснодарском крае – 113,0 (в 2020 г. – 121,3 и 93,6 соответственно). При этом недостаточной оказалась интенсивность прямых контактов с населением. Расчет совокупного информационно-коммуникационного индекса с учетом трех показателей показал положительную динамику и отсутствие существенных различий между регионами.

Индекс публичности региональной политики

В период пандемии наибольшую актуальность продемонстрировал показатель активности населения во взаимодействии с властью. Коммуникация с властью рассмотрена с двух сторон: фактического обращения граждан в органы региональной власти с целью решения возникшей проблемы и устойчивости в сознании граждан представления о возможности официального обращения в целях решения проблемы.

На вопрос «За последние полгода обращались ли Вы лично или коллективно за помощью в органы власти в связи с необходимостью решения какой-либо проблемы?» положительно ответили только 16,1 % от общего числа респондентов. При поиске решения проблем респонденты чаще всего были готовы решать все самостоятельно, только 13,2 % – обратиться в органы власти. В условиях риска и неопределенности то обстоятельство, что люди готовы решать свои проблемы самостоятельно, формирует определенную практику, когда возникает необходимость принимать решения здесь и сейчас, руководствуясь собственным восприятием той или иной ситуации, ценностями и этическими нормами. «И в ситуации качественных социальных изменений доверие выступает одним из инструментов адаптации участников социального взаимодействия к новым социальным реалиям» (Козырева, Смирнов, 2019).

Второй показатель – учет общественного мнения при принятии решений властью. Общественное мнение в условиях пандемии было крайне противоречиво и нестабильно. Возможность оказывать влияние на решения органов власти расценивалось большинством из опрошенных респондентов как крайне незначительная. Только 13 % опрошенных жителей Республики Адыгея и Краснодарского края полагали, что у граждан была такая возможность. Результаты опроса демонстрируют так называемую патерналистскую модель взаимодействия власти и общественного мнения. Индекс публичности региональной политики составил: Республика Адыгея – 112,1, Краснодарский край – 88,1. Положительные оценки и настроения в Краснодарском крае были выражены несколько слабее. Сравнение с оценками во вторую волну в 2020 г. демонстрирует сопоставимость оценок, незначительное снижение: Адыгея – 114,3, Краснодарский край – 93,7.

Индекс компетентности

Компетентность власти с полным основанием можно считать фундаментом роста доверия граждан к органам государственной, региональной и муниципальной власти. Пандемия коронавируса предъявила к компетентности региональных властей особые требования, так как безопасность и жизнь населения в регионах в немалой степени зависят от успешной работы органов власти в условиях неопределенности и умения быстро адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям. Были замерены такие индикаторы, как оценка населением региона работы органов власти по сферам; удовлетворенность решениями и действиями властей в период пандемии; оценка достаточности мер, принимаемых властью в условиях пандемии.

Работу органов власти, проводимую в различных областях за последние полгода, жители исследуемых регионов оценили неоднозначно, но респонденты Адыгеи были более благожелательны по отношению к региональной власти, чем жители Краснодарского края. Менее всего положительных оценок получила сфера здравоохранения. Пандемия стала серьезным испытанием для системы здравоохранения разных стран мира, и России в частности⁴. Уровень медицинского обслуживания имеет прямое отношение к компетентности власти, так как медицина для своего развития требует значительных финансовых вложений и обдуманных управленческих решений. Максимальное количество положительных и средних отзывов респонденты высказали о работе органов власти в области культуры, на втором месте у респондентов из Адыгеи – деятельность власти в области безопасности, работы правоохранительных органов, на третьем – в области образования, на четвертом – в социальной сфере. Жители Краснодарского края приоритеты расставили по-иному: на втором месте – социальная сфера, на третьем – образование, а замкнула рейтинг сфера безопасности и работы правоохранительных органов.

Совокупный индекс оценки работы органов власти в условиях пандемии был достаточно высок: в Республике Адыгея он составил 143,6, в Краснодарском крае – 132,1. Мнения респондентов из Республики Адыгея и Краснодарского края о том, справляются ли органы власти со своими обязан-

⁴ Global Health Expenditure Database, WHO. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-health-expenditure>. <https://apps.who.int/nha/database/ViewData/Indicators/en>. (accessed 15 June 2024).

ностями во время пандемии, практически совпадали. Также коррелировала позиция жителей Адыгеи и Краснодарского края с общероссийским уровнем одобрения деятельности такого государственного института, как президент РФ (61 и 61 %), а уровень одобрения деятельности правительства РФ у респондентов из опрошенных нами регионов юга России был выше, чем среднероссийский (55 и 33 %) ⁵. Таким образом, оценка населением региона работы органов власти по сферам была дана достаточно высокая.

Индикатор удовлетворенности решениями и действиями властей в период пандемии был ниже оценки работы органов власти по сферам: Республика Адыгея – 125,4, Краснодарский край – 114,9. Деятельность органов власти была оценена респондентами достаточно высоко, а удовлетворенность решениями и действиями властей в период пандемии находилась на более низком уровне. Мы склонны объяснить данное положение тем, что ограничения, введенные властью с целью недопущения распространения COVID-19, вызвали недовольство у населения, власти обвинялись во вмешательстве в личную жизнь посредством цифрового контроля и ограничения свобод. Оценка достаточности мер, принимаемых властью в условиях пандемии, продемонстрировала преобладание отрицательных оценок деятельности власти Краснодарского края в условиях пандемии (96,5) и незначительное преобладание суммы положительных и средних оценок над отрицательными в Республике Адыгея (104,5). Респонденты Краснодарского края отмечали, что действия властей за последние перед опросом полгода в основном не способствовали уверенности в безопасности; в Республике Адыгея респонденты в большей мере чувствовали заботу региональных властей о безопасности жителей, чем население Краснодарского края. При этом совокупный индекс компетентности в 2021 г. составил: 121,1 – в Адыгее и 115,1 – в Краснодарском крае, на фоне данных по 2020 г.: 127,9 – в Адыгее и 98,0 – в Краснодарском крае. Действия власти в условиях недопущения распространения коронавируса в 2021 г. респондентами Республики Адыгея и Краснодарского края были оценены в целом как компетентные, однако было очевидно региональное различие.

Индекс солидарности

Пандемия выдвинула на первый план такое значимое для общества в условиях неопределенности качество, как сплоченность и готовность к сотрудничеству. Сплоченность и готовность к сотрудничеству в большей степени измеримы через косвенные показатели: оценку степени сплоченности – на уровне региона, оценку готовности терпеть ограничения в связи с распространением пандемии, оценку степени влияния окружения на решение о вакцинации и оценку межличностного доверия.

Оценка степени сплоченности на уровне региона. П. Штомпка утверждает, что «наиболее сложные системы доверия появляются в случае сотрудничества... Оно является необходимым условием и одновременно продуктом сотрудничества...» (Штомпка, 2012). Такой подход предполагает рассмотрение зависимости уровня доверия в обществе от того, насколько оно готово к сотрудничеству, проявляет солидарность и согласие с общими нормами. В ходе исследования мы остановились на измерении высказанной респондентами оценки уровня сплоченности на фоне внешней неконтролируемой угрозы. Данные схожи в обоих региональных сообществах. В соответствии с ними доля оценивающих усиление сплоченности на фоне пандемии в Адыгее лишь немного превышает число тех, кто с этим не согласен. В Краснодарском крае обе позиции численно равны. Расчеты индексов по данному индикатору составили по Республике Адыгея – 105, по Краснодарскому краю – 100.

Оценка готовности терпеть ограничения в связи с распространением пандемии. Данные по этому показателю свидетельствуют о преобладании позиций, связанных с признанием необходимости следовать установленным ограничениям в обмен на безопасность (физическую либо экономическую): индекс по Адыгее – 116,7, по Краснодарскому краю – 118. Особенно показательна динамика этих значений по сравнению с 2020 г.: количество респондентов, соглашающихся испытывать на себе ограничения исходя из соображений безопасности, снизилось в 2021 г. почти на 20 %. Произошла дифференциация мотивов следования правилам, так как появилась категория респондентов, готовых терпеть ограничения в силу опасения остаться без дохода. В целом уровень солидаристских характеристик в обществе за год изменился незначительно, повысился уровень осознанности в

⁵ Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий [Электронный ресурс], ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-12-11-2021?ysclid=m31yzjcz1h763430919>. (дата обращения: 15.06.2024).

вопросах регламентирования в условиях пандемии, появилась детерминанта экономической безопасности у части респондентов, а также уменьшилось число респондентов, не готовых следовать правилам. Связывая эти показатели с индикаторами доверия, характеризуем не только генерализованное доверие, но и институциональное, так как именно институты власти являются основными субъектами регламентации.

Еще одним «объединяющим» показателем стала *степень влияния окружения на решение о вакцинации*. Известно, что согласие вакцинироваться включает в себя несколько уровней доверия: доверие вакцине, доверие акторам, реализующим вакцинацию (поликлиники, врачи, например) и доверие властям (Министерству здравоохранения, правительству, рекомендующим вакцинироваться) (Larson et al., 2018). Однако в условиях пандемии COVID-19 данный индикатор приобрел еще один аспект: доверие к вакцинации ввиду отсутствия иных источников доверительной опоры формировалось в том числе благодаря ближайшему окружению. Этот показатель замерялся как с позиций субъекта влияния (респондент в качестве советчика), так и с позиций его объекта (респондент принимает или не принимает совет). Показатель составил в Республике Адыгея – 117,8, в Краснодарском крае – 111,5. Ответы на вопрос в изучаемых регионах несколько различались. Так, в Адыгее было на 6 % меньше количество людей, готовых «взять на себя ответственность» за выбор «вакцинационной стратегии» своего товарища. Преобладающая доля респондентов выбирала вариант «Воздержусь от совета» (в обоих регионах около 50 %). От 9 до 12 %, по всей видимости, являлись противниками вакцинации и готовы были посоветовать не прививаться.

Интересен взгляд с точки зрения объекта влияния – оценка зависимости от мнения окружения при принятии решения о вакцинации (На Ваше решение о вакцинации больше всего повлияли...?). Большинство респондентов опирались на собственное решение о вакцинации, некоторые указывали родных, семью в качестве основных советчиков, однако это небольшая доля респондентов. Преобладающее большинство респондентов (более 55 %) утверждали, что решение о вакцинации – это их собственный выбор. Это косвенно свидетельствует о том, что в исследуемых регионах существовала невысокая связность межличностных отношений, автономизация в ситуации выбора, а следовательно, невысокая сплоченность.

Оценка межличностного доверия складывается из двух показателей: оценки объектов межличностного доверия и оценки общего доверия большинству людей. По первому показателю в регионах были зафиксированы схожие данные, однако индекс по Республике Адыгея превысил индекс по краю (128,3 и 120,3 соответственно). Это различие обосновывается более низкими показателями доверия жителей края людям другой национальности, людям другой религии, а также соседям, разница между которыми варьировалась от 10 до 23 %. Оценка, дополняющая предыдущую, была сформирована на основе интерпретации ответов на вопрос из методики «Вера в людей» М. Розенберга (Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?). Как в республике, так и в крае индекс этого показателя составил 46, что, несомненно, свидетельствует о низком уровне обобщенного доверия. Однако этот показатель не выбивается из «допандемийного опроса» Всемирного исследования ценностей, подсчет индекса которого по аналогичной методике также составил 48 (Haerpfer et al., 2020).

Совокупный индекс по индикаторам блока «Солидарность» составил 101,7 в Республике Адыгея и 99,0 в Краснодарском крае (в сравнении с 2020 г.: 132,8 и 117,7 соответственно). В целом это означает, что готовность к сотрудничеству не является преобладающей тенденцией. Для оценки уровня доверия власти данные показатели могут оказаться косвенными маркерами, заслуживающими специальной работы с ними.

Интегральный индекс доверия к власти

Результатом проведенного исследования стало построение интегрального индекса доверия к власти, который представлен в таблице. Кроссрегиональное сравнение дополнено сопоставлением с данными, полученными по аналогичной методике в 2020 г. Установлено, что интегральный индекс в Республике Адыгея выше, чем в Краснодарском крае.

**Интегральный индекс доверия к власти в Республике Адыгея и Краснодарском крае
(2020, 2021)**

Индекс	Республика Адыгея		Краснодарский край	
	2020	2020	2021	2021
Информационно-коммуникационный	133,9	105,4	111,4	119,6
Публичность региональной политики	114,3	93,7	88,1	112,1
Компетентность	127,9	98,0	115,1	121,1
Солидарность	132,8	117,7	99,0	101,7
Интегральный	127,2	103,7	103,4	113,6

Влияние волн пандемии на уровень доверия к власти, зафиксированное по результатам двух замеров (в период второй волны в октябре 2020 г. и четвертой волны в октябре 2021 г.), говорит о следующем:

- 1) в целом в период пандемии доверие к власти было выше, чем недоверие, о чем свидетельствуют показатели интегрального индекса;
- 2) снижение уровня доверия к власти к четвертой волне пандемии объясняется, на наш взгляд, снижением неопределенности с ходом пандемии и притуплением чувства опасности. Изменилась наблюдавшаяся в первую и вторую волны пандемии тенденция видеть в государстве и его институтах единственную гарантию безопасности;
- 3) по отдельным индикаторам доверия к власти зафиксированы региональные различия. В Краснодарском крае заметно повышение показателей индикатора компетентности власти и информационно-коммуникативного индикатора. Это может объясняться заметным населению ростом эффективности принимаемых властью решений и деятельности официальных СМИ;
- 4) наблюдается незначительное снижение всех индикаторов доверия к власти в Республике Адыгея во время четвертой волны пандемии, что может быть вызвано изначально более высоким уровнем ожиданий от власти в первый год пандемии.

Выводы

На уровень доверия к власти в условиях пандемии COVID-19 оказали влияние прямые и косвенные индикаторы. Комплексная методика, основанная на идее построения интегральных индексов, объединяющих указанные выше индикаторы, позволила осуществить эмпирический анализ данных индикаторов в Республике Адыгея и Краснодарском крае и прийти к следующим выводам.

Интернет и социальные сети являлись главными источниками информации. При поиске решения важных проблем респонденты чаще всего были готовы преодолеть все самостоятельно. Незначительна доля тех, кто был готов обратиться в федеральные и региональные органы власти. Это напрямую характеризует степень доверия к политическим институтам, а также формирует определенную практику поиска решения проблемных ситуаций. Возможность оказывать влияние на решения органов власти расценивалось большинством респондентов как крайне незначительная, что в совокупности с другими характеристиками свидетельствует о наличии патерналистской модели взаимодействия, которая участников диалога ставит в неравные позиции – ведущего и ведомого. Данная модель является барьером формирования доверия к власти.

Пандемия стала «стресс-тестом» для различных систем управления. На региональном уровне власть выстраивала собственную стратегию преодоления последствий распространения коронавирусной инфекции. На удовлетворенность действиями региональных властей оказали влияние ограничения, введенные с целью недопущения распространения COVID-19, которые у определенной части общества сформировали представление о вмешательстве государства в личную жизнь. Неоднозначно оценивалась и степень достаточности принимаемых мер: наблюдался рост как тех, кто считал, что власть принимает все необходимые меры, так и тех, кто полагал их недостаточными (что рассматривалось респондентами и как невозможность осуществлять должный контроль за их исполнением).

Солидарность – это важнейший косвенный индикатор. Доля оценивших усиление сплоченности на фоне пандемии в Адыгее лишь немного превысила число тех, кто с этим не согласен. Межличностное доверие находится на уровне средних показателей. Жители Республики Адыгея и Красно-

дарского края признали необходимость следовать установленным ограничениям в обмен на безопасность (физическую либо экономическую) или в силу других причин (к примеру, из-за опасения остаться без источника дохода).

Итак, построение интегральных индексов доверия к власти в исследуемых регионах показало, что в Адыгее все измеряемые индикаторы выше, чем в Краснодарском крае (соизмеримы лишь показатели по индикатору «солидарность»). Интегральный индекс в республике превысил таковой в крае на 14 позиций. В целом в обоих регионах индекс доверия больше 100, что в соответствии с предложенной методикой означает преобладание доверия над недоверием.

Полученные результаты позволяют выработать механизмы укрепления доверия к власти в условиях пандемии и иных условиях с высокой степенью неопределенности и предложить следующее:

1. Укреплять доверие к власти с помощью развития социально-коммуникационных технологий, которые предполагают установление, поддержание и расширение контактов с гражданами и организациями, расширение участия граждан и гражданских институтов общества в управлении государством. В этой связи ценен опыт деятельности некоммерческого сектора в вопросах самоорганизации, оказании адресной помощи населению, информирования о текущих событиях и др. Что касается органов власти, то для них подобным механизмом могут стать цифровые платформенные решения взаимного рейтингования в различных сферах деятельности (органов власти и субъектов различных сфер деятельности, например, поставщиков социальных услуг) (Аузан, 2020). Рекомендации Барометра доверия Эйдельмана за 2021 г. с результатами измерений доверия в 28 странах с общей численностью 33 000 респондентов делают акцент на то, что «общественные лидеры должны руководствоваться фактами и действовать с сочувствием. У них должно хватить смелости говорить открыто, но при этом они должны сопереживать страхам людей и обращать на них внимание»⁶.

Развивать краудсорсинг – современный инструмент управленческих технологий формирования доверия, реализуемый на основе коллективного участия населения в разработке региональных социально-правовых инициатив. В регионах были созданы центры управления регионом и муниципальные центры управления, программа «Инцидент Менеджмент» собирала жалобы и обращения в сети Интернет. В 2021 г. было обработано более 14 000 обращений от жителей Адыгеи. В мессенджерах Telegram и Viber созданы чат-боты, в которых можно задать вопросы региональным и муниципальным органам власти. Однако наличие данных инструментов обратной связи оказалось недостаточным. Это подтверждают результаты проведенного нами опроса: население Республики Адыгея и Краснодарского края на низком уровне оценило возможность влияния на решения региональных органов власти.

2. Развитие различных форм коллективного участия населения в разработке региональных инициатив возможно путем создания условий для самоорганизации групп на основании «принципа внесения вклада», то есть стремления создавать, а не разрушать, давать, а не брать. Если мы готовы принести денежные средства и положить их на счет в банк, то это говорит о нашей доверии данному банку. Развитие общественного сознания, корпоративной гражданственности и социальной ответственности – основа укрепления доверия к власти.

3. Основываясь на относительно высоких показателях индекса компетентности региональной власти, можно предположить, что внутри изучаемых региональных сообществ есть готовность к восприятию предлагаемых как властью, так и обществом механизмов укрепления доверия. Актуальным становится развитие адаптивности, гибкости, восприимчивости, скорости принятия решений, ставших наиболее востребованными составляющими компетентности власти в условиях пандемии. Формирование нового образа власти, основанного на данных компетенциях, на усилении коммуникативных основ взаимодействия с обществом, поиске новых форм сотрудничества, открытости к изменениям, – необходимые шаги по укреплению доверия.

⁶ 1st ANNUAL EDELMAN TRUST BAROMETER. Global report. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer> (accessed 15 June 2024).

Список литературы / References

- Аузан, А. А. (2020) 'Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства. Заседание Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации 13 ноября 2020 года', *Аналитический вестник*, 1 (761), сс. 7–16. [электронное издание]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTHsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf>. (Дата обращения: 12 сентября 2024 г.). [Auzan, A.A. (2020) 'Trust as a critical factor in achieving strategic goals of socio-economic and political development of the state. Meeting of the scientific expert council under the Chairman of the Federation Council on November 13, 2020' ['Doverie kak kriticheskij faktor dostizheniya strategicheskikh celej social'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya gosudarstva. Zasedanie Nauchno-ekspertnogo soveta pri Predsedatele Soveta Federacii 13 noyabrya 2020 goda'], *Analytical Bulletin*, 1 (761), pp. 7–16. [online]. Available at: <http://council.gov.ru/media/files/9SKbz9PvGjZBTHsE8TX3QnAmD9N3b3cf.pdf>. (Accessed: 12 September 2024). (In Russ.)].
- Гидденс, Э. (2005) *Устроение общества. Очерк теории структуризации*, Москва: Академический проспект. [Giddens, E. (2005). *The organization of society. An essay on the theory of structuration*. [Ustroenie obshchestva. Oчерк teorii strukturacii]. Moscow: Akademicheskij Prospekt. (In Russ.)].
- Жаде, З. А., Шадже А. Ю., Ляшова С. А., Ильинова Н. А., Куква Е. С. (2020) 'Региональная власть и общество в условиях неопределенности и риска: индекс (дез)интеграции как основа модели взаимодействия', *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 4 (269), сс. 104–121. [Zhade, Z. A., Shadzhe A. Yu., Lyausheva S. A., Il'inova N. A., Kukva E. S. (2020). 'Regional government and society in conditions of uncertainty and risk: index (dez)integration as the basis of the interaction model' [Regional'naya vlast' i obshchestvo v usloviyah neopredelennosti i riska: indeks (dez)integracii kak osnova modeli vzaimodejstviya'], *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*, 4 (269), pp. 104–121. (In Russ.)].
- Карпова Л. С., Комиссаров А. Б., Столяров К. А. и др. (2023) 'Особенности эпидемического процесса COVID-19 в каждую из пяти волн заболеваемости в России', *Эпидемиология и вакцинопрофилактика*, 22 (2), сс. 23–36. [электронное издание]. Доступно: doi:10.31631/2073-3046-2023-22-2-23-36. (Дата обращения: 12 сентября 2024 г.). [Karpova L. S., Komissarov A. B., Stolyarov K. A., Popovtseva N. M., Stolyarova T. P., Pelikh M. Yu., Lioznov D. A. (2023) 'Features of the COVID-19 Epidemic Process in Each of the of the Five Waves of Morbidity in Russia' [Osobennosti epidemicheskogo processa COVID-19 v kazhduyu iz pyati voln zabolevaemosti v Rossii], *Epidemiology and Vaccinal Prevention*, 22 (2), pp. 23–36. [online]. Available at: doi:10.31631/2073-3046-2023-22-2-23-36. (Accessed: 12 September 2024). (In Russ.)].
- Кириленко, В. П., Алексеев, Г. В. (2021) 'Измерение политического доверия в условиях современной демократии', *Управленческое консультирование*, 10, сс. 22–34. [Kirilenko, V. P., Alekseev G. V. (2021) 'Measuring political trust in a modern democracy', ['Izmerenie politicheskogo doveriya v usloviyah sovremennoj demokratii'], *Management consulting*, 10, pp. 22–34. (In Russ.)].
- Кови-мл, С., Меррилл, Р. (2013) *Скорость доверия. То, что меняет все*. Москва: Альпина Паблишер. [Covey, M.R., S., Merrill, R. (2013) *The speed of trust. The one thing that changes everything* [Skorost' doveriya. To, chto menyaet vse]. Moscow: Alpina Publisher (In Russ.)].
- Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2017) 'Население и бизнес: дефицит доверия, его причины и последствия', *Полис. Политические исследования*, 1, с. 53–69. [Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2017) 'Population and business: lack of trust, its

causes and consequences' ['Naselenie i biznes: deficit doveriya, ego prichiny i posledstviya'], *Polis. Political studies*, 1, pp. 53–69. (In Russ.).

Нестик, Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. (2020) 'Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации', *Социальная психология и общество*, 11 (4), с. 87–104. [Nestik, T. A., Dejneka, O. S., Maksimenko, A. A. (2020) 'Socio-psychological predictors of belief in conspiracy theories of the origin of COVID-19 and involvement in social media' ['Social'no-psihologicheskie predposylki very v konspirologicheskie teorii proiskhozheniya COVID-19 i vovlechnost' v setevye kommunikacii'], *Social psychology and society*, 11 (4), pp. 87–104. (In Russ.).]

Нестик, Т. А. (2023) 'Социальный оптимизм в условиях кризиса: от защитных механизмов к постановке совместных целей', *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*, 1 (6), сс. 140–145. [Nestik, T. A. (2023) 'Social optimism in a crisis: from defense mechanisms to setting joint goals' ['Social'nyj optimizm v usloviyah krizisa: ot zashchitnyh mekhanizmov k postanovke sovmestnyh celej'], *Designing the future. The problems of digital reality*, 1 (6), pp. 140–145. (In Russ.).]

Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году: Коллективная монография (2020) М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». [Russian society and the state in the context of a pandemic: the socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020: A collective monograph (2020) [Rossijskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyah pandemii: so-

cial'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskoe razvitiye Rossijskoj Federacii v 2020 godu: Kollektivnaya amonografiya]. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». (In Russ.).]

Тартаковская, И. Н. (2021) 'Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры', *Социологический журнал*, 27 (2), сс. 68–89. [Tartakovskaya, I. N. (2021) 'Trust in the face of a pandemic: in search for a common ground' ['Doverie pered licom pandemii: v poiskah tochki opory'], *Sociological Journal*, 27 (2), pp. 68–89. (In Russ.).]

Штомпка, П. (2012) *Доверие – основа общества*. М.: Логос. [Shtompka, P. (2012). *Trust is the foundation of society* [Doverie – osnova obshchestva]. М.: Logos. (In Russ.).]

Cook, K. S., Hardin R., Levi M. (2007) *Cooperation without Trust?* New York: Russell Sage Foundation.

Haerpfner, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., Puranen, B. (2020) *World Values Survey: Round Seven - Country-Pooled Datafile*. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat [online]. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>.10.

Larson H., Clarke R., Jarrett C., Eckersberger E., Levine Z., Schulz & Pauline Paterson W. (2018) 'Measuring trust in vaccination: A systematic review', *Human Vaccines & Immunotherapeutics*, 14 (7), pp. 1599–1609, DOI: 10.1080/21645515.2018.1459252.

Levi, M., Stoker L. (2000) 'Political Trust and Trustworthiness', *Annual Review of Political Science*, 3, pp. 475–507.

Uslaner E. M. (ed.). (2018) *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. Oxford: Oxford University Press, 752 p.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.10.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**TRUST IN GOVERNMENT IN THE FACE OF EPIDEMIOLOGICAL THREATS:
INDICATORS AND STRENGTHENING MEASURES (USING THE COVID-19 PANDEMIC CASE)**

N. Ilyinova, I. Kireeva, E. Kukva, S. Lyausheva, Z. Zhade

Nadezhda Ilyinova, Dr. Sci. (Philosophy), Head of Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University, Maykop, Russia.
E-mail: nady_i@bk.ru (ORCID: 0000-0003-4626-5947).

Irina Kireeva, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University, Maykop, Russia.
E-mail: klushina@list.ru (ORCID: 0000-0002-0888-896X. ResearcherID: GXM-8362-2022).

Elena Kukva, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University, Maykop, Russia.
E-mail: otvs_priem@mail.ru (ORCID: 0000-0001-9944-029X. ResearcherID: N-5425-2018).

Svetlana Lyausheva, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Head of the
Laboratory of Sociological Diagnostics,
Adyghe State University, Maykop, Russia.
E-mail: slyausheva@list.ru (ORCID 0000-0001-7249-8846. ResearcherID: GXZ-9879-2022).

Zuriyet Zhade, Dr. Sci. (Politics), Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional
Construction and Political Science, Head of the Laboratory of Ethnocultural Problems,
Adyghe State University, Maykop, Russia.
E-mail: zhadezura@yandex.ru (ORCID 0000-0002-7888-8885, ResearcherID: GPX-0497-2022).

Abstract

The article examined the problem of trust in government in unstable and uncertain conditions of epidemiological threats. Based on data from an empirical study conducted during the fourth wave of the COVID-19 pandemic (October 2021), the main characteristics of indicators such as trust in information and communication, transparency of regional policies, government competence and solidarity were identified. The research was based on a political and sociological approach and was conducted in the Krasnodar Region and the Republic of Adygea using a questionnaire method (n=1091). Analysis of the obtained data was performed using a comprehensive methodology to construct an integral index of government trust. The construction of integral indices of trust in government in the studied regions showed that, in Adygea, all the measured indicators were higher than in the Krasnodar Territory. Only the indicators for "solidarity" were comparable. In general, both regions had a confidence index of more than 100. According to the proposed methodology, this means that trust predominates over distrust. The authors proposed mechanisms to increase trust in authorities based on empirical data, including the development of social and communication technologies, crowdsourcing, and creating conditions for self-organization based on principles of cohesion.

Keywords: trust in government; epidemiological threat; coronavirus pandemic; COVID-19; regional government; institutional trust; Republic of Adygea; Krasnodar Territory; political and sociological analysis; indicators of trust in government; index of trust in government.

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-92-101

**ОДИН ХОРОШО, А ТРИ ЛУЧШЕ? ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМ
В СИСТЕМАХ МНОГОУРОВНЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ.
СЛУЧАЙ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ В ГЕРМАНИИ (2000–2003)**

М. С. Борисенко

Борисенко Максим Сергеевич, приглашенный преподаватель,
Департамент политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: msborisenko.sp@gmail.com (ORCID: 0009-0004-0795-3055).

Аннотация

Существующая литература о многоуровневом управлении предполагает, что взаимодействие между акторами на разных уровнях приводит к успешной, более эффективной имплементации политических курсов. На примере неудачной военной реформы 2000–2003 гг. в Германии мы показываем, что организация власти в соответствии с принципами многоуровневого управления может усложнить реализацию реформ. Особое внимание уделяется тому, как акторы на наднациональном и региональном уровне стараются использовать возможности, не предусмотренные установленными правилами. Формулируя гипотезы с помощью нисходящего подхода к имплементации политических курсов, мы используем метод отслеживания процессов и вторичные данные (документы, материалы СМИ и интервью, взятые другими исследователями), чтобы доказать свой тезис. По результатам исследования мы можем утверждать, что наднациональные институты косвенно повлияли на создание проекта реформы. Кроме того, мы утверждаем, что региональные акторы, не заинтересованные в экономических потерях, будучи группой интересов, напрямую задействованной в имплементации реформы, своими действиями привели к снижению поддержки реформы и к прекращению потока ресурсов, необходимых для ее реализации.

Ключевые слова: многоуровневое управление; Европейский союз; политические курсы; институты; реформы; Германия; военные реформы.

Введение

Изменение политического курса, или иначе реформа – трудоемкий процесс. Препятствия для успешного реформирования могут возникнуть на каждой из стадий: от формулирования замысла реформы (Sabatier & Weible, 2007; Kingdon, 2003) до ее имплементации на низовом уровне (Miller, 2005). Усложнение системы управления способно привести к большему числу преград. Так, в федерациях изменение политических курсов часто затрудняется из-за появления новых вето-игроков на региональном уровне, которые отсутствуют в централизованных политических системах и которые вынуждают федеральное правительство идти на компромиссы в сферах совместной юрисдикции (Scharpf, 1988).

Этот текст посвящен одной из подобных преград, которая вызвана специфической структурой организации политической власти, называемой «многоуровневое управление» (multi-level governance). Многоуровневое управление – это такая структура, в которой власть в рамках одной системы распределена между несколькими субъектами (уровнями), каждый из которых обладает собственной юрисдикцией (Hooghe & Marks, 2003).

Задача статьи – показать, что организация власти в рамках системы многоуровневого управления усложняет процесс реформирования на национальном уровне. Важно отметить, что мы оставляем за скобками очевидный аргумент о том, что увеличение числа уровней приводит к увеличению числа вето-игроков и усложняет координацию в областях совместного ведения (Scharpf, 2010). Действительно, в таких системах наднациональные и региональные акторы субъектны, а значит, будут стараться максимизировать свою полезность с помощью установленных правил и процедур. Однако мы утверждаем, что наднациональные акторы будут стараться также повлиять и на те сферы, где национальные правительства обладают исключительным правом принятия решений.

Для проверки нашего предположения мы анализируем оборонную реформу 2000–2003 гг. в ФРГ. Сама реформа предполагала уменьшение штатной численности бундесвера, изменение его организационной структуры и механизмов работы (в том числе закупок). Кроме того, предполагалось решение множества проблем, связанных с отсутствием элементов вооружения, снаряжения и запасных частей в вооруженных силах, а также наращивание закупок нового оборудования и запуск новых оборонных программ. Однако по причинам, которые мы опишем ниже, некоторые цели были достигнуты лишь частично, а многие не были достигнуты совсем. По этой причине реформа считается неуспешной. Активная разработка реформы велась с 1998 по 2000 г. Основная реализация происходила с 2000 по 2003 г. С 2003 по 2005 г. проводилась частичная реализация измененного проекта реформы. С 2005 по 2010 г. действия по реформированию бундесвера фактически не проводились.

Случай оборонной реформы 2000–2003 гг. в ФРГ был выбран по нескольким причинам.

Во-первых, оборонная реформа ФРГ 2000–2003 гг. – это пример реформы, инициированной национальным правительством, которое является частью системы многоуровневого управления. Германия является частью ЕС и НАТО. Одна из отличительных черт ЕС – это наличие функционирующих наднациональных институтов, которые обладают своей юрисдикцией, сферами исключительного и совместного ведения и политической субъектностью. НАТО, в свою очередь, занимается организацией, планированием и координацией военных операций и проектов, а также обладает собственными органами управления, независимыми напрямую от национальных правительств. С другой стороны, Германия – это федерация, в которой регионы обладают реальной автономией в ряде политических сфер. Таким образом, национальное правительство ФРГ включено в продолжающиеся переговоры с политическими акторами на наднациональном и национальном уровне с разграничением сфер совместного и исключительного ведения между акторами на всех уровнях.

Во-вторых, оборонная реформа 2000–2003 гг. является девиантным случаем. Дело в том, что оборонная политика является сферой исключительного ведения федерального правительства Германии как по внутреннему законодательству, так и по законодательству ЕС. Таким образом, мы должны ожидать успешную имплементацию подобной реформы, ведь количество вето-игроков, задействованных в процессе, минимально, а разработка и реализация реформы целиком зависят от федерального правительства. Тем не менее эта реформа была неудачной. В то же время реформы в области рынка труда (Bernhard et al., 2008; Bradley and Kuegler, 2019), социальной политики (Hering, 2008) и федерализма (Scharpf, 2008; Kaiser & Vogel, 2019), проводившиеся в 1990–2010 гг., были более успешными, несмотря на то, что они находятся в сфере совместного ведения федерального и региональных правительств. Хоть эти политические курсы и требовали большей координации действий между разными уровнями, они не стали заложниками «ловушки совместного принятия решений» (Scharpf, 1988), а были реализованы.

В-третьих, оборонная политика является сферой, где решения принимаются исключительно национальным правительством, а значит, согласно логике систем многоуровневого управления, мы не должны ожидать вмешательства наднациональных и региональных институтов в реформу, ведь выработанных и установленных правил для этого нет.

Чтобы определить влияние наднациональных и региональных акторов на оборонную реформу, нам необходимо узнать, **каковы причины провала оборонной реформы в ФРГ 2000–2003 гг.** Проследив процесс принятия и имплементации этого политического курса, мы сможем выяснить, каким образом и на каком этапе искомые акторы вмешивались в него. Для этого мы опираемся на нисходящий подход к имплементации политических курсов (top-down implementation approach) (Sabatier, 2005). В исследовании использованы данные из открытых источников: документы, статьи СМИ и интервью, взятые другими исследователями у непосредственных участников процесса. Для анализа информации в работе использован метод отслеживания процессов (process-tracing) (Collier, 2011). Он позволяет детально отследить интересующие нас процессы, а также обладает аппаратом, необходимым для верификации полученных результатов.

Далее в тексте мы сначала опишем гипотезы, затем более подробно остановимся на методе анализа данных, а после этого раскроем процесс разработки и имплементации реформы. В заключении мы определим основные способы, которые использовали наднациональные и национальные акторы, чтобы повлиять на оборонную реформу.

Гипотезы

В нашем исследовании мы исходим из предположения, что в системах многоуровневого управления наднациональные и национальные акторы не ограничиваются сферами совместного ведения, но также стремятся вмешаться в принятие решений там, где национальные правительства обладают исключительными полномочиями. Чтобы проверить это предположение, мы используем нисходящий подход к имплементации политических курсов (Sabatier, 2005). Нисходящий подход исследует результативность реформ с точки зрения разработчиков и основных акторов, заинтересованных в успешной реализации политического курса. Поскольку политика в сфере обороны относится к исключительному ведению федерального правительства Германии, благодаря нисходящему подходу мы сможем проследить последовательность действий правительственных акторов при разработке и имплементации реформы и определить, в какой момент и каким образом наднациональные и региональные акторы могли на него повлиять.

Нисходящий подход предлагает шесть критериев, соблюдение каждого из которых необходимо для успешной имплементации политического курса.

Согласно первому критерию, чтобы реформа была успешной, ее цели и задачи должны быть четкими и последовательными. Ясность целей реформы помогает обосновывать для других акторов ее необходимость и лучше контролировать ее реализацию, сравнивая текущее положение дел с искомым. Последовательность необходима, чтобы исключить противоречия в процессе имплементации и повысить эффективность процесса. Цели и задачи формулируются во время разработки реформы. Исходя из этого, если наднациональные или региональные акторы не заинтересованы в успехе, то они будут стремиться повлиять на их постановку и поучаствовать в процессе разработки.

Второй критерий говорит о том, что реформа не будет успешной, если в ее основе не лежит адекватная каузальная теория. Иными словами, в проекте реформы должно быть отражено, почему и зачем должны быть предприняты те или иные шаги в реформе. В ином случае общество и акторы, задействованные в реализации реформы, могут не понять замысел и менее активно содействовать успеху политического курса. Наднациональные и региональные акторы могут постараться повлиять на формулирование такой теории, войдя в команду разработчиков.

Третий критерий предполагает, что имплементацию необходимо законодательно структурировать так, чтобы усилить поддержку (compliance) со стороны чиновников и целевых групп, участвующих в реализации политического курса. Иными словами, проект реформы должен быть составлен так, чтобы облегчить имплементацию реформы путем создания необходимых стимулов, механизмов преодоления возможных препятствий и ограничения числа вето-точек. Наднациональные и региональные акторы на стадии разработки могут постараться усложнить структуру или увеличить число вето-точек, включив своих акторов, чтобы увеличить контроль над реализацией реформы.

Четвертый критерий предполагает наличие квалифицированных и заинтересованных исполнителей. Если бюрократы, реализующие реформу, не будут достаточно заинтересованы в ее успехе, то они могут саботировать процесс, а если они не будут достаточно квалифицированными, то не смогут эффективно выполнять свои задачи. Таким образом, если в процесс имплементации будут включены наднациональные или региональные акторы, они могут саботировать реализацию политического курса, если посчитают его невыгодным для своих интересов.

Согласно пятому критерию, для успеха политического курса важна поддержка групп интересов и ключевого актора на протяжении всего периода реализации. Такая поддержка обеспечит доступ к необходимым ресурсам. Кроме того, ключевой актор обладает необходимым влиянием и полномочиями, чтобы повысить приоритет реформы для других бюрократов или же саботировать ее процесс. Наднациональные и региональные акторы могут быть группами интересов, а также иметь влияние на ключевого актора. Они могут воспользоваться тем и другим, чтобы препятствовать имплементации реформы.

Наконец, шестой критерий требует, чтобы социально-экономические условия, влияющие на политическую поддержку или лежащие в основе каузальной теории, оставались стабильными. Иными словами, внутренние или внешние потрясения могут поставить под сомнение саму необходимость проведения реформы или же уменьшить поддержку групп интересов или ключевого актора. Наднациональные и региональные акторы могут стремиться к созданию подобных ситуаций, если они не заинтересованы в успехе реформы.

Суммируя, мы можем представить роль наднациональных и региональных акторов следующим образом. Во-первых, на стадии проектирования реформы наднациональные и региональные ак-

торы могут стремиться войти в состав разработчиков. Это может произойти по двум причинам: 1) акторы могут стремиться повлиять на содержание реформы путем участия в разработке целей, задач, каузальной теории и законодательной схемы имплементации так, чтобы реформа отвечала их интересам, увеличивала их выгоду; 2) акторы могут хотеть саботировать реформу, поскольку ее имплементация невыгодна для них, поэтому они будут стараться заложить противоречия в ее проект. Во-вторых, на стадии имплементации реформы наднациональные и региональные акторы могут стремиться использовать свое положение вето-игрока и реализатора реформы или влияние на группы интересов и ключевого актора, чтобы саботировать имплементацию политического курса, если он невыгоден им.

Поскольку соблюдение каждого критерия является необходимым условием для реализации реформы, несоответствие хотя бы по одному из них будет обозначать ее провал. Таким образом, есть шесть гипотез, объясняющих провал оборонной реформы.

Список гипотез

Вмешательство наднациональных и региональных акторов привело к формулированию нечетких и непоследовательных целей и задач	Г1
Вмешательство наднациональных и региональных акторов повлияло на адекватность каузальной теории	Г2
Вмешательство наднациональных и региональных акторов привело к тому, что процесс имплементации не был структурирован так, чтобы повысить поддержку имплементирующих бюрократов и целевых групп	Г3
Наднациональные и региональные акторы повлияли на наличие преданных и квалифицированных бюрократов – исполнителей	Г4
Действия наднациональных и региональных акторов привели к прекращению поддержки групп интересов и ключевого актора в процессе имплементации реформы	Г5
Действия наднациональных и региональных акторов привели к изменению социально-экономических условий, подорвавших политическую поддержку или каузальную теорию	Г6

Методы сбора и анализа данных

Для сбора эмпирических данных в этой работе использован контент-анализ. Он предназначен для анализа массивов текстовых данных и позволяет: 1) отслеживать частоту появления в тексте отдельных слов и идиом и 2) отслеживать скрытое «междустрочное» содержание, которое может присутствовать в тексте. (Halperin & Heath, 2020: 376). Таким образом, этот метод использован, чтобы обнаружить информацию, относящуюся к интересующим нас гипотезам.

В нашем исследовании мы опираемся на несколько блоков данных. Во-первых, это источники, произведенные разработчиками реформ в 1998–2000 гг. Нас интересуют проекты самих реформ и другие сопутствующие документы, которые раскрывают суть подходов к реформированию и модели, на которые разработчики ориентировались. Во-вторых, это правительственные документы, произведенные Министерством обороны ФРГ, парламентом ФРГ, а также офисом Парламентского комиссара по делам вооруженных сил с 1994 (один электоральный цикл до начала активной разработки реформы) по 2010 г. (начало следующей реформы бундесвера). Эти органы власти занимаются реализацией военных реформ, мониторингом их эффективности, а также выявлением и анализом проблем бундесвера. Такие источники содержат информацию о ходе реформ и позволяют оценить их эффективность с помощью сравнения заявленных целей и реальных результатов. В-третьих, это интервью, взятые другими исследователями у непосредственных участников событий и экспертов, связанных с исследуемой нами реформой. Такие данные позволяют дополнительно триангулировать обнаруженные факты. В-четвертых, это данные СМИ с 1998 по 2010 г., позволяющие обнаружить информацию о ходе реформы и проблемах, возникших в процессе ее реализации.

Для анализа данных в нашем исследовании используется метод отслеживания процессов. Отслеживание процесса – это индуктивный метод, основанный на логике необходимых и достаточных условий (Collier, 2011). Он предназначен для обнаружения каузальных связей в исследованиях с малым числом случаев (Ricks & Liu, 2018: 842). Метод отслеживания процессов предполагает последовательный поэтапный анализ первичных и вторичных источников информации с целью проверки гипотез на длительном временном интервале. Найденные доказательства для каждой гипотезы проходят через четыре логических теста: «Солома-на-ветру» (найденное доказательство не является ни необходимым, ни достаточным для подтверждения гипотезы), «Обручи» (найденное доказательство является необходимым, но недостаточным для подтверждения гипотезы), «Дымящееся ружье» (найденное доказательство является достаточным, но не необходимым для подтверждения гипотезы), «Двойное решающее» (найденное доказательство является необходимым и достаточным для подтверждения гипотезы).

В рамках типичного исследования с использованием этого метода ученый ставит цель определить каузальный механизм (или причину) того, почему произошли определенные события. Для этого с помощью теорий он выстраивает модель (или гипотезы) о том, какие события или действия привели к изучаемому результату. Сами гипотезы представляют собой ожидания, цепь событий от начальной точки к конечной. Достоверность последовательности и проверяется в исследовании. В нашем случае, в связи со спецификой теории (согласно нисходящему подходу, провал любого из шести критериев является необходимым и достаточным условием для провала всей реформы), наши гипотезы выглядят не как схематичная модель, а как шесть отдельных предположений. В рамках следующего шага исследователь погружается в контекст событий с помощью первичных и вторичных источников данных, пропуская обнаруженные факты через четыре логических теста, чтобы подтвердить или опровергнуть свои теоретические ожидания.

Случай оборонной реформы 2000–2003 гг. предполагает две стадии: разработку реформы и имплементацию. Разработка реформы происходила вплоть до ее принятия парламентом в 2000 г. Реализация реформы ограничена 2003 г., поскольку в этом году был принят новый пакет документов, изменяющий предыдущую реформу, ее логику и задачи.

Причины провала оборонной реформы ФРГ 2000–2003 гг.

Роспуск Организации Варшавского договора в 1991 г. привел к изменению обстоятельств: с одной стороны, единственный крупный противник НАТО в Европе прекратил свое существование, с другой – по всему миру начали возникать локальные очаги нестабильности и хрупкие государства (fragile states). Чтобы адаптироваться к новым условиям, страны НАТО начали разрабатывать новую стратегию использования вооруженных сил. Основной идеей стал переход от «стационарных армий» с большим количеством тяжелого вооружения, предназначенных для крупномасштабных боевых действий, к меньшим по размеру, более мобильным контингентам, способным в короткие сроки переместиться в необходимую часть света и развернуться для решения необходимых задач. Германия не стала исключением и также прорабатывала возможность подобных изменений¹. Однако в случае ФРГ изменений в структуре вооруженных сил было недостаточно. Законодательно немецкая армия (бундесвер) не могла использоваться для решения внешнеполитических задач за рубежом, как того требовал новый подход НАТО. По этой причине развернулось широкое обсуждение, известное как Out-of-Area-Debate, о необходимости нового законодательства, снимающего ограничения. Эти дебаты завершились решением Федерального конституционного суда ФРГ, согласно которому каждое новое развертывание за рубежом должно быть санкционировано простым большинством голосов в федеральном парламенте^{2,3}.

По результатам этих обсуждений бундесвер расширил свое участие в международных операциях и принял участие в конфликте в Косово в 1999 г. Во время конфликта в армии были выявлены проблемы, что вкупе с назначением нового правительства Шредера в 1998 г. открыло окно возможностей для военной реформы. В результате министр обороны Рудольф Шарпинг создал Комиссию

¹ Biehle, A (1994). *Unterrichtung durch die Wehrbeauftragte, Jahresbericht (36. Bericht)*. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1995. P. 4; Marienfeld, C. (1995) *Unterrichtung durch die Wehrbeauftragte, Jahresbericht (37. Bericht)*. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei, 1996. P. 34.

² Дебаты завершились в 2005 г. принятием Закона о парламентском участии (Parlamentsbeteiligungsgesetz), который регулировал условия, при которых вооруженные силы могли бы развертываться за рубежом.

³ Statement by the Press Office of the Federal Constitutional Court. Press Release No. 29/1994 (1994), 12 July. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/1994/bvg94-029.html> (accessed 7 June 2024).

«О будущем бундесвера», также известную как «Комиссия Вайцзеккера», по имени ее главы – бывшего федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера. При разработке своего проекта реформы члены комиссии опирались в первую очередь на документы, разработанные наднациональными акторами⁴, такими как НАТО, Совет Министров ЕС и Европейский Совет (Г1–Г3 – «Обручи»). Ввиду этого общая логика их проекта соответствовала курсу наднациональных акторов и коротко могла быть описана как создание нового, «антикризисного» бундесвера. Эти убеждения можно проследить в отчете Вайцзеккера⁵, который был опубликован 23 мая 2000 г. За год своего существования комиссии не удалось собрать достаточно ресурсов для продвижения своего проекта реформы. Самое главное, что ее членам не удалось заручиться поддержкой ключевого лица, принимающего решения в политической подсистеме бундесвера, министра обороны, у которого был свой проект реформы, впрочем, схожий тем, что был предложен «Комиссией Вайцзеккера». В итоге 14 июня 2000 г. был принят другой проект реформирования бундесвера. «Реорганизация бундесвера» была разработана Министерством обороны и поддержана Рудольфом Шарпингом. Поскольку он был ключевым лицом, принимающим решения в сфере оборонной политики, его поддержка имела решающее значение. Стоит отметить, что он также был членом правящей на тот момент партии, СДПГ.

Выбор момента для реформирования в 1999 г. был умеренно удачным. С одной стороны, к этому моменту Парламентский комиссар по вооруженным силам уже несколько лет подряд писал о проблемах бундесвера (устаревшая структура, проблемы снабжения и пр.). С другой стороны, конфликт в Косово актуализировал эти проблемы, сделав их более наглядными. Однако правительство Шредера не считало оборонную реформу основным приоритетом и было больше обеспокоено социальными проблемами и безработицей⁶.

Однако у коалиции Шарпинга не хватало ресурсов для эффективной имплементации реформы. Должности министра обороны и членства в СДПГ было достаточно, чтобы пролоббировать принятие реформы, но оказалось недостаточно, чтобы обеспечить ее последующую поддержку. Канцелярия канцлера не поддержала реформу, поскольку между министром обороны и канцлером возник конфликт, а Шарпинг начал восприниматься скорее как соперник Шредера⁷.

В сентябре 2000 г. в результате четырехмесячного планирования Министерство обороны представило дорожную карту реформы. В целом, предложенные изменения можно отнести к трем направлениям: изменение структуры вооруженных сил, изменение численности вооруженных сил и изменение системы материального обеспечения⁸. Причем приоритет отдавался структуре и численности.

Мы не будем разбирать первое направление, поскольку изменение организационно-штатной структуры в целом не задействует большого числа акторов за пределами бундесвера. Исходя из этого, мы уделим больше внимания нововведениям, связанным с персоналом и снабжением.

Согласно плану Шарпинга предполагалось уменьшить численность армии с 340 000 до 280 000 человек. Причем основной этап реформы должен был завершиться в 2003 г. с сокращением численности персонала до целевых показателей к 2010 г.⁹. Изменение системы материального обеспечения предполагало четыре шага: 1) создание Совета по вооружениям, 2) внедрение новой концепции материально-технического обеспечения, 3) изменение процедур закупки и 4) создание ГЕББ (ГЕВВ) – подразделения Министерства обороны для оказания консультационных услуг бундесверу¹⁰.

Совет по вооружениям должен был осуществлять межведомственную координацию закупок для нужд бундесвера, но ему отводилась по большей части консультативная роль¹¹, а кроме того, было не до конца ясно, как он должен был функционировать с точки зрения процедуры. Касательно мате-

⁴ На такие документы, как: NATO's Updated Strategic Concept and Defense Capabilities Initiative (DCI) (Апрель 1999); The WEU Bremen Declaration (Май 1999); The European Council Declaration on Strengthening the Common European Security and Defence Policy (CESDP) (Июнь 1999); The Conclusions of the Helsinki European Council on CESDP and the NHG, (Декабрь 1999).

⁵ Die Zukunft Der Bundeswehr. Kurzfassung des Berichts im Wortlaut (2000). URL: <http://www.agfriedensforschung.de/themen/Bundeswehr/buwe-kommission.html> (accessed 7 June 2024).

⁶ Интервью, Министерство финансов, Бонн, 28 августа 2002 (Цит. по: Dyson, 2005); Интервью, Берлин, 18 августа 2002 (Цит. по: Dyson 2005).

⁷ Schradi J. (2001) 'Streicheleinheit nach dem Nasenstüber. Scharping bekommt endlich Applaus vom SPD-Parteitag - als Chef der Programmkommission', *Badische Zeitung*, 23 November. URL: <https://www.badische-zeitung.de/streicheleinheit-nach-dem-nasenstueber> (accessed 7 June 2024).

⁸ Der Bundesminister der Verteidigung. *Neuausrichtung der Bundeswehr. Grobausplanung Ergebnisse und Entscheidungen*, 2000. URL: <https://www1.wdr.de/archiv/bundeswehrreform/neuausrichtung-bundeswehr-zeitplan-100.pdf> (accessed 7 June 2024).

⁹ Ibid. P. 24.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

риального обеспечения авторы документа заявили, что изменение структуры бундесвера вместе с изменением международных обязательств Германии требует нового подхода к материальному планированию и закупкам вместо развития старого¹². Таким образом, вместо конкретных мер они объявили о новой концепции материально-технического обеспечения, которая ответила бы на вопросы о том, какие материалы и оборудование необходимы для соответствия новому профилю возможностей бундесвера, какое оборудование должно быть приоритетным в условиях ограниченных финансовых ресурсов и как оно должно использоваться¹³. Эту концепцию планировалось опубликовать в конце 2000 г. При этом авторы представили четкий перечень приоритетов военных закупок. Изменение процедур закупки было направлено на сокращение количества стадий, а следовательно, на ускорение процесса. Несмотря на отсутствие точных этапов реализации этой новой процедуры, причинно-следственная логика, лежащая в ее основе, как и сам механизм, были представлены довольно четко¹⁴. В перечень задач ГЕББ входила разработка и поддержка в реализации программ приватизации. Также ГЕББ должен был участвовать в программах, связанных с невоенными задачами, такими как обеспечение питания, одежды и транспорта¹⁵. Кроме того, эта организация была вовлечена в большое количество приватизационных процессов, связанных с Минобороны в начале и середине 2000-х гг.

Несмотря на наличие неопределенности в планировании некоторых аспектов реформы в части обеспечения, мы не можем сказать о том, что они были вызваны влиянием наднациональных или региональных акторов. Скорее, мы склонны полагать, что это был результат ошибок непосредственных разработчиков реформы из Министерства обороны (Г1, Г2 – «Солома-на-ветру»).

Снабженческая часть военной реформы планировалась исходя из идеи решения проблем закупок за счет приватизации территорий, не связанных напрямую с военной деятельностью, и централизации всех оставшихся частей военной логистики и снабжения. С учетом финансовых ограничений, при которых предполагалось проведение реформы, и сокращения персонала, причинно-следственная теория звучит адекватно (Г2 – «Солома-на-ветру»).

Вскоре после начала реализации реформа встретила сопротивление. Все изменения необходимо было провести в условиях постоянно сокращающегося военного бюджета¹⁶, поэтому большую часть финансирования реформы планировалось получить за счет закрытия военных баз и сокращения персонала¹⁷. Однако правительства земель и муниципалитетов были против этого, поскольку это отрицательно сказалось бы на их бюджетах. Вокруг военных баз формировались моногорода, экономика которых была завязана на обслуживании этих баз. Когда они закрывались и приватизировались, то небольшие города оставались без источников дохода и без рабочих мест. По этой причине региональные правительства старались предотвратить закрытие и приватизацию. Нет информации о том, ожидали ли разработчики реформы подобного развития событий, однако можно сказать, что реформа встретила активное сопротивление со стороны региональных акторов, с которым министр обороны не смог справиться (Г1 – «Солома-на-ветру», Г5 – «Дымящееся ружье», Г6 – «Двойное решающее»). Это привело к закрытию меньшего количества баз, чем ожидалось. Для обсуждения этой проблемы в феврале 2001 г. была начата серия консультаций с правительствами земель (Scharping, 2001: 9). В результате к 2002 г. было получено лишь 438,1 млн немецких марок вместо запланированных 1,8 млрд (Dyson, 2005: 369). Поскольку собрать деньги на реализацию реформы было проблематично, бюджеты оружейных проектов были урезаны (Ibid: 370) (Г6 – «Дымящееся ружье»).

В итоге, в моменте оборонная реформа могла быть охарактеризована таким образом: «СДПГ была привязана к провальной политической концепции. Продолжающаяся приверженность Германии территориальной обороне и закупке стационарной артиллерии имела серьезные последствия для способности бундесвера выполнять задачи по кризисному регулированию, что привело в ярость британцев. Проекты вооружений, такие как транспортный самолет А-400-М..., были скомпрометированы, а инвестиции по-прежнему находились значительно ниже целевого показателя в 30 процентов – то есть 23 процента оборонного бюджета» (Ibid).

Помимо описанного выше, у Рудольфа Шарпинга были проблемы во взаимоотношениях со своими подчиненными. Те в Министерстве обороны, кто выступал за отмену обязательного призыва

¹² Der Bundesminister der Verteidigung...

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ World Bank (2024) *Military expenditures (% of GDP) – Germany*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPND.GD.ZS?end=2022&locations=DE&start=1993> (accessed 7 June 2024).

¹⁷ Szandar, A. (2004) 'Krieg um Sterne' *SPIEGEL Politik*, 8 January 8. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-krieg-um-sterne-a-280984.html> (accessed 7 June 2024).

на военную службу и создание нового, «антикризисного» бундесвера, были недовольны, когда проект Шарпинга сохранил воинскую повинность и не изменил радикально структуру бундесвера (Ibid: 367). Чем дальше реформы продолжались, тем меньшую поддержку внутри министерства и партии имел Шарпинг (Ibid: 369). Более того, чиновники министерства активно препятствовали Шарпингу, разглашая информацию и замедляя процесс приватизации¹⁸. «Шарпинг также нажил себе ненужных врагов в Бюджетном комитете, что повлияло на поддержку проектов по производству оружия» (Dyson, 2005: 370). Кроме того, он ограничил круг лиц, влияющих на решения, из-за чего потерял еще больше влияния среди своих коллег по партии и министерству (Ibid: 369). В результате серии скандалов, лишь ухудшивших репутацию Шарпинга¹⁹, в июле 2002 г. он был уволен.

Его преемником стал Петер Штрук, бывший руководитель фракции СДПГ в немецком парламенте. В отличие от своего предшественника, Петер Штрук был близким союзником Шредера, поскольку ранее они вместе работали в Нижней Саксонии. Он был назначен на эту должность Шредером как кризисный менеджер, который обладал необходимыми навыками и которому можно было доверять (Dyson, 2005: 371).

Так, Штрук вскоре анонсировал «Руководящие принципы оборонной политики», документ, который был представлен в мае 2003 г. Новый проект, в отличие от старого, в большей степени был посвящен доктрине создания мобильных вооруженных сил и логике функционирования бундесвера в связи с этой концепцией (Г1 – «Солома-на-ветру», Г5 – «Обручи»). Закупкам уделялось совсем мало внимания. Однако из документа можно выделить два направления деятельности: приватизация тех сфер деятельности, которые напрямую не связаны с боевыми задачами,²⁰ и приоритет финансирования международных оборонных проектов в ущерб национальным²¹ (Г1 – «Обручи»). Кроме того, из-за нехватки ресурсов было запланировано сокращение проектов вооружений во всех видах вооруженных сил на 26 млрд евро, чтобы уложиться в существующий бюджет²². Основным предметом этих сокращений стали проекты, предназначенные для территориальной обороны (отсюда и старая доктрина)²³. Однако Штрук уберег от сокращений бюджеты таких проектов, как EUROFIGHTER и А-400, поскольку они вписывались в новую доктрину бундесвера²⁴ (Г1 – «Обручи»).

В отличие от Шарпинга, Штрук пользовался большей поддержкой со стороны канцлера и бюрократов Министерства обороны, поэтому, несмотря на критику²⁵, он смог продолжить свои реформы.

Здесь важно отметить, что одним из основных направлений реформы стала экономия денег. Другими словами, Петеру Штруку пришлось сделать то, что не удалось Шарпингу: сделать бундесвер менее затратным и более рентабельным. Если план реформы 2000 г. предусматривал широкие действия, связанные с закупками, перечисляя множество оружейных проектов, то в плане 2003 г. этому не было места. Шарпинг не смог собрать достаточно денег для реализации планов закупок. Штрук не ставил такой задачи. На наш взгляд, во многом по этой причине действия Штрука были более успешными, ведь он смог избежать острого конфликта с региональными акторами, в отличие от своего предшественника.

После поражения СДПГ на выборах 2005 г. и создания коалиции ХДС / ХСС и СДПГ новым министром обороны стал член ХДС Франц Йозеф Юнг. В 2006 г. была сформулирована новая «Белая книга» – документ, закрепляющий основные направления, в том числе оборонной политики, который в целом продолжил идеи Петера Штрука. До 2009 г. Министерство обороны в основном концентрировалось на зарубежных операциях, включая самую крупную в Афганистане, где бундесвер в силу обстоятельств был вынужден расширить свое участие (Г5 – «Обручи»). В целом, можно констатировать, что с этого момента и до следующей реформы, которая произошла в начале 2010 г., никаких серьезных изменений в оборонной политике не произошло.

¹⁸ Интервью, Джаспер Вик, 16 августа 2002 (Цит. по: Dyson, 2005).

¹⁹ 'Scharping würde wieder plantschen' (2003) *SPIEGEL Politik*, 13 December. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/swimming-pool-fotos-scharping-wuerde-wieder-plantschen-a-278029.html> (accessed 7 June 2024).

²⁰ *Verteidigungspolitische Richtlinien für den Geschäftsbereich des Bundesministers der Verteidigung*. Bundesministerium der Verteidigung Presse- und Informationsstab Arbeitsbereich Öffentlichkeitsarbeit: Druckhaus Bachem GmbH & Co. KG, 2003. P. 10.

²¹ Ibid. P. 13.

²² Szandar, A. (2004).

²³ Ibid.

²⁴ Ibid; 'Luftwaffe verliert rund 500 Kampfflugzeuge' (2004) *SPIEGEL Politik*, 14 January 14. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-verkleinerung-luftwaffe-verliert-rund-500-kampfflugzeuge-a-281742.html> (accessed 7 June 2024); Weiland, S. (2004) 'Strucks scharf gewürztes Wehr-Rezept', *SPIEGEL Politik*, 13 January. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/neue-bundeswehrstrukturen-strucks-scharf-gewuerztes-wehr-rezept-a-281676.html> (accessed 7 June 2024).

²⁵ 'Hü und Hott der Generalinspekteure' (2004) *SPIEGEL Politik*, 14 January. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-reform-hue-und-hott-der-generalinspekteure-a-281799.html> (accessed 7 June 2024); Weiland, S. (2004).

Заключение

Оборонная реформа ФРГ в начале нулевых провалилась в результате взаимовлияния нескольких причин. Достаточно хорошо подготовленный проект реформы очень скоро встретил сопротивление со стороны групп интересов, то есть чиновников земель. Без поддержки канцлера Шарпингу не удалось победить в этом конфликте. В результате конфликта с региональными акторами и канцлером одновременно ресурсы на имплементацию реформы довольно скоро закончились. Более того, Шарпинг потерял поддержку в собственном министерстве, отвечавшем за реализацию его проекта реформ. Наконец, оборонная реформа была на втором плане, поскольку правительство СДПГ в то время было больше заинтересовано в реформах рынка труда и социальной сферы.

Что касается роли наднациональных и региональных акторов в крахе реформы, мы должны отметить, что часть гипотез подтвердилась, а часть не нашла достаточных доказательств. Так, мы можем утверждать, что наднациональные акторы влияли на процесс выработки целей и каузальной теории для реформы бундесвера, поскольку проекты во многом опирались на документы наднациональных акторов и на логику, которую эти акторы продвигали. Однако нам не удалось отыскать доказательств их непосредственного участия в процессе разработки политического курса. Кроме того, мы не смогли найти доказательств влияния наднациональных или региональных акторов на лояльность или квалификацию бюрократов, задействованных в реализации реформы. Тем не менее мы смогли отыскать подтверждение тому, что региональные акторы, не заинтересованные в экономических потерях и будучи группой интересов, напрямую задействованной в имплементации реформы, своими действиями привели к снижению поддержки реформы и прекращению потока ресурсов, необходимых для ее реализации.

Возвращаясь к основной задаче нашей статьи, мы видим, что организация политической власти в рамках системы многоуровневого управления привела к проблемам с проведением реформы. Во-первых, разработчики реформы вынуждены были лавировать между концепцией «территориальной обороны», в каком-то смысле более выгодной для государства, и концепцией «армии для решения кризисов», которая была более необходима наднациональным акторам. В результате проект не смог полностью удовлетворить ни тех, ни других. Во-вторых, несмотря на то, что региональный уровень власти не обладает полномочиями в сфере обороны, как только его акторы осознали невыгодность реформы для себя, они сразу же постарались использовать все возможные средства, чтобы повлиять на ее исход. В результате чего они перекрыли доступ к ресурсам, необходимым для успешной имплементации реформы, и создали крупные имиджевые потери для министра обороны.

На наш взгляд, такие проявления не случайны, а системны. В современной литературе, посвященной многоуровневому управлению, мы можем часто заметить посыл о том, что подобная система улучшает кооперацию, однако, на наш взгляд, это часто может приводить к более ожесточенной борьбе за повестку и продвижение своих политических целей, поскольку многоуровневое управление предоставляет инструменты тем, кто их раньше не имел, принудительно сажая за стол переговоров тех, кто раньше в этом не нуждался.

Список литературы / References

- Bernhard, S., Gartner, H., Stephan G. (2008) 'Wage Subsidies for Needy Job-Seekers and Their Effect on Individual Labour Market Outcomes after the German Reforms', IZA Discussion Paper (3772) [online]. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1293544> (Accessed 9 June 2024).
- Bradley, J. and Kuegler, A. (2019) 'Labor market reforms: An evaluation of the Hartz policies in Germany', *European Economic Review*, 113, pp. 108–135. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2018.12.008>.
- Collier, D. (2011) 'Understanding process tracing', *PS: political science & politics*, 44 (4), pp. 823–830. DOI: 10.1017/S1049096511001429.
- Dyson, T. (2005) 'German Military Reform 1998–2004: Leadership and the Triumph of Domestic Constraint over International Opportunity', *European Security*, 14 (3), pp. 361–386. DOI: 10.1080/09662830500407929.
- Halperin, S., Heath, O. (2020) *Political research: methods and practical skills*. 3rd edn. Oxford: Oxford University Press.
- Hering, M. (2008) 'Welfare State Restructuring without Grand Coalitions: The Role of Informal Cooperation in Blame Avoidance',

- German Politics*, 17 (2), pp. 165–183. DOI: 10.1080/09644000802075757.
- Hooghe, L, Marks, G. (2003) ‘Unraveling the central state, but how? Types of multi-level governance’, *American Political Science Review*, 97 (2), pp. 233–243. DOI: 10.1017/S0003055403000649.
- Kaiser, A., Vogel, S. (2019) ‘Dynamic De/Centralization in Germany, 1949–2010’, *Publius: The Journal of Federalism*, 49 (1), pp. 84–111. DOI: 10.1093/publius/pjx054.
- Kingdon, J. (2003) *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. 2nd edn. New York, NY: Pearson.
- Ricks, J. I., Liu A. H. (2018) ‘Process-tracing research designs: a practical guide’, *PS: Political Science & Politics*, 51 (4), pp. 842–846. DOI: 10.1017/S1049096518000975.
- Sabatier, P. (2005) ‘From policy implementation to policy change: A personal odyssey’ in: Gornitzka, Å., Kogan, M. and Amaral, A. (eds.) *Reform and change in higher education*. Dordrecht: Springer, pp. 17–34.
- Sabatier, P., Weible, C. M. (2007) ‘The advocacy coalition framework: Innovations and clarifications’ in: Sabatier, P. (ed.) *Theories of the Policy Process*. Boulder, CO: Westview Press, pp. 189–220.
- Scharpf, F. W. (1988) ‘The Joint-decision trap: Lessons from German Federalism and European Integration’, *Public Administration*, 66 (3), pp. 239–278. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1988.tb00694.x>.
- Scharpf, F. W. (2008) ‘Community, Diversity and Autonomy: The Challenges of Reforming German Federalism’, *German Politics*, 17 (4), pp. 509–521. DOI: 10.1080/09644000802490568.
- Scharpf, F. W. (2010) ‘Multi-level Europe—the case for multiple concepts’ in: Enderlein, H., Wälti, S. and Zürm, M. (eds) *Handbook on multi-level governance*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, pp. 66–79.
- Scharping, R. (2001) ‘Die Bundeswehr der Zukunft – Feinausplanung und Stationierung’, *Bulletin der Bundesregierung*, 13 (2).

Статья поступила в редакцию: 23.07.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 21.10.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

ONE IS GOOD, BUT THREE ARE BETTER? CHALLENGES OF REFORMS IMPLEMENTATION IN MULTI-LEVEL GOVERNANCE SYSTEMS. THE CASE OF MILITARY REFORM IN GERMANY 2000–2003

M. Borisenko

Maksim Borisenko, visiting lecturer, Department of Political Science and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia, E-mail: msborisenko.sp@gmail.com (ORCID: 0009-0004-0795-3055).

Abstract

Existing literature on multi-level governance suggests that interactions between actors at different levels lead to successful, more efficient implementation of policies. Using the example of the failed military reform of 2000–2003 in Germany, we show that multi-level governance can complicate the implementation of reforms. Particular attention is paid to how actors at the supranational and regional level try to exploit opportunities that are not provided by established rules. By formulating hypotheses through a top-down implementation approach, we use process tracing and secondary data (documents, media reports, and interviews taken by other researchers) to prove our point. As a result, it can be argued that supranational institutions indirectly influenced bureaucrats at the stage of planning the reform project. In addition, we believe that the actions of regional actors, who have no interest in economic losses and are an interest group directly involved in the implementation of the reform, have led to a decline in support for the reform and a cessation of the flow of resources necessary for its implementation.

Keywords: multi-level governance; European Union; policy; institutions; policy change; Germany; defense policy.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-102-110

СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ В ВИТРИНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Е. С. Кочухова, Е. А. Вахрушева

Кочухова Елена Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.
E-mail: elena.kochukhova@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-7329-2046. ResearcherID: L-5782-2016).

Вахрушева Евгения Александровна, кандидат политических наук, ученый секретарь,
Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.
E-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8838-2749. ResearcherID: R-1990-2017).

Аннотация

В современной России одним из объектов внимания государственной культурной политики является семья. Конструирование ее нормативного образа обеспечивается как на уровне риторики стратегических документов, так и на уровне конкретных культурных проектов. На примере проведения Года семьи 2024 будут рассмотрены оба эти уровня, исследован вопрос о согласованности между ними. Семья как предмет заботы государства обычно находится в фокусе внимания исследований социальной политики, однако в них ценностно-нормативные инструменты политики освещаются крайне редко. В то же время исследования культурной политики посвящены в основном анализу стратегических документов или работе конкретных институций. Сравнения способов трансляции конкретной темы в различных культурных проектах или изучения тематических годов как ее инструмента не проводилось. Мы рассматриваем Год семьи как одну из официальных витрин, призванную продемонстрировать нормативный образ семьи. Мы выявим спектр ценностных коннотаций, содержащихся в текстовых и визуальных материалах официальных сайтов и на публичных страницах культурных событий федерального масштаба (согласно Федеральному плану Года). Соотнесем их с ценностными установками, содержащимися в стратегических документах (Основы и Стратегия государственной культурной политики РФ, Концепция государственной семейной политики РФ). Рассмотрим вопрос о целостности витрины культурной политики в отношении семьи.

Ключевые слова: государственная культурная политика; семейные ценности; Год семьи; репрезентация ценностей; федеральные культурные проекты.

Введение

Тема семьи как ценности занимает заметное место в социально-политической повестке современной России. Она связывается с вопросом о будущем страны, находит свое отражение в программных государственных документах и риторике официальных должностных лиц, в частности в посланиях президента Федеральному Собранию (Ковба, 2023; Мартыянов, 2008). Дважды объявлялся Год семьи в Российской Федерации (2008-й и 2024-й гг.). В значительном массиве публикаций, освещающих вопросы социальной политики в отношении семьи в России, практически не поднимается тема продвижения семейных ценностей средствами культуры¹. С другой стороны, исследования культурной политики зачастую сконцентрированы на анализе стратегических документов или региональных кейсов. Однако вопрос о практической связи между этими документами и конкретными культурными инициативами обычно остается за рамками интересов отечественных исследователей. Мы ставим себе целью рассмотреть способы репрезентации ценностей семьи в государственных культурных проектах на примере проведения в России Года семьи 2024.

Признавая вслед за М. Фуко, что культурная политика современного государства охватывает широчайший спектр сфер социальной жизни (от спорта и здравоохранения до формирования эстетических вкусов), современные исследователи дают ей весьма широкие определения. В современных

децентрализованных и высокосегментированных обществах культура становится одной из эффективных сфер производства инструментов тонкой настройки общественного согласия, выработки консолидирующих ценностей и одной из опор существующего в конкретном государстве режима правительственности.

В нашем исследовании мы рассматриваем культурную политику как деятельность государства и его институтов, которая влияет на культурную жизнь человека (Mulcahy, 2006: 267) с целью сформировать определенный тип «культурных граждан», предлагая ряд представлений о себе и других, а также ряд обоснований для конкретных типов поведения (Lewis, Miller, 2003: 5). Она воплощается в целенаправленном и систематическом регулятивном воздействии и определении параметров функционирования агентов культурной политики, что, однако, не исключает возникновения в ее рамках случайных и ненаправленных процессов и явлений (Mulcahy, 2006; Miller, Yudice, 2002).

В целом, именно в таком фукодианском ключе рассматривают культурную политику и отечественные исследователи. Часть из них обращается к теории культурной политики, реконструирует ее уровни и принципы построения (Карпова, 2009; Горшенева-Долунц, 2012; Балакшин, 2001; Загребин, 2008; Астафьева, 2010; Востряков, 2011). Исследовано распределение ресурсов в управлении культурой, с выводом о паттерналистском характере культурной политики (Жидков, Соколов, 2001). Содержательно ее характеризуют как консервативную (Флиер, 2018; Юлдашбаева, 2022), демодернизационную (Калинин 2014). Исследованы законодательное сопровождение культурной политики (Музычук, 2012; Карпова, 2015; Куштанова, 2016; Востряков, Тургаев, 2018), ее реализация в регионах (Базиева, 2008; Горлова, 2008; Жидкова, Бакулина, 2013; Тулаева, 2020; Бычкова, 2023), практики отдельных ее агентов (Карпова, 2009; Слепокуров, 2022; Барабанов, 2014).

Во многих из этих работ активно цитируются положения из Основ и Стратегии государственной культурной политики. Зачастую – с целью подчеркнуть их значимость, реже – проследить их связь с другими нормативными документами, проинтерпретировать смысловые акценты этих документов. Мы же делаем следующий шаг: рассматриваем соотношение ценностного наполнения стратегических документов с конкретными культурными проектами.

Представленная теоретическая рамка позволяет на примере Года семьи рассмотреть сложившуюся в России практику проведения тематических годов как инструмент артикулирования общезначимых ценностей и символического проектирования желаемого поведения граждан. Учитывая, что в официальном дискурсе в качестве целей проведения тематических годов определяются преимущественно популяризация государственной политики в соответствующей сфере и привлечение внимания общества к значимым темам, мы рассматриваем этот инструмент прежде всего как одну из официальных витрин государственной культурной политики, призванную продемонстрировать повышенное внимание государства к теме семьи и связанным с ней ценностям. При этом мы ставим вопрос о целостности этой витрины, сравнивая между собой репрезентации ценностей семьи в нескольких культурных проектах, включенных в реализацию тематического Года.

Чтобы выявить векторы государственной культурной политики, определяющие ценностное наполнение Года семьи как ее инструмента, мы анализируем содержание Основ и Стратегии государственной культурной политики, Концепцию государственной семейной политики. Ориентиры, которые задают эти документы культурным институциям, будут сравниваться с репрезентацией темы семьи во всероссийских конкурсах и форумах, выделенные отдельной строкой в Федеральном плане Года семьи. Риторика, сопровождающие события Года семьи, организованные федеральными агентствами культурной политики, будут сравниваться между собой, а также с описанием семейных ценностей в стратегических федеральных документах.

Тема семьи в государственных стратегических документах

«Основы государственной культурной политики» (далее – Основы) и «Стратегия государственной культурной политики до 2030 г.» (далее – Стратегия) являются ключевыми документами, регламентирующими на федеральном уровне реализацию культурной политики. В этих документах содержатся следующие ее определения:

«Широкое межотраслевое явление, охватывающее такие сферы государственной и общественной жизни, как все виды культурной деятельности, гуманитарные науки, образование, межнациональные отношения, поддержка русской культуры за рубежом, международное гуманитарное и культурное сотрудничество, а также как воспитание и самовоспитание граждан,

просвещение, развитие детского и молодежного движения, формирование информационного пространства страны»².

«Деятельность, осуществляемая органами публичной власти при участии институтов гражданского общества, направленная на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»³.

Согласно Основам, в сферу государственной культурной политики входит чрезвычайно широкий комплекс деятельности, так как культура понимается как «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)»⁴. В соответствии с этим видением, субъектами государственной культурной политики названы «органы публичной власти, организации культуры, авторы и авторские сообщества, организации, осуществляющие образовательную и научную деятельность, институты гражданского общества, в том числе творческие союзы, организации, осуществляющие деятельность в области искусства, креативных (творческих) индустрий, науки, образования, просвещения, воспитания, семейных отношений, работы с детьми и молодежью»⁵.

Стратегия (п. 2.2) проясняет желаемую конфигурацию системы агентов государственной культурной политики⁶. Утверждается необходимость разграничения полномочий органов государственной власти по уровням: на федеральный, региональный и муниципальный. Постулируется необходимость повышения роли институтов гражданского общества как субъектов культурной политики, для чего предложен комплекс мер. Наряду с констатированием сохранения патернализма в сфере управления культурой идет речь о диверсификации ролей государства (инвестор, меценат, соинвестор) и его мотиваций (экономическая эффективность инвестиций, формирование общезначимых ценностей). Со ссылкой на мировой опыт, в качестве одного из базовых условий эффективности культурной политики рассматривается увеличение внебюджетных источников финансирования культуры.

Таким образом, проектируемая модель культурной политики предполагает перераспределение ответственности за культурную сферу как по линии «государственные институты – общественные / частные институты», так и среди государственных институций различного уровня. В результате в сфере реализации культурной политики государство должно представлять как конгломерат акторов, функционирующих в общей системе ценностных установок, но находящихся под влиянием множественных факторов и руководствующихся более широкой палитрой мотиваций.

Эта тенденция к децентрализации государственной культурной политики характерна для многих современных политик, она обрела нормативный статус (Kawashima, 1997: 341). Н. Кавашима отмечает три основных аспекта административного измерения децентрализации: перераспределение полномочий между центральным, региональным и локальным уровнями власти; горизонтальное распределение ответственности между органами власти одного уровня; передача полномочий из государственного в негосударственный сектор, в том числе рыночным акторам, добровольческому сектору и частным лицам (Kawashima, 1997: 346). По мнению К. Грея, многовекторность процесса децентрализации приводит к интенсивной вертикальной и горизонтальной дифференциации организационного плана, ведущей как к установлению различных форм групповой интеграции, так и деградации связей между ее отдельными сегментами (Gray, 2015). Стратегия и Основы предполагают возможность такой децентрализации и дифференциации культурной политики, что, в частности, может быть выражено в значительном различии ценностного посыла, демонстрируемого разными ее витринами.

Риторика, связанная с семейными ценностями, занимает заметное место в Стратегии (п. 2.3) и проявляется в постулировании следующей цели: «повышение социального статуса семьи как общественного института, обеспечивающего воспитание и передачу от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм»⁷. Эта цель раскрывается через ряд задач, пер-

² Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 г. № 326-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/105704/> (дата обращения: 20.08.2024).

³ Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 г. № 326-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/105704/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁷ Там же.

вая группа которых формирует самое общее представление о содержании традиции. Это семейное воспитание, высокий социальный статус семьи, многодетность, диалог между поколениями. Остальные задачи являются инструментальными. Они включают в себя просвещение родителей по вопросам воспитания, преподавание основ семейной культуры, развитие семейного туризма, посещение учреждений культуры, развитие семейного творчества, популяризацию изучения истории семьи.

В Концепции государственной семейной политики к традиционным семейным ценностям относятся «ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»⁸.

Все вместе, эти стратегические документы содержат следующие ценностные представления о семье: она является общественным институтом, основывается на взаимном уважении, хранит и передает традиционные ценности, поколения связаны между собой, брак гетеросексуален и устойчив во времени, в браке рождаются / воспитываются дети, многодетность – желаемая норма. Далее мы определим, к каким из этих ценностей какие отсылки присутствуют в риторике ключевых федеральных событий Года семьи, представленной на их официальных интернет-страницах.

Семья и семейные ценности в риторике культурных событий

В Федеральном плане Года семьи отдельной строкой обозначено несколько флагманских всероссийских культурных проектов, призванных привлечь внимание к повестке Года. Эти проекты, рассчитанные на широкую аудиторию, являются наиболее выразительными витринами государственной культурной политики. Мы рассмотрим ценностные коннотации, содержащиеся в описаниях этих событий на их официальных сайтах и страницах в социальных сетях.

Первым официальным мероприятием Года стал форум «Родные-любимые» (19–23 января 2024 г.), на котором семьи и династии из разных регионов России представляли свои традиции и таланты. Его освещала одноименная группа в социальной сети «ВКонтакте»⁹, аффилированная с «Движением первых». О событиях форума рассказывается преимущественно через истории приехавших на него семей, в целом создается образ больших, многопоколенных, дружных семей, объединенных творческими интересами или профессиональным призванием. Многие участники представляли региональные традиции, выступая в национальных костюмах. С сентября 2023 г. начался заочный этап всероссийского проекта «Это у нас семейное»¹⁰ (организован АНО «Россия – страна возможностей», учрежденным Российской Федерацией). С января по июль 2024 г. проведены очные региональные этапы конкурса и подведен его финал. Проект конструирует представление о семье как сплоченной команде, ставит себе целью объединить семьи через общие дела, предоставить им возможность возродить или сформировать семейные традиции, исследовать свою историю. Остальные мероприятия, вынесенные отдельной строкой в план Года семьи, не были разработаны для него специально – это регулярные события, получившие дополнительную государственную поддержку в этом году.

Форум многодетных семей и всероссийский конкурс «Семья года» проводятся несколько лет подряд Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (учредитель – Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации). Эти мероприятия включены в План по реализации в 2021–2025 гг. Концепции демографической политики РФ, а в 2024 г. приурочены к Году семьи. На сайте форума указано, что он «ориентирован на укрепление института семьи и создание устойчивой системы поддержки семейных ценностей в России» и нацелен на улучшение жизни многодетных семей через разработку стратегий государственной поддержки¹¹. При этом его программа посвящена практикам продвижения НКО, в описании тем форума нет привязки к специфике работы с многодетными семьями или другими формами семей. Конкурс «Семья года» не имеет отдельного

⁸ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. № 1618-р. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 20.08.2024).

⁹ Родные-Любимые [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/rodnye_lybimye (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁰ Пространство для сближения поколений [Электронный ресурс], *Это у нас семейное*. URL: <https://family.rsv.ru/> (дата обращения: 20.08.2024).

¹¹ Программа (2024) [Электронный ресурс], *Форум «Многодетная Россия»*. URL: <https://многодетные-семьи.рф/forum#тес761593631> (дата обращения: 20.08.2024).

сайта, только страницу на сайте фонда-организатора; позиционируется как одно из ключевых мероприятий плана по проведению Года семьи в России¹². Содержательное описание конкурса очень краткое: перечислены пять его номинаций – «многодетная семья», «молодая семья», «золотая семья», «семья – хранитель традиций», «сельская семья». В этих номинациях выражены ключевые ценностные ориентиры конкурса.

В июле 2024 г. проводился очередной Всероссийский фестиваль семейного художественного творчества «Семья России». На сайте одного из его ключевых организаторов – Государственного российского дома народного творчества им. В. Д. Поленова – сухо прописаны цели фестиваля: популяризация института семьи как основы развития государства, формирование чувства уважения к культурно-историческому наследию и семейным традициям, развитие традиций семейного художественного творчества, популяризация достижений и обмен опытом в этой области¹³. В группе в социальной сети «ВКонтакте», освещавшей события фестиваля, наглядно выражен его фольклорный колорит и ценностная ориентация на романтическую реактуализацию образов и практик обобщенного прошлого (как городского романа начала XX в., так и домашнего ткачества, уходящего в глубь веков)¹⁴. Эти образы и практики представлены через увлечения семей-участников. Схожее содержание у очередного Форума-фестиваля семейных династий, национальной культуры, народного творчества и ремесел «Вера.Надежда.Любовь» (октябрь 2024 г.), организованного фондом «Возрождение и Надежда». Участников приглашают включиться в программу, наполненную «жизнеутверждающими принципами единения, открытости, доверия, веры, любви, дружбы представителей всех поколений нашей любимой многонациональной Родины – России»¹⁵. На публичной странице фонда в социальной сети «ВКонтакте»¹⁶ представляют участников форума: это многодетные или многопоколенные семьи, занимающиеся фольклорным творчеством.

В целом культурные события федерального масштаба, включенные в план проведения Года семьи, конструируют несколько образов семей, которые довольно часто в промо-материалах событий накладываются друг на друга в опыте конкретной семьи.

В материалах на сайтах мероприятий и на их публичных страницах не представлены неполные семьи, крайне редко представлены семейные пары без детей. Тема традиций часто поднимается в трех основных контекстах: абстрактные отсылки к «вековым традициям страны», демонстрация национального колорита (через одежду, кухню, музыку), описание частных ритуалов, важных для конкретной семьи.

Выводы

Рассматривая соотношение ценностного наполнения стратегических документов с конкретными культурными инициативами, реализуемыми в Год семьи, мы обнаруживаем прямое соответствие между тезисами, изложенными в Основах, Стратегии культурной политики и Концепции семейной политики, и образами, демонстрируемыми в общероссийских мероприятиях, включенных в Федеральный план Года семьи. Многодетная творческая семья, где несколько поколений связаны между собой общими интересами и объединены некоторой традицией (частной, этнической или неназванной абстрактной), – живой образ, проходящий через все такие мероприятия, представленный в опыте конкретных семей. Ценностно он соответствует закреплённым в документах представлениям о многопоколенной семье, хранящей традиционные ценности, живущей во взаимном уважении и воспитывающей детей. Федеральные проекты выступают буквально в качестве витрины, демонстрирующей примеры больших дружных семей. Для актуализации ценностей, заложенных в государственные стратегические документы, либо создается временная инфраструктура (специально разработан-

¹² Всероссийский конкурс «Семья года» 2024 [Электронный ресурс], *Фонд поддержки детей*. URL: https://fond-detyam.ru/sobytiya-fonda/vserossiyskiy_konkurs_semya_goda/17619/ (дата обращения: 20.08.2024).

¹³ О проведении Всероссийского фестиваля семейного художественного творчества «Семья России» (2024) [Электронный ресурс], *Российский дом народного творчества*. URL: <https://www.rusfolk.ru/festivals/o-provedenii-vserossijskogo-festivala-semejnogo-hudozestvennogo-tvorcestva-sema-rossii> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁴ Российский дом народного творчества [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/house_of_folk_art (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁵ Фестиваль «Вера.Надежда.Любовь» (2024) [Электронный ресурс], *Возрождение и Надежда*. URL: <http://фонд-вн.рф/ru/festival-vera-nadezhda-lyubov> (дата обращения: 20.08.2024).

¹⁶ Благотворительный фонд «Возрождение и надежда» [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/fondvnl> (дата обращения: 20.08.2024).

ные федеральные конкурсы), либо масштабируются на широкую аудиторию уже существующие проекты, обычно работающие на узкую аудиторию (на многодетные семьи, творческие династии и т. д.).

В своих общероссийских проектах Год семьи как инструмент культурной политики лишь отчасти опирается на существующую систему государственных культурных институций. Только одно событие из шести отчасти аффилировано с таковой. Ключевыми организаторами других событий выступают фонды, некоммерческие организации. Эта конфигурация акторов культурных проектов, с одной стороны, отвечает установке Основ и Стратегии культурной политики на диверсификацию ее субъектов и источников финансирования, а значит, указывает на смешанную модель культурной политики (Востряков, 2011). С другой стороны, большая часть этих фондов аффилирована с государственными структурами. Несмотря на то, что их финансирование отчасти возложено на коммерческие организации, трудно сказать, что они обладают высокой автономией в выборе содержания и ценностных ориентиров своих проектов.

На примере Года семьи как инструмента артикулирования общезначимых ценностей мы видим, что на федеральном уровне витрина культурной политики в отношении семьи предстает целостной. Культурные проекты транслируют общую тональность официального публичного дискурса, центральное место среди которых занимают традиционные ценности, национальное единство и историческая память. Эти установки, отраженные в стратегических документах, наглядно явлены в конкретных примерах семей, которые выдвигаются на авансцену федеральных конкурсов и проектов.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00427.

Список литературы / References

- Астафьева, О. Н. (2010) 'Культурная политика России: теория – реальность – перспектива', *Государственная служба*, 1, сс. 68–73. [Astaf'eva, O. N. (2010) 'Cultural policy of Russia: theory – reality – prospect' [Kul'turnaya politika Rossii: teoriya – real'nost' – perspektiva], *Public Administration*, 1, pp. 68–73. (In Russ.)].
- Базиева, Г. Д. (2007) 'Культурная политика России на Северном Кавказе (на примере Кабардино-Балкарии)', *Вопросы культурологии*, 12, сс. 42–44. [Bazieva G. D. (2007) 'Cultural policy of Russia in the North Caucasus (on the example of Kabardino-Balkaria)' [Kul'turnaya politika Rossii na Severnom Kavkaze (na primere Kabardino-Balkarii)], *Issues of Cultural Studies*, 12, pp. 42–44. (In Russ.)].
- Бакулина, С. Д. (2013) 'Региональная культурная политика в контексте государственной культурной политики Российской Федерации (на примере южных регионов Западной Сибири)', *Вестник Омского университета*, 3, сс. 165–70. [Bakulina, S. D. (2013) 'Regional cultural policy in the context of the state cultural policy of the Russian Federation (on the example of the southern regions of Western Siberia)' [Regional'naya kul'turnaya politika v kontekste gosudarstvennoj kul'turnoj politiki Rossijskoj Federacii (na primere yuzhnyh regionov Zapadnoj Sibiri)], *Herald of Omsk University*, 3, pp. 165–70. (In Russ.)].
- Балакшин, А. С. (2001) 'Сущность и содержание понятия "культурная политика"', *Вестник Нижегородского государственного университета им. Лобачевского*, 1 (3), сс. 374–79. [Balakshin, A. S. (2001) 'The essence and content of the concept of "cultural policy"' [Sushchnost' i sodержanie ponyatiya „kul'turnaya politika“], *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 1 (3), pp 374–79. (In Russ.)].
- Барабанов, А. А. (2014) 'Механизмы культурной политики Российской Федерации в области поддержки и развития фестивалей классической музыки', *Культура и цивилизация*, 1–2, сс. 10–19. [Barabanov, A. A. (2014) 'Mechanisms of cultural policy of the Russian Federation in the promotion of classical music festivals' [Mekhanizmy kul'turnoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti podderzhki i razvitiya festivalej klassicheskoy muzyki], *Culture and Civilization*, 1–2, pp. 10–19. (In Russ.)].
- Бычкова, О. И., Костина, Н. А., Саркисова, Е. Г. (2023) 'Эффективность стратегий региональной культурной политики юга России', *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*, 3 (50), сс. 23–34.

- [Bychkova, O. I., Kostina, N. A., Sarkisova, E. G. (2003) 'The effectiveness strategies of regional cultural policy in the South of Russia' [Effektivnost' strategij regional'noj kul'turnoj politiki yuga Rossii], *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv*, 3 (50), pp. 23–34. (In Russ.)].
- Востряков, Л. Е. (2011) 'Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели?', *Управленческое консультирование*, 4, сс. 140–55. Vostriakov, L. E. (2011) 'State cultural policy: from paternalistic to partnership model?' [Gosudarstvennaya kul'turnaya politika: ot paternalistskoj k partnerskoj modeli?], *Administrative Consulting*, 4, pp. 140–55. (In Russ.)].
- Востряков, Л. Е., Тургаев, А. С. (2018) 'Новая модель государственной культурной политики России', *Вестник СПбГИК*, 3, сс. 6–16. [Vostriakov, L. E., Turgaev, A. S. (2018) 'New model of state cultural policy of Russia' [Novaya model' gosudarstvennoj kul'turnoj politiki Rossii], *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, 3, pp. 6–16. (In Russ.)].
- Горлова И. И. (2008) *Культурная политика в современной России: региональный аспект: Учеб. Пособие*. Москва: РГБ. [Gorlova I.I. (2008) *Cultural Policy in Modern Russia: Regional Aspect: Textbook* [Kul'turnaia politika v sovremennoj Rossii: regional'nyj aspekt: Ucheb. Posobie]. Moscow: RGB. (In Russ.)].
- Горшенева-Долунц, И. К. (2012) 'О проблеме основного приоритета и моделях современной культурной политики в России', *Общество: философия, история, культура*, 3, сс. 19–26. [Gorsheneva-Dolunc, I. K. (2012) 'On the problem of the main priority and models of contemporary cultural policy in Russia' [O probleme osnovnogo prioriteta i modelyah sovremennoj kul'turnoj politiki v Rossii], *Society: Philosophy, History, Culture*, 3, pp. 19–26. (In Russ.)].
- Духанова, Д. (2018) 'Петр и Феврония и День семьи, любви и верности: пронатализм и нестабильный гендерный порядок в современной России', *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*, 2 (36), сс. 194–220. [Duhanova D. (2018) 'Peter and Fevronia and the Day of Family, Love and Fidelity: Pronatalism and the Unstable Gender Order in Modern Russia' [Petr i Fevroniya i Den' sem'i, lyubvi i vernosti: pronatalizm i nestabil'nyj gendernyj poryadok v sovremennoj Rossii], *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2 (36), pp. 194–220. (In Russ.)].
- Жидков, В. С., Соколов К. Б. (2001) *Культурная политика России: теория и история: учебное пособие для вузов*. М.: Академический проект, 592 с. [Zhidkov, V. S., Sokolov, K. B. (2001) *Cultural policy of Russia: theory and history: a textbook for universities* [Kul'turnaya politika Rossii: teoriya i istoriya: uchebnoe posobie dlya vuzov]. M.: Akademicheskij projekt, 592 p. (In Russ.)].
- Жидкова, Н. Г., Тулаева, С. А. (2020) 'Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации', *Журнал исследований социальной политики*, 18 (3), сс. 429–444. [Zhidkova, N. G., Tulaeva, S. A. (2020) 'Cultural policy in Russia's regions: The state, corporations and Indigenous people' [Kul'turnaya politika v rossijskih regionah: korennye narody, gosudarstvo i korporacii], *The Journal of Social Policy Studies*, 18 (3), pp. 429–444. (In Russ.)].
- Загребин, С. С. (2008) 'Культурная политика в современной России' *Вопросы культурологии*, 3 сс. 33–35. [Zagrebina, S. S. (2008) 'Cultural policy in contemporary Russia [Kul'turnaya politika v sovremennoj Rossii], *Issues of Cultural Studies*, 3, pp. 33–35. (In Russ.)].
- Калинин, И. (2014) 'Культурная политика как инструмент демодернизации', *Новое литературное обозрение*, 6 (98), сс. 85–94. [Kalinin, I. (2014) 'Cultural policy as a tool of demodernization' [Kul'turnaya politika kak instrument demodernizacii], *New Literary Observer*, 6 (98), pp. 85–94. (In Russ.)].
- Карпова, Г. Г. (2009) 'Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России', *Журнал исследований социальной политики*, 7 (1), сс. 7–20. [Karpova, G.G. (2009) 'Public Administration and Public Priorities in the Sphere of Cultural Policy in Russia' [Gosudarstvennoe upravlenie i obshchestvennye prioritety v sfere kul'turnoj politiki Rossii], *The Journal of Social Policy Studies*, 7 (1), pp. 7–20. (In Russ.)].
- Карпова, Г. Г., Михина, Н. В. (2015) 'Культурная политика современной России: за-

- конодательное регулирование и механизмы реализации», *Власть*, 4, сс. 73–78. [Karpova, G. G., Mihina, N. V. (2015) 'Cultural policy of modern Russia: legislative regulation and implementation mechanisms' [Kul'turnaya politika sovremennoj Rossii: zakonodatel'noe regulirovanie i mekhanizmy realizacii], *Vlast'*, 4, pp. 73–78. (In Russ.)].
- Ким, Н. В. (2017) 'Женщина в семье: репрезентация семейной политики в российских СМИ до и после 2006 г.', *Женщина в российском обществе*, 1 (82), сс. 64–74. [Kim, N.V. (2017) 'Woman in the family: representation of family policy in Russian media before and after 2006' [Zhenshchina v sem'e: reprezentaciya semejnoy politiki v rossijskih SMI do i posle 2006 g.], *Woman in Russian Society*, 1(82), pp. 64–74. (In Russ.)].
- Клупт, М. А. (2021) 'Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг.', *Социологические исследования*, 5, сс. 36–46. [Klupt, M.A. (2021) 'Family and fertility issues in value conflicts during the 2010s' [Problemy sem'i i rozhdemosti v cennostnyh konfliktah 2010-h gg.], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 5, pp. 36–46. (In Russ.)].
- Ковба, Д. М. (2023) 'Семья и семейные ценности в президентском дискурсе: содержание, анализ, дискуссия', *Россия и современный мир*, 2 (119), сс. 6–25. [Kovba, D. M. (2023) 'Family and family values in presidential discourse: content, analysis, discussion' [Sem'ya i semejnye cennosti v prezidentskom diskurse: sodержanie, analiz, diskussiya], *Russia and the contemporary world*, 2 (119), pp. 6–25. (In Russ.)].
- Куштанина, Е. В. (2016) 'Региональная культурная политика: государственные обязанности в сфере культуры в региональном законодательстве', *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2, сс. 111–130. [Kushtanina, E. V. (2016) 'Regional cultural policy: state responsibilities in the sphere of culture in regional legislation' [Regional'naya kul'turnaya politika: gosudarstvennye obyazannosti v sfere kul'tury v regional'nom zakonodatel'stve], *Public Administration Issues*, 2, pp. 111–130. (In Russ.)].
- Мартьянов, В. С. (2008) 'Политизированная демография, или сколько населения нужно России', *Россия и мир в XXI веке*, 1 (58), сс. 26–45. [Mart'yanov, V. S. (2008) 'Politicized demography, or how much population Russia needs' [Politizirovannaya demografiya, ili skol'ko naseleniya nuzhno Rossii], *Russia in Global Affairs*, 1 (58), pp. 26–45. (In Russ.)].
- Музычук, В. Ю. (2012) 'Основные тенденции культурной политики в современной России', *Россия и современный мир*, 4, сс. 72–82. [Muzychuk, V. Yu. (2012) 'The main trends in cultural policy in modern Russia' [Osnovnye tendencii kul'turnoj politiki v sovremennoj Rossii], *Russia and the contemporary world*, 4, pp. 72–82. (In Russ.)].
- Слепокуров, В. С. (2022) 'Образовательные стратегии вузов культуры в контексте задач государственной культурной политики России', *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*, 3 (46), сс. 5–13. [Slepokurov, V. S. (2022) 'Educational strategies of university of culture in the context of the tasks of the state cultural policy of Russia' [Obrazovatel'nye strategii vuzov kul'tury v kontekste zadach gosudarstvennoj kul'turnoj politiki Rossii], *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv*, 3 (46), pp. 5–13. (In Russ.)].
- Флиер, А. Я. (2018) 'Культурная политика и идеология', *Культура культуры*, 4:3. [Flier, A. Ya. (2018) 'Cultural policy and ideology' [Kul'turnaya politika i ideologiya], *The Culture of Culture Journal*, 4:3. (In Russ.)].
- Шпаковская, Л. Л. (2012) 'Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России', *Журнал исследований социальной политики*, 3 (10), сс. 309–322. [Shpakovskaya L. L. (2012) 'The policy of institutionalization and the practice of privatization of family life: partnership and marriage in Russia' [Politika institucionalizacii i praktiki privatizacii semejnoy zhizni: partnerstvo i brak v Rossii], *The Journal of Social Policy Studies*, 3 (10), pp. 309–322. (In Russ.)].
- Юлдашбаева, А. Ш. (2022) 'Консервативная ориентация и социокультурные основания государственной культурной политики России' *Юридическая наука: история и современность*, 9, сс. 63–69.

- [Yuldashbaeva, A. Sh. 'Conservative orientation and socio-cultural foundations of the state cultural policy of Russia' [Konservativnaya orientaciya i sociokul'turnye osnovaniya gosudarstvennoj kul'turnoj politiki Rossii], *Juridical science: history and modernity*, 9, pp. 63–69. (In Russ.)].
- Gray, C. (2015) "My Name is Legion For We are Many": Cultural Policies, Sectoral Disaggregation and Differentiated Network Specificity', Paper to International Public Policy Conference, Milan [online]. Available at: <https://warwick.ac.uk/fac/arts/sca/pvc/ccmps/staff/gray/research/> (Accessed: 31 August 2024).
- Kawashima, N. (1997) 'Theorising decentralisation in cultural policy: Concepts, values and strategies', *The European Journal of Cultural Policy*, 2 (3), pp. 341–359.
- Lewis J., Miller, T. (2003) 'Introduction' in: Lewis J., Miller T. (eds.) *Critical Cultural Policy Studies: A Reader*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Miller T., Yudice, G. (2002) *Cultural Policy*. London: Sage Publications.
- Mulcahy K.V. (2006) 'Cultural Policy' in: Peters, G., Pierre, J. (eds.) *Handbook of Public Policy*. London: Sage Publications.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

FAMILY AS A VALUE IN THE SHOWCASES OF RUSSIA'S CULTURAL POLICY

E. Kochukhova, E. Vakhrusheva

Elena Kochukhova, CSc in Philosophy, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: elena.kochukhova@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-7329-2046. ResearcherID: L-5782-2016).

Evgenia Vakhrusheva, CSc in Political Sciences, Academic Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: evgenia.vakhrusheva@mail.ru (ORCID: 0000-0002-8838-2749. ResearcherID: R-1990-2017).

Abstract

The family is a major focus of state cultural policy in contemporary Russia. The representation of its normative image is facilitated both at the rhetorical level of strategic documents and through specific cultural projects. This article examines consistency between these two levels using the Year of the Family 2024 as a case study. Typically, the family as a subject of state interest is at the centre of social policy research, but the examination of value-normative policy instruments is rarely included in such analyses. Simultaneously, studies on cultural policy mostly focus on the contents of strategic documents or the activities of particular institutions. This study highlights how a particular theme is conveyed through different cultural projects, as well as studies thematic years as a tool for this purpose. We regard the Year of the Family as an official showcase intended to illustrate the normative image of the family. The value connotations in textual and visual materials from federal cultural event websites and public pages (according to the Federal Plan of the Year) is analyzed. These connotations are correlated with the value systems contained in Russia's strategic documents. The issue of the integrity of the showcase of cultural policy on the family is considered.

Keywords: state cultural policy; family values; Year of the Family; representation of values; federal cultural projects.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00427.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-111-127

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ РЕГИОНОВ РОССИИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ПАРЛАМЕНТЕ: ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИЛИ ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД?

К. А. Сулимов, К. П. Турцева

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук,

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135. ResearcherID: N 9455-2018).

Турцева Кристина Павловна, ассистент, младший научный сотрудник кафедры политических наук,

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.

E-mail: burdina.k@bk.ru (ORCID: 0000-0003-2109-7772).

Аннотация

Региональные парламенты являются одним из субъектов права законодательной инициативы в РФ, что дает им право подавать законопроекты по любой тематике в Государственную думу. Подобный механизм многоуровневого взаимодействия может быть реализован регионами в разных целях. Субъекты РФ могут использовать его, с одной стороны, сталкиваясь с трудностями при решении собственных конкретных экологических проблем, с другой – символически привлекая к себе внимание, реализуя персональные амбиции, демонстрируя компетентность и так далее, тем самым не преследуя цели принятия поданного законопроекта. Иными словами, субъекты РФ могут использовать две ключевые стратегии, ориентируясь на политико-стратегическую эффективность или проблемно-ориентированный характер принимаемого решения. Данное исследование посвящено определению значимости факторов, которые могут влиять на характер активности субъектов РФ. Для эмпирического анализа были использованы данные по законодательным инициативам на федеральном уровне с 2004 по 2022 г. Было протестировано влияние трех ключевых групп факторов, которые могут оказывать влияние на различение стратегий регионов: экологические (экологическая обстановка в регионе), административно-управленческие (реализация субъектом РФ внутрирегиональной экологической политики), политические (конфигурация политических интересов в регионе). Путем проведения корреляционного анализа было выявлено, что в каждом конкретном регионе сочетание используемых стратегий может быть разным, многое зависит от калькуляции выгод и издержек использования этого инструмента, и символическая стратегия является скорее вспомогательным средством реализации целей.

Ключевые слова: региональное экологическое законодательство; символическое экологическое законодательство; субъекты права законодательной инициативы; Государственная дума; символическая политика; проблемно-ориентированный подход; политико-стратегическая эффективность; регионы России.

Введение

В Российской Федерации существует такой механизм многоуровневого взаимодействия, как право законодательной инициативы регионов. Важно отметить, что у регионов нет ограничений по тематике инициатив, по форме, региональные инициативы рассматриваются в рамках процедуры, одинаковой для всех инициаторов законодательства. Данный механизм не имеет широкого распространения в странах мира. Обычно субъекты федерации (тем более регионы в нефедерациях) не имеют права законодательной инициативы в федеральном / центральном парламенте. Возможность влияния на национальную политику обычно реализуется через другие механизмы. Часто это верхняя палата национального парламента, но не только (Palermo, 2018; Behnke, Mueller, 2017; Tremblay, 2023).

Исследований, связанных с тем, как региональные законодательные инициативы фактически работают в разных странах, и факторов, которые на них влияют, мало, хотя в последнее время тема все больше привлекает внимание исследователей. Существуют работы по страновым кейсам (Швейцарии, Мексике, Германии, Чехии и др.), где анализируется активность регионов в отношении причин, характера и значимости в центр-региональных отношениях (Mueller, Mazzoleni, 2016; Ugues, Vidal, Bowler, 2017; Finke, Souris, 2019; Sanjaume-Calvet, Paneque, 2023; Hájek, 2024; Сулимов, 2020); обзорные и сравнительные исследования, которые, однако, не охватывают всю совокупность (Parra, 2016; Noble, 2019). При этом анализ этого института в разных измерениях может дать ценную информацию о характере территориальных моделей, балансе между национальным управлением и самоуправлением в институциональной системе отношений «центр – регионы» / межправительственных отношений (Intergovernmental Relations, IGR).

Федеральные законопроекты регионов имеют различный характер, прежде всего с точки зрения значимости предлагаемых изменений, а также возможных мотивов и бенефициаров. Часть из них (видимо, значительная – более точно можно сказать только по результатам контент-анализа самих законопроектов, что не было задачей данного исследования) касается очень конкретных вопросов, с трудностями по решению которых сталкиваются или сами органы власти этих регионов, или иные субъекты, которые инициируют появление законопроектов от регионов. Другие законопроекты скорее вызваны какими-то иными причинами, нежели желанием решить конкретную региональную проблему.

Иные стимулы регионов при подаче законопроектов могут быть связаны с обеспечением политических преимуществ, использованием символической стратегии, целью которой в итоге не является принятие поданного законопроекта. И в данном исследовании предпринимается попытка на материале экологических законопроектов, которые подают регионы в Государственную думу, выявить возможные вариации, связанные с проблемно-ориентированным характером законодательных инициатив либо с их политико-стратегической эффективностью.

Теоретико-методологические основания

Для того чтобы выявить ориентацию субъектов РФ при реализации права законодательной инициативы, мы отталкиваемся от концепции символической политики и символического законодательства.

Символическую политику определяют как стратегию акторов, имеющую цель навязать определенные методы интерпретации действительности (Малинова, 2010), продемонстрировать важность политического решения, подчеркивая его политическую ценность (Santesson-Wilson, 2003), или понимают как имитацию политики (Смирнов, 2016). Символы могут сделать присутствующим то, чего пока нет. По мнению Майера, «суть символической политики обнаруживается не в самих символах, но в той обманчивой видимости, которая производится в процессе их использования» (Поцелуев, 2012: 27). Символы являются незаменимым компонентом любой политической коммуникации, и в экологической политике их стратегическое использование также является практикой, которой занимаются все действующие лица (Небоженко, 2023). Более того, согласно некоторым авторам, символы – это валюта статуса. Законы, официальные правила и осуществление политических обязанностей не только наделяют властью, они также могут символизировать статус (Petersen, Roger, 2002). Символы связывают статус, эмоции и объекты или действия, представляющие социальную ценность (Mendelberg, 2022). При этом некоторыми авторами подчеркивается, что символическая политика проводится, чтобы управлять проблемами, а не решать их (Newig, 2007).

А так как ключевым субъектом символической политики является власть (Edelman, 1990), цель которой навязывание определенных смыслов с помощью создания видимости действий посредством коммуникации, можно предположить, что не только вышестоящие уровни власти склонны использовать данную стратегию для управления проблемами, но и нижестоящие (региональные). В некоторых случаях акторы склонны использовать символы с целью демонстрации политико-стратегической эффективности принимаемого решения (Newig, 2007).

При этом представляется перспективным анализ характера активности регионов сквозь призму символической политики именно в экологической сфере по нескольким причинам.

Во-первых, экологическая сфера характеризуется высокой степенью неопределенности – в оценках рисков для здоровья, степени воздействия или стоимости риска, контроле над процессами. Эта неопределенность вызывает необходимость принятия мер под давлением, даже если понимания

того, как это сделать, не хватает. В России региональные органы власти склонны перекладывать ответственность за состояние охраны окружающей среды на федеральный уровень и не стремятся участвовать в экологической деятельности (Барбашова, 2020), если это не продиктовано требованиями вышестоящих органов власти.

Во-вторых, правительству может не хватать политической воли для проведения масштабных изменений в целях устойчивого развития, хотя они осознают необходимость «что-то» с этим сделать. Это связано как с конкурирующими интересами стейкхолдеров, так и с желанием снизить затраты на поддержку «зеленых» инициатив. В России существует сильное экономическое лобби в лице бизнес-ассоциаций (РСПП, ТПП, «Деловая Россия», «Опора России» и т. д.), которые противодействуют принятию высоких экологических стандартов в связи с повышением их издержек, оказывая влияние через представительство в федеральных и региональных экологических общественных советах, открыто вступая в конфронтацию с властью по поводу экологических инициатив последних¹ либо предлагая упростить, смягчить или отсрочить требования². Возможно, определенную роль играет и неуверенность властей в том, что созданные ими инструменты и потраченные на них средства будут «правильно» работать.

В-третьих, лицо, принимающее решение, может иметь намерение использовать символическую стратегию для управления проблемой из-за отсутствия необходимых инструментов или поддержки со стороны других лиц. В этом случае, например, регионы в России могут пытаться символическим способом привлечь внимание к себе, чтобы продвигать свои интересы или повысить свой статус с целью получить поддержку федерального центра. В-четвертых, иногда целью может быть достижение общего понимания между группами интересов и установление определенных норм в узком сообществе. Иными словами, возникает необходимость подать определенный сигнал отдельным группам.

Все виды символических действий становятся привлекательным механизмом преодоления трудностей: они дают возможность сформулировать экологические ценности и ощутить социальную ответственность, откладывая при этом любой серьезный пересмотр устоявшихся ценностных предпочтений и образа жизни (Blühdorn, 2007).

В целом для России, ввиду повышения значимости экологической сферы, что проявляется в регулярном обновлении нормативно-правовой базы в области защиты окружающей среды, включении в национальные цели развития экологических индикаторов, становлении углеродного рынка и так далее, использование символической стратегии становится одним из способов управления проблемами. Региональные органы власти могут реализовывать символическую стратегию в экологической сфере, используя такой механизм коммуникации с федеральным центром, как инициирование принятия федеральных законов, так как одним из аспектов символической политики является символическое законодательство.

Символическое использование права присутствует в любой стране. «Символичность» законодательства рассматривается в научной литературе с двух точек зрения. Некоторые авторы относят символическое законодательство к законам, которые, несмотря на часто амбициозные официально заявленные цели, призваны оставаться фактически недействующими. Такие несоответствия можно рассматривать как социальный самообман и инструмент для управления (Blühdorn, 2007). Под символическим законодательством понимаются те ситуации, когда законы выполняют латентные политические функции, наносящие ущерб их нормативно-правовой эффективности, то есть противоречащие их явному юридическому значению. С другой стороны, символическое законодательство означает нечто иное, выходящее за рамки его обычного буквального значения (Siehr, 2015). Символическое законодательство обычно дает выражение некоторым ценностям. При этом такой закон предназначен для реализации посредством общения или взаимодействия. В России феномен символического зако-

¹ РСПП против Минприроды [Электронный ресурс], *Коммерсант*. 19 сент. 2003. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/412596> (дата обращения: 29.09.2024).

² Позиция РСПП по вопросу обеспечения экологических требований при остановке, консервации (ликвидации) промышленных предприятий, вызванных глобальным финансово-экономическим кризисом [Электронный ресурс], *Российский союз промышленников и предпринимателей*. 20 окт. 2009. URL: <https://rspp.ru/activity/position/po-voprosu-obespecheniya-ekologicheskikh-trebovaniy/> (дата обращения: 29.09.2024); Бизнес просит правительство смягчить экологические требования из-за санкций [Электронный ресурс], *Ведомости*. 03 апр. 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/03/916406-smiyagchit-ekologicheskije> (дата обращения: 29.09.2024); РСПП просит правительство отсрочить реформу экологического регулирования [Электронный ресурс], *Российский союз промышленников и предпринимателей*. 9 авг. 2023. URL: <https://rspp.ru/events/news/rspp-prosit-pravitelstvo-otsrochit-reformu-ekologicheskogo-regulirovaniya-64d36f9a74652/> (дата обращения: 29.09.2024).

нодательства остается практически вне внимания исследователей, однако возможность ликвидации экологических угроз напрямую зависит от способности нормативно-правовой базы создать механизмы для реализации политики.

Субъекты РФ заинтересованы в подаче законопроектов в федеральный парламент по нескольким причинам. С одной стороны, ввиду локального характера большинства экологических проблем и нехватки полномочий на региональном уровне для их решения субъекты РФ могут использовать другие существующие инструменты в целях улучшения экологической ситуации. Одним из способов привлечения внимания к существующим проблемам и является возможность внесения собственных законопроектов в Государственную думу. Иными словами, логика регионов в этом отношении может быть следующей: существует острая региональная экологическая проблема, однако для ее решения необходимы дополнительные полномочия, которых у субъектов РФ нет, поэтому регион для того, чтобы с ней успешно справиться, разрабатывает законопроект и направляет его в Государственную думу для рассмотрения. Если федеральный законодатель одобряет данную инициативу с последующим опубликованием законопроекта / внесения изменений, тогда регион может использовать это для решения собственной проблемы. Кроме того, это также может быть связано с целями достижения определенных экологических показателей, выполнением федеральных обязательств³ или повышением финансового обеспечения субъекта РФ. Это отражает проблемно-ориентированный характер законопроекта.

С другой стороны, субъекты РФ, обладая правом законодательной инициативы, могут пользоваться им для привлечения внимания к собственному региону, его продвижению на федеральном уровне, демонстрации лояльности или подачи определенного сигнала, не ставя перед собой цель принятия поданного законопроекта. Сама инициатива от региона в форме законопроекта может продемонстрировать федеральному центру, что региональные элиты компетентны и заинтересованы в решении проблемы. В данном случае они нацелены на политико-стратегическую эффективность. Более того, региональные элиты могут использовать коммуникацию не просто для того, чтобы сигнализировать о своей политической позиции или заявить о себе, но также чтобы вызвать гнев, отвращение и страх или энтузиазм (Mendelberg, 2022). «Некоторые законопроекты вносятся в Думу с провокационными целями (взбудоражить общественность, отвлечь их внимание от других важных событий, проверить мнение общественности по злободневному вопросу) и не имеют серьезной перспективы принятия» (Сулакшин, Гаганов, 2015). Население региона также может реагировать на статус своего субъекта РФ, осознавая, что федеральный центр изменил свое отношение к их региону. При этом, используя символическую стратегию, региональные власти могут получить для себя и материальные выгоды. Более того, принятие законов и внесение законопроектов на рассмотрение является профильной деятельностью депутатов региональных legislatures. Соответственно, можно исходить из того, что они заинтересованы в поддержании своей активности на определенном уровне, при этом содержание и тематическая направленность законопроектов имеют второстепенное значение.

Стоит обратить внимание и на то, что существуют общестрановые тренды, отражающие динамику подачи экологических законопроектов в Государственную думу (рис. 1). На данном графике видно, что существует сильная связь (коэффициент корреляции 0,7) между поданными законопроектами без участия регионов (иными словами, другими субъектами права законодательной инициативы, а именно депутатами, сенаторами, правительством, президентом РФ) и с участием субъектов РФ. Это говорит о том, что регионы в целом следуют определенной логике при подаче экологических законопроектов, однако отклонения могут быть вызваны разными факторами.

³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. [Электронный ресурс]: Указ Президента от 07.05.2024 № 309. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/84648.html> (дата обращения: 17.03.2024); Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента от 04.02.2021 № 68. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375984/ (дата обращения: 17.03.2023).

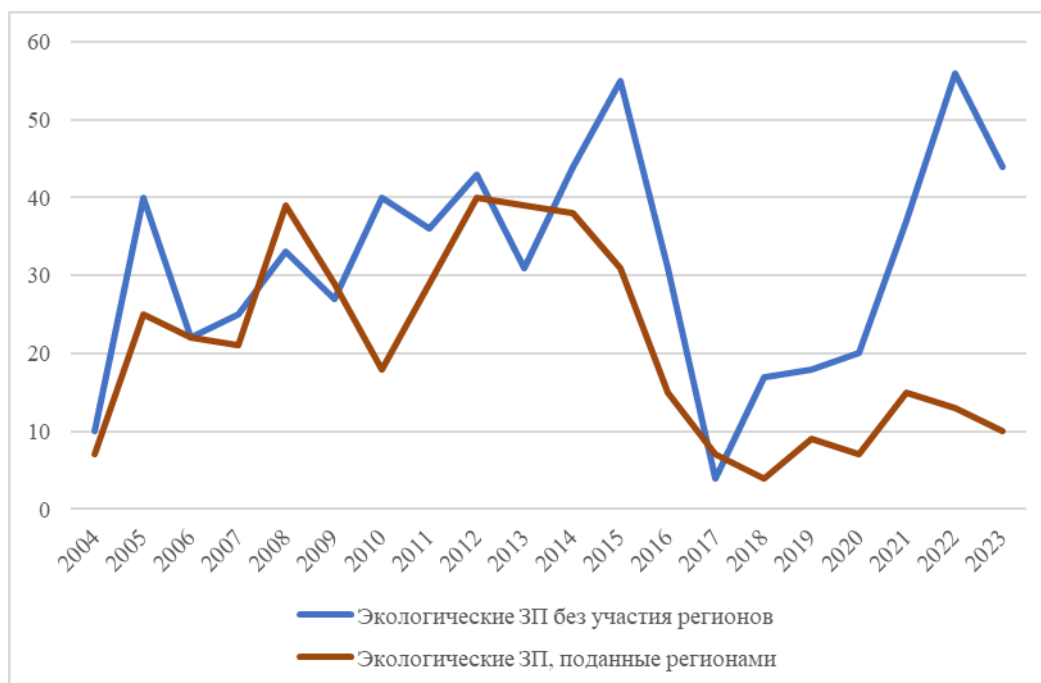

Рис. 1. Соотношение количества экологических законопроектов, поданных в Государственную думу с/без участия регионов

Кроме того, на рис. 2 можно заметить, что довольно мало инициатив регионов стали федеральными законами, в среднем это не более 6 % (см. рис. 2). Это говорит о низкой эффективности этого механизма для решения конкретных проблем. Возможные причины такого положения вещей могут быть разными, в том числе указывать на то, что цель их подачи могла отличаться от стремления решить с их помощью назревшие региональные проблемы.

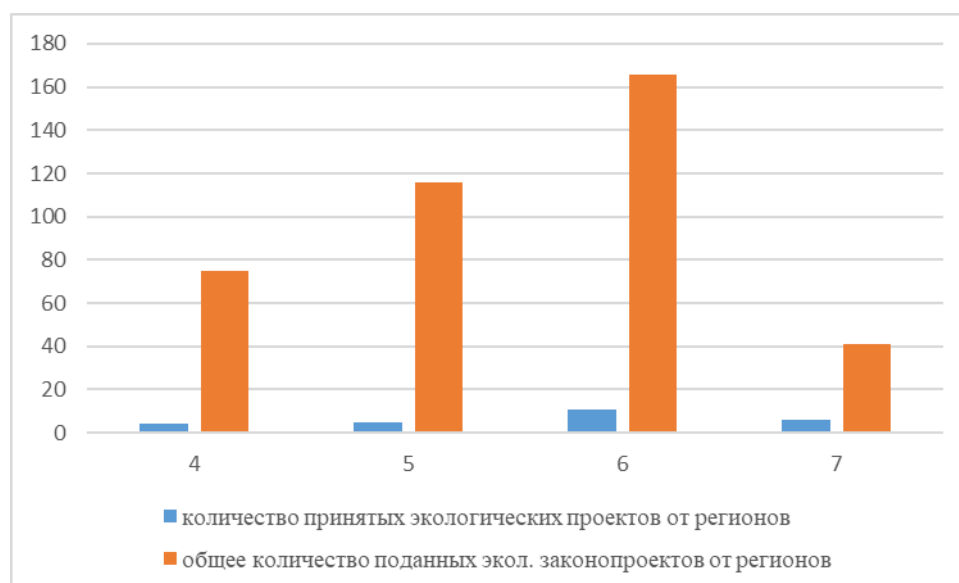

Рис. 2. Соотношение количества поданных в Государственную думу от регионов РФ и принятых экологических законопроектов

Однако регионы могли пытаться с помощью этого механизма решать или привлекать внимание к проблемам. В период конца 1990-х гг., в связи со стремлением государства привлечь иностранные инвестиции в экономику, были внесены изменения в федеральные экологические законы, связанные со смягчением экологических требований (внесение изменений в федеральный закон «Об охране окружающей среды», в Лесной, Водный, Земельный кодексы РФ), поэтому регионы могли столкнуться с ухудшением экологической обстановки (Состояние российской системы управления окружающей средой, 2009) и необходимостью повлиять на ситуацию при подаче законопроектов,

например, с целью усилить административную ответственность природопользователей за различные нарушения (не менее 30 законопроектов было подано по данному вопросу за период с 2007 по 2016 г.).

Таким образом, у регионов существует резон включаться в федеральную экологическую повестку. В данном исследовании формулируется предположение, что внесение регионами законопроектов в Государственную думу по экологической тематике может быть реализовано в двух разных модусах, связанных, с одной стороны, с использованием символической стратегии, с другой – проблемно-ориентированного подхода. Это различие является аналитическим и условным. Каждый конкретный законопроект может решать для его инициаторов несколько задач сразу, но мы предполагаем, что несколько групп факторов помогут объяснить, как переплетаются разные стратегии действий регионов при подаче законопроектов в федеральный парламент.

Во-первых, региональные власти могут таким образом реагировать на экологическую обстановку в субъекте РФ. Предполагается, что если в субъекте РФ наблюдается неблагоприятная экологическая ситуация, то уровень и характер активности региона в инициировании федерального законодательства могут быть отражением данной ситуации. Но влияние этого фактора, взятого в отдельности, может быть амбивалентным. Власти региона могут предпринимать попытки повлиять на ситуацию через изменение экологического законодательства на федеральном уровне. Это может проявиться в количестве «экологических» законопроектов и, возможно, их доле в общем числе законопроектов от региона. Иными словами, в этом случае стимул к подобной коммуникации с федеральной властью будет продиктован проблемно-ориентированным подходом. Но также возможно, что, несмотря на неблагоприятную экологическую обстановку, регион не будет активным в подаче законопроектов в Государственную думу из-за нехватки ресурсов, отсутствия политической воли или использования других инструментов для решения проблем, потому что может полагать данный механизм неэффективным.

Соответственно, во-вторых, регион может иметь собственную региональную экологическую политику или не иметь ее. Наличие политики по решению экологических проблем может проявляться как во внутрирегиональной активности, так и в активности вовне, в том числе в форме инициирования федерального законодательства. Отсутствие явно сформулированной и выраженной политики может сопровождаться активностью на федеральном уровне, но в этом случае она будет вызвана иными причинами, нежели стремлением решить конкретные проблемы.

В-третьих, важной является конфигурация тех политических сил, которые вовлечены в процесс инициирования федеральных законопроектов внутри самого региона. Непосредственным субъектом права законодательной инициативы является легислатура региона, она принимает решение о направлении законопроекта в Государственную думу. Но инициировать ее внутри региона могут разные субъекты – как сами депутаты, так и другие акторы, прежде всего исполнительная власть региона. Теоретически можно ожидать, что именно она может быть проводником проблемно-ориентированного подхода, потому что сама законотворческая активность имеет для нее второстепенное, инструментальное значение, так как не является основным показателем деятельности. Но при этом именно на исполнительную власть налагается ответственность за решение конкретных проблем в жизни региона. Региональные депутаты также могут реагировать на региональные экологические проблемы инициацией федеральных законопроектов, но за решение конкретных проблем они не отвечают, что может проявляться в характере их активности. К сожалению, существуют значительные эмпирические трудности в определении внутрирегионального инициатора каждого законопроекта по всем субъектам РФ. Выборочный анализ показал, что в некоторых субъектах РФ исполнительная власть активно участвует в данном процессе, а в некоторых других нет, оставляя все на откуп депутатам. Однако можно предположить, что (общим и усредненным, конечно) индикатором связанности между исполнительной и законодательными властями региона может быть место и роль партии «Единая Россия» (ЕР) в регионе. Она является партией власти (Голосов и Лихтенштейн, 2001; Глебова, 2005; Макаренко, 2011; Мухаметов, 2015; Нисневич, 2021; Бедерсон и Шевцова, 2021; Сулимов, 2022), то есть она в целом может быть теснее связана с исполнительными властями региона и может выступать проводником региональной политики в случае ее наличия.

В практической деятельности регионов указанные факторы образуют разные конstellации влияний и взаимовлияний. Вопрос, на который мы пытаемся ответить нашим анализом далее, заключается в том, есть ли более распространенные и устойчивые конstellации, которые могут быть интерпретированы как индикаторы символичности или проблемно-ориентированности законодательства.

Данные и методы

Для эмпирического анализа были использованы данные по законодательным инициативам на федеральном уровне. Данные были взяты с сайта Государственной думы⁴.

Были собраны все доступные данные в соответствующей информационной системе – с 2004 г. по конец 2022 г. Соответственно, из выборки были исключены те регионы, которые или прекратили свое существование в результате объединений, или были вновь образованы. Всего в выборке присутствует 83 региона. Данные по объединившимся регионам до их объединения не суммировались.

Из базы данных были использованы только экологические законопроекты, которые идентифицировались на основании прямого упоминания экологии или контекстуальной принадлежности к теме экологического регулирования. Контекстуальная или прямая принадлежность определялась с помощью анализа наименования законопроекта. В наименованиях отобранных законопроектов присутствует термин «экология» или конструкции, непосредственно связанные с экологической повесткой: охрана окружающей среды, устойчивое использование природных ресурсов, предотвращение загрязнений, природоохранные зоны, обращение с отходами и химикатами, улучшение качества воздуха, воды и почвы, а также сохранение биологического разнообразия.

Период с 2004 по 2022 г. был взят для того, чтобы проследить динамику подачи законопроектов регионами РФ в каждом созыве и получить более достоверные данные. Кроме того, это объясняется и отсутствием доступности данных в 1990-е гг. Для проведения корреляционного анализа данный промежуток времени был поделен на два периода, которые соответствуют созывам Государственной думы: 2004–2011 гг. (4–5-й созывы), 2012–2022 гг. (6–7-й созывы и начало 8-го созыва). Подобное деление на периоды объясняется, во-первых, тем, что после 2011 г. рост депутатской активности перестает быть связан с предвыборной активностью депутатов и политических партий (Сулакшин, Гаганов, 2015). Во-вторых, состав депутатского корпуса Государственной думы также меняется, что более характерно для 6-го созыва (стало присутствовать больше «бюджетников», профсоюзных деятелей, наоборот, уменьшилось число «профессиональных политиков», бизнесменов и т. д.) (Кынев, 2017).

Всего за период с 2004 по 2022 г. на рассмотрение в Государственную думу поступило 997 экологических законопроектов. Из них 27 % стали законами. Подавляющее большинство законопроектов (порядка 98 %) – это поправки к уже существующим федеральным законам. 30 % законопроектов были поданы от депутатов нижней палаты. Доля правительства и президента оказалась меньше – порядка 18 %. Члены верхней палаты оказались одними из самых неактивных инициаторов, их доля составляет около 5 %. Регионы довольно быстро и очень активно включились в этот процесс и за весь период подали 41 % от всех экологических законопроектов, поступивших в ГД (табл. 1).

Таблица 1

**Описательные статистики по экологическим законопроектам,
внесенным субъектами Российской Федерации в Государственную думу**

Вид активности	Минимум	Максимум	Сумма	Стандартное отклонение
Экологические законопроекты, внесенные регионами в Государственную думу (2004–2022)	1	22	408	4,8

Источник: в табл. 1 представлены собственные расчеты автора по данным Государственной думы⁵.

Для того чтобы определить вариации в подаче регионами законопроектов, необходимо обозначить переменные для выделенных факторов и провести корреляционный анализ.

Основная переменная, с которой будет проверяться взаимосвязь, – это количество экологических законопроектов, поданных субъектами РФ в Государственную думу в период с 2004 по 2022 г.

⁴ Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт Гос. Думы, Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 22.06.2020).

⁵ Система обеспечения законодательной деятельности...

Влияние экологического фактора будут отражать четыре переменные:

- Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тыс. т), – было посчитано среднее значение данного показателя от региона по каждому из периодов.
- Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (млн м³) – было посчитано среднее значение данного показателя от региона по каждому из периодов.
- Экологический рейтинг «Зеленый патруль» – было посчитано среднее значение данного показателя от региона по каждому из периодов.
- Доля экологических проектов, которые некоммерческие организации (НКО) подают в Фонд президентских грантов, в общей доле проектов от региона. Активность НКО в инициировании экологических проектов может являться отражением экологической ситуации в регионе, так как НКО, занимаясь вопросами окружающей среды, реагируют на экологические проблемы, используя разные доступные механизмы для того, чтобы получить дополнительное финансирование и обратить внимание на существующую проблему.

Данные для анализа были взяты с сайтов Федеральной службы государственной статистики⁶, общественной организации «Зеленый патруль»⁷, НКО «Фонд президентских грантов»⁸.

Наличие собственной региональной экологической политики будет измерено через переменную «количество региональных экологических законов и внесений изменений к ним в регионе». Данные были взяты с сайта Министерства юстиции РФ⁹.

Второе теоретическое ожидание исследования состоит в том, что в случае отсутствия корреляции между количеством экологических законопроектов в регионе и количеством экологических законопроектов, поданных субъектами РФ в Государственную думу, субъект РФ при подаче законопроектов в федеральный парламент ориентируется на политико-стратегическую эффективность. Логика состоит в том, что активность региона при реализации права законодательной инициативы должна сопровождаться и его активностью в совершенствовании собственного экологического законодательства.

Влияние политического фактора будет измерено через такой показатель, как доля голосов, поданных за «Единую Россию» на выборах в региональные парламенты субъектов РФ. При этом чем выше доля голосов, поданных за «Единую Россию», тем выше вероятность того, что законопроект будет опираться на реальные проблемы региона. Данные для анализа были взяты с официального сайта ЦИК РФ¹⁰. Были подсчитаны средние значения за первый период – 2004–2011 гг. (4–5-й созывы) и второй период – 2012–2022 гг. (6–7-й созывы и начало 8-го созыва).

Третьим предположением исследования является то, что присутствие отрицательной корреляции с количеством экологических законопроектов, поданных субъектами РФ в Государственную думу, может доказать наличие символической стратегии у региональных властей. Это объясняется тем, что «Единой России», как партии власти, нет необходимости продвигать свои интересы перед федеральным центром с целью завоевать доверие или получить выгоды, следовательно, и экологических законопроектов, поданных в Государственную думу, должно быть немного. Кроме того, доля «Единой России» выше в более бедных, менее урбанизированных, менее «русских» регионах (Щербак и др., 2017), соответственно, там меньшее количество экологических проблем.

Еще одним важным индикатором активности регионов является количество отзывов законопроектов. Причины отзывов могут быть разными, но в том числе могут указывать на то, что поданные законопроекты и не были предназначены для принятия. Субъекты права законодательной инициативы отличаются по этому показателю. Как видно из рис. 3, самая большая доля отозванных законопроектов у сенаторов и депутатов ГД. Доля отозванных законопроектов у регионов значительно

⁶ Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 28.09.2024).

⁷ Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль»: офиц. сайт. URL: <https://greenpatrol.ru/> (дата обращения: 28.09.2024).

⁸ Фонд президентских грантов: офиц. сайт. URL: <https://президентскиегранты.пф/public/home/about> (дата обращения: 28.09.2024).

⁹ Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://pravo-search.minjust.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 28.09.2024).

¹⁰ Центральная избирательная комиссия РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 28.09.2024).

ниже (не превышает 15 %). Но при этом необходимо иметь в виду, что процесс отзыва регионами в процедурном смысле намного сложнее – требуется принятие решения региональной legislaturой, то есть участие многих акторов. Тем более примечательно, что некоторые субъекты РФ особо активны в отзывах. У восьми субъектов РФ (Москва, Московская, Амурская и Кемеровская области, республики Адыгея, Саха, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) доля отозванных законопроектов равна или превышает 50 %.

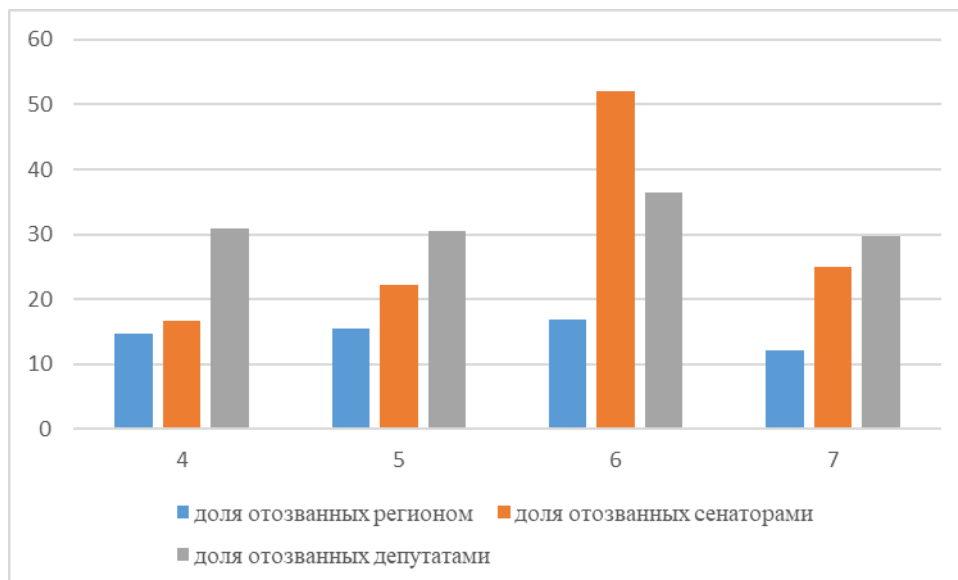

Рис. 3. Доля отозванных разными субъектами права законодательной инициативы экологических законопроектов

Результаты исследования

Был проведен корреляционный анализ, по результатам которого было выявлено, что существует статистически значимая связь между следующими переменными: количеством экологических законопроектов (ЗП), поданных субъектами РФ в Государственную думу; выбросами загрязняющих веществ; долей голосов, поданных за «Единую Россию» (ЕР) (табл. 2 и 3).

Таблица 2

Матрица корреляций между переменными (2004–2011)

Параметр	Доля эк. ЗП ¹¹	Доля ЕР	Выбросы	Сбросы	«Зеленый патруль»	Доля рег. эк. законов
Кол-во эк. ЗП ¹²	.820**	-.445**	.364**	.093	-.097	.137

Примечание: «*» – коэффициент значим на уровне 0,1; «**» – на уровне 0,05.

¹¹ Средняя доля экологических законопроектов от общей доли всех законопроектов, поданных от регионов в Государственную думу.

¹² Количество экологических законопроектов, поданных от регионов в Государственную думу.

Матрица корреляций между переменными (2012–2022)

Параметр	Доля эк. ЗП	Доля ЕР	Выбросы	Сбросы	«Зеленый патруль»	Доля рег. эк. законов	Доля НКО ¹³
Кол-во эк. ЗП	.800**	-.259*	.308**	.208	.066	.129	.109
Доля ЕР	-.311**	–	-.288**	-.231*	-.035	.026	-.212

Примечание: «*» – коэффициент значим на уровне 0,1; «**» – на уровне 0,05.

Можно видеть несколько линий связей между переменными, причем они устойчивы по периодам, за исключением одного важного обстоятельства.

Во-первых, количество экологических ЗП (как и их доля в общем количестве ЗП региона) положительно и значимо, хотя и не очень сильно связано с одним из показателей качества экологической ситуации. Иными словами, менее экологически благополучные регионы чаще направляют свои экологические инициативы в федеральный законодательный орган.

Во-вторых, выявлена отрицательная взаимосвязь между политическим фактором и количеством законопроектов: чем выше доля голосов, поданных за «Единую Россию», и, соответственно, выше ее доля в региональной легислатуре, тем меньше регион подает экологических законопроектов.

Во втором периоде «политическая» зависимость ослабевает, но появляется отрицательная зависимость между силой ЕР и качеством экологической ситуации. Получается, что во обоих периодах более активными оказываются регионы, в которых хуже экологическая ситуация и меньше сила ЕР. Но в первом периоде эти две переменные не связаны между собой. А во втором – регионы с худшей экологической ситуацией более активны в инициировании ЗП при более низкой силе ЕР одновременно. Возможная интерпретация состоит в том, что на рубеже 5–6-го созывов, то есть с 2011 г. меняется общая логика взаимодействия субъектов РФ с федеральным центром, что проявляется и в использовании регионами механизма законодательной инициативы. Если до этого оно так или иначе было связано с предвыборной активностью депутатов и политических партий (Сулакшин, Гаганов, 2015), то после этого явно растет ориентация на внимание федерального центра и ЕР может выступать уже не только проводником связи между региональными исполнительными и законодательными властями, а также приводным механизмом растущей ориентации на Москву. Это может подрывать более или менее четкую логику разделения на символическую и проблемно-ориентированную стратегии, или они образуют другие комбинации.

Более ярко полученные результаты видны не на всей совокупности регионов, а в разрезе групп регионов, которые можно выделить на основании полученных данных.

Поскольку было выявлено, что доля «Единой России» в региональных парламентах является значимой переменной при анализе активности региона в Государственной думе, для того, чтобы выявить группы субъектов РФ, которые более-менее склонны использовать символическую стратегию, мы разделили регионы на группы, в которых доля голосов, поданных за «Единую Россию», превышает / не превышает 50 %.

Предполагается, что в тех субъектах РФ, где выбросов загрязняющих веществ мало, они высокоактивны в подаче законопроектов в Государственную думу (количество законопроектов превышает среднее значение) и доля «Единой России» в них ниже 50 %. Мы можем думать, что их инициативы в целом являются менее проблемно-ориентированными.

Для выделения групп были использованы средние значения активности регионов в подаче законопроектов в Государственную думу (количество экологических законопроектов) и экологической ситуации (количество выбросов загрязняющих веществ от стационарных источников (тыс. т)) в двух периодах. Использовались сочетания средних значений: в группу с проблемно-ориентированным характером законопроектов попадали регионы с высокой законодательной активностью и неблагопри-

¹³ Средняя доля экологических проектов, которые некоммерческие организации (НКО) подают в Фонд президентских грантов, в общей доле проектов от региона.

ятной экологической ситуацией либо с низкой законодательной активностью и благоприятной экологической ситуацией; в группе с политико-стратегической эффективностью находились регионы с благоприятной экологической ситуацией и высокой законодательной активностью. При этом дополнительно в эту группу попадали субъекты РФ с низкой законодательной активностью, но высокой долей «Единой России» вне зависимости от экологической ситуации (так как мы выяснили, что при высокой доле «Единой России» в региональном парламенте субъекта РФ небольшое количество законопроектов будет говорить в пользу символической стратегии).

Таким образом, в результате анализа получилось два относительно устойчивых полюса регионов, где в обоих периодах они показывали приверженность той или иной логике действий. Политико-стратегическую эффективность демонстрировали два региона с долей «Единой России» ниже 50 % и три региона с долей «Единой России» выше 50 %. Проблемно-ориентированный характер, в свою очередь, – 18 (доля «Единой России» ниже 50 %) и три региона (доля «Единой России» выше 50 %). Остальные регионы оказались в «серой» зоне (это около половины субъектов РФ). Иными словами, они «кочевали» из группы в группу в зависимости от разного сочетания исследуемых факторов.

Кроме того, отдельно были проанализированы регионы с наибольшей / наименьшей законодательной активностью и наличием отзывов законопроектов на предмет соотношения значений исследуемых переменных. Часть наиболее показательных групп представлена в табл. 4.

Таблица 4

Данные по значениям переменных по отдельным группам регионов (2004–2022)

Группы регионов	Кол-во регионов	Кол-во ЗП	Доля ЕР	Взвешенные выбросы (сред.) ¹⁴	«Зеленый патруль»	Доля эк. законов внутри региона	Доля эк. ЗП в общем количестве ЗП региона
Отсутствие ЗП. 1-й период	22	0	61,89	89,94	43,55	0,73	0
Отсутствие ЗП. 2-й период	20	0	59,79	69,57	43,99	0,58	0
Наибольшая активность – верхние 20 %. 1-й период	21	5,9	46,80	264,89	37,49	1,37	11,68
Наибольшая активность – верхние 20 %. 2-й период	18	7,11	49,01	195,32	49,99	1,16	22,616
Регионы с отзывами в обоих периодах. 1-й период	15	4,66	51,31	197,37	36,27	1,32	9,7
Регионы с отзывами в обоих периодах. 2-й период	15	4,53	49,74	181,40	42,86	1,69	21,77

Анализируя группы регионов по законодательной активности, отметим, что в группе наименее активных субъектов РФ доля «Единой России» выше, экологическая обстановка более благоприятная, внутренняя экологическая политика не выражена на фоне наличия острых проблем в других сферах. Но в эту группу входят, скорее всего, те регионы, которые в целом подают очень мало законопроектов по любым тематикам. Группа наиболее активных тоже показательна – доля «Единой Рос-

¹⁴ Среднее значение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников (тыс. т), взвешенное на количество населения региона.

сии» ниже, экологическая ситуация в целом значительно хуже. Иными словами, логично, что в первом случае активности в экологическом плане нет, а в другом она очень высокая.

Всего регионов, которые отзывали экологические законопроекты, – 33, из них 15 делали это в обоих периодах. При этом группа, у которой много отозванных законопроектов, явно пересекается с наиболее активной; иными словами, часть регионов входит в обе группы.

Отдельно можно выделить группу регионов со средними показателями законодательной активности, отсутствия отозванных законопроектов, относительно благополучной ситуацией по сравнению с группой наиболее активных, где экологическая политика не очень выражена.

Примечательно, что часть регионов явно меняли позиции в группах между периодами – показатели по выбросам, особенно на душу, сильно отличаются. В большей степени это проявляется в группе с наибольшей законодательной активностью и группе с отзывами в каждом периоде (ведь показатели по выбросам очень устойчивы; безусловно, есть случаи, когда значения резко увеличиваются или уменьшаются, но в целом все воспроизводится – корреляция между значениями периодов близка к единице). Таким образом, мы приходим к выводу, что менялся состав регионов.

Обратим внимание, что значения выбросов могут меняться в разную сторону, но при этом сильно растет доля экологических законопроектов в этих группах во втором периоде, хотя экологическая ситуация явно разная, а доля «Единой России» примерно та же. Получается, что они как бы «отрываются» от экологической ситуации, и работает другая логика. Возможно, это связано с изменением общей ситуации с законодательной активностью регионов во взаимоотношениях с центром примерно с 6-го созыва.

Итак, данные результаты предварительно показывают, что отзывы законопроектов могут оказаться продуктивным индикатором символичности законодательства. Регионы, которые в обоих периодах отзывали законопроекты (по данным анализа это 15 регионов), всего за четыре созыва (4–7-й) подали 1814 законопроектов – из них 357 отозваны, то есть в среднем это составляет 19,68 %. А по экологическим законопроектам получается, что в первом периоде среднее значение составляет 42,43 %, а во втором – 42,55 %. Иными словами, они являются устойчивыми и по экологической тематике отзываю больше законопроектов.

При этом в целом по всем регионам за этот период отозвано 883 из 6131, то есть 14,4 %. Но еще показательнее выделить группу всех остальных, исключая 15 регионов (постоянно отзывавших экологические законопроекты): они подали всех законопроектов 4317, из них 526 были отозваны, то есть всего 12,18 %. А по экологическим законопроектам эта большая группа (то есть все остальные, за исключением 15 наиболее активных в отзывах и тех, кто вообще не подавал экологические законопроекты) отзывала в среднем в первом периоде 4,85 %, во втором – 12,78 % (но этот всплеск, скорее, случаен – ХМАО, Москва и Амурская область подали по 1–2 экологических законопроекта и все отзывали, то есть 100 %, и это повлияло на среднее).

Таким образом, в результате анализа была выявлена группа регионов, которая очень активна в целом в законодательной деятельности (на эти 15 регионов приходится почти 30 % всех законопроектов) и довольно активна в экологическом плане. И при этом они демонстрируют большую активность относительно других регионов в отзывах законопроектов в целом и особенно в экологической сфере. Это указывает на то, что в этих регионах работа по созданию федеральных законопроектов является предметом особого интереса. Их активность не заканчивается направлением законопроектов в Государственную думу, а продолжается дальше, о чем и свидетельствуют многочисленные отзывы. При этом особо высокая доля отзывов именно по экологическим законопроектам может свидетельствовать о том, что инициативность в сфере экологии является дополнительным способом обеспечить общую высокую активность, что может быть индикатором символичности законодательства.

Обсуждение и выводы

Потребность регионов в многоуровневом политико-управленческом взаимодействии во многом определяется тем, что на региональном уровне существуют проблемы, которые могут быть решены только благодаря содействию центральной власти или совместным усилиям центра и региона. Перечень подобных проблем зависит от многих вещей; например, от того, как распределены полномочия между центром и регионами, насколько они автономны в решениях собственных проблем. Но национальное регулирование в своей основе универсально и, даже если предусматривает в отдельных

сферах и/или для отдельных групп регионов особое регулирование, по определению не способно учесть все специфические особенности каждого региона. Соответственно, регионы время от времени обязательно будут сталкиваться с ситуациями, когда они не могут (или думают, что не могут) решить возникающие перед ними проблемы собственными средствами и ресурсами. Частота возникновения подобных ситуаций зависит от степени отклонения проблем региона от типичных для данной страны, на которые в целом и ориентировано национальное законодательство. Специфика региона увеличивает его потребность во взаимодействии с центральными органами власти, в том числе с помощью механизма законодательной инициативы.

Однако необходимо учитывать то, что вероятность решения конкретной проблемы региона с помощью данного механизма не очень высока. В России в среднем за весь период законами стали тоже порядка 8 % инициатив регионов (экологических – 6 %). Ввиду этого субъекты РФ могут использовать данный механизм взаимодействия в других целях. При этом ряд инициатив региональных законодателей может иметь низкий профессиональный уровень, в том числе и поэтому не поддерживаться депутатами. Некоторые исследователи также называют одной из причин низкой доли принятия законопроектов от регионов «отсутствие общей консолидированной позиции представительных органов российских субъектов в отношении внесенных ими законопроектов» (Колесников, Пажетных, 2012). С чем мы можем согласиться, так как регионы очень редко объединяются в группы при подаче экологических инициатив. Законопроекты, которые не имеют поддержки депутатов или заинтересованных сторон, могут длительное время не рассматриваться и впоследствии, теряя актуальность, отклоняться. Вместе с тем анализ низкой результативности законодательных органов государственной власти субъектов РФ отражает отсутствие надлежащего механизма реализации интересов субъектов РФ в федеральном законодательном процессе (Сулакшин, Гаганов, 2015).

Исходя из данной логики и анализа данных, мы можем сделать несколько предварительных выводов.

Во-первых, можно с определенной долей уверенности сказать, что в большинстве регионов существует связь между поданными экологическими законопроектами и экологической обстановкой региона (хотя и не все показатели данного фактора сработали). Это свидетельствует о проблемно-ориентированном характере подачи законопроектов.

Однако некоторые другие результаты ставят под сомнение наличие исключительно данной вариации при реализации права законодательной инициативы субъектами РФ.

Было выявлено, что чем ниже доля депутатов от «Единой России» в региональных парламентах, тем больше данные органы подают законопроектов в Государственную думу, и это может означать их менее проблемно-ориентированный характер. Иными словами, в данном случае именно политический фактор может играть важную роль.

В целом понимание стратегий, лежащих в основе разработки регионами экологических законопроектов, имеет важное значение для оценки эффективности экологической политики в России. Анализ символической политики позволяет выявить скрытые механизмы принятия решений и оценить реальное воздействие законодательных инициатив на состояние окружающей среды.

Таким образом, мы предполагаем, что степень символической активности с использованием подобного механизма может зависеть от разных факторов, среди которых ключевыми представляются особенности конкретной политической ситуации, в которой находятся политические акторы, партийная – политическая и коалиционная конфигурации на региональном и национальном уровнях, идеологические ориентации, политические и персональные амбиции политиков, а также их калькуляция выгод и издержек использования этого инструмента. И разумеется, использование этого механизма не может быть единственным инструментом, скорее, он будет играть вспомогательную роль.

Выявленные комбинации стратегий регионов (и их индикаторов) при подготовке экологических законопроектов необходимо дополнить анализом самих законопроектов и их рассмотрением, для чего необходимо проанализировать и адаптировать к российским условиям определенные маркеры символическости законодательства, чему и будут посвящены будущие исследования.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Список литературы

- Барбашова, Н. В. (2020) 'Проблемы правового регулирования экологических отношений в субъектах Российской Федерации', *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*, 6, сс. 76–84. [Barbashova, N. V. (2020) 'Problems of legal regulation of environmental relations in the constituent entities of the Russian Federation' [Problemy pravovogo regulirovaniya ekologicheskikh otноshenii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii], *Electronic supplement to Russian Judicial Journal*, 6, pp. 76–84. (In Russ.)].
- Бедерсон, В., Шевцова, И. (2021) 'Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг.', *Журнал исследований социальной политики*, 19 (2), сс. 285–300. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300. [Bederson, V., Shevtsova, I. (2021) 'Developers, the party of power and a bit off competition in Russia's million-plus cities: a typology of urban regimes in the 2010s' [Zastroishchiki, partiya vlasti i nemnogo konkurentssii v rossiiskikh millionnikakh: tipologiya gorodskikh rezhimov v 2010-e gg.], *The Journal of Social Policy Studies*, 19 (2), pp. 285–300. (In Russ.)].
- Глебова, И. И. (2004) 'Партия Власти', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 85–92. DOI: 10.17976/jpps/2004.02.09 [Glebova, I. I. (2004) 'The party of power' [Partiya Vlasti], *Journal "POLIC". "Political Studies"*, 2, pp. 85–92. (In Russ.)].
- Голосов, Г. В., Лихтенштейн, А. В. (2001) '«Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 6–14. [Golosov, G. V., Likhtenshtein, A. V. (2001) 'The "power parties" and the Russian institutional design: theoretical analysis' [«Partii vlasti» i rossiiskii institutsional'nyi dizain: teoreticheskii analiz], *Journal "POLIC". "Political Studies"*, 1, pp. 6–14. (In Russ.)].
- Колесников, Е. В., Пажетных, Д. В. (2012) 'Взаимодействие Государственной думы и Совета Федерации в законодательном процессе', *Современное право*, 3, сс. 32–28. [Kolesnikov, E. V., Pajetnykh, D. V. (2012) 'Interaction between the State Duma and the Federation Council in the legislative process' [Vzaimodeistvie Gosudarstvennoi dumy i Soveta Federatsii v zakonodatel'nom protsesse], *Modern law*, 3, pp. 32–28. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2017) 'Государственная Дума РФ VII созыва: между «спящим потенциалом» и партийной дисциплиной', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 4 (87), сс. 65–81. [Kynev, A. V. (2017) State Duma of the Russian Federation of the VII convocation: between "sleeping potential" and party discipline [Gosudarstvennaya Duma RF VII sozyva: mezhdru «spyashchim potentsialom» i partiinoi distsiplinoi], *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 4 (87), pp. 65–81. (In Russ.)].
- Макаренко, Б. И. (2011) 'Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 42–65. [Makarenko, B. I. (2011) Post-soviet party of power: the «United Russia» in a comparative context [Postsovetskaya partiya vlasti: «Edinaya Rossiya» v sravnitel'nom kontekste], *Journal "POLIC". "Political Studies"*, 1, pp. 42–65. (In Russ.)].
- Малинова О. Ю. (2010) 'Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 6 (1), сс. 5–28. [Malinova O. Yu. (2010) 'Constructing of macro-political identity in post-soviet Russia: symbolic politics in a transforming public sphere' [Konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetskoi Rossii: simvolicheskaya politika v transformiruyushcheisya publichnoi sfere], *Political expertise: POLITEX*", 6 (1), pp. 5–28. (In Russ.)].
- Мухаметов, Р. (2015) 'Роль партии «Единая Россия» в консолидации элит на муниципальном уровне', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 1, сс. 85–94. [Mukhametov, R. (2015) 'The role of the party "United Russia" in the consolidation of elites at the municipal level' [Rol' partii

- «Edinaya Rossiya» v konsolidatsii elit na munitsipal'nom urovne], *Ars Administrandi*, 1, pp. 85–94. (In Russ.).
- Небоженко, А. В. (2023) 'Феномен символического законодательства в экологической политике' в: *СОВА МИНЕРВЫ: Ежегодный сборник научных работ студентов и аспирантов Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета* / Под общ. ред. Е. В. Сердюковой, Т. С. Киенко. Ростов-н-Д: Изд-во ЮФУ, сс. 51–65. [Nebozhenko, A. V. (2023) 'The phenomenon of symbolic legislation in environmental policy' [Fenomen simvolicheskogo zakonodatel'stva v ekologicheskoi politike], *SOVA MINERVY: Ezhegodnyi sbornik nauchnykh rabot studentov i aspirantov Instituta filosofii i sotsial'no-politicheskikh nauk Yuzhnogo federal'nogo universiteta* / Pod obshch. red. E. V. Serdyukovoi, T. S. Kienko. Rostov-n-D: Izd-vo YuFUpp. 51–65. (In Russ.).]
- Нисневич, Ю. А. (2021) 'Российская «партия власти» vs доминантная партия', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 4, сс. 183–199. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-103-4-183-199. [Nisnevich, Yu. A. (2021) 'Russian "party of power" vs dominant party' [Rossiiskaya «partiya vlasti» vs dominantnaya partiya], *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, 4, pp. 183–199. (In Russ.).]
- Сулакшин, С. С., Гаганов, А. А. (2015) *Постсоветский российский парламентаризм взглядом аналитика*. Труды Центра научной политической мысли и идеологии. Вып. № 13. М.: Наука и политика, 48 с. [Sulakshin, S. S., Gaganov, A. A. (2015) *Post-Soviet Russian Parliamentarism through an Analyst's Eye* [Postsovetskii rossiiskii parlamentarizm vzglydom analitika], *Trudy Tsentra nauchnoi politicheskoi mysli i ideologii*. Vyp. № 13. М.: Nauka i politika, 48 p. (In Russ.).]
- Смирнов, Д. Г. (2016) 'Символическая политика: теоретические и методологические аспекты', *Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки*, 2, сс. 5–16. [Smirnov, D. G. (2016) Symbolic politics: theoretical and methodological aspects [Simvolicheskaya politika: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty], *Vestnik IvGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2, pp. 5–16. (In Russ.).]
- Состояние российской системы управления окружающей средой: Пути ее модернизации* (2009) Всемирный Банк, Департамент Устойчивого Развития. [The State of the Russian Environmental Management System: Ways to Modernize It [Sostoyanie rossiiskoi sistemy upravleniya okruzhayushchei sredoi: Puti ee modernizatsii] (2009) Vsemirnyi Bank, Departament Ustoichivogo Razvitiya. (In Russ.).]
- Сулимов, К. А. (2020) 'Оспаривание vs коррекция: динамика активности российских регионов в использовании обращений в Конституционный суд и законодательной инициативы на федеральном уровне', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 12 (4), сс. 556–576. DOI: 10.17072/2218-9173-2020-4-556-576. [Sulimov, K. A. (2020) 'Lawsuit VS amendment Russian regions activity dynamics using constitutional court appeals and legislative initiatives in federal level' [Osparivanie vs korrektsiya: dinamika aktivnosti rossiiskikh regionov v ispol'zovanii obrashchenii v Konstitutsionnyi sud i zakonodatel'noi initsiativy na federal'nom urovne], *Ars Administrandi*, 12 (4), pp. 556–576. (In Russ.).]
- Сулимов, К. А. (2022) 'Регионализм как драйвер активности европейских регионов в отношениях с центром', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 38–54. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.04. [Sulimov, K. A. (2022) 'Regionalism as a driver of European regions' activity in their relations with national authorities' [Regionalizm kak draiver aktivnosti evropeiskikh regionov v otnosheniyakh s tsentrom], *Journal "POLIS". "Political Studies"*, 6, pp. 38–54. (In Russ.).]
- Сулимов, К. А. (2022) 'Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: различия в структуре территориального образа России', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 14 (4), сс. 589–606. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-4-589-606 [Sulimov, K. A. (2022) 'Party of power and systemic opposition in the State. Duma: Differences in the structure of Russia's territorial image' [Partiya vlasti i sistemnaya op-

- pozitsiya v Gosudarstvennoi Dume: razlichiya v strukture territorial'nogo obraza Rossii], *Ars Administrandi*, 14 (4), pp. 589–606. (In Russ.).
- Щербак, А. Н., Смирнова, Д. О., Озернова, Е. П., Лепешко, Е. В., Купка, А. П., Калинин, А. Н. (2017) 'Холодильник vs. телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу РФ 2016 г.', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3, сс. 137–155. [Shcherbak A. N., Smirnova D. O., Ozernova E. P., Lepeshko E. V., Kupka A. P., Kalinin A. N. (2017) 'Fridge vs. TV: economic voting in the 2016 Duma elections in Russia' [Kholodil'nik vs. televizor? Ekonomicheskoe golosovanie na vyborah v Gosudarstvennyu dumu RF 2016 g], "*Bulletin of Perm University. Political Science*", 3, pp. 137–155. (In Russ.)].
- Behnke, N., Mueller, S. (2017) 'The purpose of intergovernmental councils: A framework for analysis and comparison', *Regional and Federal Studies*, 27 (5), pp. 507–527.
- Blühdorn, I. (2007) 'Sustaining the unsustainable: Symbolic politics and the politics of simulation', *Environmental Politics*, 16, pp. 251–275.
- Edelman, M. J. (1990) *Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns*. Frankfurt am Main; N.Y.: Campus Verlag, 1990. 202 p.
- Finke, P., Souris, A. (2019) 'The politics of legislative initiatives in the German Bundestag', *Revista Cuadernos Manuel Giménez Abad*, 9 (18), pp. 7–19.
- Mendelberg, T. (2022) 'Status, Symbols, and Politics: A Theory of Symbolic Status Politics, RSF: The Russell Sage Foundation', *Journal of the Social Sciences*, 8 (6).
- Tremblay, J.-F. (ed.) (2023) *The Forum of Federations. Handbook of Fiscal Federalism*. Springer Nature. 483 p.
- Hájek, L. (2024) 'Regional legislative initiatives in the Czech Republic', *The Journal of Legislative Studies*, DOI: 10.1080/13572334.2024.2378551.
- Meyer, T. (1992) *Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 205 p.
- Mueller, M., Mazzoleni, O. (2016) 'Regionalist protest through shared rule? Peripherality and the Use of cantonal initiatives in Switzerland', *Regional & Federal Studies*, 26 (1), pp. 45–71. DOI:10.1080/13597566.2015.1135134.
- Newig, J. (2007) 'Symbolic Environmental Legislation and Societal Self-Deception', *Environmental Politics*, 16, pp. 276–296. DOI:10.1080/09644010701211783.
- Noble, B. (2019) 'Regional legislatures and national lawmaking', *The Journal of Legislative Studies*, 25 (1), pp. 143–147. DOI: 10.1080/13572334.2019.1570597.
- Palermo, F. (2018) 'Beyond Second Chambers: Alternative Representation of Territorial Interests and Their Reasons', *Perspectives on Federalism*, 10 (2), pp. 49–70.
- Parra, D. (2016) 'La facultad autonómica de iniciar leyes estatales, una perspectiva comparada', *Revista D'estudis Autonòmics I Federals*, 24, pp. 155–192.
- Petersen, Roger, D. (2002) *Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. p. 262.
- Sanjaume-Calvet, M., & Paneque, A. (2023) 'Shared or Self-rule? Regional Legislative Initiatives in Multi-level Spain, 1979–2021', *South European Society and Politics*, 28 (1), pp. 75–100. <https://doi.org/10.1080/13608746.2023.2228099>.
- Santesson-Wilson, P. (2003) *Studier i symbolpolitik. Department of Political Science*. Lund University. URL: <http://lup.lub.lu.se/search/ws/files/4572022/4770578.pdf> (Accessed: 29.09.2024)
- Siehr, A. (2008) 'Symbolic Legislation and the Need for Legislative Jurisprudence: The Example of the Federal Republic of Germany', *Legisprudence*, 2, pp. 271–305.
- Ugues, A., Vidal, X. M., & Bowler, S. (2017) 'Los Congresos Estatales y la Política Federal en México: state legislatures and federal policymaking in Mexico', *The Journal of Legislative Studies*, 23 (4), pp. 594–613. DOI: 10.1080/13572334.2017.1394740.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**LEGISLATIVE ENVIRONMENTAL INITIATIVES OF RUSSIAN REGIONS
IN THE FEDERAL PARLIAMENT:
POLITICAL-STRATEGIC EFFECTIVENESS OR ISSUE-RELATED APPROACH?**

K. Sulimov, Ch. Turtseva

Konstantin Sulimov, Candidate of Sc. (Polit. Sc.), Associate Professor, Head of the Department of Political Science,

Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135, ResearcherID: N-9455-2018).

Christina Turtseva, assistant of the Department of Political Science, junior research fellow of the Department of Political Science,

Perm State University, Perm, Russia.

E-mail: burdina.k@bk.ru (ORCID: 0000-0003-2109-7772).

Abstract

Regional legislatures are one of the subjects with the right of legislative initiative in the Russian Federation, which gives them the right to submit bills to the State Duma. Regions can use such a mechanism of multi-level interaction for different purposes. Faced with difficulties in solving their own specific environmental problems, they can use it to symbolically draw attention to themselves, fulfil personal ambitions, demonstrate competence, etc., without having the goal of adopting the submitted bill. Thus, regions can use two main strategies, focusing on political-strategic effectiveness or the issue-based approach. This study aims to identify the factors that allow us to distinguish these strategic variations. For the empirical analysis, we use data on federal legislative initiatives from 2004 to 2022. We have operationalised three key factors that possibly can influence the differentiation of regional strategies: ecological, administrative/managerial, and political. Through correlation analysis, we have shown that the combination of strategies can be different in each specific region. It largely depends on the calculation of the benefits and costs of using this tool, and that the symbolic strategy plays a rather auxiliary role in achieving goals. We construct matrices of regions that are more likely to use one or another strategy as a result of combining the above factors.

Keywords: regional environmental legislation; symbolic environmental legislation; subjects with the right of legislative initiative; State Duma; symbolic politics; issue-related approach; political-strategic effectiveness; Russian regions.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, at Perm State University.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-128-139

**КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ КОНСЕНСУС?
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ЗЕЛЕННОЙ ПАРТИИ:
СЛУЧАЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 4–7-го СОЗЫВОВ**

А. К. Михеев

Михеев Андрей Константинович, аспирант, младший научный сотрудник кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Аннотация

В последние десятилетия проблемы окружающей среды приобрели глобальное значение, вызывая обеспокоенность у населения и политических сил по всему миру. В этих условиях экология стала важной темой для законодательной деятельности. Рассматривается случай – инициирование и принятие экологического законодательства в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации в период с 4-го по 7-й созыв, когда в парламенте отсутствует профильная зеленая партия, но есть доминирующая партия власти и так называемая системная оппозиция. При этом для российского законодательного процесса характерна высокая активность депутатов в инициировании законопроектов. Кто в этих условиях берет на себя ведущую роль в инициировании экологического законодательства и как выстраивается взаимодействие политических партий в контексте соотношения конкуренции и консенсуса по экологическим вопросам? На материале данных Государственной думы были протестированы предположения о том, что именно доминирующая партия будет самым сильным игроком на «экологическом» поле в отношении количества законопроектов и значимости коалиций с ее участием. В целом ожидания оправдались. «Единая Россия» лидирует по числу внесенных законопроектов и чаще добивается их принятия благодаря контролю над парламентским большинством. Оппозиция вынуждена вступать в коалиции с партией власти для повышения шансов на принятие инициатив. При этом есть тенденция к снижению доли коалиционных законопроектов с каждым созывом. Таким образом, «Единая Россия» является ключевым игроком в экологическом законодательстве, эффективно сочетая продвижение собственных инициатив с участием в коалициях.

Ключевые слова: экологическое законодательство; Государственная дума; депутаты; фракции; доминирующая партия; конкуренция; межфракционное взаимодействие.

В последние десятилетия экологические проблемы приобрели глобальное значение, вызывая обеспокоенность у населения по всему миру. Массовые выбросы парниковых газов, изменение климата, загрязнение воздуха и водоемов – все эти факторы приводят к негативным последствиям для нашей планеты. Небольшие группы активистов, пытавшиеся привлечь внимание к проблемам окружающей среды и предложить альтернативные пути развития, самоорганизовались в политические партии – «Зеленые». Они быстро набрали популярность среди избирателей, став значимой политической силой, которая активно участвует в политической жизни многих стран, влияя на принятие экологических законов и глобальных стратегий по сокращению углеродных выбросов и переходу на возобновляемые источники энергии.

Одной из главных заслуг зеленых партий является введение вопросов охраны окружающей среды в общественно-политическое поле. Экологические законодательные инициативы активно лоббируются другими политическими силами, стремящимися удовлетворить общественный запрос на решение этих проблем. Это происходит не только в тех странах, где зеленые партии сильны и влиятельны, но и в тех, где их нет.

Что происходит с законодательством об охране окружающей среды в государствах, где профильная зеленая партия не является значимым политическим актором? В таких странах экологическая политика может развиваться различными путями. С одной стороны, эти вопросы остаются важной нишей для привлечения новых избирателей, что неизбежно приводит к борьбе за этот электорат.

Партии, осознавая значимость проблем, могут предлагать экологические инициативы в своей законодательной деятельности, чтобы привлечь избирателей, обеспокоенных ситуацией с окружающей средой. К тому же сам парламент представляет собой место конкуренции заинтересованных групп. С другой стороны, эти проблемы могут стать консенсусной темой, что снижает конкуренцию в этой области. В таких случаях основные политические силы могут сотрудничать ввиду глобальности вопроса, что позволяет достигать стабильного принятия экологических законопроектов.

Для более детального понимания процесса взаимодействия политических партий по теме экологии проведен анализ их деятельности в Государственной думе Российской Федерации в период с 4-го по 7-й созыв. Это позволит выявить особенности партийного взаимодействия по вопросам экологии, которые, несмотря на отсутствие профильных партий, играют значимую роль для электората¹.

Влияние зеленых партий на экологическое законодательство и глобальные стратегии

Зеленые партии играют важную роль в разработке экологического законодательства, влияющего на жизнь широких слоев населения. Снижение углеродных выбросов является одним из приоритетных направлений деятельности зеленых. Они способствовали принятию углеродного налога в Швеции в 1991 г. (Hildengsson, Knaggard, 2022: 246–247), закона о климате в Дании в 2014 г. (Tværno, 2022). Подобные инициативы показали свою эффективность, например в Швеции к 2020 г. выбросы парниковых газов снизились на 35 %².

Вторым важным направлением работы зеленых партий является развитие возобновляемых источников энергии. В 2000 г. в Германии при их участии были введены фиксированные тарифы на электроэнергию из возобновляемых источников, что увеличило их долю до 20 % к 2011 г. (Buchan, 2012: 14). Австралийская партия зеленых повлияла на принятие Закона о чистой энергии в 2011 г., что привело к значительному снижению выбросов парниковых газов (Crowley, 2013). В 2015 г. во Франции принят Закон о переходе к энергетике зеленого роста, активно лоббируемый зеленой партией, который включал амбициозные цели по сокращению выбросов и увеличению доли возобновляемых источников энергии, что значительно изменило энергетический сектор страны (Janicke, 2017: 117–118).

На региональном уровне зеленые активно участвуют в разработке и реализации экологических предложений в рамках Европейского Союза (ЕС). Одной из ключевых инициатив является Европейский зеленый курс, направленный на достижение углеродной нейтральности к 2050 г. В рамках этого курса ЕС стремится снизить выбросы парниковых газов на 55 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 1990 г. Парижское соглашение по климату, поддерживаемое зелеными партиями, нацелено на ограничение глобального потепления значительно ниже 2 °С с целевым значением в 1,5 °С по сравнению с доиндустриальными уровнями.

Зеленые партии сыграли ключевую роль в продвижении темы экологии на передний план общественного и политического дискурса. Благодаря их активной деятельности вопросы охраны окружающей среды стали актуальными для широких слоев населения и политических акторов. Однако, что происходит, когда зеленые партии отсутствуют в политическом пространстве? Тема экологии остается значимой и консенсусной, но превращается в свободную нишу, в которой идет конкуренция. В таких условиях возникает вопрос: как взаимодействуют партии в экологическом законодательстве?

Взаимодействие политических партий в экологическом законодательстве: конкуренция и консенсус

Современная парламентская арена характеризуется динамическим взаимодействием между партиями. Конкуренция за узконаправленные вопросы стала важным аспектом стратегического поведения политических акторов, стремящихся укрепить свои позиции в национальной легислатуре.

Как отмечает Э. Даунс в своей работе «Экономическая теория голосования», политические партии действуют как рациональные акторы, которые оценивают предпочтения избирателей и адаптируют свои программы, чтобы получить максимальное количество голосов (Downs, 1957: 138). При

¹ Экологическая ситуация в России: мониторинг [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2> (дата обращения: 10.11.2024).

² За последние 30 лет Швеция снизила выбросы парниковых газов на 35 % [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/protection_nature/news/2022/01/21/905908-za-poslednie-30-let-shvetsiya-snizila-vibrosi-parnikovih-gazov-na-35 (дата обращения: 10.11.2024).

этом партии стремятся занять такие позиции на политическом спектре, которые позволят им заручиться поддержкой медианного избирателя – ключевого субъекта в выборах. В этом контексте конкуренция за узкоспециализированный вопрос представляет собой стратегию, направленную на привлечение дополнительного электората через признание их специфических интересов и проблем (Adams, Merrill, 2009; Wagner, Meyer, 2017; Wagner, 2012).

Экологическая политика является типичным примером узконаправленной темы. Она исторически ассоциировалась с зелеными, но постепенно стала привлекать внимание традиционных партий (Abou-Chadi, 2016). Включение таких вопросов в политическую повестку не только привлекает новых избирателей (Hobolt, De Vries, 2016), но и может способствовать формированию коалиций с заинтересованными группами, что усиливает влияние политических акторов. Таким образом, рациональная ориентация на узкоспециализированные проблемы в партийной конкуренции – это не просто ответ на растущий интерес общества к определенным темам, но и тщательно выверенная стратегия, направленная на максимизацию электоральной поддержки путем расширения базы избирателей.

Однако, поскольку вопросы защиты окружающей среды затрагивают широкий круг избирателей и требуют долгосрочных решений, это часто приводит к консенсусу между партиями, несмотря на их идеологические различия. Политические акторы могут выступать единым фронтом, совместно разрабатывая и внедряя экологические инициативы. Это сотрудничество может проявляться в создании межпартийных комитетов, работающих над законодательными инициативами, направленными на решение данных проблем. В Канаде парламентские комитеты часто включают представителей различных партий для разработки экологических инициатив³. В Конгрессе США создание межпартийного кокуса Climate Solutions Caucus, объединяющего демократов и республиканцев, способствует разработке совместных законодательных инициатив по вопросам изменения климата и устойчивого развития⁴. В Великобритании All-Party Parliamentary Group on Climate Change включает членов от всех основных политических партий, которые работают вместе над продвижением законодательства по борьбе с изменением климата и переходом к низкоуглеродной экономике. Эти группы проводят совместные исследования, публичные слушания и разрабатывают рекомендации для правительства⁵. В немецком бундестаге создание временных исследовательских комиссий по вопросам охраны окружающей среды и энергетики часто включает представителей всех партий, что позволяет выработать совместные рекомендации и законопроекты⁶.

Вопрос конкуренции и консенсуса в законодательной сфере имеет особое значение в контексте партийной системы и распределения власти. Важная роль отводится доминирующей партии. Политологи выделяют несколько ключевых аспектов, которые характеризуют ее. Во-первых, она отличается постоянными электоральными успехами и отсутствием значительных угроз со стороны оппозиции, что позволяет ей удерживать власть на протяжении длительного времени (Suttner, 2006: 277). Во-вторых, такие партии обладают привилегированным доступом к ключевым назначениям в исполнительной и законодательной ветвях власти, что укрепляет их позиции и усиливает контроль над политической системой (Bogaards, 2004: 175). В-третьих, доминирующие партии имеют возможность эффективно определять повестку и принимать важные политические решения без значительного сопротивления со стороны других участников политического процесса. Это достигается благодаря их способности контролировать законодательный процесс (Greene, 2010: 810). М. Дюверже в своей работе «Политические партии» утверждает, что законодательные предложения доминирующей партии часто принимаются практически без изменений (Дюверже, 2000: 376–380). Это снижает потребность в длительных обсуждениях и переговорах, создавая условия для одностороннего принятия решений. Дж. Сартори в работе «Партии и партийные системы» также указывает, что доминирующая партия контролирует не только законодательные процессы, но и формирует политические дебаты, ограничивая влияние оппозиции (Сартори, 2004: 19–22). Влияние большинства, по его мнению, создает дисбаланс в политическом процессе, где партии меньшинства оказываются неспособными существенно повлиять на принятие решений. В итоге законодательные инициативы большинства проходят без значительных изменений или учета интересов оппонентов.

³ Standing Committee on Environment and Sustainable Development. URL: <https://www.ourcommons.ca/Committees/en/ENVI> (accessed: 10 November 2024).

⁴ Climate solutions caucus. URL: <https://climatesolutionscaucus-garbarino.house.gov/about> (accessed: 10 November 2024).

⁵ All Party Parliamentary Group on Climate Change. URL: <https://www.climateappg.co.uk/who-we-are> (accessed: 10 November 2024).

⁶ Ökologie und Umweltschutz. URL: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/wirtschaft/Umwelt> (accessed: 10 November 2024).

Значимость коалиций в законодательной практике сохраняется даже при доминировании одной политической силы. Оппозиция часто вынуждена искать компромиссы с правящей стороной для продвижения своих законопроектов. П. Буккианери отмечает, что такие взаимодействия включают сделки, в которых поддержка инициатив власти обеспечивается в обмен на реализацию ключевых предложений меньшинства (Bucchianeri, 2020). Это позволяет всем участникам процесса извлекать выгоды, несмотря на неравные позиции. Д. Лэнгфилд подчеркивает, что подобные альянсы способствуют стабилизации политической системы и снижению конфликтов (Langfield, 2013). Для партии власти важно вовлекать оппонентов в процесс принятия решений, что повышает легитимность и смягчает возможные противоречия.

Таким образом, доминирующая партия играет важную роль в принятии законопроектов, обладая возможностью как продвигать инициативы самостоятельно, так и формировать коалиции, сочетая элементы конкуренции и консенсуса.

Конкуренция и консенсус на парламентской арене в Российской Федерации имеют свою специфику. Исследования показывают, что в Государственной думе Российской Федерации наблюдается высокая степень согласия при принятии законов, что выражается в значительной доле единогласных решений, которая при этом увеличивается со временем (Noble, 2017: 111). Это происходит на фоне тенденции к увеличению значимости идеологического консенсуса среди парламентариев по ряду принципиальных вопросов (Панов, Сулимов, 2023). Отмечается активное сотрудничество лидеров фракций, которые зачастую становятся соавторами законопроектов (Толмачева, 2021: 99). Это партнерство снижает уровень политической конкуренции и повышает уровень согласованности действий при выработке и принятии законов. Практика активного взаимодействия между лидерами фракций демонстрирует, что внутренние противоречия между партиями часто отодвигаются на второй план ради достижения общих целей, как собственно политических, так проблемно-ориентированных, что особенно важно для рассмотрения вопросов, требующих долгосрочных решений, таких как сохранение природных ресурсов и устойчивое развитие. Таким образом, высокая степень консенсусности по ключевым вопросам, высокая доля единогласных решений и активное соавторство лидеров фракций способствуют созданию благоприятных условий для достижения консенсуса в экологическом законодательстве.

Однако существуют факторы, сохраняющие пространство для конкуренции между парламентскими партиями, в том числе в сфере экологии. Согласие по принципиальным политико-идеологическим вопросам не означает согласия по всем вопросам, особенно не имеющим серьезного политико-властного значения. И можно думать, что экологическая проблематика относится как раз к таким темам. Кроме того, парламентские партии, особенно оппозиционные, все же должны демонстрировать отличия друг от друга как для избирателей, так и для других заинтересованных сторон, для того, чтобы оправдать свое присутствие в Государственной думе (подробнее см.: Панов, Сулимов, 2021). Самостоятельная фракционная политика политических партий, представленных в Государственной думе, проявляется в том, что депутаты склонны подавать законопроекты со своими однопартийцами. Это подчеркивает важность фракционной координации и стимулирует конкуренцию между партиями (Мальцев, Зарипов, 2023). Стоит отметить, что в парламенте принимаются решения, которые создают структурные условия для конкуренции среди политических партий, например в виде соперничества за руководство комитетами. В начале 7-го созыва, несмотря на доминирование «Единой России» (ЕР), которая контролировала 74,22 % мест в Государственной думе, представители других партий возглавляли половину комитетов. В частности, три комитета были под руководством депутатов от «Справедливой России» (СР), пять – от Либерально-демократической партии России (ЛДПР) и еще пять – от Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Если партия специализируется на продвижении экологической повестки, она может претендовать на руководство профильным комитетом, что укрепляет ее позиции и увеличивает влияние в этой сфере.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что именно партия «Единая Россия» окажется лидером по общему числу законодательных инициатив в экологическом поле в силу своего количественного доминирования. Однако сформировать ожидание относительно того, какая из партий окажется наиболее зеленой (в измерении доли экологических инициатив от общего количества партийных законопроектов), основываясь на характере сложившейся партийно-политической конфигурации, затруднительно. Теоретические ожидания в этом отношении амбивалентны. Партии системной оппозиции имеют стимулы к тому, чтобы проявлять свою особенность и отличие от других, в том числе в поле экологической политики. Но также можно ожидать, что «Единая Россия», как партия власти, окажется проводником общественно значимой политики, каковой является экологиче-

ская, которую реализует исполнительная власть. Более определенно можно предполагать, что с укреплением позиций «Единой России» количество коалиционных законопроектов будет снижаться, в то время как число законопроектов, внесенных только ею, будет возрастать. Более того, предполагается, что доля принятых законопроектов будет выше, если среди их авторов есть представитель партии власти.

Для тестирования данных предположений был проведен анализ законотворческих экологических инициатив, внесенных в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации 4–7-го созывов. Выбор кейса был обусловлен, во-первых, научной новизной, которая состоит в том, что исследования экологического законодательства проводились в основном на примере Европы, поскольку она является мировым лидером в этой области, устанавливая стандарты и продвигая передовые инициативы. Во-вторых, российский парламент позволил сосредоточиться на изучении взаимодействия различных политических сил по вопросам экологии без влияния специализированной экологической партии. Хронология, 4–7-й созывы, обусловлена тем, что с 4-го созыва Государственной думы Российской Федерации формируется партийно-политическая система, в центре которой находится партия «Единая Россия» (ЕР) с устойчивым большинством. Наряду с ней действуют три партии системной оппозиции: Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) и «Справедливая Россия» (СР). Одной из ключевых особенностей законотворческого процесса в Государственной думе Российской Федерации является значительная роль депутатов в инициировании законопроектов. В отличие от многих других стран, где большая часть законопроектов вносится правительством или президентом, в России депутаты Государственной думы активно выступают с законодательными инициативами. Это создает важную возможность для исследования партийной конкуренции, особенно в области экологического законодательства.

Эмпирические данные и анализ

В рамках анализа экологического законотворчества в Государственной думе Российской Федерации под экологическими законопроектами понимаются инициативы, предложенные субъектами права законодательной инициативы (президент РФ, Совет Федерации и его члены, депутаты Государственной думы, Правительство РФ, а также законодательные органы субъектов РФ). Данные были выгружены из Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) Государственной Думы⁷. Идентификация «экологических» законопроектов была произведена на основании прямого упоминания экологии или контекстуальной принадлежности к теме экологического регулирования. Контекстуальная, или прямая принадлежность определялась с помощью анализа наименования законопроекта. В наименованиях отобранных законопроектов присутствует термин «экология» или конструкции, непосредственно связанные с экологической повесткой: охрана окружающей среды, устойчивое использование природных ресурсов, предотвращение загрязнений, природоохранные зоны, обращение с отходами и химикатами, улучшение качества воздуха, воды и почвы, а также сохранение биологического разнообразия. Адекватность произведенной селекции была проверена через соотнесение выбранных законопроектов со сферами ответственности комитетов Государственной думы. Из 910 законопроектов в период 4–7-го созывов, определенных нами как «экологические», 895, согласно СОЗД, относились к ведению профильного или ответственного комитета либо комитета-соисполнителя, в названии которых было слово «экология» (названия комитетов менялись со временем), что составляет 98,35 %.

Отобранные экологические законопроекты были соотнесены с субъектами их инициации на основании данных СОЗД, в том числе в отношении их партийной (фракционной) принадлежности, когда речь идет о депутатах Государственной думы. Если инициатива исходит от депутатов одной партии, она рассматривается как партийная; в случае, если среди авторов представители разных партий, законопроект классифицируется как коалиционный. В данном исследовании под консенсусом понимается внесение экологического законопроекта депутатами из разных партий и его принятие, а под конкуренцией – инициирование экологического законопроекта отдельной фракцией и его принятие. Чтобы оценить общую активность в сфере экологического законотворчества и частоту успешного принятия законопроектов, обратимся к данным в табл. 1.

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2024).

Динамика экологических законопроектов и их принятие

Созыв	Кол-во экологических законопроектов	Доля экологических законопроектов от общего кол-ва законопроектов (%)	Кол-во принятых экологических законопроектов	Доля принятых экологических законопроектов (%)
4	55	2,98	11	20
5	71	4,1	20	28,17
6	112	3,41	8	7,14
7	37	1,76	6	16,22
Среднее значение (по созывам)	68,75	3,06	11,25	17,88

Источник – собственные расчеты автора по данным СОЗД. Не учитывались законопроекты, которые подавались депутатами Государственной думы совместно с другими субъектами права законодательной инициативы – членами Совета Федерации и субъектами РФ (количество таких законопроектов невелико).

До 7-го созыва количество экологических законопроектов в России постоянно увеличивалось, что свидетельствует о возрастающем внимании к этим проблемам в политической повестке. Это отражает изменения в предпочтениях избирателей: по данным опросов, каждый второй россиянин сообщил, что за последний год он или его семья предпринимали действия, направленные на решение экологических проблем⁸.

Однако, несмотря на увеличение общего числа экологических законопроектов, их доля среди всех законодательных инициатив оставалась ниже 5 %. Это указывает на то, что тема защиты окружающей среды остается второстепенной для депутатов в сравнении с другими вопросами. Такая ситуация может быть связана с политическими приоритетами и ограниченными ресурсами, выделяемыми на экологические вопросы.

Количество принятых экологических законопроектов варьировалось по созывам, но их доля не превышала 30 %. Всего было принято 16,36 % законодательных актов, что демонстрирует наличие конкуренции и борьбы за инициативы по разработке законов в области экологии. Отсюда возникает вопрос о том, как часто депутаты вносят межфракционные законопроекты по охране окружающей среды? Каким образом коалиционная инициатива влияет на вероятность ее принятия?

Доля коалиционных законопроектов и их принятие по созывам Государственной думы Российской Федерации (4–7-й созывы)

Созыв	Процент коалиций	Процент принятых ЗП (коалиционных)	Процент коалиционных в принятых
4	34,55	10,53	18,18
5	23,94	47,06	40,00
6	22,81	15,38	57,14
7	16,22	33,33	33,33
Среднее значение (по созывам)	24,38	26,58	37,16

Источник – собственные расчеты автора по данным СОЗД.

⁸ Экологическая ситуация в России: мониторинг [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analyticalreviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2> (дата обращения: 10.11.2024).

В таблице 2 продемонстрирована устойчивая тенденция к снижению доли межфракционных законопроектов с каждым созывом. Процент принятых коалиционных законопроектов значительно варьируется между созывами, что свидетельствует о непостоянстве в достижении консенсуса. Однако в некоторых случаях, несмотря на низкую долю коалиционных законопроектов, их принятие было высоким.

В таблице 3 представлена информация о распределении и принятии экологических законопроектов по фракциям в Государственной думе Российской Федерации.

Таблица 3

Распределение и эффективность экологических законопроектов по фракциям в Государственной думе Российской Федерации (4–7-й созывы)

Партии или межфракционные коалиции	кол-во законопроектов	% законопроектов от общего кол-ва законопроектов	Кол-во принятых законопроектов	% принятых законопроектов от кол-ва поданных	% принятых законопроектов от общего количества принятых
ЕР	122	46,74	26	21,31	57,78
ЛДПР	34	13,03	0	0	0
ЕР, ЛДПР	28	10,73	7	25	15,56
СР	19	7,28	0	0	0
КПРФ	17	6,51	0	0	0
ЕР, КПРФ	16	6,13	7	43,75	15,56
ЕР, СР	8	3,07	3	37,5	6,67
ЕР, ЛДПР, СР	5	1,92	0	0	0
ЕР, КПРФ, ЛДПР	3	1,15	0	0	0
ЕР, КПРФ, СР	3	1,15	1	33,33	2,22
КПРФ, СР	2	0,77	0	0	0
ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР	2	0,77	0	0	0
КПРФ, ЛДПР, СР	1	0,38	0	0	0
ЛДПР, СР	1	0,38	1	100	2,22

Источник – собственные расчеты автора по данным СОЗД. ЕР – Единая Россия; ЛДПР – Либерально-демократическая партия; СР – «Справедливая Россия»; КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации. Сумма количества поданных законопроектов меньше 275, потому что небольшая часть законопроектов подавалась депутатами уже не существующих фракций, которые не идентифицируются в СОЗД.

Фракция «Единая Россия» занимает лидирующую позицию в законодательной деятельности по вопросам охраны окружающей среды, внося 46,74 % от всего количества экологических законопроектов. Более того, если учитывать законопроекты, в разработке которых участвовали депутаты от «Единой России», их доля составляет 71,66 %. Это подчеркивает значительное участие партии власти в формировании экологической повестки страны и демонстрирует ее ведущую роль в законодательном процессе.

На втором месте по количеству внесенных экологических законопроектов находится ЛДПР, затем коалиция ЛДПР и «Единая Россия», далее следует «Справедливая Россия» и на пятом месте – КПРФ. Эти данные показывают, что фракции вносят законодательные инициативы преимущественно самостоятельно, без коалиционного взаимодействия. Такая конкуренция между партиями за экологическую нишу свидетельствует о стремлении каждой партии подчеркнуть свою роль в заботе о природе и привлечь внимание электората, чувствительного к экологическим вопросам. Тем не менее возникает вопрос об эффективности такого подхода, поскольку без коалиционного взаимодействия многие законопроекты не достигают стадии принятия. Например, коалиция ЛДПР и СР достигла 100 % принятия экологических законопроектов, хотя внесла всего один проект. На втором месте – коалиция «Единой России» и КПРФ с результатом 43,75 %, за ней следует коалиция «Единой России» и «Справедливой России» с показателем 37,5 %. В то же время «Единая Россия», хотя и вносит наибольшее количество законопроектов, имеет лишь 21,31 % принятых инициатив. В сумме ЛДПР, СР и КПРФ

внесли 22,77 % экологических законопроектов, но ни один из них не был принят. Таким образом, доля принятых экологических законопроектов выше у межфракционных инициатив по сравнению с инициативами отдельных фракций.

Эти данные показывают, что межфракционные инициативы в области экологии имеют более высокий уровень успеха, чем законопроекты, предложенные отдельными фракциями. Важно также рассмотреть, насколько значимым направлением является экологическая повестка в общем законодательном процессе.

Таблица 4

Доля внесенных экологических законопроектов партий от общего количества внесенных законопроектов

Созыв	ЕР	ЛДПР	КПРФ	СР
4	3,44	0	0	0
5	5,02	2,76	4,4	2,52
6	4,23	2,83	2,83	0,98
7	2,77	1,78	1,23	1,32

Источник – собственные расчеты автора по данным СОЗД.

Партия «Единая Россия» сохраняет лидерство в экологическом законодательстве, так как она уделяла данным вопросам больше внимания, чем остальные партии, в каждом созыве. В 4-м созыве экологические инициативы подавала только ЕР, тогда как ЛДПР, КПРФ и СР не внесли ни одного подобного законопроекта.

Ситуация несколько изменилась в 5-м созыве: КПРФ заметно увеличила свою долю экологических инициатив до 4,4 %, почти догнав ЕР с ее показателем в 5,02 %. Тем не менее к 7-му созыву КПРФ значительно снизила долю экологических законопроектов и оказалась на последнем месте среди парламентских партий по этому показателю.

К 7-му созыву наблюдается общее снижение доли экологических инициатив среди всех фракций, что может свидетельствовать о том, что экологическая тематика потеряла значимость для парламентских партий. Основной вклад в экологическое законодательство остается за «Единой Россией», однако между ЛДПР и КПРФ идет конкуренция за второе место, в то время как «Справедливая Россия» занимает положение аутсайдера. В табл. 5 представлена информация относительно важности экологической повестки в межфракционном взаимодействии.

Таблица 5

Доля внесенных межфракционных экологических законопроектов от общего количества внесенных межфракционных законопроектов

Созыв	ЕР, ЛДПР	ЕР, КПРФ	ЕР, СР
4	7,28	3,13	0
5	6,98	6,67	3,96
6	8,06	10,34	1,94
7	1,23	1,64	0,94

Источник – собственные расчеты автора по данным СОЗД.

В 4-м и 5-м созывах коалиция ЕР и ЛДПР показывала наибольшую активность, с долей экологических законопроектов 7,28 и 6,98 % соответственно. В 6-м созыве лидирующие позиции заняла коалиция ЕР и КПРФ, чья доля достигла 10,34 %, что свидетельствует о временном усилении их сотрудничества в экологической повестке. В 6-м созыве профильный комитет по экологии возглавлял представитель КПРФ, что также влияет на подобную активность. Тем не менее к 7-му созыву активность всех коалиций в экологическом законодательстве резко снизилась: коалиция ЕР и КПРФ сохранила ведущую позицию, но ее доля сократилась до 1,64 %, коалиция ЕР и ЛДПР – до 1,23 %, а коалиция ЕР и СР – до 0,94 %. Таким образом, экологические законопроекты имеют большую значимость в межфракционном взаимодействии, чем в партийном.

Участие «Единой России» в экологическом законодательстве

Созыв	Доля «Единой России» в Государственной думе (%)	Кол-во законопроектов	Доля от созыва (%)	Кол-во принятых	Доля принятых (%)	Процент принятых законопроектов от общего количества принятых
4	67,56	35	63,64	9	25,71	81,8
5	70	39	54,93	11	28,2	55
6	53	32	28,57	2	6,25	25
7	74,22	16	43,24	4	25	66,67

Источник – собственные расчеты автора по данным СОЗД.

В табл. 6 представлены данные о деятельности «Единой России» в экологическом законодательстве. Количество внесенных инициатив по охране окружающей среды варьировалось между созывами Государственной думы. Наибольшее число предложений было зафиксировано в 5-м созыве (39 законопроектов), а наименьшее – в 7-м созыве (16 законопроектов). Доля этих законопроектов от общего количества также различалась: в 4-м созыве она достигла максимума (63,64 %), тогда как в 6-м созыве была минимальной (28 %).

«Единая Россия» играет ведущую роль в данной сфере, внося более половины всех предложений по охране окружающей среды. Однако ее успешность в принятии законов колебалась. Пик активности по внесению и принятию экологических законопроектов пришелся на 4-й и 5-й созывы, что совпадает с укреплением партии в парламенте. В 6-м созыве, несмотря на высокую активность, принятых законопроектов было меньше, что может свидетельствовать о смене приоритетов или усилении внутренней политической конкуренции. Тем не менее в периоды, когда партия контролировала парламентское большинство (кроме 6-го созыва), более 60 % принятых экологических законов были за ее авторством.

Коалиционное участие «Единой России» в экологическом законодательстве

Созыв	Доля «Единой России» в Государственной думе (%)	Кол-во фракционных законопроектов с ЕР	Доля (%)	Кол-во принятых	Доля принятых (%)	Процент принятых законопроектов от общего количества принятых
4	67,56	16	29,09	2	12,5	18,18
5	70	13	18,31	9	69,23	45
6	53	31	27,68	6	19,35	75
7	74,22	5	13,51	1	20	16,67

Источник – собственные расчеты автора по данным СОЗД.

В табл. 7 представлены данные о коалиционной деятельности «Единой России» в экологическом законодательстве. Наибольшее количество межфракционных инициатив по охране окружающей среды наблюдалось в созыве, когда партия контролировала меньшее число мест (6-й созыв). Примечательно, что по мере увеличения доли мест «Единой России» в национальном парламенте наблюдается снижение количества межфракционных экологических законопроектов. Таким образом, высокая концентрация власти у «Единой России» может косвенно препятствовать продвижению экологической повестки через совместные законопроекты.

Инициативы в области экологического законодательства, выдвинутые в коалиции с участием «Единой России», как правило, имеют меньшие шансы на принятие, чем те, которые партия вносит

единолично. Однако исключением стал 5-й созыв, когда доля коалиционных законопроектов среди принятых была значительно выше. Особенно примечателен 6-й созыв, когда «Единая Россия» контролировала минимальное количество мест в парламенте за весь рассматриваемый период: доля коалиционных инициатив среди всех принятых законопроектов достигла 75 %. Эти данные могут указывать на повышенную гибкость партии в условиях сниженного парламентского большинства, когда для продвижения законопроектов требовалось активное сотрудничество с другими фракциями.

Анализ инициирования и принятия экологического законодательства в Государственной думе РФ в период с 4-го по 7-й созыв показывает, что «Единая Россия» последовательно демонстрирует наибольшую активность и влияние в области экологического законотворчества. Сохраняя доминирующее положение по количеству мандатов, ЕР не только продвигает свои собственные инициативы, но и определяет динамику принятия экологических законов в целом. В результате экологические инициативы, в продвижении которых участвуют депутаты от «Единой России», имеют больше шансов на успех благодаря поддержке парламентского большинства.

Примечательно, что при росте парламентского контроля ЕР ее потребность в межфракционном сотрудничестве для продвижения экологических инициатив заметно снижается. Например, в 7-м созыве, когда партия контролировала 74,22 % мест, межфракционные экологические законопроекты с этой партией составили лишь 13,51% от общего числа. Это позволяет предположить, что доминирующее положение партии снижает мотивацию к коалиционному взаимодействию.

Однако данные показывают, что межфракционные законопроекты имеют большие шансы на принятие, чем инициативы, выдвинутые одной партией, особенно когда в их разработке участвует ЕР. Коалиционные проекты, такие как инициативы, представленные совместно ЕР и КПРФ, имеют значительно более высокий уровень успеха: они достигли 43,75 % принятия, в то время как законопроекты КПРФ, представленные без поддержки ЕР, не были приняты вовсе. Это указывает на важность межфракционного взаимодействия, которое может служить гарантией поддержки экологических инициатив и свидетельствует о высоком потенциале совместных усилий для решения экологических вопросов.

Эти результаты подводят к важной дискуссии о характере экологического законотворчества в условиях доминирования одной партии и о роли символического законодательства. В таком контексте возникает вопрос о том, насколько существенны сами законодательные инициативы и насколько они могут быть восприняты как символические акты, направленные скорее на демонстрацию приверженности экологическим ценностям, чем на их реальное воплощение в жизнь, но это тема для дальнейших исследований.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, в Пермском государственном национальном исследовательском университете.

Список литературы / References

- Дюверже, М. (2000) *Политические партии*. Пер. с франц. Москва: Академический Проект [Duverger, M. (2000) *Political parties* [Politicheskiye partii], Moscow: Academic Project. (In Russ.)].
- Мальцев, А. М., Зарипов, Н. А. (2023) 'Сети совместного законотворчества: факторы соавторства законопроектов депутатов Государственной думы VI–VII созывов', *Политическая наука*, 14 (1), pp. 270–302. DOI: 10.31249/poln/2023.01.12 [Maltsev, A. M., Zaripov, N. A. (2023) 'Networks of joint lawmaking: factors of co-authorship of bills of deputies of the State Duma of the VI-VII convocations' [Seti sovmestnogo zakonotvorchestva: faktory soavtorstva zakonoprojektov deputatov Gosudarstvennoy dumy VI–VII sozyvov], *Political Science*, 14 (1), pp. 270–302. DOI: 10.31249/poln/2023.01.12 (In Russ.)].
- Сартори, Дж. (2004) 'Партии и партийные системы: рамки анализа' в: Анохина, Н. В., Мелешкина, Е. Ю. (ред) *Партии и выборы: Хрестоматия*, РАН.ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел

- политической науки. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, с.7–14. [Sartori, J. (2004) 'Parties and Party Systems: A Framework for Analysis' [Partii i partiynnye sistemy: ramki analiza], in: Anokhina, N.V., Meleshkina, E.Yu. (eds.) *Parties and Elections: Reader*, RAS.INION. Center for Social Scientific and Information Research. Department of Political Science. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, pp.7–14. (In Russ.)].
- Панов, П. В., Сулимов, К. А. (2023) 'Идеологическая «гармония» в Государственной думе: возникновение, содержание, границы', *Политическая наука*, 16 (1), сс. 61–91. DOI:10.31249/poln/2023.01.03 [Panov, P. V., Sulimov, K. A. (2023) 'Ideological "harmony" in the State Duma: emergence, content, boundaries' [Ideologicheskaya «garmoniya» v Gosudarstvennoy dume: vznikoveniye, sodержaniye, granitsy], *Political Science*, 16 (1), pp. 61–91. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.03> (In Russ.)].
- Панов, П. В., Сулимов К. А. (2021) 'Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13 (4), сс. 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535>. [Panov, P. V., Sulimov K. A. (2021) 'The Party of Power and the Systemic Opposition in the State Duma: Convergence of Public Rhetoric' [Partiya vlasti i sistemnaya oppozitsiya v Gosudarstvennoy Dume: konvergentsiya publichnoy ritoriki], *Ars Administrandi (The Art of Administration)*, 13 (4), pp. 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-516-535> (In Russ.)].
- Толмачева, И.В. (2021) 'Особенности законодательного соавторства депутатов Государственной Думы VII созыва', *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 11 (5), pp. 92–100. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-92-100 [Tolmacheva, I.V. (2021) 'Features of legislative co-authorship of deputies of the State Duma of the VII convocation' [Osobennosti zakonotvorcheskogo soavtorstva deputatov Gosudarstvennoy Dumy VII sozyva], *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 11 (5), pp. 92–100. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-92-100 (In Russ.)].
- Abou-Chadi, T. (2016) 'Niche Party Success and Mainstream Party Policy Shifts – How Green and Radical Right Parties Differ in Their Impact', *British Journal of Political Science*, 46 (2), pp. 417–436. doi:10.1017/S0007123414000155.
- Adams, J., Merrill, S. (2009) 'Policy-Seeking Parties in a Parliamentary Democracy with Proportional Representation: A Valence-Uncertainty Model', *British Journal of Political Science*, 39 (3), pp. 539–558. doi:10.1017/S0007123408000562.
- Bogaards, M. (2004) 'Counting Parties and Identifying Dominant Party Systems in Africa', *European Journal of Political Research*, 44, pp. 173–97. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00150.x>.
- Bucchianeri, P. (2020) 'Party Competition and Coalitional Stability: Evidence from American Local Government', *American Political Science Review*, 114 (4), pp. 1055–1070. doi:10.1017/S0003055420000386.
- Buchan, D. (2012) 'The Energiewende – Germany's gamble (Publisher's version)', *Oxford Institute for Energy Studies*, pp. 2–35.
- Crowley, K. (2013) 'Pricing carbon: The politics of climate policy in Australia', *WIREs Climate Change*, 4 (6), pp. 603–613. <https://doi.org/10.1002/wcc.239>.
- Downs, A. (1957) *An economic theory of democracy*. New York: Harper & Row.
- Greene, K. (2010) 'The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance', *Comparative Political Studies*, 43 (7), pp. 807–834. DOI: 10.1177/0010414009332462.
- Hildingsson, R., Knaggard, A. (2022) 'The Swedish Carbon Tax: A Resilient Success', in: Caroline de la Porte, and others (eds.) *Successful Public Policy in the Nordic Countries: Cases, Lessons, Challenges*, Oxford: Oxford University Press, pp. 239–262.
- Hobolt, S., De Vries, C. (2016) 'Turning against the union? The impact of the crisis on the Eurosceptic vote in the 2014 European Parliament elections', *Electoral Studies*, 44 (4), pp. 504–514. doi:10.1016/j.electstud.2016.05.006.

- Janicke, M. (2017) 'The multi-level system of global climate governance: The model and its current state', *Environmental Policy and Governance*, 27 (2), pp. 108–121. <https://doi.org/10.1002/eet.1747>.
- Langfield, D. (2014) 'Opposition Growth in Dominant Party Systems: Coalitions in South Africa', *Government and Opposition*, 49 (2), pp.290–312. doi:10.1017/gov.2013.31
- Noble, B. (2017) 'The State Duma, the "Crimean consensus", and Volodin's reforms' in: A. Barbashin, O. Irisova, F. Burkhardt et al. (eds.), *A successful failure: Russia after Crime(a)*, Warsaw: Centre for Polish-Russian Dialogue and Understanding, pp. 103–119.
- Tvarno, C. (2022) 'The New Era of Climate Law in Denmark and in the EU', *European Public Law*, 28 (1), pp. 101–122. <https://doi.org/10.54648/euro2022006>.
- Wagner, M. (2012) 'Defining and measuring niche parties', *Party Politics*, 18 (6), pp. 845–864. DOI: 10.1177/1354068810393267.
- Suttner, R. (2006) 'Party Dominance 'Theory': Of What Value?', *Politikon*, 33 (3), pp. 277–297. DOI: 10.1080/02589340601122901.
- Wagner, M., Meyer, T. (2017) 'The Radical Right as Niche Parties? The Ideological Landscape of Party Systems in Western Europe, 1980–2014', *Political Studies*, 65 (1), pp. 84–107. DOI: 10.1177/0032321716639065.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

COMPETITION OR CONSENSUS? ENVIRONMENTAL LEGISLATION IN THE ABSENCE OF A "GREEN" PARTY: THE CASE OF THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION OF THE 4TH-7TH CONVOCATIONS

A. Mikheev

Andrey Mikheev, postgraduate student, junior research fellow of the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, Perm State University, Perm, Russia.
E-mail: andreymikheev17@gmail.com (ORCID: 0000-0001-6179-2505. ResearcherID: JVO-3149-2024).

Abstract

Environmental issues have become a global concern, prompting legislative action. This paper examines the case of the initiation and adoption of environmental legislation in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the period from the 4th to the 7th convocations - when there is no specialized "green" party in parliament, but there is a dominant party in power and the so-called "systemic opposition". At the same time, the Russian legislative process is characterized by a high level of activity of deputies in initiating bills. Who takes the lead in environmental legislation and how do political parties relate to each other in this context? Based on data from the State Duma, the dominant party was found to be the strongest in the environmental field. United Russia leads in the number of bills submitted and more often achieves their adoption due to its control over the parliamentary majority. The opposition is forced to enter into coalitions with the ruling party to increase the chances of initiatives being adopted. At the same time, the proportion of coalition bills tends to decrease with each convocation. Thus, United Russia is a key player in environmental legislation, effectively combining the promotion of its own initiatives with participation in coalitions.

Keywords: environmental legislation; State Duma; deputies; factions; dominant party; competition; inter-faction interaction.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/>, at Perm State University.

УДК-32.019.5(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-140-152

ESG-ПОВЕСТКА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЕЙ: ПОЛИТИКА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС

Ю. Ю. Лекторова, Д. М. Семенова, А. Ю. Прудников, Ю. А. Герасимова

Лекторова Юлия Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия.

E-mail: lektorova2015@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-6869-1923).

Семенова Дарья Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия.

E-mail: d.m.semenova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: HZJ-8390-2023).

Прудников Андрей Юрьевич, кандидат политических наук, директор департамента науки,

ТОО Евразийский технологический университет, Казахстан.

E-mail: dprudnikow@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8199-1736).

Герасимова Юлия Алексеевна, магистр кафедры иностранных языков и связей с общественностью,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия.

E-mail: soldatenkovay583@gmail.com (ORCID: 0009-0008-1064-974X).

Аннотация

Актуальность исследования связана с развитием ESG-повестки в России в условиях поиска баланса между основными стейкхолдерами: государством, крупными предприятиями и обществом. Основное влияние на перспективы реализации ESG-повестки оказывают решения, принимаемые государственными институтами и крупными предприятиями. Контекст общественных ожиданий относительно ESG-проектов выступает неотъемлемым условием эффективного развития территории. Цель данного исследования – реконструировать ESG-политику промышленных предприятий России и определить ее соответствие текущим запросам общества и государственному курсу. С помощью контент-анализа открытых годовых отчетов промышленных предприятий, опубликованных на официальных сайтах, были реконструированы цели устойчивого развития, разделяемые предприятиями. Методом исследования общественного отношения к ESG-повестке является социологический (анкетный) опрос. Мониторинг ESG-политики государства выполнен при помощи контент-анализа нормативной правовой базы действующего законодательства в области устойчивого развития и текстов выступлений главы государства. Проведенное исследование показало корреляцию между ESG-повесткой государственной политики, промышленных предприятий и общественного запроса, что можно рассматривать как фактор устойчивого развития территории.

Ключевые слова: ESG-повестка; цели устойчивого развития; заинтересованные стороны (стейкхолдеры); устойчивое развитие; государственная политика.

Введение

В текущем отечественном и международном дискурсе тема устойчивого развития становится доминирующим нарративом в риторике как на уровне принятия государственных решений, так и на уровне оптимизации бизнес-процессов. ESG-повестка требует комплексного подхода, и на текущий момент ее эффективная реализация возможна только при участии как государственных структур, так и представителей различных групп интересов – заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Одним из самых активных стейкхолдеров на данный момент в России и субъектом реализации ESG-повестки

являются промышленные предприятия. Если посмотреть на ESG-рэнкинги российских компаний¹, то можно отметить, что промышленные компании традиционно преобладают (например, в топ 20 только пять компаний финансового и непромышленного секторов, а остальные крупные промышленные предприятия).

При этом необходимо учитывать, что ESG-повестка уже вышла за рамки традиционных экологических проблем и включает в себя широкий круг потребностей общества, подразумевая ответственное управление и ориентацию на улучшение качества жизни людей. Рассматривать ESG-повестку в контексте исключительно бизнес-сферы представляется нецелесообразным, поскольку государство задает рамки и ориентир в развитии данного направления, а общество, как ключевой стейкхолдер, с одной стороны, может давать оценку, реализуемой политики, с другой – предъявлять свои требования к реализации.

Цель данного исследования – реконструировать ESG-политику промышленных предприятий России и определить ее соответствие текущим запросам общества и государственному курсу.

Исследовательской гипотезой является предположение о том, что устойчивое равновесие развития территории возникает в случае синхронизации основных направлений ESG-повестки со стороны власти, бизнеса и общества. В целом, реализация ESG-политики в государстве представляется возможной только при существовании баланса интересов общества, бизнеса и государства.

Методология (теоретическая основа) исследования

Концептуально ESG-политика может быть рассмотрена как способ реализации общественного договора. Теория общественного договора сформировалась в XVII–XVIII вв. Философы Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо представили разные версии этой теории, подчеркивая различные аспекты социального контракта и его важность для формирования и функционирования государства. Для поддержания стабильности и развития государства необходимо сохранять баланс между интересами государства и общества. Государство должно осознавать свою ответственность перед гражданами и учитывать их потребности и интересы в своей деятельности. Общество, в свою очередь, должно контролировать действия властей и активно участвовать в политическом процессе. Взаимодействие этих двух сторон является ключом к успешному функционированию государства и обеспечению благополучия нации. Также теоретической основой данного исследования может служить теория общественного выбора в интерпретации Дж. Бьюкенена. В современном мире ESG-принципы учитывают экологические, социальные и корпоративные аспекты деятельности компаний и государственных органов, которые направлены на устойчивое развитие и поддержание социального благополучия.

Исследование ESG-повестки вызывает все более пристальный интерес у российских и зарубежных исследователей. Изучению тенденций развития ESG-политики посвящены работы таких зарубежных исследователей, как А. Sumudu (2019), J. E. Fisch (2019), С. L. Bell, J. Voorhees (2021), М. К. Scanlan (2021). Российские исследователи акцентируют внимание на отношении государственных структур к ESG-повестке: И. В. Разинкина (2022), А. Л. Баранников, М. В. Данилина, Л. И. Донскова (2024), а также на отдельных аспектах этой проблематики, включая специфику реализации ESG-стратегий отечественными компаниями в условиях введенных санкций (Измайлова, 2022). Нарботаны результаты исследований влияния ESG-курса на инвестиционные процессы: Б. С. Батаева, А. Д. Кокурина, Н. А. Карпов (2021), Е. О. Вострикова, А. П. Мешкова (2020), С. С. Галазова (2018), Е. С. Деревянкина, Д. Г. Янковская (2021), Е. А. Третьякова (2022).

Практически во всех исследованиях поднимается вопрос об эффективности взаимодействия бизнеса и государства в ходе реализации ESG-политики, вопросы разграничения полномочий и обязанностей в данной сфере. Без взаимовыгодного сотрудничества и единообразного понимания концепции ESG ее реализация представляется невозможной.

В отечественной науке понимание ESG-повестки достаточно размыто. Авторами статьи разработано следующее определение: ESG-повестка – это совокупность приоритетов, ориентированных на экологическую, социальную и управленческую ответственность, разделяемых промышленными предприятиями, государственными институтами и общественностью.

¹ ESG-рэнкинг российских компаний (январь 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://raex-tr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2024.1/?ysclid=m28qxxt4kf317578619 (дата обращения: 14.10.2024).

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г., содержит 17 основных целей устойчивого развития (ЦУР), а также 169 задач, которые необходимо достичь до 2030 г.²

На национальном уровне ключевые аспекты ESG зафиксированы в Навигаторе, разработанном Аналитическим центром при Правительстве РФ³ (2022). Навигатор включает дорожную карту нормативно-правового сопровождения ESG как в мире, так и в России, провайдеров принципов ответственного инвестирования, рейтинги, стандарты и материалы. Основные термины в области ESG-тематики зафиксированы в Глоссарии Банка России⁴, авторами Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ описаны основные тренды ESG в стране, доказана эффективность реализации данного курса при тесном взаимодействии власти и бизнеса.

С помощью контент-анализа открытых годовых отчетов промышленных предприятий, опубликованных на их официальных сайтах, были реконструированы цели устойчивого развития, разделяемые отечественным бизнесом. В качестве эмпирического материала исследования были определены годовые отчеты компаний в области электроэнергетики⁵, металлургии и горнодобывающей промышленности⁶, химической⁷ и нефтегазовой промышленности за период с 2017 по 2022 г.⁸. Данный период интересен тем, что ESG-повестка активно развивалась в России в международном контексте в соответствии с международными правилами и требованиями. После 2022 г. Россия была исключена из международных рейтингов и на текущий момент находится в стадии определения своей собственной методологии расчета эффективности реализации ESG-политики. Предприятия, выбранные для анализа, являются традиционными лидерами в ESG-рэнкингах⁹.

Методом исследования общественного отношения к ESG-повестке является социологический (анкетный) опрос.

Среди методов исследования был задействован анкетный опрос (заочный опрос-анкета на самозаполнение). В соответствии с методикой исследования респондентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с их отношением к экологическим проектам, социальной ответственностью предприятий и эффективным управлением на производстве и в городской среде. Для обоснования выборки использовался квотный отбор. Предварительно были выделены две возрастные группы респондентов – 16–25 лет (преимущественно возраст обучения в школе и вузе) и 26–45 лет (средний возраст активно работающего населения). Совокупная выборка составила 101 респондент – жители города Перми¹⁰. Город Пермь интересен с точки зрения исследования как промышленный центр, на территории которого расположены крупные промышленные предприятия – ESG-лидеры. Например, ключевые активы группы «Уралхим» – АО «ОХК „Уралхим“ и ПАО „Уралкалий“ – традиционно попадают в высшую группу ESG-индекса. Опрос проводился в период с 19 ноября по 28 ноября 2022 г.

Мониторинг нормативного правового поля, в том числе национальных проектов, в отношении реализации устойчивого развития выполнен с помощью метода контент-анализа. Для интерпретации государственной политики в области ESG-задач исследование правовых норм дополнено анализом публичных текстов – посланий главы государства Федеральному Собранию РФ.

Результаты исследования

Власть

На государственном уровне интерес к ESG-повестке возникает еще в 2010-е гг., что подтверждается принятием ряда стратегических мер, например, подписанием президентом указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в 2018 г. Затем последовали нацпроект «Экология» (2019), стратегия по декарбонизации (2021). Дан-

²70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (accessed 24 March 2024).

³ Навигатор ESG [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/pdf/ESG.2.0.pdf> (дата обращения: 24 марта 2024).

⁴ Глоссарий Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/oper_br/voc/ (дата обращения: 24 марта 2024).

⁵ Электроэнергетика: «Энел Россия», «Росатом», ПАО «РусГидро», ПАО «Россети», ПАО «Т Плюс».

⁶ Металлургия и горнодобывающая промышленность: «Полиметалл», Группа НЛМК (Новолипецкий металлургический комбинат), ПАО «Полус», ПАО «Норникель», «ЕВРАЗ».

⁷ Химическая отрасль: «Уралкалий», «СИБУР Холдинг», «Фосагро», ПАО «Пигмент», «УралХим».

⁸ Нефтегазовая отрасль: «Лукойл», «Роснефть», «Газпром», «НОВАТЭК», «Сахалинская энергия».

⁹ ESG-рэнкинг российских компаний (январь 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://raex-tr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2024.1/?ysclid=m28qxxt4kf317578619 (дата обращения: 14 октября 2024).

¹⁰ Возрастной портрет респондентов: 51 % в возрасте 16–25 лет и 50 % в возрасте 26–45 лет.

ные меры создают условия для реализации ESG-повестки на предприятиях России, а также благодаря им ESG-повестка попадает в общественный дискурс.

В ходе исследования авторы расширили рамки исключительно экологического контекста и рассмотрели стратегическое развитие России в целом на соответствие целям устойчивого развития. С помощью контент-анализа авторами было выявлено соответствие национальных проектов РФ международным целям устойчивого развития:

1. обеспечение здорового образа жизни (ЦУР № 3): Здоровоохранение, Демография, Безопасные и качественные автомобильные дороги;
2. обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех (ЦУР № 4): Образование, Демография, Культура;
3. достойная работа и экономический рост (ЦУР № 8): Малое и среднее предпринимательство, Производительность труда и поддержка занятости;
4. индустриализация и инновации (ЦУР № 9): Безопасные и качественные автомобильные дороги, Наука, Цифровая экономика, Туризм и индустрия гостеприимства, Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры;
5. обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов (ЦУР № 11): Безопасные и качественные автомобильные дороги, Культура, Жилье и Городская среда, Экология, Туризм и индустрия гостеприимства;
6. ответственное потребление и производство (ЦУР № 12): Экология.

Анализ национальных проектов РФ по целям устойчивого развития показал востребованность всех направлений: социального, экологического и управленческого.

Анализ президентского указа «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.»¹¹ позволяет определить следующие актуальные для государства направления ESG-политики: ЦУР № 3, ЦУР № 4, ЦУР № 8, ЦУР № 9, ЦУР № 11. Согласно указу, экологическое направление уступает социальным задачам развития страны.

Дополнительно в российском правовом поле существует ряд нормативных актов, ориентированных исключительно на вопросы экологии. Среди них стратегии экологической безопасности¹² и развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления¹³, а также указы, касающиеся сокращения выбросов парниковых газов¹⁴ и мер по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития и климатических изменений¹⁵.

В президентских посланиях к Федеральному Собранию ESG-повестка – одна из определяющих тем. Анализ текстов обращений президента РФ с 2020 по 2024 г. выявляет приоритетные направления ESG-повестки: первоочередные задачи связаны с решением экологических вызовов, модернизацией экономики и социальным развитием страны.

¹¹ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г.» [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 16.03.2024).

¹² Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения: 16.03.2024).

¹³ Об утверждении Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 января 2018 г. N 84-р URL: <http://static.government.ru/media/files/y8PMkQGZLfbY7jhn6QMruaKoferAowzJ.pdf> (дата обращения: 16.03.2024).

¹⁴ «О сокращении выбросов парниковых газов» [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 04 ноября 2020 г. № 666 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910/print#:~:text=%D0%A3%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%BC%20%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%82,%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BD%20%D0%A1%D0%9E%2D%D1%8D%D0%BA%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0>. (дата обращения: 16.03.2024).

¹⁵ «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений» [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 08 февраля 2021 г. № 76 URL: <http://kremlin.ru/acts/news/64978> (дата обращения: 02.04.2024).

**Анализ содержания ESG-повестки в текстах посланий Президента РФ
Федеральному Собранию за 2020–2024 гг.¹⁶**

Год	Экологическое направление	Корпоративное управление и экономическое развитие	Социальное направление
2020 ¹⁷	<ul style="list-style-type: none"> – Разработка системы экологического мониторинга по всей стране. – Переход промышленных предприятий к сокращению вредных выбросов на производстве. – Внедрение системы раздельного сбора мусора. – Переход к экономике замкнутого цикла 	<ul style="list-style-type: none"> – Запуск нового инвестиционного цикла и достижение показателей роста ВВП. – Закрепление сроком на 20 лет неизменных налоговых условий для крупных инфраструктурных проектов. – Поддержка малого и среднего бизнеса. – Внедрение системы инвестиционных налоговых вычетов. – Развитие инфраструктуры территорий. – Разработка механизмов экспериментальных правовых режимов для технологичных производств. – Введение механизмов государственной поддержки прямого и венчурного финансирования. – Поддержка высокотехнологичного экспорта 	<ul style="list-style-type: none"> – Решение демографической проблемы. – Открытие новых мест в дошкольных учреждениях (яслях). – Введение ежемесячных выплат на детей от 3 до 7 лет. – Разработка механизмов региональных социальных контрактов. – Поддержка молодых семей. – Предоставление бесплатного горячего питания для учащихся с 1 по 4 класс. – Мониторинг количества необходимых школьных мест. – Цифровизация системы образования. – Внедрение системы профессионального роста педагогов. – Рост числа бюджетных мест в вузах. – Строительство ФАП. – Модернизация первичного звена здравоохранения. – Решение кадрового вопроса в здравоохранении. – Обеспечение лекарствами нуждающихся. – Рост доходов населения
2021 ¹⁸	<ul style="list-style-type: none"> – Разработка законодательной базы в части установления финансовой ответственности в отношении предприятий, причиняющих вред экологии. – Введение системы квотирования вредных выбросов для городов. – Разработка системы государственных гарантий для поддержки бизнес-проектов по экологической модернизации. 	<ul style="list-style-type: none"> – Снижение страховых взносов для малого и среднего бизнеса. – Строительство заводов под ключ. – Строительство дорожного полотна. – Развитие туристического потенциала 	<ul style="list-style-type: none"> – Решение проблем социального неравенства, бедности. – Сохранение демографического потенциала страны. – Поддержка семей с детьми. – Строительство школ, техническая модернизация объектов среднего специального образования. – Ремонт и модернизация объектов культуры. – Увеличение числа бюджетных мест. – Финансирование фундаментальных научных исследований. – Развитие программы газификации

¹⁶ В 2022 году Президент Российской Федерации не обращался к Федеральному Собранию с ежегодным посланием.

¹⁷ Послание Президента РФ от 15.01.2020 б/н [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (дата обращения: 16.03.2024).

¹⁸ Послание Президента РФ от 21.04.2021 б/н [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 16.03.2024).

	<ul style="list-style-type: none"> – Разработка цифрового проектирования для энергоэффективных материалов. – Внедрение и использование системы чистых источников энергии. – Внедрение водородной энергетики. – Сокращение парниковых газов 		
2023 ¹⁹	<ul style="list-style-type: none"> – Пролонгация программы «Чистый воздух». – Оздоровление уникальных водных объектов. – Развитие индустрии экотуризма 	<ul style="list-style-type: none"> – Модернизация восточного направления железных дорог. – Внедрение системы промышленной ипотеки. – Введение режима промышленных кластеров. – Введение налоговых льгот для высокотехнологичных производств 	<ul style="list-style-type: none"> – Укрепление гарантий для трудовых коллективов. – Развитие индустрии экотуризма. – Внедрение жилищных сертификатов для молодых ученых
2024 ²⁰	<ul style="list-style-type: none"> – Развитие системы газификации регионов. – Внедрение экологических стандартов для общественного транспорта. – Ликвидация крупных свалок. – Рост заработной платы для лиц, занятых вопросами экологического благополучия. – Поддержка общественных экологических инициатив. – Пролонгация программы «Чистая вода». – Завершение сортировки твердых бытовых отходов. – Сохранение исчезающих видов растений и животных. – Развитие инфраструктуры экологического туризма 	<ul style="list-style-type: none"> – Внедрение цифровых технологий для модернизации производств. – Внедрение проектов по повышению производительности труда. – Использование потенциала передовых инженерных школ для перевооружения производств. – Повышение уровня валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности. – Развитие мер поддержки для индустриальных проектов. – Расширение промышленной ипотеки. – Финансовая поддержка высокотехнологичных проектов. – Развитие индустриальных технопарков. – Развитие фондового рынка. – Формирование цифровых платформ для ключевых отраслей экономики и социальной сферы. – Обеспечение технологического суверенитета страны. – Увеличение инвестиций для отечественных IT-компаний 	<ul style="list-style-type: none"> – Сокращение социального неравенства. – Рост доходов населения. – Решение проблемы бедности

¹⁹ Послание Президента РФ от 21.02.2023 б/н [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 16.03.2024).

²⁰ Послание Президента РФ от 29.02.2024 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 16.03.2024).

Бизнес

Для проведения контент-анализа открытых годовых отчетов промышленных предприятий, опубликованных на официальных сайтах, были отобраны предприятия – лидеры ESG-рэнкинга российских компаний²¹.

В ходе исследования были выявлены следующие результаты: цели, заявленные в Положении ООН, совпадают с реализуемыми направлениями ESG-повестки российских промышленных предприятий, и система приоритетов выглядит следующим образом: социальная политика, затем задачи управления и, наконец, экологическая ответственность.

Анализ выполнен на материале годовых отчетов промышленных предприятий, где на оси X указано количество программ промышленных предприятий, реализующих конкретную цель устойчивого развития. Общее количество анализируемых предприятий – 20 единиц. Соответственно, ЦУР № 3 (обеспечение здорового образа жизни) реализуют все 20 промышленных предприятий, тогда как ЦУР № 1 (борьба с нищетой) – только одно промышленное предприятие (рис. 1).

Рис. 1. Приоритетные цели устойчивого развития, реализуемые отечественными промышленными предприятиями

Приоритетными направлениями ESG-повестки для отечественной промышленности стали следующие цели устойчивого развития (ЦУР) ООН²²: № 3, № 8. Далее по частотности: № 13, № 9, № 12, № 7, № 4, № 6, № 17, № 11, № 5, № 15, № 14, № 2, № 16, № 10, № 1.

В сфере электроэнергетики обеспечение ЦУР № 3²³ достигается путем поддержки предприятиями больничных комплексов в Тверской области и Ставропольском крае («Энел Россия»); реализации специальных проектов «Бережливая поликлиника» («Росатом») и «Рожденные энергией» («Рус-Гидро»); осуществления корпоративных программ санаторно-курортного лечения сотрудников и предоставления полисов ДМС («Россети», «Т Плюс») и т. д.

В нефтегазовой отрасли ЦУР № 8²⁴ осуществляется с помощью следующих практик: создание условий для полной занятости и экономического благополучия («ЛУКОЙЛ», «Газпром»); запуск корпоративной ипотечной программы для сотрудников («Роснефть»); обеспечение безопасных условий труда («НОВАТЭК») и т. д.

В химической отрасли ЦУР № 13²⁵ включает программы по сокращению уровня выбросов парниковых газов, реализации «зеленой» электроэнергии («Уралкалий»), развитию возобновляемых источников энергии («Сибур Холдинг»), возведению инфраструктурных объектов возобновляемой энергии («ФосАгро»), разработке системы оценки выбросов парниковых газов («Уралхим»).

²¹ ESG-рэнкинг российских компаний (январь 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2024.1/?ysclid=m28qxxt4kf317578619 (дата обращения: 14.10.2024).

²²The 17 Sustainable Development Goals. URL: <https://sdgs.un.org/goals> (accessed 2 June 2023).

²³ Обеспечение здорового образа жизни.

²⁴ Достойная работа и экономический рост.

²⁵ Борьба с изменением климата.

В металлургической отрасли ЦУР № 9²⁶ реализуется с помощью следующих решений: группа НЛМК инвестировала 80 млрд руб. в рамках экологической программы на 2019–2023 гг.; ПАО «Норникель» увеличил расходы на цифровизацию бизнеса до 100 млн долл., на научно-исследовательские и опытно-конструкторские проекты – до 2 млн долл.; «Полиметалл» в годовом отчете заявил о модернизации инфраструктуры.

Общество

Анализ общественного отношения к ESG-повестке выявил следующие результаты. Терминология ESG больше известна молодой аудитории – в возрастной группе 16–25 лет (53 % знают значение термина; 27 % – приблизительно понимают; 20 % – не знают). В группе 26–45 лет тенденция противоположная (6 % – знают; 27 % – приблизительно понимают; 67 % – не знают). При этом обе группы респондентов считают, что промышленные предприятия должны нести максимальную ответственность за экологическую обстановку в стране: 43 % (16–25 лет) и 51 % (26–45 лет). По мнению респондентов, органы государственной власти в меньшей степени ответственны за экологию – 12 % (16–25 лет) и 27 % (26–45 лет).

Обе группы респондентов единодушны в определении основных источников загрязнения окружающей среды (промышленные производства и транспорт). Так, промышленные предприятия, по мнению большинства респондентов, негативно влияют на загрязнение почвы, воздуха и воды, изменение климата, образование большого объема отходов и сокращение природных ресурсов.

В ходе социологического опроса респондентам предлагалось назвать пермские промышленные предприятия, которые, по их мнению, занимаются вопросами экологии: 51 % молодых респондентов (16–25 лет) смогли назвать предприятия, в средней возрастной группе (26–45 лет) респондентов с этой задачей справились только 27 %.

Рейтинг самых экологичных предприятий для молодой группы респондентов включает: ПЦБК (3 %), «Сибур» (12 %), «Уралхим» (7 %), «ЛУКОЙЛ» (14 %), «Метафракс» (5 %), «Нестле» (2 %). Средняя возрастная группа опрошенных вспомнила только «ЛУКОЙЛ» (11 %), «Уралхим» (6 %) и «Сибур» (4 %). Таким образом, лидером в номинации «самое экологичное производство» оказалась компания «ЛУКОЙЛ». Результаты опроса выявили большую информированность молодежи об экологической политике промышленных предприятий.

В рамках исследования важно было определить приоритет социального, экологического и управленческого аспектов в сознании респондентов. Для обеих групп важным являются все три параметра: экологический, социальный, управленческий – 54 % (16–25 лет) и 50 % (26–45 лет).

Однако критерии ответственности за сотрудников респонденты понимают по-разному (рис. 2).

В чем проявляется ответственность за сотрудников?

Рис. 2. Критерии социальной ответственности предприятий

²⁶ Внедрение инновационных технологий в производстве.

Обе группы респондентов уверены, что предприятие обязано создавать необходимые условия для работы и обучения на рабочем месте, гарантировать охрану труда, обеспечивать программами дополнительного страхования здоровья на производстве и безопасности данных. Для более молодой группы респондентов в рейтинге ответственности предприятия появляются вопросы гендерного равенства, обеспечения условий общения на предприятии и карьерных возможностей.

Формула эффективного управления на предприятии для каждой группы респондентов представляется по-разному (рис. 3).

В чем заключается эффективное управление на предприятии?

Рис. 3. Отношение респондентов к эффективному управлению на предприятии

Для группы респондентов от 16 до 25 лет слагаемые успеха – это отсутствие коррупции, качественная работа совета директоров, корпоративная этика и открытость компании. Для средней возрастной группы респондентов, помимо решения вопросов коррупции и достижения качественной работы совета директоров, важно соблюдать условия честной конкуренции и прозрачной налоговой системы.

В рамках социологического опроса респондентам предлагалось смоделировать ситуацию: представить себя в роли руководителя промышленного предприятия и предложить программу улучшения качества жизни в своем городе.

Группа молодых респондентов (16 до 25 лет) выбрали экологическое направление преобразований: партнерские программы в области утилизации отходов (57 %), курс «зеленой» энергетики (49 %), проекты в области вторичного использования сырья (41 %). Средняя возрастная группа опрошенных (26–45 лет) заинтересованы как в социальных преобразованиях, так и в экологических и готовы инициировать: образовательные программы на предприятиях (64 %), инженерно-техническое образование в школах и вузах (42 %), программы вторичного использования сырья (48 %) и утилизации отходов (44 %)

Моделирование сценария, при котором респондентам было предложено принять управленческие решения для оптимизации работы на предприятии, обозначило приоритет экологической ответственности для молодой группы респондентов и синтез социально-экологических задач для средней аудитории опрошенных.

Заключение

Последние десять лет официальный государственный дискурс выстраивается вокруг транслируемых президентом РФ Федеральному Собранию задач, ориентированных на необходимость преобразований в области социальных, экологических и управленческих (корпоративных) аспектов. На этом основании в правовом поле появляются нормативные акты, закрепляющие решения обозначенных вопросов.

На уровне реализации основных постулатов устойчивого развития важная роль принадлежит промышленным предприятиям, которые являются одновременно и крупнейшими работодателями, и налогоплательщиками. Корреляция ESG-повестки между политикой предприятия и общественными

ожиданиями влияет на уровень социального напряжения в обществе. В том случае, когда управленческие решения руководства промышленного предприятия совпадают с ожиданиями жителей территории, возникают условия равновесия, то есть относительно стабильного развития территории. Сценарным условием эффективного развития территории выступает корреляция общественных ожиданий, государственной политики и политики промышленных предприятий.

В рамках данного исследования выявлено следующее соотношение политики предприятий с общественным мнением в области экологии:

1. промышленные предприятия делают акцент на: а) чистой энергии – переход на возобновляемые источники энергии, программы разработки водородных технологий, производство собственной энергии; б) борьбе с изменением климата – отслеживание выбросов парниковых газов; в) сохранении экосистем суши и воды – высадка зеленых насаждений, восстановление горных пород; г) внедрении стандартов – введение системы менеджмента качества, применение международных стандартов ISO 9001, ISO 14001, OHSAS 18001; д) корпоративном волонтерстве;

2. общественность выделяет следующие приоритеты в области экологии: а) чистая энергия – увеличение возобновляемых источников энергии; б) борьба с изменением климата – технологии по переработке парниковых газов; в) сохранение экосистем суши и воды – сохранение природных ресурсов (почвы, воды). Политика предприятия по реализации стандартов и корпоративному волонтерству не вызывает интерес общественности. Жители города высказывают большую озабоченность вопросами утилизации отходов.

По вопросам преобразования социальной сферы наблюдается совпадение политики промышленных предприятий с ожиданиями общественности:

1. руководство промышленных предприятий интерпретирует социальные вопросы через: а) обеспечение здоровья на всех этапах – благотворительная поддержка медицинских учреждений, медицинское страхование (ДМС) сотрудников, санаторно-курортный отдых для сотрудников и их семей; б) обеспечение качественного образования – развитие собственных школ, профильных классов на внешнюю аудиторию, проведение курсов повышения квалификации; в) цифровизацию производства; г) модернизацию социальной инфраструктуры – строительство детских площадок, спортивных комплексов, строительство или предоставление льготных условий приобретения жилья для сотрудников;

2. общественность выделяет следующие приоритеты социальной политики, которые совпадают с курсом предприятий: а) обеспечение здоровья на всех этапах – дополнительное страхование здоровья; б) обеспечение качественного образования – непрерывное обучение на рабочем месте. В ходе социологического опроса респонденты дополнительно выразили озабоченность вопросами охраны труда (предотвращение травматизма и профилактика возможных заболеваний) и безопасности собственных данных. В годовых отчетах промышленных предприятий охрана труда и безопасность персональных данных прописаны как одно из направлений социальной политики.

Относительно корпоративного управления также наблюдается корреляция политики промышленных предприятий и запросов общественности:

3. в своей деятельности промышленные предприятия для оптимизации корпоративного управления руководствуются следующими принципами: а) антикоррупционная политика; б) внедрение кодексов корпоративной этики; в) соблюдение текущего законодательства;

4. общественный запрос применительно к политике корпоративного управления ориентирован на схожие задачи: а) реализация антикоррупционной политики; б) соблюдение корпоративной этики. Отдельное внимание общественность уделяет задачам соблюдения открытой коммуникации (диалога) между руководством и наемными сотрудниками и внедрению прозрачной налоговой отчетности со стороны руководства компании.

Соотношение реализуемых мер предприятия и общественного одобрения – явление многофакторное и динамическое, определяемое совокупностью условий. Мониторинг данной корреляции можно отнести к инструментам диагностики социальной ткани общества и прогнозирования сценарных условий развития территории. С целью разработки и имплементации управленческих решений целесообразно проводить подобного рода диагностику систематически и в динамике фиксировать реперные точки социального напряжения.

Также важным выводом исследования может являться то, что ESG-повестка, изначально пришедшая из-за рубежа, прочно укрепилась в России. Крупнейшие отечественные компании сформировали Национальный ESG-альянс, который участвует в разработке национальных стандартов ESG-отчетности и на данный момент формирует методологию оценки вклада бизнеса в достижение

национальных целей Российской Федерации. Гипотеза данного исследования подтверждается также текущими процессами по созданию методологии оценки вклада российских компаний в достижение национальных целей государства. Согласно материалам официального сайта Национального ESG-альянса, в ближайшее время будет предложен удобный и прикладной инструмент, который позволит обществу и органам государственной власти определить и оценить вклад российских компаний в достижение национальных целей развития РФ, а бизнесу – эффективно корректировать собственные стратегии устойчивого развития²⁷. Несмотря на то, что в 2022 г. российский бизнес оказался в новых условиях, он продолжает ориентироваться на ESG-принципы и, более того, развивает их с учетом национальных особенностей.

Список литературы / References

- Баранников, А. Л., Данилина, М. В., Донскова, Л. И. (2024) ‘Общие тенденции по внедрению ESG-стандартов в России и за рубежом’, *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 2, сс. 172–181. [Barannikov, A. L., Danilina, M. V., Donskova, L. I. (2024) ‘General trends in the implementation of ESG standards in Russia and abroad’ [Obshchie tendentsii po vnedreniyu ESG-standartov v Rossii i za rubezhom], *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, 2, pp. 172–181. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2024-2-172-181>.
- Батаева, Б. С., Кокурина, А. Д., Карпов, Н. А. (2021) ‘Влияние раскрытия ESG-показателей на финансовые результаты российских публичных компаний’, *Управленец*, 12 (6), сс. 20–32. [Bataeva, B. S., Kokurina, A. D., Karpov, N. A. [The impact of disclosure of ESG indicators on the financial results of Russian public companies [Vliyanie raskrytiya ESG-pokazatelei na finansovye rezul'taty rossiiskikh publichnykh kompanii], *Upravlenets*, 12 (6), pp. 20–32 (In Russ.)] EDN: XMSDTL. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-6-2>.
- Вострикова, Е. О., Мешкова, А. П. (2020) ‘ESG-критерии в инвестировании: зарубежный и отечественный опыт’, *Финансовый журнал*, 12 (4), сс. 117–129. [Vostrikova, E. O., Meshkova, A. P. (2020) ‘ESG criteria in investing: foreign and domestic experience’ [ESG-kriterii v investirovanii: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt], *Finansovyi zhurnal*, 12 (4), pp 117–129. (In Russ.)] EDN: RMMNTV. <https://doi.org/10.31107/20751990-2020-4-117-129>.
- Галазова, С. С. (2018) ‘Влияние ESG-факторов на устойчивое развитие компаний и финансовую результативность корпоративного сектора’, *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*, 4 (64), сс. 81–86. [Galazova, S. S. (2018) ‘The impact of ESG factors on the sustainable development of companies and the financial performance of the corporate sector’ [Vliyanie ESG-faktorov na ustoichivoe razvitie kompanii i finansovuyu rezul'tativnost' korporativnogo sektora], *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*, 4 (64), pp. 81–86. (In Russ.)] EDN: LFGNUH.
- Деревянкина, Е. С., Янковская, Д. Г. (2022) ‘Раскрытие ESG-факторов в интегрированной отчетности нефтедобывающих организаций как база для принятия инвестиционных решений’, *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskrytie-esg-faktorov-v-integrirovannoy-otchetnosti-neftedobuvayuschih-organizatsiy-kak-baza-dlya-prinyatiya-investitsionnyh> (дата обращения: 18.04.2024). [Derevyankina, E. S., Yankovskaya, D. G. (2022) ‘Disclosure of ESG factors in integrated reporting of oil producing organizations as a basis for making investment decisions’ [Raskrytie ESG-faktorov v integrirovannoi otchetnosti neftedobuvayushchikh organizatsii kak baza dlya prinyatiya investitsionnykh reshenii], *Intelligence. Innovation. Investment*. (In Russ.)].
- Жукова, Е. В. (2021) ‘Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире’, *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*, 6, сс. 68–82. [Zhukova E. V. (2020) ‘The main trends in the development of the

²⁷ Сайт Национального ESG-альянса. [Электронный ресурс]: URL: <https://esg-a.ru/ru/about> (дата обращения: 14.10.2024).

ESG agenda: an overview in Russia and in the world' [Osnovnye tendentsii razvitiya ESG-povestki: obzor v Rossii i v mire], *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 6, pp. 68–82. (In Russ.)] EDN: ESIWVI. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2021-6-68-82>.

Замбровская, Т. А., Грищенко, А. В., Грищенко, Ю. И. (2022) 'Ключевые аспекты устойчивого развития Российской Федерации в контексте ESG', *Менеджмент в России и за рубежом*, 2, сс. 86–96. [Zambrovskaya, T. A., Grishchenko, A. V., Grishchenko, Yu. I. (2022) 'Key aspects of sustainable development of the Russian Federation in the context of ESG' [Klyuchevye aspekty ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii v kontekste ESG], *Management in Russia and abroad*, 2, pp. 86–96. (In Russ.)] EDN: WUFRHA.

Измайлова, М. А. (2022) 'Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений ESG', *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, 13 (2), сс. 185–201. [Izmailova, M. A. (2022) 'Implementation of ESG strategies of Russian companies under sanctions restrictions ESG', [Realizatsiya ESG-strategii rossiiskikh kompanii v usloviyakh sanktsionnykh ogranichenii (Modernization. Innovation. Development), 13 (2), pp. 185–201. (In Russ.)], <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2022.13.2.185-201>).

Лисовский, А. Л. (2021) 'Переход к устойчивому развитию: эмпирический анализ факторов, мотивирующих промышленные компании к внедрению ESG-практик', *Стратегические решения и риск-менеджмент*, 3, сс. 262–272. [Lisovsky A.L. (2021) 'Transition to sustainable development: an empirical analysis of the factors motivating industrial companies to implement ESG practices' [Perekhod k ustoichivomu razvitiyu: empiricheskii analiz faktorov, motiviruyushchikh promyshlennye kompanii k vnedreniyu ESG-praktik], *Strategic decisions and risk management*, 3, pp. 262–272. (In Russ.)] EDN: BZKWYK. <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-3-262-272>.

Соколова, Н. А., Теймуров, Э. С. (2021) 'Соотношение Целей устойчивого развития и

ESG-принципов', *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*, 12, сс. 171–183. [Sokolova N.A., Teimurov E.S. (2021) 'Correlation of Sustainable Development Goals and ESG principles'. [Sootnoshenie Tselei ustoichivogo razvitiya i ESG-printsipov], *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)*, (12), pp. 171–183. (In Russ.)], DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.171-183.

Третьякова, Е. А. 'Раскрытие ESG-факторов в нефинансовой отчетности российских нефтегазовых компаний', *Журнал «ЭКО»*, 52, сс. 130–148. [Tret'yakova, E. A. 'Disclosure of ESG factors in non-financial statements of Russian oil and gas companies' [Raskrytie ESG-faktorov v nefinansovoi otchetnosti rossiiskikh neftegazovykh kompanii], *Zhurnal «EKO»*, 52, pp. 130–148. (In Russ.)], <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-9-130-148>.

Bell, C. L., Voorhees, J. (2020) 'Using Standards as a Framework for Environmental and Social Governancem', *Natural Resources & Environment*, pp. 41–45.

Dathe, Tracy & Helmold, Marc & Dathe, René & Dathe, Isabel. (2024). Approach to ESG Policy. https://doi.org/10.1007/978-3-031-52734-0_8.

Fatemi, A., Glaum, M., Kaiser S. (2018) 'ESG performance and firm value: The moderating role of disclosure', *Global Finance Journal*, 38, pp. 45–64. DOI: 10.1016/j.gfj.2017.03.001.

Fisch, J. E. (2019) 'Making Sustainability Disclosure Sustainable', *Georgetown Law Journal*, 107, pp. 923–966.

He, Yuxuan, Liu, Yangshan, Pu, Qian (2024) 'Is ESG a 'Scam'? Correlation between ESG and Corporate Performance', *Highlights in Business, Economics and Management*, 24, pp. 1485–1493. DOI: 10.54097/1pbk7k84.

Scanlan, M. K. (2021) 'Climate Risk Is Investment Risk', 7, 36, pp. 1–37.

Sumudu, A. (2019) 'From "Our Common Future" to Sustainable Development Goals: Evolution of Sustainable Development under International Law', *Wisconsin International Law Journal*, 36 (2), pp. 215–246.

Статья поступила в редакцию: 20.06.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 21.10.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**ESG AGENDA IN THE TERRITORY MANAGEMENT SYSTEM:
INDUSTRIAL POLICY AND PUBLIC DEMAND**

J. Lektorova, D. Semenova, A. Prudnikov, J. Gerasimova

Julia Lektorova, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Public Relations,
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.
E-mail: lektorova2015@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-6869-1923).

Daria Semenova, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Public Administration and History,
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.
E-mail: d.m.semenova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: HZJ-8390-2023).

Andrey Prudnikov, Candidate of Political Science, Director of the Department of Science,
Eurasian Technological University, Kazakhstan.
E-mail: dprudnikow@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8199-1736).

Julia Gerasimova, Master of Science in the Department of Foreign Languages and Public Relations,
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.
E-mail: soldatenkovay583@gmail.com (ORCID: 0009-0008-1064-974X).

Abstract

The study's relevance lies in the current development of the ESG agenda in Russia in the context of finding a balance between the main stakeholders: the state, large enterprises and society. Decisions made by government bodies and large companies have the greatest impact on the prospects for implementing the ESG agenda. The context of public expectations regarding ESG projects is an integral condition for the effective development of the territory. This study aimed to characterize the ESG policies of Russia's state and industrial enterprises and determine their alignment with the needs of society. Using the content analysis of open annual reports of industrial enterprises published on the official websites, the goals of sustainable development shared by enterprises were reconstructed. The method for studying public attitudes towards the ESG agenda was a sociological survey. The monitoring of the state's ESG policy was carried out through a content analysis of the regulatory framework of current legislation in the field of sustainable development and the texts of speeches of the head of state. The study showed a correlation between the ESG agenda of state policy, industrial enterprises and public demand, which can be considered as a factor in the sustainable development of the territory.

Keywords: ESG agenda; sustainable development goals; stakeholders; sustainable development; public policy.

Международные отношения

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-153-166

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ДОГОВОРОВ НА СКОРОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Н. Ю. Кавешников, А. О. Доманов, А. И. Лупальцова

Кавешников Николай Юрьевич, кандидат политических наук, заведующий кафедрой интеграционных процессов, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН, Москва, Россия.
E-mail: n.kaveshnikov@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0223-1083. ResearcherID: E-3785-2013).

Доманов Алексей Олегович, научный сотрудник, Институт Европы РАН, Москва, Россия.
E-mail: domanov.aleksey@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6253-2067).

Лупальцова Анна Игоревна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия.
E-mail: a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru (ORCID: 0000-0002-7174-2234. ResearcherID: CAG-1129-2022).

Аннотация

Проведено количественное эмпирическое исследование влияния реформ основополагающих договоров на скорость принятия решений (законодательный процесс) в Европейском союзе. Исследование проведено с использованием двух методов: анализ прерванных временных рядов и анализ выживаемости (модель Кокса). Базу эмпирических данных составили директивы и регламенты вторичного права ЕС, что принципиально отличает наше исследование от предшествующих работ. Использование двух методов анализа повышает обоснованность полученных выводов. Используемые методы, дизайн и периоды исследования позволяют отделить эффект Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров от влияния других системных и институциональных параметров процесса принятия решений в ЕС. Исследование показало, что воздействие Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров на эффективность законодательного процесса существенно различается. Лиссабонский договор значительно увеличил скорость принятия решений. Ключевое влияние на динамику законодательного процесса оказало не расширение сферы использования обычной законодательной процедуры, а изменение правил расчета квалифицированного большинства в Совете ЕС. Что касается Амстердамского и Ниццкого договоров, то мы не выявили какого-либо заметного влияния на скорость законодательного процесса. Судя по всему, это связано с тем, что два основных элемента реформ – сужение сферы консенсуса в Совете ЕС и усиление законодательных полномочий Европарламента – противоположным образом влияли на скорость законодательного процесса и уравнивали друг друга.

Ключевые слова: Европейский союз; принятие решений; законодательный процесс; скорость принятия решений; Амстердамский договор; Ниццкий договор; Лиссабонский договор; анализ выживаемости; модель Кокса, метод прерванных временных рядов.

Скорость принятия решений, в частности скорость законодательного процесса, является одним из важных параметров эффективности политической системы как на национальном уровне, так и применительно к международным организациям. Европейский союз (ЕС) очень часто критикуют за его медлительность, неспособность принимать быстрые решения при выработке политического курса. Причина этого кроется в природе политической системы ЕС, которая выстроена на необходимости поиска компромиссных решений, учитывающих интересы всех государств-членов, институтов

ЕС, различных групп общества и многочисленных групп влияния. Инклюзивный характер политической системы ЕС является одним из ключевых факторов, обеспечивающих его легитимность.

Однако применительно к скорости принятия решений задача поддержания легитимности системы вступает в противоречие с задачей обеспечить эффективность функционирования системы¹. Череду больших реформ Евросоюза, начавшаяся с Единого европейского акта 1986 г. и продолжавшаяся до конца 2010-х гг., в сфере институционального развития была нацелена, в частности, на поиск нового баланса между легитимностью и эффективностью. Реформы основополагающих договоров, реализованные на основе Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров, помимо всего прочего, предусматривали существенную трансформацию институтов ЕС и процесса принятия решений. В сфере законодательного процесса это прежде всего сужение сферы консенсуса в Совете ЕС, изменение правил голосования квалифицированным большинством в Совете ЕС и расширение полномочий Европарламента.

Задача настоящей работы – на основе эмпирических данных показать, какое влияние Амстердамский, Ниццкий и Лиссабонский договоры оказали на скорость законодательного процесса в ЕС.

Теоретические основания

С середины 1990-х гг. формируется понимание, что Европейский союз удовлетворяет всем критериям политической системы. Соответственно, во все возрастающей степени используются концепции и методологические подходы классической политологии, в том числе институционализм рационального выбора. Институционалисты опираются на базовый постулат: политическое решение является результатом предпочтений политических акторов, согласующих свои позиции в рамках институтов (формальных и неформальных правил взаимодействия) (Hinich & Munger, 1997: 17). На этой основе разработано большое число формальных, в том числе математических моделей, описывающих переговорные ситуации с целью предсказания результата переговоров.

Отдельным направлением в рамках институционализма рационального выбора являются исследования скорости процесса принятия решений (*duration studies*). Опираясь на сформулированный выше базовый постулат, можно отметить, что эти исследования описывают скорость принятия решений как производную от различий в позициях акторов и институциональных параметров процесса принятия решений (Enelow & Hinich, 1984).

Следует подчеркнуть, что при исследовании скорости принятия решений имеет значение не столько суть позиций акторов, сколько степень различия между позициями, которую необходимо свести к нулю для достижения компромиссного решения. Применительно к ЕС традиционно считается, что степень различий в достаточной мере описывается числом государств-членов (Golub, 2007; Golub & Steunenberg, 2007). Институциональные параметры (правила принятия решения) также могут существенно влиять не только на содержание итогового решения, но и на скорость принятия решений. В частности, перенастройка институтов способна компенсировать замедление законодательного процесса, вызванное увеличением числа акторов (Buchanan & Tullock, 1965). Эмпирические исследования функционирования ЕС приводят к аналогичным выводам (Scharpf, 2006; König, 2007).

Практика реформирования основополагающих договоров ЕС в 1990–2000-е гг. демонстрирует, что одним из мотивов реформ было стремление упростить принятие решений и таким образом ускорить законодательный процесс. В основе такой мотивации лежало стремление повысить эффективность деятельности ЕС в условиях расширения сферы его компетенции и роста массива законодательных актов, принятие которых необходимо для решения стоящих перед организацией задач. В дополнение к этому большое значение имело стремление нивелировать негативный эффект, который может оказывать увеличение числа государств – членов ЕС на скорость законодательного процесса.

Обзор существующих эмпирических исследований

С конца 1990-х гг. активно развиваются эмпирические исследования скорости законодательного процесса в ЕС, построенные на анализе не отдельных кейсов, а больших массивов законодательных актов с использованием методов математического моделирования. Для таких исследований чаще всего применяются полупараметрические модели (прежде всего модель Кокса); также есть ряд работ с использованием параметрических логистических моделей и метода прерванных временных рядов.

¹ При этом эффективность – это тоже один из параметров легитимности политической системы.

Эти эмпирические исследования позволили подтвердить некоторые базовые закономерности, ранее сформулированные в теоретических работах. Участие Европарламента, особенно в рамках обычной законодательной процедуры, замедляет скорость принятия решений (Golub, 1999; 2007; Golub & Steunenberg, 2007; Hertz & Leuffen 2011; Кавешников и Доманов, 2022; Klüver & Sagarzazu, 2013; König, 2007; Rasmussen & Toshkov, 2011; Schulz & König 2000). Голосование квалифицированным большинством (ГКБ) в Совете ЕС ускоряет принятие решений в сравнении с консенсусом (Golub, 2002; 2007; Hertz & Leuffen, 2011; König, 2007; Schulz & König, 2000)².

Принятие новых законодательных актов требует больше времени, чем внесение поправок (Rasmussen & Toshkov, 2011; 2013; Drüner et al., 2018; Hurka & Haag, 2020; Кавешников и Доманов, 2022), а принятие бессрочных актов требует большего времени, нежели принятие срочных (то есть временных, срок действия которых определен изначально, в момент их принятия) (Drüner et al., 2018; Hurka & Haag, 2020; Кавешников и Доманов, 2022; Rasmussen & Toshkov, 2011). Не удивительно также, что чем сложнее законодательный акт³, тем больше времени требуется для его принятия (Hurka & Haag, 2020; Кавешников и Доманов, 2022).

Дискуссионным остается вопрос о том, как увеличение числа государств – членов ЕС влияет на скорость принятия решений. С теоретической точки зрения расширения ЕС должны вести к замедлению законодательного процесса, однако эмпирические исследования дают противоречивые результаты. Исследование на материале 1976–2006 гг. с использованием модели Кокса выявило негативный эффект расширений (Hertz & Leuffen, 2011). Впрочем, анализ такого продолжительного временного периода дает основания с осторожностью отнестись к интерпретации полученных результатов. Напротив, несколько работ дескриптивного характера не выявили эффекта расширения 2004 г. (Best & Settembri, 2008; Toshkov, 2017). Аналогичные результаты демонстрирует комплексное исследование на основе математического моделирования с помощью модели Кокса и метода прерванных временных рядов (Kaveshnikov & Domanov, 2024). Объясняя отсутствие замедления процесса принятия решений после расширения 2004 г., авторы чаще всего указывают на изменение институциональных параметров (реформы законодательных процедур, порядка голосования и методов работы в Совете ЕС). К примеру, Димитер Тошков отмечает, что «остается невозможным отделить точный эффект расширения от происходивших в тот период институциональных, политических и общественных изменений» (Toshkov, 2017: 178).

Это подводит нас к исследовательскому вопросу нашей работы, поскольку изменение институциональных параметров принятия решений в ЕС преимущественно происходит за счет реформ основополагающих договоров⁴. Парадоксальным образом, весьма ограниченный круг работ посвящен эффекту, который реформы договоров оказали на скорость принятия решений. Вероятно, это связано с тем, что любой новый договор (Амстердамский, Ниццкий и т. д.) меняет целый ряд институциональных параметров (сфера применения отдельных процедур принятия решения, суть тех или иных процедур, распределение голосов в Совете ЕС), что затрудняет проведение эмпирических исследований.

Джонатан Голуб (Golub, 1999) показал, что, в отличие от общепринятой точки зрения, Единый европейский акт 1986 г. не привел к ускорению законодательного процесса как в целом, так и в тех сферах, в которых произошел переход от консенсуса к голосованию квалифицированным большинством в Совете ЕС. Амстердамский договор ускорил законодательный процесс (Klüver & Sagarzazu, 2013; Vølstad & Cross, 2016; Кавешников и Доманов, 2022), прежде всего за счет формализации прямых контактов между Европарламентом и Советом ЕС на стадии первого чтения процедуры совместного принятия решения⁵. Впрочем, эти результаты следует рассматривать с осторожностью, поскольку выводы о влиянии Амстердамского договора были получены как побочный результат реше-

² Впрочем, эта закономерность представляется не вполне устойчивой. До середины 1990-х гг. использование ГКБ, без сомнения, ускоряло законодательный процесс. А вот после вступления в силу Маастрихтского договора этот эффект либо выражен гораздо слабее (Golub, 2007), либо вообще отсутствует (Rasmussen & Toshkov, 2011; Кавешников и Доманов, 2022).

³ Сложность законодательного акта в такого рода исследованиях обычно кодируется как объем документа (число страниц, статей либо подпунктов статей).

⁴ Разумеется, большое значение имеют сформировавшаяся к середине 2000-х гг. практика триалогов и наблюдающийся с начала 2010-х гг. процесс размывания консенсусной культуры в Совете. Однако эти процессы лежат за рамками нашего исследования.

⁵ Лиссабонский договор переименовал эту процедуру в обычную законодательную процедуру (ОЗП).

ния других исследовательских вопросов, а длительные временные периоды исследований⁶ оставляют открытым вопрос о том, насколько корректно эффект Амстердамского договора был очищен от влияния других событий.

Наше эмпирическое исследование эффекта Амстердамского, Ниццкого и Лиссабонского договоров на скорость законодательного процесса в ЕС имеет целью заполнить указанную лакуну.

Формулируя гипотезы об эффекте каждого из указанных договоров, мы отталкивались от перечисленных выше базовых закономерностей. Усиление полномочий Европарламента (ЕП), то есть расширение сферы использования обычной законодательной процедуры (ОЗП) и в меньшей степени – процедуры консультации, замедляет принятие документа⁷. Переход в Совете ЕС от консенсуса к голосованию квалифицированным большинством (ГКБ), при прочих равных условиях, ускоряет принятие документа. Эффект реформы законодательных процедур и правил определения квалифицированного большинства в Совете рассмотрен ниже, при анализе отдельных договоров.

Амстердамский договор 1997 г. (АД) в некоторой, хотя и довольно ограниченной, степени расширил сферу применения обычной законодательной процедуры. В частности, она стала применяться в области транспортной политики и политики защиты окружающей среды, а также в отдельных вопросах социальной политики, научно-технического развития и образования. Также на третьей стадии ОЗП было предусмотрено создание Согласительного комитета. Это стимулировало Совет министров и ЕП к более кооперативному взаимодействию и дало толчок развитию системы триалогов, которые позднее стали применяться на стадии первого чтения ОЗП (Кавешников, 2021). Мы предполагаем, что в целом *Амстердамский договор незначительно ускорил процесс принятия решений*.

Ниццкий договор 2001 г. (НД) в очень незначительной степени расширил сферу применения ОЗП (промышленная политика и отдельные аспекты политики сплочения и некоторые вопросы в третьей опоре) и в еще меньшей степени – сферу применения ГКБ в Совете (отдельные аспекты бюджетной политики и управления структурными фондами ЕС). Также НД существенно усложнил порядок голосования квалифицированным большинством в Совете ЕС, введя так называемое правило двойного большинства (решение должны поддержать государства, обладающие в совокупности определенным числом голосов и представляющие не менее 62 % населения ЕС). Мы предполагаем, что введение принципа двойного большинства имеет определяющий эффект на скорость законодательного процесса и потому в целом *Ниццкий договор замедлил процесс принятия решений*.

Лиссабонский договор 2007 г. (ЛД) существенно расширил сферу применения ОЗП, сделав ее наиболее часто используемой законодательной процедурой. В частности, ОЗП стала использоваться в области энергетики, визовой и иммиграционной политики, административного и полицейского сотрудничества, всех вопросов, касающихся бюджета ЕС, регулирования свободы движения услуг и учреждения предприятий, регулирования прав интеллектуальной собственности и сельскохозяйственных рынков. Также ЛД существенно упростил правила расчета квалифицированного большинства в Совете ЕС. Подразумевая, что реформа правил ГКБ имеет большее значение, мы предполагаем, что *Лиссабонский договор в целом ускорил процесс принятия решений*.

База данных и методика исследования

Базу эмпирических данных исследования составили директивы и регламенты вторичного права ЕС, собранные с официального портала законодательства EUR-Lex (www.eur-lex.europa.eu). В базу данных были включены только законодательные акты в полном смысле слова (в терминологии ЕС – вторичное законодательство). Документы, по своей сути являющиеся подзаконными актами (в терминологии ЕС – третичное законодательство), не вошли в базу данных, поскольку в ЕС для их принятия используются особые процедуры. При формировании базы данных мы использовали ключевое различие между актами вторичного и третичного права – юридическую базу документа. Для актов вторичного права это статьи основополагающих договоров, для актов третичного права – акты вторичного законодательства (Lenaerts & Nuff, 2005: 570).

⁶ 1979–2010 гг. в работе Эйке Клювера и Инаки Сагарзасу (Klüver & Sagarzazu, 2013) и 1994–2019 гг. в работе Николая Кавешникова и Алексея Доманова (2022).

⁷ Следует принять во внимание, что использование ОЗП означает не только усиление роли Европарламента, но и, как правило, переход от консенсуса к ГКБ в Совете. Однако, опираясь на результаты имеющихся исследований [eg. Hertz & Leuffen, 2011], мы полагаем, что эффект от участия ЕП (замедление законодательного процесса) количественно превышает эффект отказа от консенсуса в Совете (ускорение).

Продолжительность законодательного процесса кодировалась как количество дней с обнаружения законодательного предложения Комиссии до принятия документа. Для каждого документа кодировались дополнительные параметры: тип документа (директива или регламент), процедура принятия акта (ОЗП, процедура сотрудничества, консультация, согласие, Совет принимает акт без участия Европарламента), порядок принятия решений в Совете (единогласие или ГКБ), новизна (новый акт или поправки в действующий акт), сложность (кодировалась как число страниц) и срочность (бессрочный или временный) акта. В процессе построения моделей они использовались в качестве контрольных параметров.

Собранная база данных охватывает четыре четырехлетних периода: два года до и два года после вступления в силу соответствующего договора (обоснование – в описание методологии математического моделирования)⁸ и включает 611 директив и 1462 регламента⁹.

Таблица 1

Описание базы данных

Период		Амстердамский договор (01.05.1999) ¹		Ницкий договор (01.02.2003) ¹		Лиссабонский договор (01.12.2009) ¹	
		Директивы	Регламенты	Директивы	Регламенты	Директивы	Регламенты
Два года до вступления в силу	Все документы	102	254	111	241	161	266
	В том числе документы, принятые по «измененным» процедурам ²	27	23	3	4	12	88
Два года после вступления в силу	Все документы	83	249	107	290	47	162
	В том числе документы, принятые по «измененным» процедурам ²	31	29	4	19	5	36
Всего документов за четыре года		185	503	218	531	208	428
		688		749		636	

Примечания. ¹В скобках указана дата вступления договора в силу. ²Иными словами, документы, принятые по процедурам, измененным соответствующим договором (см. ниже описание модели 2).

Исследование проведено с использованием двух методов: анализ прерванных временных рядов и анализ выживаемости с применением для расчетов модели Кокса.

Анализ прерванных временных рядов (interrupted time series analysis, ITS) (Morgan & Winship, 2007) моделирует поведение зависимой переменной (длительности процесса принятия решений) до и после события (вступление в силу соответствующего договора). При корректном построении модели и выборе переменных разрыв тренда в момент события можно интерпретировать как влияние этого события.

⁸ Законодательные акты, инициированные до вступления в силу соответствующего договора, но принятые после этого, при моделировании рассматривались как принятые после вступления договора в силу. Как и в многочисленных аналогичных исследованиях, мы презюмируем, что ключевое значение имеют правила, действовавшие на момент принятия документа.

⁹ Использованные в настоящем исследовании эмпирические данные представляют собой фрагмент базы данных за 1994–2019 гг. Ранее на основе этой базы данных авторы провели исследование общих факторов, влияющих на скорость принятия решений в ЕС (Кавешников и Доманов, 2022), и исследование эффекта расширения ЕС на динамику законодательного процесса (Kaveshnikov & Domonov, 2024). Оба эти исследования, равно как и данная работа, выполнены с использованием модели Кокса и метода прерванных временных рядов. Отметим, что, используя одни и те же методы математического моделирования, мы в каждой из работ адаптировали дизайн исследования и нюансы построения моделей к специфике поставленных задач.

Для анализа выбраны симметричные окна: два года до события и два года после. Эти окна должны быть достаточно малы, чтобы минимизировать влияние других возможных факторов, и достаточно велики, чтобы количество эмпирического материала (число принятых актов) обеспечило достоверность расчетов. При моделировании была использована линейная регрессия. Полученные по результатам моделирования коэффициенты: β_1 – отражает немедленный эффект расширения, β_2 – задает тренд длительности законодательного процесса до расширения, β_3 – изменение тренда после расширения.

Чтобы учесть нелинейный характер взаимосвязи переменных, была использована логарифмическая функция связи (link function), как это рекомендует, например, Джон Фокс (Fox, 2015: 392). Для учета институциональных факторов в модель включены контрольные параметры: тип документа, процедура принятия акта, порядок принятия решений в Совете ЕС, новизна, сложность и срочность акта. Эти контрольные параметры были учтены как дополнительные переменные в форме фиксированных эффектов. Чтобы корректно рассчитать фиксированные эффекты, необходимо по отдельности учесть документы, принятые в один день. Для этого мы разделили каждый день четырехлетнего периода на 34 временных слота, что позволило провести моделирование на уровне индивидуальных актов¹⁰. Результаты расчетов удовлетворяют критериям Бройша – Годфри и Энгеля, что подтверждает корректность применения метода прерванных временных рядов к нашей базе данных.

Второй использованный метод исследования – полупараметрическая модель Кокса, основанная на методе множественной регрессии (Cox, 1972). Этот метод прогнозирует риск наступления события (hazard risk) и дает оценку влияния независимых переменных на этот риск. В качестве результата модель дает значение отношения рисков (hazard ratio, HR), которое показывает, в какой степени отличается вероятность принятия документа в любой день $N + 1$ с момента начала законодательного процесса до и после вступления договора в силу. Модель Кокса считается наиболее приемлемой для исследования продолжительности законодательного процесса в ЕС с учетом доступных эмпирических данных и неоднородного распределения вероятности принятия актов (Golub, 2007: 162; Zorn, 2007: 568). Обзор практики использования модели Кокса для исследования длительности законодательного процесса в ЕС см. в источнике (Kaveshnikov & Domanov, 2024: 157–158).

Для построения модели Кокса использованы периоды два года до и два года после соответствующих договоров, аналогично методу прерванных временных рядов. Кроме того, такие периоды позволяют минимизировать влияние, связанное с изменением институциональных параметров процесса принятия решений. В многофакторную модель были включены те же контрольные параметры, что и в методе прерванных рядов. Результаты расчетов удовлетворяют критериям теста Грамбш – Терно.

Для обоих методов были сконструированы две модели. Обе модели были рассчитаны в трех вариантах: для директив и регламентов совместно, отдельно для директив и для регламентов¹¹. Модель 1 рассчитывалась по общему массиву документов и дала возможность сравнить скорость законодательного процесса до и после вступления в силу соответствующего договора. Но «после» не всегда означает «по причине».

Модель 2 построена таким образом, чтобы непосредственно оценить влияние договора. Как отмечалось выше, каждый из трех рассматриваемых договоров изменял сферу применения различных законодательных процедур¹². Все документы, принятые за рассматриваемый четырехлетний период, были разделены на две группы: документы, принятые в тех сферах, где процедуры принятия решений не были изменены (модель 2а) и были изменены (модель 2б).

Распределение документов было проведено с учетом юридической базы (legal base) каждого акта, то есть статьи основополагающего договора, указанной в преамбуле документа в качестве статьи, дающей ЕС полномочия принимать законодательство по этому вопросу. К примеру, Лиссабонский договор изменил процедуру принятия мер, регулирующих движение капитала, включая прямые инвестиции, между ЕС и третьими странами. До Лиссабонского договора эти меры принимал Совет ЕС, действуя квалифицированным большинством по предложению Комиссии (ст. 57(2) Договора о Европейском сообществе), после – Европарламент и Совет ЕС совместно, в соответствии с обычной зако-

¹⁰ В период, охваченный нашим исследованием, максимальное число документов (34) было принято 29 апреля 2004 г.

¹¹ Результаты расчетов для директив в табл. 4, 5 и 6, 7 не приводятся, поскольку в связи с недостаточным объемом выборок они не имеют статистической значимости.

¹² Чаще всего договор переносил некоторые вопросы из сферы консультации в сферу ОЗП, а также из сферы принятия решений Советом ЕС без участия Европарламента в сферу консультации или ОЗП.

нодательной процедурой (ст. 64(2) Договора о функционировании Европейского союза)¹³. Соответственно, документы, принятые на основе этой статьи за два года до и после вступления в силу ЛД, были включены в группу «законодательная процедура изменена» (модель 2б).

Использование двух методов анализа обеспечивает перекрестную проверку результатов и повышает валидность выводов. Моделирование на основе данных о принятии только актов вторичного права позволяет более четко выявить закономерности законодательного процесса. Разработанная методология (временные периоды, контрольные параметры, дизайн моделей 1 и 2) выгодно отличается от дизайна предыдущих исследований и позволяет корректно оценить влияние договоров на скорость законодательного процесса, отделив эффект договоров от влияния других институциональных параметров.

Результаты и дискуссия

Сводные результаты математического моделирования по всем трем договорам представлены в табл. 2 и 3. Расчеты по обоим методам с очень высокой степенью точности свидетельствуют о заметном ускорении законодательного процесса после вступления в силу Лиссабонского договора. Математическое моделирование последствий Амстердамского и Ниццкого договоров имеет недостаточную статистическую значимость. При этом объем эмпирической базы по АД и НД даже больше, чем по ЛД, и поэтому низкая значимость расчетов не может быть связана с недостатком числа документов. Соответственно, с некоторой осторожностью можно сделать вывод, что скорость законодательного процесса после вступления в силу АД и НД не претерпела заметных изменений.

Таблица 2

Влияние договоров на скорость принятия решений (модель Кокса)

Параметр	Амстердамский договор (модель 1)	Ницкий договор (модель 1)	Лиссабонский договор (модель 1)
Отношение рисков (HR)	1,16	1,05	1,73***
Число актов (N)	688	749	636
Период, месяцы	48	48	48

Примечания. Контрольные параметры: тип акта (директива / регламент), законодательная процедура, единогласие / ГКБ в Совете ЕС, новизна акта, срочность акта, сложность акта.

Точность расчетов: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Таблица 3

Влияние договоров на скорость принятия решений (метод прерванных временных рядов)

Параметр	Амстердамский договор (модель 1)	Ницкий договор (модель 1)	Лиссабонский договор (модель 1)
Договор (β_1)	0,72*	1,05	0,38***
Время (β_2)	1,0006	1,0003	1,0005
Договор \times время (β_3)	0,9992*	0,9988**	1,0004
Константа (β_0)	337,1***	405,0***	382,1***
Число актов (N)	688	749	636
Период, месяцы	48	48	48

Примечания. Контрольные параметры: тип акта, законодательная процедура, единогласие / ГКБ в Совете ЕС, новизна акта, срочность акта, сложность акта.

Точность расчетов: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

¹³ Это одна и та же статья, ее номер изменился, поскольку ЛД предусмотрел изменение нумерации статей основополагающих договоров.

Однако представленные выше результаты не позволяют сделать однозначный вывод о наличии причинно-следственной связи между вступлением в силу соответствующего договора и динамикой законодательного процесса после этого момента. Хотя в обоих методах в качестве контрольных параметров учтены известные нам факторы, влияющие на скорость принятия решений, мы не можем априори исключить влияние других, неизвестных нам факторов.

Эта проблема была решена с помощью модели 2, которая позволяет оценить непосредственный эффект договора на законодательный процесс, а также сравнить скорость принятия документов, принятых по «измененным» и «не измененным» процедурам. На основе модели 2 были проведены расчеты по всем трем договорам. Результаты по Лиссабонскому договору представлены в табл. 4 и 5. Сразу отметим, что модель 2 по Амстердамскому и Ниццкому договорам не выявила значимых различий между документами, принятыми по «измененным» и «не измененным» процедурам, и достоверность значительной части расчетов не является статистически значимой¹⁴. Такие результаты дают дополнительный аргумент в подтверждение вывода о том, что скорость законодательного процесса в результате вступления в силу этих договоров не претерпела заметных изменений¹⁵.

Таблица 4

Лиссабонский договор: влияние изменения законодательных процедур на скорость принятия решений (модель Кокса)

Параметр	Директивы и регламенты			Регламенты		
	Модель 1	Модель 2а (не измененные процедуры)	Модель 2б (измененные процедуры)	Модель 1	Модель 2а (не измененные процедуры)	Модель 2б (измененные процедуры)
Отношение рисков (HR)	1,73***	1,24*	0,35	1,55***	1,54***	0,35
Число актов (N)	636	495	141	428	304	124
Период, месяцы	48	48	48	48	48	48
Контрольный параметр «тип акта» (директива / регламент)	Учтен	Учтен	Учтен	–	–	–
Прочие контрольные параметры ¹	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены

Примечания. ¹Законодательная процедура, единогласие / ГКБ в Совете ЕС, новизна акта, срочность акта, сложность акта.

Точность расчетов: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

¹⁴Таблицы с результатами модели 2 для Амстердамского и Ниццкого договоров в статье не приводятся для минимизации объема статьи.

¹⁵Реализованная в Амстердамском договоре реформа ОЗП, заложившая основу развития триалогов, в долгосрочной перспективе положительно повлияла на скорость принятия решений (Toshkov & Rasmussen, 2012; Кавешников, 2021). Однако этот эффект проявлялся постепенно и не был заметен посредственно после вступления АД в силу.

Лиссабонский договор: влияние изменения законодательных процедур на скорость принятия решений (метод прерванных временных рядов)

Параметр	Директивы и регламенты			Регламенты		
	Модель 1	Модель 2а (не измененные процедуры)	Модель 2б (измененные процедуры)	Модель 1	Модель 2а (не измененные процедуры)	Модель 2б (измененные процедуры)
Договор (β_1)	0,38***	0,33*	0,84	0,33***	0,23**	0,98
Время (β_2)	1,0005	1,0004	1,0007	1,0007	1,0004	1,0005
Договор \times время (β_3)	1,0004	1,0006	1,00001	1,0007	1,0011	1,0002
Константа (β_0)	382,1***	456,7***	194,2***	305,1***	382,6***	186,3***
Число актов (N)	636	495	141	428	304	124
Период, месяцы	48	48	48	48	48	48
Контрольный параметр «тип акта» (директива / регламент)	Учтен	Учтен	Учтен	–	–	–
Прочие контрольные параметры ¹	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены

Примечания. ¹Законодательная процедура, единогласие / ГКБ в Совете ЕС, новизна акта, срочность акта, сложность акта.

Точность расчетов: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Что касается Лиссабонского договора, то результаты на первый взгляд выглядят парадоксально. Существенно увеличилась скорость принятия документов, процедуры принятия которых не были изменены. Этот эффект наблюдается как для директив и регламентов в совокупности, так и отдельно для регламентов. При этом статистическая достоверность результатов имеет хорошую значимость для обоих методов – метода Кокса и метода прерванных временных рядов. А вот для документов, принятых по «измененным процедурам», моделирование не выявило изменения скорости законодательного процесса и результаты не являются статистически значимыми.

Однако этот парадокс может быть легко объясним. Как отмечалось ранее, Лиссабонский договор двояким образом реформировал процесс принятия решений. Во-первых, ЛД существенно расширил сферу применения обычной законодательной процедуры и в чуть меньшей степени – процедуры консультации. Результаты модели 2б показывают, что эти изменения не оказали значимого влияния на скорость законодательного процесса. Во-вторых, ЛД существенно упростил правила расчета квалифицированного большинства при голосовании в Совете ЕС. Логично предположить, что именно это изменение привело к ускорению законодательного процесса, выявленному в модели 2а.

Для проверки этой гипотезы была построена модель 3, которая отдельно моделирует скорость законодательного процесса при использовании консенсуса или квалифицированного большинства в Совете ЕС (табл. 6 и 7). Полученные результаты полностью подтверждают нашу гипотезу. После вступления в силу Лиссабонского договора скорость одобрения документов, принимаемых на основе ГКБ в Совете ЕС, существенно возросла. Это подтверждают расчеты как по модели Кокса (с очень высокой степенью точности), так и по методу прерванных временных рядов (с достаточной точностью). При использовании в Совете ЕС консенсуса мы не видим явного влияния ЛД на скорость принятия решений.

**Лиссабонский договор: влияние изменения правил расчета
квалифицированного большинства на скорость принятия решений
(модель Кокса)**

Параметр	Директивы и регламенты			Регламенты		
	Модель 1	Модель 3а (консенсус)	Модель 3б (ГКБ)	Модель 1	Модель 3а (консенсус)	Модель 3б (ГКБ)
Отношение рисков (HR)	1,73***	1,06	1,35***	1,56***	1,11	1,59***
Число актов (N)	636	52	584	428	28	400
Период, месяцы	48	48	48	48	48	48
Контрольный параметр «тип акта» (директива / регламент)	Учтен	Учтен	Учтен	–	–	–
Прочие контрольные параметры ¹	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены

Примечания. ¹Законодательная процедура, новизна акта, срочность акта, сложность акта.
Точность расчетов: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

**Лиссабонский договор: влияние изменения правил расчета
квалифицированного большинства на скорость принятия решений
(метод прерванных временных рядов)**

Параметр	Директивы и регламенты			Регламенты		
	Модель 1	Модель 3а (консенсус)	Модель 3б (ГКБ)	Модель 1	Модель 3а (консенсус)	Модель 3б (ГКБ)
Договор (β_1)	0,38***	0,72	0,34*	0,33***	0,55	0,32*
Время (β_2)	1,0005	1,0006*	1,0007	1,0007	0,9989	1,0006
Договор \times время (β_3)	1,0004	0,9992	1,0005	1,0007	1,0002	1,0006
Константа (β_0)	382,1***	713,3***	357,9	305,1***	624,5***	288,6***
Число актов (N)	636	52	584	428	28	400
Период, месяцы	48	48	48	48	48	48
Контрольный параметр «тип акта» (директива / регламент)	Учтен	Учтен	Учтен	–	–	–
Прочие контрольные параметры ¹	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены	Учтены

Примечания. ¹Законодательная процедура, новизна акта, срочность акта, сложность акта.
Точность расчетов: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

В какой степени возможно интерпретировать результаты математического моделирования в терминах сокращения фактических сроков принятия документов? Модель Кокса оперирует вероятностями и позволяет дать качественный ответ. Однако нет возможности с помощью математических операций установить точную количественную связь между вероятностью принятия документа и сро-

ком принятия документа. Традиционно отношение рисков (HR), отличающееся от единицы более чем на 20 %, интерпретируют как значимый эффект исследуемого фактора. В нашем случае $HR = 1,73$ (см. табл. 2) свидетельствует о *весьма существенном* ускорении законодательного процесса под влиянием Лиссабонского договора.

Результаты математического моделирования по методу прерванных рядов ($\beta_1 = 0,38$, $\beta_2 = 1,0005$, $\beta_3 = 1,0004$) (см. табл. 3) математически означают, что вследствие вступления в силу правил Лиссабонского договора срок принятия документов сократился примерно на 60 %. Эту оценку следует использовать с осторожностью по двум причинам. Во-первых, распределение длительности принятия документов существенно отличается от нормального. Во-вторых, хотя непосредственный эффект Лиссабонского договора отражен коэффициентом $\beta_1 = 0,38$, при расчете моделируемого срока принятия документа следует учитывать динамические эффекты, определяемые коэффициентами β_2 и β_3 . А значения этих коэффициентов по результатам математического моделирования рассчитаны с недостаточной статистической значимостью. С учетом этих оговорок мы полагаем, что вследствие вступления в силу правил Лиссабонского договора срок принятия документов сократился *не более чем на 60 %*, а скорее всего, эффект несколько меньше.

Особо отметим, что данный вывод ни в коей мере нельзя интерпретировать следующим образом: «после вступления в силу Лиссабонского договора срок принятия документов сократился на 60 %»¹⁶. На длительность принятия документов влияют не только правила Лиссабонского договора, но и иные факторы (законодательная процедура, новизна акта, сложность акта и т. д.), учтенные нами при моделировании в форме контрольных параметров¹⁷. Собственно, цель исследования и состояла в том, чтобы отделить влияние фактора Лиссабонского договора от влияния иных факторов.

Выводы

Одними из ключевых задач институциональных реформ 1990–2000-х гг. являлись задачи укрепления легитимности ЕС и повышения эффективности его функционирования, в частности эффективности законодательного процесса. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют, что несколько договоров, принятых в этот период, в этом плане имели различные последствия.

Наше исследование не выявило какого-либо заметного влияния Амстердамского и Ниццкого договоров на скорость законодательного процесса. Судя по всему, это связано с тем, что два основных элемента реформ – сужение сферы консенсуса в Совете ЕС и усиление законодательных полномочий Европарламента – противоположным образом влияли на скорость законодательного процесса и уравновешивали друг друга. Это отражает фундаментальное противоречие между двумя задачами: 1) укрепление легитимности системы в целом и отдельных принимаемых решений и 2) повышение скорости принятия решений как одного из параметров эффективности системы.

Лиссабонский договор существенно увеличил скорость принятия законодательных актов. Этот вывод с высокой степенью достоверности подтверждается результатами расчетов по обоим использованным методам математического моделирования. Ключевое влияние на динамику законодательного процесса оказало не расширение сферы использования обычной законодательной процедуры, а изменение правил расчета квалифицированного большинства в Совете ЕС. Помимо всего прочего, это косвенным образом свидетельствует о том, что при несомненном увеличении полномочий Европарламента Совет ЕС продолжает играть доминирующую роль в законодательном процессе.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00096, <https://rscf.ru/project/23-28-00096/>, МГИМО МИД России.

¹⁶ Для справки: средняя продолжительность принятия актов за двухлетний период до вступления в силу Лиссабонского договора составляет 469 дней, за два года после его вступления в силу – 325 дней.

¹⁷ К примеру, если после вступления в силу Лиссабонского договора количество сложных актов окажется больше, чем в предыдущий период, то фактор «сложность акта» внесет заметный вклад в замедление законодательного процесса. Таким образом, средние значения длительности законодательных процедур до и после Лиссабонского договора, указанные в предыдущем примечании, являются результатом воздействия (иногда противоположного) целого ряда факторов.

Список литературы / References

- Кавешников, Н. Ю. (2021) 'Обычная законодательная процедура в ЕС как пример кооперативных практик', *Вестник МГИМО-Университета*, 14 (1), сс. 126–147. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147> [Kaveshnikov, N. (2021) 'The Ordinary Legislative Procedure in the EU as an Example of Cooperative Practices' [Obychnaya zakonodatel'naya procedura v ES kak primer kooperativnykh praktik], *MGIMO Review of International Relations*, 14 (1), pp. 126–147. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147>].
- Кавешников, Н. Ю., Доманов, А. О. (2022) 'Скорость законодательного процесса в Европейском союзе. Количественный анализ', *Международные процессы*, 20 (1), сс. 80–108. DOI: [h10.17994/IT.2022.20.1.68.3](https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.3) [Kaveshnikov, N., Domanov, A. (2022) 'Factors Behind Legislative Duration in the European Union. Quantitative Analysis' [Skorost' zakonodatel'nogo processa v Evropejskom soyuze. Kolichestvennyj analiz], *International Trends*, 20 (1), pp. 80–108. (in Russ.) DOI: [10.17994/IT.2022.20.1.68.3](https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.3)].
- Best, E., Settembri, P. (2008) 'Surviving enlargement: How has the Council managed?' in: E. Best, T. Christiansen and P. Settembri (eds). *The Institutions of the Enlarged European Union. Continuity and Change*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 34–53.
- Bølstad, J., Cross, J. P. (2016) 'Not all Treaties are Created Equal: The Effects of Treaty Changes on Legislative Efficiency in the EU', *Journal of Common Market Studies*, 54 (4), pp. 793–808. DOI: [10.1111/jcms.12349](https://doi.org/10.1111/jcms.12349).
- Buchanan, J. M. G., Tullock, G. (1965) *The Calculus of Consent. Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Michigan: University of Michigan Press, 361 p.
- Cox, D. R. (1972) 'Regression Models and Life Tables (with Discussion)', *Journal of the Royal Statistical Society, Series B*, 34, pp. 187–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1972.tb00899.x>.
- Drüner, D., Klüver, H., Mastenbroek, E., Schneider, G. (2018) 'The core or the winset? Explaining decision-making duration and policy change in the European Union', *Comparative European Politics*, 16, p. 271–289. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2015.26>.
- Enelow, J., Hinich, M. (1984) *The Spatial Theory of Voting: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 238 p.
- Fox, J. (2015) *Applied regression analysis and generalized linear models*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 816 p.
- Golub, J. (1999) 'In the Shadow of the Vote? Decision-making in the European Community', *International Organization*, 53 (4), pp. 733–764. DOI: [10.1162/002081899551057](https://doi.org/10.1162/002081899551057).
- Golub, J. (2002) 'Institutional Reform and Decision-Making in the European Union' in: Hosli M.O., van Deemen A.M.A., Wirgins M. (eds) *Institutional Challenges in the European Union*. London / New York: Routledge, pp. 134–154.
- Golub, J. (2007) 'Survival Analysis and European Union Decision-making', *European Union Politics*, 8 (2), pp. 155–179. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116507076428>.
- Golub, J., Steunenberg B. (2007) 'How Time Affects EU Decision-Making', *European Union Politics*, 8 (4), pp. 555–566. DOI: [10.1177/1465116507082814](https://doi.org/10.1177/1465116507082814).
- Hertz, R., Leuffen, D. (2011) 'Too big to run? Analysing the impact of enlargement on the speed of EU decision-making', *European Union Politics*, 12 (2), pp. 193–215. DOI: [10.1177/1465116511399162](https://doi.org/10.1177/1465116511399162).
- Hinich, H. J., Munger, M. C. (1997) *Analytical Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 253 p.
- Hurka, S., Haag, M. (2020) 'Policy complexity and legislative duration in the European Union', *European Union Politics*, 21 (1), pp. 87–108. DOI: [10.1177/1465116519859431](https://doi.org/10.1177/1465116519859431).
- Kaveshnikov, N. Yu., Domanov, A. O. (2024) 'How the Enlargement Affects European Union Legislative Process', *Changing Societies & Personalities*, 8 (1), pp. 151–172. DOI: <https://doi.org/10.15826/csp.2024.8.1.269>.
- Klüver, H., Sagarzazu, I. (2013) 'Ideological congruency and decision-making speed: The effect of partisanship across European Union institutions', *European Union Politics*, 14 (3), pp. 388–407. DOI: [10.1177/1465116512472938](https://doi.org/10.1177/1465116512472938).
- König, T. (2007) 'Divergence or convergence? From ever-growing to ever-slowing European legislative decision-making', *European Journal of Political Research*, 46 (3), pp. 417–444. DOI: [10.1111/j.1475-6765.2006.00648.x-i1](https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00648.x-i1).

- Lenaerts, K. Nuff, P.V. (2005) *Constitutional Law of the European Union*. 2nd ed. London: Sweet and Maxwell, 969 p.
- Morgan, S.L., Winship, C. (2007) *Counterfactuals and Causal Inference: Methods and Principles for Social Research*. New York: Cambridge University Press, 328 p.
- Rasmussen, A., Toshkov, D. (2011) 'The inter-institutional division of power and time allocation in the European Parliament', *West European Politics*, 34 (1), pp. 71–96. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2011.523545>.
- Rasmussen, A., Toshkov, D. (2013) 'The effect of stakeholder involvement on legislative duration: Consultation of external actors and legislative duration in the European Union', *European Union Politics*, 14 (3), pp. 366–387. DOI: [10.1177/1465116513489777](https://doi.org/10.1177/1465116513489777).
- Scharpf, F.W. (2006) 'The joint decision trap revisited', *Journal of Common Market Studies* 44 (4), pp. 845–864. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00665.x>.
- Schulz, H., König, T. (2000) 'Institutional Reform and Decision-Making Efficiency in the European Union', *American Journal of Political Science*, 44 (4), pp. 653–666. DOI: <https://doi.org/10.2307/2669273>.
- Toshkov, D. (2017) 'The impact of the Eastern enlargement on the decision-making capacity of the European Union', *Journal of European Public Policy*, 24 (2), pp. 177–196. <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1264081>.
- Toshkov, D., Rasmussen, A. (2012) 'Time to decide: The effect of early agreements on legislative duration in the EU', *European Integration Online Papers*, 16 (11), pp. 1–20. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2136907>.
- Zorn, Ch. (2007) 'Temporal Change and the Process of European Union Decision-Making', *European Union Politics*, 8 (4), pp. 567–576. DOI: [10.1177/1465116507082815](https://doi.org/10.1177/1465116507082815).

Статья поступила в редакцию: 04.09.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

HOW FUNDAMENTAL TREATY REFORMS AFFECT THE SPEED OF THE LEGISLATIVE PROCESS IN THE EUROPEAN UNION

N. Kaveshnikov, A. Domanov, A. Lupaltsova

Nikolay Kaveshnikov, Candidate of Science (Politics), Head of Department of Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University); Leading Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: n.kaveshnikov@mail.ru (ORCID: 0000-0003-0223-1083. ResearcherID: E-3785-2013).

Aleksey Domanov, Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: domanov.aleksey@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6253-2067).

Anna Lupaltsova, Lecturer, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University), Moscow, Russia.
E-mail: a.i.lupaltsova@my.mgimo.ru (ORCID: 0000-0002-7174-2234. ResearcherID: CAG-1129-2022).

Abstract

The article adds to the discussion about how EU treaty reforms affect the duration of the legislative process. Two methods are used to show the impact of the Amsterdam, Nice and Lisbon Treaties - interrupted time series analysis and survival analysis (Cox regression). They have been applied to empirical data consisting of EU secondary law directives and regulations. A major feature of this study is its focus on differentiating legislative and implementing acts, reducing the risk of conflating the analysis due to differences in their adoption processes. The research design helps us disentangle the treaties effects from effects of other institutional and structural parameters of the EU decision-making process. It is shown that the Amsterdam, Nice and Lis-

bon treaties have different effects on legislative efficiency. The Lisbon treaty had a profound effect, increasing the speed of decision making. This was not due to the scope of the ordinary legislative procedure being widened, rather it was due to the reform of qualified majority rules in the Council. The Amsterdam and Nice treaties had no clear effect. It seems that two key elements of the reform - the increased use of qualified majority voting in the Council and the strengthening of the legislative role of the European Parliament - have had opposite effects on the length of the legislative process, offsetting each other.

Keywords: European Union; decision-making; legislative process; decision-making duration; Amsterdam Treaty; Nice Treaty; Lisbon Treaty; survival analysis; Cox model; interrupted time series analysis.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00096, <https://rscf.ru/project/23-28-00096/>, MGIMO MFA of Russia.

История и теория политики

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-167-177

«СПРЯЧЬ БАБУШКИН ПАСПОРТ!»: ДИСКУРС ВОЗРАСТА КАК РЕСУРС КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВРАГА

О. В. Рябов, Т. Б. Рябова

Рябов Олег Вячеславович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: riabov1@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-5944-9668).

Рябова Татьяна Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: riabova2001@inbox.ru (ORCID: 0000-0001-5270-7911).

Аннотация

В статье, построенной на анализе официального дискурса российской власти и ведущих СМИ, заявлений российских политиков, а также результатов проведенного авторами социологического исследования, впервые рассматривается такой ресурс создания образа врага, как дискурс возраста. В первой части статьи проанализированы подходы к изучению образа врага, обозначены его важнейшие черты и чувства, которые он призван генерировать. Во второй части авторы выявляют причины и условия политизации возраста. В третьей – исследуются аспекты секьюритизации возрастных различий и роль дискурса возраста в политической мобилизации на материале российской символической политики двух периодов: митинговой активности 2017–2021 гг. и усиления конфронтации с «коллективным Западом» в условиях проведения специальной военной операции. В следующей части авторы демонстрируют, что дискурс возраста способствует реализации таких функций образа врага, как укрепление коллективной идентичности, легитимация насилия, легитимация власти и социально-политического порядка, предсказание победы. В заключительном подразделе статьи авторы анализируют, в какой степени маркеры возраста коррелируют с теми образами врага, которые функционируют в социальных представлениях россиян.

Ключевые слова: образ врага; дискурс возраста; секьюритизация; политическая мобилизация; возраст и политика; социальные представления; российская политика.

Введение

Одной из примечательных акций либеральной оппозиции в России в 2010-х гг. стало использование слогана «Спаси страну! Спрячь бабушкин паспорт!» во время выборов различного уровня. Это выглядело бы как невинная шутка, если бы в этот период в оппозиционной риторике не получила концептуальное оформление идея о том, что именно голоса представителей старшего поколения россиян обеспечивают победу на выборах кандидатам от правящей партии, что именно старшие граждане являются опорой власти. В символической политике оппозиции периода митинговой активности (2017–2021) конфликт между властью и протестующими был представлен как конфронтация поколений, что в немалой мере было связано с участием в протестных акциях несовершеннолетних россиян.

Упомянутый слоган появляется еще в 2000-х гг. Он использовался на выборах в Польше и на Украине. В 2014 г. на киевском Майдане украинская оппозиция использовала в легитимации государственного переворота предназначенные для молодежи тезисы о том, что только «старички выбирают “совок”», что поколения не только дедов, но и отцов безнадежно испорчены советской

пропагандой <...> Старшие поколения украинцев и Россия в этой картине мира представляли “проклятое прошлое”, а молодежь и Запад – “светлое будущее”» (см. об этом: Рябов и Рябова, 2023). При помощи указания на возраст может эксплицироваться враждебность не только во внутривластной, но и во внешнеполитической риторике; например, репрезентации политического режима в СССР как геронтократии были заметной составляющей антисоветского дискурса США периода холодной войны (Рябов, 2024). Таким образом, фактически апелляции к возрасту политических акторов и их сторонников используются для производства образа врага.

Образ врага вызывает у исследователей обоснованный интерес (напр.: Frank, 1967; Keen, 1986; Rieber & Kelly, 1991; Harle, 2000; Гудков, 2005; Сенявский и Сенявская, 2006; Oppenheimer, 2006; Евгеньева и Селезнева, 2007; Козырев, 2008; Денисов, 2009; Fettweis, 2015; Delori & Ware, 2019; Кузнецов и Михайлов, 2019; Рябов и др., 2023). В работах отечественных и зарубежных авторов исследуются различные ресурсы конструирования врага, включая политический, исторический, профессиональный, этнический, расовый, гендерный, пространственный, экологический дискурсы. Мы предлагаем рассмотреть в качестве ресурса создания образа врага дискурс возраста – ресурс, который еще не стал предметом исследования. Это предполагает анализ следующих исследовательских вопросов, которые определяют и структуру статьи. Как может быть охарактеризована проблематика исследования образа врага? Каковы причины и условия политизации возраста? Как происходит секьюритизация возрастных особенностей? Как дискурс возраста способствует реализации функций образа врага? Наконец, как эта взаимосвязь образа врага и дискурса возраста проявляется в современной политической риторике и социальных представлениях? Отвечая на поставленные вопросы, мы используем анализ официального дискурса российской власти и дискурса ведущих СМИ, заявлений российских политиков, а также результатов социологического исследования, проведенного авторами в 2023 г. в рамках реализации проекта «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике».

Образ врага как исследовательская проблема

Образ врага – это исследовательская проблема, которой занимаются представители многих наук: психологи, философы, историки, лингвисты, социологи, этнологи. Одна из первых трактовок образа врага, принадлежащая К. Шмитту, появляется в лоне политической науки. В его интерпретации, разделение на друзей и врагов выражает саму сущность политического, а образ врага – это необходимый элемент политики (Шмитт, 1992). В рамках исследовательской традиции политологии изучались такие аспекты образа врага, как его природа, его наиболее существенные черты, функции образа врага, порождаемые им эмоции, его роль во внутренней и международной политике. Было показано, что необходимым условием исследования самых различных аспектов политического является учет той роли, которую играет этот образ.

В типологии, предложенной в «Энциклопедии войны» (Sion, 2016), выделены три подхода к интерпретации образа врага. В первом ведущими в формировании данного образа объявляются психологические факторы. Рассматривая историю данного подхода, Р. Оппенхаймер характеризует образ врага как представления об индивидах или группе, обусловленные внутренними индивидуальными особенностями, внешним социальным контекстом, а также динамикой отношений ингруппы и аутгруппы (Oppenheimer, 2006).

Во второй группе концепций образ врага связывается с его ролью во внутривластных процессах. Так, он используется политическими лидерами для того, чтобы мобилизовать сообщество вокруг общей идеи, а также укрепить ценности господствующей системы.

Третий подход акцентирует роль образа врага как необходимого условия вооруженного конфликта, который является спутником человечества на протяжении всей всемирной истории. Войны были бы невозможны без интерпретации Других как врагов, предполагающей наделение их отрицательными характеристиками (Grossman, 1996).

Образ врага является одной из значимых компонентов символической политики, которую интерпретируют в качестве «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (Малинова и Миллер, 2021: 11). Во многих работах выделяются общие черты образа врага (напр.: Frank, 1967; Keen, 1986; Денисов, 2009; Fettweis, 2015; Рябов и др., 2023). Применительно к российской внутренней политике заслуживает внимания предложенный Т. Евгеньевой и В. Титовым набор характеристик на основе анализа оппозиционного дискурса периода протестов 2011–2013 гг., в их

числе: возложение вины на врага, идентификация его со злом, негативное ожидание, когда во всех его действиях видят деструктивные намерения, которые на деле направлены на «своих»; мышление с нулевой суммой, стереотипизация и деиндивидуализация, отказ проявить к нему эмпатию (Евгеньева и Титов, 2014: 26; см. также: Евгеньева и Селезнева, 2007).

Характеристика врага как социального конструкта (напр.: Campbell, 1992) не означает, что наш мир свободен от конкуренции и что возникающие в процессе этого угрозы иллюзорны. Объективная конфликтогенность социальности, связанная в том числе с ограниченностью ресурсов, предполагает наличие вооруженного соперничества, что, в свою очередь, обуславливает существование образа врага как необходимого элемента насилия (Delori & Ware, 2019). Однако в образе врага отрицательные характеристики подчеркиваются, положительные – затушевываются, а отличия «своих» от «чужих» гипертрофируются. Между тем и недооценка, и переоценка вызовов национальной безопасности может иметь ощутимые негативные последствия, подчеркивает К. Фэтвайс, приводя в качестве примеров двух крайностей случаи нападения японцев на Перл-Харбор в 1941 г. и вторжения американцев в Ирак в 2003 г. (Fettweis, 2015: 150). В этих условиях способность и политического класса, и населения к реалистичному восприятию ситуации приобретает особое значение.

Поскольку представления о том, что именно выступает внешней угрозой для государства и общества, являются заметным фактором внутренней политики и легитимации / делегитимации власти, то за трактовку образа врага идет внутриполитическая борьба. Образ врага может быть интерпретирован в качестве политического символа, использование которого является эффективным приемом политической борьбы, в рамках которой привлекаются различные ресурсы, включая и ресурс возраста.

Возраст как политическое

Дискурс возраста мы определяем в качестве «системы высказываний о различиях между индивидами, их персональными характеристиками и социальными ролями, обусловленных принадлежностью к определенной возрастной группе, а также об особенностях сообществ, детерминированных спецификой социального статуса, которым обладают в них те или иные возрастные группы» (Рябов и Рябова, 2023: 178). Его семантическое ядро структурируется делением на возрастные группы, различием поколений, в том числе с наделением их политическими коннотациями (например, «советское поколение»); ассоциированием возраста с ценностно-нагруженными оппозициями (например, «прошлое – будущее», «старое – новое», «традиции – новаторство»).

Потенциал дискурса возраста как ресурса политики определяется возможностью использовать его для легитимации социальных иерархий, а также для проведения символических границ между сообществами и внутри них. Использование возрастных характеристик для обозначения и оправдания социального неравенства обусловлено тем, что оппозиция «ребенок – взрослый» выступает в качестве своеобразной матрицы отношений власти и подчинения, отражающей существующие в обществе иерархии и поддерживающей их (Рябова и Рябов, 2020). Исходя из этого, маркировка индивида или сообщества как ребенка означает наделение их эмоциональностью, беспомощностью, безответственностью, мечтательностью, а также обоснование необходимости контроля за ними. Репрезентации старости как дряхлости также привлекаются для делегитимации политических акторов. Атрибутирование политикам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, или же прямое уподобление их детям или старикам мы обозначаем как соответственно «символическую инфантилизацию» и «символическую сенилизацию» (Рябова и Рябов, 2020: 125).

Другая причина востребованности связана с привлечением маркеров возраста в политику коллективной идентичности. Акторы политики идентичности для проведения символических границ между «своими» и «чужими» прибегают к эксплуатации тех маркеров, которые ассоциируются с природными, естественными характеристиками человека (например, раса, этничность, пол); маркеры возраста – из их числа (см. об этом: Рябов, 2024).

Секьюритизация возраста в политической риторике

В этой части статьи мы постараемся ответить на вопросы, какие характеристики возрастных различий способствуют использованию их в качестве ресурса создания образа врага и как происходит секьюритизация возрастных различий. Согласно положениям теории секьюритизации, акторы

символической политики для политической мобилизации общества могут создавать дискурсы опасности намеренно; в секьюритизации той или иной проблемы важнейшее место занимает создание образа врага (о механизмах секьюритизации на примере политики идентичности см.: Фадеева, 2023).

Один из аспектов секьюритизации возрастных различий связан с репрезентациями уязвимости определенных возрастных групп, прежде всего детей. Мобилизующая сила образов страданий детей настолько велика, что дает право защищать их любым способом, нередко игнорируя прочие социальные нормы. Эти приемы могут использоваться для делегитимации оппонентов как в международных конфликтах, так и во внутривластном противостоянии. В частности, это было заметно в период митинговой активности в России в 2017–2021 гг., и к данному образу обращались как деятели либеральной оппозиции, так и акторы провластной символической политики.

Первые утверждали, что власти применили насилие против самых беззащитных участников митингов – детей (Riabov et al., 2022). Юные россияне, помимо этого, были представлены в качестве жертвы также по той причине, что, как утверждалось, из-за доминирования в обществе представителей старшего поколения у них отсутствуют перспективы на будущее. Как продемонстрировала акция «Спрячь бабушкин паспорт!», в либеральном дискурсе высокая электоральная активность старшего поколения и его постулируемая готовность поддерживать власть служили основанием для секьюритизации возрастных различий. Молодежь при этом репрезентировалась как самая европеизированная часть российского общества, то есть внутривластный дискурс подкреплялся цивилизационным, а старшее поколение было представлено в качестве опасности, источника бедствий.

В провластном дискурсе оппозицию упрекали в том, что она противопоставляет поколения и, более того, использует молодежь, в том числе подростков, как «пушечное мясо» или даже как сакральную жертву (Riabov et al., 2022). Враг, кроме того, является источником опасности для детей не только физической, но и духовной; он пытается уничтожить идентичность и память молодого поколения, осуществить ментальное перепрограммирование юных граждан. Особое место в современной российской идентичности занимает тема Великой Победы, и именно эта тема была мишенью атак со стороны оппозиционеров (см.: Рябов и Рябова, 2023). Угроза утраты культурной идентичности тем самым связывается с поколенческим разрывом¹.

Таким образом, еще одним способом секьюритизации возрастных особенностей выступает демонстрация угрозы раскола социума по линии поколений, которая представляет собой опасность не только для молодежи, но также для страны в целом. В подобном контексте закономерно, что тема поколенческого разрыва связывается с образами внешней опасности. Подчеркивалось, что задача западных кураторов протестного движения как раз и заключается в том, чтобы «добиться раскола страны, причем не только географического, но и поколенческого»².

Тема опасности, которую для юных россиян представляют информационные атаки из-за рубежа, стала еще более востребованной после начала специальной военной операции. По оценке первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ С. Кириенко, именно подрастающее поколение является главной целью психологической войны, которую страны НАТО ведут против России³.

Другой аспект секьюритизации возраста связан с акцентированием характеристик, отличающихся от нормы, которыми наделяются представители возрастных групп, то есть взрослые индивиды. Так, акция «Спрячь бабушкин паспорт!» показывает, что акторы символической политики могут связывать с преклонным возрастом качества, которые репрезентируются как представляющие опасность для социума: ослабление физических и умственных возможностей, устаревший взгляд на мир, непонимание происходящих сегодня событий и обусловленный этим риск неправильных решений. Во внутривластной риторике проблема смены поколений, социальных лифтов для молодежи актуальна в разных странах и в разные времена. Эта тема нередко используется в политической мобилизации периода «цветных революций».

¹ Напр.: Эпштейн Д. Десакрализация памяти [Электронный ресурс], *Ридус*. 8 февр. 2021. URL: <https://www.ridus.ru/desakralizaciya-pamyati--povedenie-navalnogo-vozmutilo-obshchestvennost-347082.html> (дата обращения: 04.06.2024).

² *Российская газета* [Электронный ресурс]. 24 февр. 2021. URL: <https://rg.ru/2021/02/24/pered-navalnym-postavlena-zadacha-dobitsia-raskola-strany.html> (дата обращения: 04.06.2024).

³ Кириенко назвал молодежь целью информационной и психологической войны НАТО против России [Электронный ресурс], *ТАСС*. 18 дек. 2022. URL: <https://tass.ru/politika/16625035> (дата обращения: 04.06.2024).

Что касается внешнеполитической риторики, то сегодня основная опасность, ассоциируемая с преклонным возрастом, – это риск начала ядерной войны с перспективой гибели всего человечества. Прежде всего, это связано с возрастом президента США. К данной теме постоянно обращаются эксперты и журналисты (например: «Жутко здесь то, что древний дедушка – глава ядерной сверхдержавы... которая пытается сохранить свой статус гегемона через угрозы, шантаж и прокси-войны с другими ядерными сверхдержавами – Россией и Китаем»⁴). Эту тему затрагивают и представители политического руководства России. Так, в телеграмм-канале заместителя председателя Совета безопасности РФ Д. Медведева высказывались опасения, что победа «парня с деменцией» на выборах в США создаст серьезные проблемы для всего человечества⁵.

Другая форма отклонения от нормы взрослости – детскость – также может быть представлена в качестве опасности. Инфантильность связывается с такими чертами, как капризность, иррациональность, непредсказуемость, эгоцентризм, обидчивость, неспособность к эмпатии. Инфантилизация как та черта общества постмодерна, которая угрожает будущему человечества, – эта тема получила распространение достаточно давно. Так, в статье А. Дугина (2011) инфантилизация общества трактуется в качестве глубинной проблемы постмодерна. «Если раньше, еще лет сто назад, образцом выступал зрелый человек, то в XX в. – уже юноша, в наше время – подросток».⁶ В последние годы тема опасности, которую несет инфантилизация общества, получает внутривнутриполитические и внешнеполитические коннотации. Инфантилизм как вера в чудо, безответственность, импульсивность решений – это необходимое условие столь пагубного для общества явления, как «цветные революции». Именно инфантилизм украинского общества позволил осуществить государственный переворот в 2014 г.⁷ Инфантилизм лежал в основе митинговой активности и в России в 2017–2021 гг., организаторам которой, по оценке обозревателя НТВ, были нужны «инфанты любого возраста»⁸.

С началом СВО особенно востребованной становится тема инфантилизма политической элиты ЕС, поскольку тот является причиной безответственных, эмоциональных решений европейских политиков. Например, на высказывания президента Франции Э. Макрона о том, что он не исключает отправку регулярных французских воинских соединений на Украину, представитель МИД РФ отреагировал следующими словами: «это политический инфантилизм»⁹.

Функции образа врага и дискурс возраста

Таким образом, секьюритизация возрастных различий, акцентирование связанных с ними угроз, способствует политической мобилизации. Дискурс возраста используется как ресурс и при реализации иных функций образа врага, в числе которых укрепление коллективной идентичности, легитимация насилия, легитимация власти, предсказание победы (см. подробнее: Рябов и др., 2023).

Функция укрепления коллективной идентичности реализуется при помощи создания образа врага как отличающегося в максимальной степени от «своих» и проведения прочной символической границы между «своими» и «чужими». Подчеркнем, что проведение символической границы включает в себя и объяснение природы различий между «своими» и «чужими». Характеристики врага объявляются обусловленными сущностными чертами сообществ, естественными, и потому неустрашимыми, то есть подвергаются эссенциализации, что способствует легитимации враждебности между сообществами или между политическими *акторами*. В качестве средства, способствующего трактовке различий как труднопреодолимых, в политической риторике может быть использован и дискурс возраста. Например, статья о поколенческом разрыве, опубликованная в оппозиционном издании в 2021 г., называлась «Бумер умер. Почему старшим поколениям уже не понять людей, выросших в

⁴ Бавырин Д. Байден личным примером показал одряхление США [Электронный ресурс], *Взгляд*. 15 апр. 2023. URL: <https://vz.ru/politics/2023/4/14/1207237.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁵ Медведев заявил, что опасается победы «парня с деменцией» на выборах в США [Электронный ресурс], *РИА Новости*. 26 мая 2023. URL: <https://ria.ru/20230526/ssha-1874235240.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁶ Дугин А. Хорошо умереть молодым [Электронный ресурс], *Взгляд*. 21 июля 2011. URL: <https://vz.ru/opinions/2011/7/21/508970.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁷ Напр.: Ищенко Р. Инфантильные революции и «планета обезьян» [Электронный ресурс], *Украина.ру*. 21 ноябр. 2022. URL: <https://ukraina.ru/20221121/1041026852.html> (дата обращения: 04.06.2024).

⁸ Зейналова И. Ему нужны инфанты любого возраста [Электронный ресурс], *НТВ*. 7 февр. 2021. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2508842/> (дата обращения: 04.06.2024).

⁹ В МИД России назвали призывы Макрона политическим инфантилизмом [Электронный ресурс], *Regnum*. 9 апр. 2024. URL: <https://regnum.ru/news/3880339> (дата обращения: 04.06.2024).

новой технологической реальности». Очевидно, тем самым символические границы между «своими» и «чужими» получают дополнительную легитимность, а диалог между различными политическими силами в значительной мере лишается смысла.

Функция *легитимации власти и социально-политического порядка* связана с дискуссиями о том, какая политическая сила в состоянии устранить ту опасность, которую представляет для социума враг. Противники репрезентируют власть как неспособную справиться с вызовами, сторонники – как надежную защитницу от врага. Поддержка власти предполагает легитимацию проводимой ею внешней политики. Например, в статье, опубликованной в день начала СВО в интернет-издании «Взгляд», приведена следующая оценка, высказанная экспертом: «Наши власти... это взрослые люди <...> То, что мы видим на Западе (и на Украине вкупе), – голым инфантилизмом. Постоянная истерика, сучение ножками. Тупое подростковое. <...> Педократия захватила мир. <...> Сегодня на наших глазах наказывают именно такого несносного подростка. Придет в чувство, выйдет прекрасный специалист. Но не раньше»¹⁰.

Функция *легитимации насилия* предполагает изображение врага таким образом, чтобы оправдать негативные чувства к нему, насилие над ним или даже его уничтожение. В основе подобных репрезентаций лежит постулирование собственного морального превосходства, при демонстрации которого одним из приемов сравнения врага с абсолютным злом является символическая нацификация, уподобление Гитлеру и его сторонникам. Скажем, в символической политике митинговой активности 2017–2021 гг. сравнения с нацистами можно встретить у акторов различной политической ориентации (Рябов и Рябова, 2023).

Основным же приемом является дегуманизация врага, его исключение из числа представителей человеческого рода. В разработанной Н. Хэслемом дуальной концепции дегуманизации выделены такие ее формы, как анималистская и механицистская (Haslam, 2006). Дегуманизация может проходить как в явной форме (в виде сравнения представителей аутгруппы с животным или с машиной), так и в косвенной (за счет отрицания у них атрибутов человечности). Связь дегуманизации с возрастным дискурсом обусловлена тем, что, очевидно, существует корреляция между возрастом и степенью обладания качествами, которые считаются атрибутами человечности; скажем, такими, как разум, субъектность, дееспособность. Ввиду этого для дискредитации (а по сути, дегуманизации) политических оппонентов и умаления их легитимности в политической риторике используются маркеры возраста. Так, один из лидеров либеральной оппозиции во время судебного процесса по обвинению его в клевете на ветерана Великой Отечественной войны заявил, что тот не может в свои 95 лет быть автором ответственных политических заявлений по причине ослабления умственных способностей¹¹.

Наконец, обоснование собственного превосходства и изображение врага как обреченного на поражение связано с реализацией функции *предсказания победы*. Для того, чтобы «своих» не покидала уверенность в конечном успехе, враг должен быть показан не только как опасный, но также как слабый и комичный (Frank, 1967: 112–115). Например, в статье, опубликованной в оппозиционном издании, заявлялось, что «партия телевизора и старики (55+) уверенно топят за власть – будущее, очевидно, за оппозицией, предложить молодым ничего, кроме пресловутой стабильности, власть не может» (Riabov et al., 2022).

Таким образом, наша гипотеза о том, что дискурс возраста может выступать в качестве ресурса создания образа врага, подтверждается и тем, что все функции данного образа могут быть реализованы при помощи привлечения возрастных маркеров.

Образ врага и дискурс возраста в социальных представлениях

На материале результатов прикладного исследования¹² мы проанализировали, в какой степени маркеры возраста коррелируют с образом врага в социальных представлениях россиян. Информанты,

¹⁰ Минимизация жертв сейчас главная задача [Электронный ресурс], *Взгляд*. 24 февр. 2022. URL: <https://vz.ru/opinions/2022/2/24/1145436.html> (дата обращения: 04.04.2024).

¹¹ См.: *Комсомольская правда* [Электронный ресурс]. 8 февр. 2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27236.5/4363492/> (дата обращения: 04.06.2024).

¹² Социологическое исследование (полустандартизированное интервью; N = 48, осень 2023 г.) проводилось в Санкт-Петербурге, Махачкале, Иванове. Эти города были отобраны по причине различия их размеров, уровня политической активности, этнокультурных особенностей, степени поддержки в городе власти и оппозиции. Квотами для отбора респондентов были пол, возраст и политические предпочтения. Исследование проводилось Т. Рябовой, Л. Клещенко, Е. Цалко, О. Рябовым, У. Мутаевым.

оценивая влияние на политику возраста политиков и избирателей, отмечали как достоинства каждой возрастной группы, так и негативные черты, которые могут представлять опасность.

Оптимальным для политика, по общему мнению, является средний возраст, который чаще определялся в рамках от 30–35 до 50–55 лет¹³. У молодости, помимо неоспоримых преимуществ (креативности, энергичности, адаптивности и др.), есть и представляющие опасность для социума недостатки: отсутствие опыта и необходимого уровня компетентности, излишняя бескомпромиссность, импульсивность, несдержанность. При этом степень опасности варьируется в зависимости от сферы деятельности – например, в сфере межнациональных отношений или внешней политики она рассматривается как более значительная, поскольку в данных областях особо необходимы самоконтроль и ответственность. Старшее поколение с его мудростью, опытом, самообладанием в состоянии «гасить максималистский пыл» молодых. Вместе с тем информанты видят и угрозы, обусловленные другой крайностью: в их ответах политики старшего возраста нередко наделяются ригидностью мышления, нехваткой жизненной энергии, страхом и нерешительностью, сложностями в коммуникации с молодежью.

В качестве потенциальной опасности воспринимаются и возрастные особенности избирателей. Участие молодежи в несанкционированных акциях объясняют в том числе спецификой возраста («у молодых людей менее трезвый, реалистичный, взгляд на вещи, чем у людей среднего и старшего возраста», «меньшая встроенность в социальные связи», бескомпромиссность, импульсивность, отсутствие страха, отсутствие жизненного опыта и ответственности за семью). Риски, связанные с преклонным возрастом избирателей, опрашиваемые усматривают в том, что их «тяжело заставить что-то делать, уже не хотят ничего менять», «они испытывают страх – им бы только свой век дожить», они меньше реагируют на ситуацию вокруг и больше придерживаются своих устоявшихся правил; кроме того, «они не всегда готовы воспринимать всерьез мнение того, кто младше их» – *Лиза, 19 лет, «индифф», Санкт-Петербург*. Оппоненты власти, кроме того, используют и такой аргумент: представители старшего поколения «держатся за свои места, чтобы по максимуму своих везде пристроить, обеспечить» – *Олег, 59 лет, «против всех», Санкт-Петербург*.

Далее, секьюритизация возраста связана с тезисом об уязвимости тех или иных возрастных групп, что в проведенном исследовании оказалось особенно востребованным при характеристике молодых людей. Мнение о том, что те больше подвержены чужому мнению и могут стать объектом политического манипулирования, разделяют даже молодые информанты. Нередко говорилось об инфантилизме молодежи в целом, не только российской («в Америке тоже молодежь пошла захватывать Капитолий» – *Денис, 44 года, лоялист, Иваново*).

Секьюритизация межпоколенческого разрыва связана в глазах информантов прежде всего с их точкой зрения по вопросу доверия старших и младших в политике и эффективности их коммуникации. Мы использовали проективные методики, предложив респондентам обсудить упомянутый предвыборный мем, содержащий призыв к молодежи «спрятать бабушкин паспорт». Этот мем предсказуемо отторгался информантами из старшего поколения. Мнение о распространенности таких взглядов в российском обществе разделяли те информанты, которые позиционировали себя приверженцами либеральной идеологии (а также, хотя и реже, представители возрастной группы «молодежь»). Большинство опрошенных видело серьезную опасность для общества и государства в самом наличии таких политических практик («может углубить недоверие между поколениями», вести «к расколу», «к нестабильности общества и государства», «к волнениям», «к радикализации молодежи»).

В чем респонденты видят причины таких взглядов? Одна часть считает подобные разногласия естественным процессом: конфликт отцов и детей вечен и неизбежен; когда дети повзрослеют, то все будет в порядке. Представители оппозиции упрекают власть в том, что она сама провоцирует возникновение недоверия между поколениями. Странники власти в качестве причины появления подобных практик называли влияние западной пропаганды или даже усилия западных спецслужб, которые целенаправленно стараются расколоть российское общество, в том числе по возрастному признаку («Пытаются расколоть, чтобы осуществить свою цель – разорвать страну и завладеть нашими ресурсами, нас поработить» – *Андрей, 37 лет, лоялист, Иваново*).

Наконец, социальные представления коррелируют с теми образами опасности, обусловленной фактором возраста, которые функционируют в публичном дискурсе, связанном с репрезентациями международных отношений. Политической элите ЕС информанты приписывают инфантильность, проявляющуюся в эгоцентризме, несамостоятельности, безответственности, в импульсивности при-

¹³ Отметим, что среднему возрасту информанты приписывали те характеристики, которые считаются атрибутами власти *per se*: самообладание, ответственность, объективность, трезвый взгляд на вещи, способность к компромиссу.

нимаемых решений («Политики Европы принимают странные, детские, невзвешенные решения; обидчивые они еще» – *Ксения, 19 лет, «индиф», Иваново*). С другой стороны, информанты использовали негативные маркеры старости, подчеркивая, что преклонный возраст президента США не только является показателем одряхления «мирового гегемона», но создает угрозы развязывания мировой войны. Заметим, в «детском» или «старческом» поведении информанты «улучали» исключительно тех политиков, деятельность которых они не одобряли.

Заключение

Подведем итоги. Образ врага – один из важных элементов символической политики, который создается за счет разнообразных ресурсов. Среди них и дискурс возраста, который помогает реализовать функции образа врага (мобилизации, укрепления коллективной идентичности, легитимации насилия, легитимации власти, предсказания победы) и генерировать прежде всего ощущение опасности, страх, а также гнев, отвращение, убежденность в собственном нравственном превосходстве над врагом, готовность уничтожить его, смех.

Потенциал использования дискурса возраста в создании исследуемого образа определяется такими чертами возрастных маркеров, как очевидность, заметность и понятность, а также апелляцией к природному, естественному характеру возрастных различий, что делает символическую границу между «своими» и «чужими» более прочной. Помимо этого, оценочность, которая содержится в репрезентациях возраста, способствует легитимации социального неравенства.

Среди аспектов секьюритизации возрастных различий – во-первых, акцентирование уязвимости определенных возрастных групп, прежде всего детей. Во-вторых, это вопрос связи поколений. Преемственность отцов и детей представляет собой необходимое условие безопасности общества, при этом в провластном дискурсе оппозиция обвиняется в стремлении расколоть социум по линии поколений (что нередко маркируется как вольная или невольная помощь внешнему врагу), а в оппозиционном – опасностью объявляется доминирование старших поколений в обществе, что обрекает его на застой. В-третьих, возрастные особенности, которые представляют собой отклонения от нормативной человечности как состояния взрослого индивида, будь то инфантильность или дряхлость, также маркируются как могущие представлять угрозу для социума.

Результаты проведенного интервью показали, что социальные представления россиян в целом коррелируют с данными тенденциями.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01414 (проект «Возраст и власть. Возрастная стереотипизация в современной российской политике», <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>) в РГПУ.

Список литературы / References

- Гудков, Л. (2005) 'Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции' в: Гудков, Л. (ред.) *Образ врага*. М.: ОГИ, 2005, сс. 7–79. [Gudkov, L. (2005) 'Ideologeme of the Enemy: Enemy as a Mass Syndrome and a Means of Sociocultural Integration [Ideologema "vrag a"]': "Vragi" kak massovyi sindrom i mehanizm sociokul'turnoi integratsii] in: Gudkov, L. (ed.). (2005) *Image of Enemy [Obraz vraga]*. Moscow: OGI, 2005, pp. 7–79. (In Russ.).]
- Денисов, А. А. (2009) 'Идентификация образа врага в политической коммуникации', *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*, 1, сс. 113–126. [Denisov, A. A. (2009) 'Identification of the images of the enemy in political communication' [Identifikatsiia obraza vraga v politicheskoi kommunikatsii], *RGU BULLETIN. Political Science. History. International Relations*, 1, pp. 113–126. (In Russ.).]
- Евгеньева, Т. В., Селезнева, А. В. (2007) 'Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи', *Полития*, 3, сс. 83–92. [Evgenyeva, T., Selezneva, A. V. (2007) 'Image of the "Enemy" as a forming instrument for national identity of contemporary Russian youth' [Obraz "vraga" kak faktor formirovaniia natsional'noi iden-

- tichnosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi], *Politeia*, 3, pp. 83–92. (In Russ.).
- Евгеньева, Т. В., Титов, В. В. (2014) ‘Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети интернет: опыт современной России’, *Информационные войны*, 4 (32), сс. 22–26. [Evgenyeva, T., Titov, V. (2014) ‘Image of the “Enemy” as a forming instrument for political identity in the Internet: the experience of contemporary Russia’ [Obraz “vraga” kak instrument formirovaniia politicheskoi identichnosti v seti Internet: opyt sovremennoi Rossii], *Information wars*, 4 (32), pp. 22–26. (In Russ.)].
- Козырев, Г. И. (2008) *«Жертва» в социально-политическом конфликте*. Москва: Экслибрис-пресс. [Kozyrev, G. I. (2008) “Victim” in social and political conflict [“Zhertva” v sotsialno-politicheskom konflikte]. Moscow: Ekslibris-press (In Russ.)].
- Кузнецова, О. А., Михайлов, Д. А. (2019) ‘Милитаризация образа врага в современном в современном российском общественно-политическом дискурсе’, *Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ*. 13 (2), сс. 17–26. [Kuznetsova, O. A., Mikhailov, D. A. (2019) Militarization of the enemy image in the modern Russian socio-political discourse [Militarizatsia obraza vraga v sovremennom rossiiskom obshchestvenno-politicheskome diskurse], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 13 (2), pp. 17–26. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-17-26.
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021) ‘Введение. Символическая политика и политика памяти’ в: Лапин, В. В., Миллер, А. И. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб.: Европейский университет, сс. 7–37. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021) ‘Introduction. Symbolic politics and politics of memory’ [Vvedenie. Simvolicheskaiia politika i politika pamiati] in: Lapin, V. V., Miller, A. I. (eds.) *Symbolic aspects of politics of memory in contemporary Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskii aspektu politiki pamiati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope]. Saint Petersburg: EU, pp. 7–37 (In Russ.)].
- Рябов, О. В. (2024) ‘Возрастной дискурс в современной политике российской идентичности’, *PolitBook*, 3, сс. 39–59. [Riabov, O. (2024) ‘The age discourse in contemporary politics of Russian identity’ [Vozrastnoi diskurs v sovremennoi politike rossiiskoi identichnosti], *PolitBook*, 3, pp. 39–59. (In Russ.)]. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-3-39-59.
- Рябов, О. В., Белов, С. И., Давыдова, О. С. Кубышкин, А. И., Рябов, Д. О., Рябова, Т. Б., Смирнов, Д. Г., Спутницкая, Н. Ю., Юдин, К. А. (2023) *«Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны*. М.: Аспект Пресс. [Riabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshkin, A. I., Riabov, D. O., Riabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaia, N. Yu., Iudin, K. A. (2023) “Enemy Number One” in Symbolic Politics of Soviet and American Cold War Cinema [“Vrag nomer odin” v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny]. Moscow: Aspekt Press, 400 p. (In Russ.)].
- Рябов, О. В., Рябова, Т. Б. (2023) ‘Связь поколений как политический символ’ в: Саралиева, З. М. (ред.) *Культурное наследие и связь поколений*. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, сс. 177–185. [Ryabov, O. V., Ryabova, T. V. (2023) ‘The connection of generations as a political symbol’ [Sviaz’ pokolenii kak politicheskii simvol] in: Saraliev, Z. M. (ed.) (2023) *Cultural heritage and connection of generations* [Kul’turnoe nasledie i sviaz’ pokolenii]. Nizhniy Novgorod: University of Nizhnii Novgorod, pp. 177–185 (In Russ.)].
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) ‘«...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике’, *Женщина в российском обществе*. 4, сс. 5–13. [Riabova, T., Riabov, O. (2020) “Not a boy, but a man”: on the gender-age stereotypes in politics [“...Slyshu rech’ ne mal’chika, no muzha”]: o gendernovozrastnykh stereotipakh v politike], *Woman in Russian Society*, 4, pp. 5–13. (In Russ.)]. DOI: 10.21064/WinRS.2020.4.1.
- Сенявский, А. С., Сенявская, Е. С. (2006) ‘Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.)’, *Вестник Пермского университета дружбы народов. Сер: История России*, 2, сс. 34–72. [Senyavskii, A. S., Senyavskaya, E. S. (2006) ‘The historical imagology and the problem of building of “the enemy’s image” (on the materials of Russian history of the XXth century)’ [Istoricheskaiia imagogiia i problema formirovaniia

- “obraza vraga” (na materialakh rossiiskoi istorii XX veka], *RUDN journal of Russian history*, 2, pp. 54–72. (In Russ.)).
- Фадеева, Л. А. (2023) ‘Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструментарий’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 17 (2), сс. 101–111. [Fadееva, L. A. (2003) ‘Securitization of Identity Politics as analytical tool’ [Sekiuritizatsia politiki identichnosti kak analiticheskii instrumentarii], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 17 (2), pp. 101–111. (In Russ.)). DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-101-111.
- Шмитт, К. (1992) ‘Понятие политического’, *Вопросы социологии*, 1992, 1, сс. 35–67. [Schmitt, K. (2009) ‘Concept of political’ [Poniatie politicheskogo], *Voprosy sotsiologii*, 1, pp. 35–67 (In Russ.)).
- Campbell, D. (1992) *Writing security: United States foreign policy and the politics of identity*. Minneapolis: Univ. of Minnesota press.
- Delori, M., Ware, V. (2019) ‘The faces of enmity in international relations. An introduction’, *Critical Military Studies*, 5 (4), pp. 299–303. DOI:10.1080/23337486.2019.1652460.
- Fettweis, C. J. (2015) ‘Misreading the Enemy’, *Survival*, 57 (5), pp. 149–172. DOI: doi:10.1080/00396338.2015.1090135.
- Frank, J. D. (1967) *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace*. New York: Vintage Books.
- Grossman, D. (1996) *On killing: the psychological cost of learning to kill in war and society*. Boston: Little, Brown.
- Harle, V. (2000) *The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport: Praeger Publishers.
- Haslam, N. (2006) ‘Dehumanization: An Integrative Review’, *Personality and Social Psychology Review*, 10 (3), pp. 252–264. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_4.
- Keen, S. (1986) *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco: Harper & Row.
- Oppenheimer, L. (2006) ‘The Development of Enemy Images: A Theoretical Contribution’, *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2 (3), pp. 269–292. DOI: 10.1207/s15327949pac1203_4.
- Riabov, O., Riabova, T., Kleshchenko, L. (2022). ‘“Save the Children!”: The Symbol of Childhood and (De)Legitimation of Power in Russian Protests 2017–2021’, *Region. Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2, pp. 235–252. DOI: 10.1353/reg.2022.0014.
- Rieber, R. W., Kelly, R. J. (1991) ‘Substance and shadow: Images of the enemy’ in Rieber, R. W. (ed). *Psychology of war and peace: The image of the enemy*. Boston: Springer Publ., pp. 3–39.
- Sion, L. (2016) ‘Enemy Making’ in Paul Joseph (ed). *The SAGE Encyclopedia of War: Social Science Perspectives*. SAGE, pp. 560–562.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

"HIDE YOUR GRANDMOTHER'S PASSPORT!": AGE DISCOURSE AS A RESOURCE FOR CONSTRUCTING THE IMAGE OF THE ENEMY

O. Riabov, T. Riabova

Oleg Riabov, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: riabov1@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-5944-9668).

Tatiana Riabova, Doctor of Sociology, Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: riabova2001@inbox.ru (ORCID: 0000-0001-5270-7911).

Abstract

The article is the first to address the discourse of age as a resource for constructing the image of the enemy. It is based on the Russian government's official statements, politicians' comments and the country's leading media sources, as well the authors' sociological research. The first part of the paper examines approaches to

the analysis of the image of the enemy, its essential characteristics and the emotions it is intended to evoke. In the second section, the authors show that the political potential of the discourse of age stems from the ability to employ it in drawing external and internal symbolic boundaries and in legitimising social inequality. The third part examines how age differences are used in politics. It looks at two periods: the rally activity of 2017–2021 and the confrontation with the "collective West" in the context of the Special military operation. Next, the authors demonstrate that the discourse of age contributes to the realization of the functions of the enemy image, the strengthening of collective identity, the legitimation of violence, power and socio-political order, and the prediction of victory. Finally, the article examines the extent to which the age markers correlate with the images of the enemy that function in the social views of contemporary Russians.

Keywords: the image of the enemy; the discourse of age; securitization; political mobilization; age and politics; social views; Russian politics.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01414 (project "Age and power. Age stereotyping in contemporary Russian politics" <https://rscf.ru/project/23-28-01414/>) at Herzen State Pedagogical University of Russia.

Обзоры и рецензии

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-178-181

**РАЗНООБРАЗИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. МАЛАХОВА «ПОЛИТИКА РАЗЛИЧИЙ.
КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ».
М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2023**

Е. Ю. Цумарова

Цумарова Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований,

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

Аннотация

В рецензии рассмотрена книга Владимира Малахова «Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность» (М.: Новое литературное обозрение, 2023). На основе текстов разных лет и разных жанров автор демонстрирует существующие подходы к управлению культурным разнообразием, сложившиеся в современном мире. Особое внимание в книге уделяется особенностям культурного разнообразия в России. Работа будет интересна всем, кто интересуется проблемами культурных различий, и кто хотел бы расширить свои знания о практиках их формирования и поддержания.

Ключевые слова: политика различий; культурное разнообразие; идентичность; религия; нация; этничность; Россия; ЕС; США.

Проблема культурных различий в современном мире приобретает новое звучание. Рост популярности правых партий в Европе, активизация радикального ислама в разных частях мира, обострение межнациональных отношений на постсоветском пространстве – все это актуализирует вопросы управления разнообразием в самых разных его проявлениях. Рецензируемая книга Владимира Малахова посвящена анализу политических аспектов культурного разнообразия. Как пишет автор в кратком предисловии, предмет книги – «не столько культурные различия как таковые, сколько их политическое использование... ситуации, благодаря которым различия оказываются общественно значимыми или, напротив, нерелевантными» (с. 7).

Сама книга представляет собой сборник текстов автора разных лет и разных жанров¹, объединенных общей рамкой культурного разнообразия. С одной стороны, это позволяет представить достаточно широкую палитру тем, связанных с этническим, расовым, религиозным разнообразием на европейском континенте, включая Россию, и в Северной Америке. С другой – создает некоторую разноголосицу, которая не всегда способствует точному донесению авторских идей. Переключение регистров с научных статей до интервью и публикаций в средствах массовой информации может сбивать читателя, особенно если он только знакомится с темой политики различий.

Еще одна сложность в работе с книгой связана с отсутствием введения или заключительной части, концептуально связывающей все включенные тексты. Автор ограничился лишь коротким предисловием, обозначающим задачу книги, но не обосновывающим, например, именно такой порядок текстов или такой выбор тем. Из-за этого в ряде текстов, в частности третьего раздела, посвященного религиозному разнообразию (а по сути, влиянию ислама на политические процессы в Европе и России), встречаются повторы, которых можно было бы избежать.

В то же время общая концептуальная основа книги достаточно очевидна. На протяжении всей книги автор последовательно оспаривает эссенциалистское понимание культурных различий (этнических, расовых или религиозных), продвигая конструктивистский взгляд на формирование сообществ.

© Цумарова Е. Ю., 2024

¹ В книге можно найти и научные статьи, и публикации в средствах массовой информации, и послесловия к книгам, и интервью.

Так, например, в тексте «От сообществ к пространству: исследуя изменения городской среды под влиянием миграций» В. Малахов представляет обзор исследований миграций именно с позиции конструктивистского поворота. Отталкиваясь от идеи преодоления методологического национализма А. Виммера и Н. Глик-Шиллер, автор показывает, как российские исследователи миграции используют теории повседневности и жизненного мира для описания практик взаимодействия «местных жителей» с мигрантами в различных контекстах (базар, мигрантская инфраструктура, мигрантский бизнес и пр.). И хотя все приводимые исследования основываются на рассмотрении сообществ как результата социального взаимодействия, в конце текста В. Малахов подчеркивает, что «среди российских специалистов есть и те, кто явно стоит на эссенциалистских позициях, и те, кто придерживается их неявно, и те, для кого конструктивистская риторика есть не более чем дань моде» (с. 48). К сожалению, автор не приводит примеров таких исследований.

Феномен миграции является еще одним важным связующим звеном практически всех представленных текстов. Миграция рассматривается как одна из причин культурной диверсификации, требующей политического решения. Интересными в этой связи представляются тезисы В. Малахова, приведенные в тексте «От идеалов ассимиляции к идеалам культурного разнообразия и обратно, или превратности “мультикультурализма”». В частности, автор связывает рост популярности риторики мультикультурализма после Второй мировой войны с «недоверием государству как таковому и к государству как машине гомогенизации в частности» (с. 9). Важными условиями формирования представлений о значимости культурных различий, по мнению автора, стали проблемы сепаратизма в Канаде, расовой сегрегации в США, а также нехватки рабочей силы и необходимости включения мигрантов в социальную жизнь в Европе. При этом В. Малахов подчеркивает, что, за исключением Канады и Австралии, мультикультурализм оставался исключительно риторикой, не воплощающейся в конкретных политических решениях. Однако уже к 2000-м гг. запрос на культурное разнообразие сменился запросом на культурную гомогенность, что В. Малахов связывает с переходом к неолиберальной модели экономики, которая связана с глорификацией Различия и «нечувствительностью правящих элит к проблематике (социального) Неравенства» (с. 13). Соответственно, рост ультраправых движений в Европе связывается с попыткой оспорить гегемонию либерализма и вернуть более справедливое распределение благ.

Еще один любопытный поворот тематики институционализации различий в книге связан с размышлениями автора по поводу книг Майкла Манна «Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток» и Аладдина Эль Мафаалани «Парадокс интеграции. Почему успешная интеграция ведет к еще большей конфликтности». В частности, В. Малахов уточняет тезис М. Манна о природе массового этнического насилия, подчеркивая, что во всех приводимых М. Манном примерах речь идет не столько о демократии как об устойчивом типе политического устройства, сколько о демократизации – преимущественно неудачной попытке эту демократию установить. Соответственно, правила игры в демократиях скорее способствуют институционализации конфликтов, тогда как в недемократических государствах отсутствие таких механизмов создает условия для геноцида. А в тексте, посвященном книге Эль-Мафаалани, показано, как миграционные процессы формируют новый политический контекст, в котором главным становятся конфликты признания – борьба прежде дискриминируемых (культурных) сообществ за право быть видимыми, репрезентируемыми и равными.

Влиянию массовой миграции на политический ландшафт европейских государств посвящены два текста в третьей части книги. Отказываясь от использования категории «мигранты», В. Малахов предлагает неологизм «аллохтоны» в качестве контрагента «автохтонов» (с. 73). Такое изменение категориального аппарата, с одной стороны, позволяет автору избежать эссенциалистского понимания мигрантов как единой группы, а с другой – несколько снизить эмоциональную нагрузку с используемых терминов. Примечательно при этом, что в тексте «Интеграция как ощущение: мигранты неевропейского происхождения в Европе» автор уже отказывается от употребления новых категорий. Выводы же обоих текстов в целом дополняют друг друга: мигранты (аллохтоны) рассматриваются как социально конструируемая, внутренне неоднородная группа. При этом их политические предпочтения и ценности в целом сопоставимы с консервативной частью принимающего сообщества (автохтонов), а значительная часть мигрантов «довольно успешно инкорпорируется в социальные институты принимающих стран» (с. 82), что преимущественно определяется «ощущениями – как их самих, так и местного населения» (с. 102).

Несколько в стороне от основных сюжетов книги, но, конечно, связанными с политикой различий являются два научно-популярных текста о расе, первый из которых – «Путеводитель по расиз-

му» – представляет собой публикацию в СМИ, а второй – «Расизм без рас» – ответы на вопросы¹. Специфика такого рода материалов не позволяет глубоко погрузиться в тему, однако и здесь Владимир Малахов подчеркивает конструктивистскую природу расы, которая является не аналитическим, а практическим понятием (с. 64). Раса как категория практики возникает в социальном взаимодействии, опосредованном социальными и политическими институтами. Действительно, цвет кожи или другие характеристики внешности начинают иметь значение только тогда, когда помещаются в определенную конфигурацию властных отношений. При этом В. Малахов отмечает, что в современном мире появляется «расизм без расы», где вместо расы появляются «культурные коды» и «цивилизации», «границы между группами (становятся) непреодолимы, а те, кто пытается их преодолеть, ставят под угрозу общественный порядок и общественное спокойствие» (с. 68–69).

Безусловно, наибольший интерес в книге вызывают сюжеты, связанные с анализом культурного разнообразия в России. Этой теме посвящены как специальные тексты, так и отдельные размышления в большинстве приведенных в книге материалов. В частности, заслуживает внимания исторический экскурс о разнообразии в имперский, советский и постсоветский периоды российской государственности. Так, В. Малахов рассматривает разнообразие Российской империи как естественное, характерное для всех государств такого типа. Кроме того, у властей не было программы культурной гомогенизации населения, а попытки русификации оставались частичными и не охватывали все население империи. Советский период автор называет периодом вынужденного разнообразия, связанного, с одной стороны, с институционализацией этничности как политики коммунистов периода коренизации и политики доверия кадрам, а с другой – с социальной инженерией по созданию советского народа и культурной унификацией. Наконец, современное состояние В. Малахов обозначает как разнообразие оспариваемое. При этом агентами этого оспаривания автор называет как русских националистов, так и общественные умонастроения и представителей академического сообщества, отрицающих существование российской нации. Сам автор убежден в наличии российской культуры как результата «взаимной аккультурации ... различных этнокультурных сообществ в течение имперского и советского периодов» (с. 35). В то же время в заключении этого текста В. Малахов формулирует достаточно сильный тезис о том, что «значительной части сегодняшних российских элит, равно как и большинству простых граждан, свойственна некая ассимиляционистская одержимость» (с. 38), однако не приводит никаких оснований в его поддержку.

Особенности культурного разнообразия в современной России, по мнению В. Малахова, связаны с несколькими сюжетами. Во-первых, имперское прошлое сделало Россию «в гораздо большей мере полиэтничной (многонациональной), чем даже самые неоднородные в этническом отношении европейские государства» (с. 82). При этом значительное число мигрантов (по данным автора, пять шестых) представляют республики бывшего Советского Союза и являются носителями общего культурного кода. В связи с этим главную задачу миграционной политики В. Малахов видит не столько в интеграции «приезжих из ближнего зарубежья, а в том, как не дезинтегрировать тех из них, кто... успел пустить в России корни» (с. 90). Сложность этой задачи заключается в том, что, с одной стороны, мигранты предпочитают избегать публичной саморепрезентации, а с другой – российскому обществу, по мнению В. Малахова, «свойственна своего рода мечта об апартеиде», при котором мигранты заведомо ущемлены как минимум в культурных правах (с. 92). С тезисом о высоком уровне нетерпимости к представителям других культур в России, казалось бы, сложно спорить, однако и он нуждается в подкреплении данными опросов общественного мнения, других исследований и пр.

Второй сюжет связан с разнообразием религиозным. Как отмечает автор, в отличие от европейских государств, где распространение ислама связано с миграцией, ислам в России является одной из традиционных религий. Соответственно, и отношение к мусульманам в России рассматривается в контексте многонационального характера российского государства, где традиционный ислам воспринимается как лояльный власти, в отличие от нетрадиционного (зарубежного), который маркируется как экстремистский. Вместе с тем В. Малахов подчеркивает разделение культурного пространства в России между православием и исламом, между которыми действует неформальный «пакт о невмешательстве» (с. 118, 130), а государство выступает в роли своего рода арбитра, осуществляющего патронаж в условиях управляемого плюрализма (с. 128).

Наконец, еще один сюжет связан с процессами национального строительства в постсоветской России. Как отмечает В. Малахов, несмотря на наличие общей российской культуры, идентификации «через “россиян” не случилось» (с. 61). В связи с чем в публичном пространстве стало возникать

¹ При этом автор не указывает ни интервьюера, ни дату проведения интервью.

множество идеологических трактовок, определяющих принадлежность (или исключенность) к национальному сообществу через категорию «русский» (имперский, цивилизационный, этнический нарративы). Эти, безусловно, важные идеи автора, к сожалению, не были в должной мере раскрыты в книге, что отчасти обусловлено форматом представленного текста (неопубликованное интервью).

Книга Владимира Малахова позволяет взглянуть на проблему культурного разнообразия под достаточно широким углом, показывая общее и отличительное в подходах к управлению разнообразием в разных странах мира. Кроме того, она обращает внимание читателя на конструируемую природу различий, что, на наш взгляд, является крайне важным напоминанием о значимости используемого языка в публичной риторике. Мы бы рекомендовали прочесть эту книгу всем, кому интересна тема культурного разнообразия и кто хотел бы глубже разобраться в том, как оно создается и поддерживается.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2024

Статья принята к печати: 30.10.2024

**DIVERSITY AS A POLITICAL PROBLEM. REVIEW OF THE BOOK BY V. MALAKHOV
POLITICS OF DIFFERENCE. CULTURAL PLURALISM AND IDENTITY.
M.: NEW LITERARY OBSERVER, 2023**

E. Tsumarova

Elena Tsumarova, PhD in Political Science, Associate Professor,
North-West Institute of Management RANEPА, Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

Abstract

The review considers Vladimir Malakhov's book 'The Politics of Difference. Cultural Pluralism and Identity' (Moscow: New Literary Review, 2023). On the basis of texts from different years and different genres, the author demonstrates the existing approaches to the management of cultural diversity that have developed in the modern world. The book pays special attention to the peculiarities of cultural diversity in Russia. The work will be of interest to all those who are interested in the problems of cultural differences and who would like to expand their knowledge about the practices of their creation and maintenance.

Keywords: politics of difference; cultural diversity; identity; religion; nation; ethnicity; Russia; EU; USA.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжаться нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol. 1, Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epochu] Moskva: Izdatel'skij dom

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, end-notes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and bottom – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2024. Том 18. № 4

Bulletin of Perm University.
Political Science
2024. Vol. 18. № 4

Научное издание

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Е. Б. Денисова*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 20.12.2024
Выход в свет 25.12.2024
Формат 60х84/8. Усл. печ. 21,86
Тираж 500 экз. Заказ 157

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006

